

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 3 (13)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 3 (13)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 3 (13)

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)
Виктория Юрьевна Попова (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская
высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)
Victoria Popova (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas
branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and
Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroeov, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- А.Ф. Строев.* Неизвестные сценарии Евгения Замятина..... 8
Е. Замятин. Бич Божий; Владыка Азии; Иван Грозный; Принцесса Ванина

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- В.И. Мозалевский.* Тропинки, пути, встречи (окончание).
Подготовка текста и комментарии А.Л. Соболева..... 71
- А.В. Лавров.* «Не продается вдохновенье...»:
Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве..... 109
- О.Ф. Кузнецова.* «В Россию — ветром — строчки занесет...»:
К 110-летию со дня рождения Игоря Чиннова..... 124

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- А.И. Рейтблат.* К социологии литературного скандала..... 161

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- К.Ю. Лаппо-Данилевский.* Поэтика дружеских посланий Н.А. Львова..... 183
- А.Л. Рычков.* «Бог есть всё. Всё становится Богом»:
Религиозно-философское кредо «раннего» Владимира Соловьева
и его первые читатели..... 223
Вл. Соловьев. Бог есть всё. Всё становится Богом
- Ю.А. Рыкунина.* «Это была шутка»:
об одной скандальной публикации З.Н. Гиппиус в «Северных цветах»..... 250
- О.В. Шальгина.* «Золотые головы» в драматургии М. Цветаевой
и ее несостоявшийся перевод драмы П. Клоделя «Златоглавый»..... 270
- Р.Д. Тименчик.* Заметки комментатора. 10. Из лжебиографий Ахматовой..... 290

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- Н.А. Богомолов.* «Но строк постыдных не смываю...»:
1949 год в жизни И.Н. Розанова..... 303

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева.* Библиография переводов
произведений Сергея Есенина (1920–1927)..... 341

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

- Alexander Stroev*. Unknown movie scripts by Yevgeny Zamyatin 8
Yevgeny Zamyatin. Scourge of God; Lord of Asia; Ivan the Terrible; Princess Vanina

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

- Viktor Mozalevsky*. Paths, ways, encounters (conclusion).
Editing and commentaries by Alexander Sobolev 71
- Alexander Lavrov*. “Inspiration is not for sale...”:
Dmitry Merezhkovsky’s letters to Petr Struve 109
- Olga Kuznetsova*. “To Russia — with the wind — the lines will come...”:
To the 110th anniversary of Igor Chinnov 124

LITERARY SOCIOLOGY

- Abram Reitblat*. On the sociology of literary scandal 161

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

- Konstantin Lappo-Danilevskii*. Poetics of Nikolay Lvov’s friendly epistles 183
- Alexander Rychkov*. “God is All. All Becomes God”:
Religious and philosophical creed of “early” Vladimir Solovyov
and its first readers 223
- Vladimir Solovyov*. God is All. All Becomes God
- Yulia Rykunina*. “It was a joke”: On Zinaida Gippius’ scandalous publication
in “Severnye tsvety” 250
- Olga Shalygina*. “Golden heads” in Marina Tsvetaeva’s dramatic works
and her unfulfilled translation of Paul Claudel’s “Tête d’or” 270
- Roman Timenchik*. Notes of a commentator. 10. From false biographies
of Akhmatova 290

FROM THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

- Nikolay Bogomolov*. “But I don’t wash away the shameful lines...”:
1949 in Ivan Rozanov’s life 303

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

- Sergei Subbotin, Natalia Shubnikova-Guseva*. Bibliography of translations
of works by Sergey Yesenin (1920–1927) 341

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-8-70
УДК 821.161.1

Неизвестные сценарии Евгения Замятина

© 2019, А.Ф. Строев

Аннотация: Публикация четырех неизвестных сценариев Евгения Замятина 1934–1936 гг., хранящихся во Франции: «Бич Божий» (переработка пьесы Замятина «Атилла»), «Владыка Азии» (измененный и расширенный вариант сценария «Чингиз-хан»), «Иван Грозный» и «Принцесса Ванина» (инсценировка новеллы Стендаля). Статья анализирует сценарии в контексте творчества Замятина и литературы Серебряного века. Они построены на постоянных лейтмотивах (поцелуй / отравы, любовь / поединок, страсть / власть) и могут рассматриваться как единый текст. В центре событий находится сильная женщина, покоряющая слабых мужчин и вступающая в противоборство с властителем. Сюжет обретает форму «змеиного мифа»: змея-искусительница понуждает к бунту, несет смерть государю. За любовным конфликтом сценариев стоят историко-философские концепции писателя, политические аллюзии и, возможно, мистические мотивы.

Ключевые слова: Е.И. Замятин, сценарии, «Мы», Иван Грозный, Тамерлан, Стендаль, Атилла, литература Серебряного века, «змеиный миф», Вяч.И. Иванов, Ф. Сологуб, «Фауст» Гёте.

Информация об авторе: Александр Федорович Строев, д.ф.н., Университет Новая Сорбонна — Париж 3, Париж, Франция. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Цитирование: *Строев А.Ф.* Неизвестные сценарии Евгения Замятина // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 8–70. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-8-70

Основная часть сценариев Замятина, не опубликованных при его жизни, включая черновые наброски и варианты, собрана и напечатана в 4 томе его собрания сочинений¹. Издатели использовали машинописные копии, сохранившиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Однако личные архивы писателя остались в Париже у его вдовы. Сорок лет назад их подробно описала Дагмара Хобцова². В настоящее время эти документы находятся в университетской библиотеке Нантера (восемь картонных коробок, 230 ед. хр.)³. В 2012 г. Татьяна Никитина использовала их для своей дипломной работы в Университете Новая Сорбонна — Париж 3 (1 год магистратуры). Среди прочего она нашла в библиотеке четыре неопубликованные сценарные заявки Замятина, написанные в конце жизни писателя, в 1934–1936 гг.: «Бич Божий», «Владыка Азии», «Иван Грозный» и «Принцесса Ванина» (инсценировка новеллы Стендаля). «Бич Божий» — переработка пьесы Замятина «Атилла»⁴ (1928). «Владыка Азии» — измененный и расширенный вариант сценария «Чингиз-хан», с заменой Чингиз-хана на Тимура (Гамерлана).

К теме «Замятин и кино» обращались многие исследователи⁵. Мне уже приходилось писать об инсценировке новеллы «Ванина Ванини»⁶, и в данной статье я развиваю намеченные ранее темы.

С момента своего появления кино активно использует литературные произведения. В 1920–1930 гг. оно, как магнит, притягивает многих писателей. Это и деньги, и слава. В Советском Союзе Замятин написал два сценария по своим новеллам, а в эмиграции изготовил дюжину сценарных заявок для французских и американских режиссеров. Писатель сочинял оригинальные тексты, перерабатывал для экрана свои творения («Мы», «Сибирь», «Атилла»), русские и французские романы, повести, пьесы (И. Тургенев, Л. Толстой, Н. Гоголь, А. Толстой, М. Горький, А. Пушкин,

¹ *Замятин Е.И.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 2010.

² *Hobzova D.* Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1972. № 3. P. 232–285.

³ Université Paris Nanterre. La contemporaine. Archives. Fonds particuliers. Evgueni Zamiatine. F delta res 0614. 8 cartons. А. Галушкин составил в 2012 г. аннотированный каталог парижского архива Замятина, оставшийся неопубликованным.

⁴ Историческое лицо пишется иначе: Аттила.

⁵ *Харви Б.* Евгений Замятин — сценарист // *Киноведческие записки*. 2001. № 53. С. 97–107 (URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/739/>; дата обращения: 07.06.2019); *Нусинова Н.И.* Когда мы в Россию вернемся... Русское кинематографическое зарубежье. 1918–1939. М., 2003; *Янгиров Р.М.* «Рабы Немого»: Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М., 2007; *Янгиров Р.М.* Хроника кинематографической жизни русского зарубежья: В 2 т. М., 2010; *Heller L.* Universelle russité: *Les Bas-fonds*, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 196–211.

⁶ *Строев А., Никитина Т.* Замятин и Стендаль: неопубликованный сценарий «Принцесса Ванина» // *Литература и идеология. Век XX*. М., 2016. С. 75–84; *Stroev A., Nikitina T.* Zamiatine adaptateur de Stendhal: scénario inédit “La princesse Vanina” (1936) // *Lectures et lecteurs de Stendhal*. Paris, 2019. P. 255–261.

Э. де Гонкур, Стендаль). Замятин мечтал покорить Голливуд, встречался и переписывался с режиссером Сесилем Б. Демиллем, посылал ему сценарии в переводе на английский. Тщетно. Лишь два проекта реализовались во Франции, и именно те, где писатель играл вторую роль: фильм Жана Ренуара «На дне» (1936; сценарий Е. Замятина и Ж. Компанеца⁷, диалоги Ш. Спака и Ж. Ренуара) и «Пиковая дама» Федора Оцепа (1937), где Замятин, видимо, участвовал в качестве консультанта при подготовке сценария.

Сразу определим жанр публикуемых текстов: это сценарные заявки, краткое изложение («экспозэ», «экспозэ сценария», «синопсис», как пишет Замятин). Только сюжет, без диалогов (они пишутся на следующем этапе). Жанр этот соответствует творческим принципам писателя, который, по его словам, активно использует в прозе кинематографические приемы⁸.

Сценарная заявка — рабочий материал, который может и должен меняться, подстраиваться под требования и вкусы режиссеров и продюсеров. В машинопись сценария «Принцесса Ванина» (1936) Замятин вносит карандашную правку, добавляя счастливый конец. Он переделывает повесть Стендаля так же, как роман «Мы»: в сценарии «Д-503» (1932) в финале рушится Зеленая Стена, героиня I-310 жива, и восстание еще может победить.

Похоже, что Замятин в сценариях 1930-х гг. остается верен эстетике немного кино, столь ценимой в России, тогда как в Европе и Америке уже восторжествовало звуковое кино. И поэтому, возможно, их отвергают на Западе. Сценарии напоминают авантюрные романы: стремительное действие, множество событий, беспрестанные смертельные угрозы, сменяющие одна другую, покушения, переодевания, неожиданные развязки.

Тем яснее проявляются в сценариях лейтмотивы творчества Замятина. Они беспрестанно варьируются в оригинальных произведениях и в инсценировках чужих, вне зависимости от жанра, времени (далекое прошлое, настоящее или далекое будущее) и места действия (Россия, Азия, Европа). Сценарии можно рассматривать как единый текст с четкой проблематикой и сюжетом, разыгрывающимся в разных регистрах, с повторяющимися ситуациями и действующими лицами.

Как писали многие исследователи, в произведениях Замятина действие строится как реальное и символическое противостояние двух начал: мужское / женское (Адам / Ева), рациональное / эмоциональное,

⁷ Сценарий «На дне» (машинопись, рукописные заметки) хранится в Национальной библиотеке Франции: BnF. Département des Arts du spectacle 4-Mu-1266 (104 feuillets).

⁸ Харви Б. Евгений Замятин — сценарист.

культура / природа, энтропия / энергия, Фауст / Мефистофель, Рай / Искушитель, Запад / Восток (Рим / скифы, гунны), правитель / бунтарь⁹. Как правило, писатель использует в произведении большую часть этих оппозиций с тем, чтобы через одно противостояние просматривалось другое. Любовный конфликт предстает как политический (утопия, революция), как развитие евразийских идей и научных, мистических (символистских и теософских) и литературных (в первую очередь, в романе «Мы»). В полемических статьях Замятин в той же системе понятий противопоставляет Петербург и Москву¹⁰, описывает современную литературную¹¹ и политическую ситуацию, отводя себе роль скифа, бунтаря, еретика¹².

Полюса постоянно притягиваются и отталкиваются. Конфликт развивается по принципу любви — ненависти (*Odi et amo*), влечения — желания убить (Эрос / Танатос), будь то революция или война полов, битва порядка (утопии) и хаоса (дьявольского, творческого начала), цивилизации и варваров. В 1920 г. в статье «Завтра» Замятин мечтает о диалектике истории:

Вчера был царь и были рабы, сегодня — нет царя, но остались рабы, завтра будут только цари. Мы идем во имя завтрашнего свободного человека — царя. Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра — принесет освобождение личности во имя человека¹³.

Однако сама лексика отсылает не только к логике «Интернационала», но и к державинской формуле «Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!». Написанный в том же году роман «Мы» показывает, что именно несет «светлое будущее».

Замятинские дихотомии порождают двойственных персонажей, колеблющихся между двумя полюсами. Происходит обмен ролей, гендерных и социальных, зачастую подчеркнутый переодеванием.

Повторяющиеся темы, образы, сравнения настолько навязчивы, что впору говорить о страхах, фобиях и фантазмах не только персонажей

⁹ Давыдова Т.Т. Фаустовская коллизия в романе Евгения Замятина «Мы» // Гете в русской культуре XX века. М., 2004. С. 128–143; Давыдова Т.Т. «Мы» Е. Замятина — роман-антиутопия // Е.И. Замятин: Pro et contra. СПб., 2014. С. 380–403; Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М., 2008.

¹⁰ «Москва — Петербург» (1933).

¹¹ «Скифы ли?» (1918), «О литературе, революции, энтропии и прочем» (1923), «Рай» (1921).

¹² «Завтра» (1919–1920), «Беседы еретика» (1919).

¹³ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 114.

(Замятин в духе Фрейда анализирует подсознание Д-503), но и автора¹⁴. Они подпитывают его литературную и историософскую мифологию.

Тема предателя и героя

Рассмотрим две темы, принципиально важные для публикуемых сценариев и для романа «Мы», темы предателя и героя (если воспользоваться формулой Борхеса) и сильной женщины. Действия этих персонажей определяют интригу. В романе «Мы» эту роль играет S-4711, член Бюро Хранителей (политического сыска) и заговорщик (его прототип — Азеф). Из сценария «Д-503» S-4711 исчезает, и предателем становится герой: «I-330 уверена, что выдал их Д-503», «он помимо своей воли был действительным виновником неудачи заговора, потому что все драматические перипетии последних дней он записывал в дневник». А после операции «он спокойно является к “Благодетелю” и рассказывает ему всё, что знает о заговоре и об участии в нем I-330»¹⁵.

В сценарии «Принцесса Ванина» в предательстве подозревают героя, но не он, а его возлюбленная играет роль спасительницы и губительницы, выдает заговорщиков. Замятин меняет финал повести Стендаля и добавляет новую сцену: суд карбонариев над Пиетро¹⁶, с троекратным перевертыванием ситуации, опять-таки заставляет вспомнить о партийных судах над двурушниками, народовольцами, эсерами, большевиками. Аллюзия усиливается использованием слова «партия», которого нет во французском тексте. Замятин перепутал похожие слова: “la Patrie” (Родина), “la partie” (игра, карточная партия; часть), “le parti” (политическая партия). У Стендаля Пиетро с горечью восклицает: “Ah! si celle affaire-ci ne réussit pas, si le gouvernement la découvre encore, je quitte la partie” («Ах, если этот заговор не удастся, если и его правительство раскроет, я выхожу из игры»). Переводчица Н. Немчинова перепутала игру и родину: «Ах, если нас опять постигнет неудача, если и этот заговор раскроют, я уеду из Италии!»¹⁷ В сценарии Замятина: «Если это восстание не удастся, если в нашей среде и на этот раз найдутся предатели — я выйду из партии». У французского писателя Пиетро говорит о родине: «Я люблю

¹⁴ «Такие укромные углы есть в душе у каждого из нас. Я (бессознательно) вытаскиваю оттуда еле заметных пауков, откармливаю их, и они постепенно вырастают в моих мистеров Краггсов, Азанчевых, викариев Дьюли, строителей Д-503. Это — нечто вроде фрейдовского метода лечения, когда врач заставляет пациента исповедаться, выбрасывать из себя все “задержанные эмоции» (Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 595).

¹⁵ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 4. С. 40–41.

¹⁶ У Стендаля — Пиетро, у Замятина — Пиетро.

¹⁷ Я использовал классический перевод, доступный в интернете (URL: http://lib.ru/INOOLD/STENDAL/vanina.txt_Ascii.txt; дата обращения: 07.06.2019).

вас страстно, — сказал он, — но я бедняк и я слуга своей родины» (пер. Н. Немчиновой), а Замятин добавляет партию: «он вынужден отказаться от счастья, которое ему предлагает Ванина: его жизнь принадлежит родине, партии, борющейся за освобождение отечества от ига чужеземцев». Во французском языке «партия» мужского рода, в русском — женского, и поэтому в сценарии Ванина постоянно «ревнует Пиетро — к партии» («Бешеный гнев вспыхивает в ней против “партии”, отнимающей у нее Пиетро, и против него самого»), а в повести Стендаля — к родине. Тем самым сценарий превратился в конфликт между любовной страстью и любовью к партии и ее вождю в духе романа «Мы» или произведений социалистического реализма.

Сходный эпизод суда с перевертыванием ситуации «обвиняемый / обвинитель» Замятин использует в сценарии «Владыка Азии». Тимура арестовывают и судят за то, что силой забрал обратно жену, а он в ответ «открывает весь подслушанный им заговор Алтана против суверена Кучар-хана»¹⁸. В этой сцене он одновременно уничтожает конкурентов в борьбе за власть и получает важного союзника.

В трагедии «Атилла» и в сценарии «Бич Божий» роль кровавого провокатора играет хун Едекон. «Притворно согласившийся помочь Вигиле, [он] открывает Атилле, что этот римский посол, по тайному приказу императора, должен сейчас, во время приема, убить Атилла. Сдержав свою ярость, Атилла продолжает прием, чтобы изобличить Вигилу на деле, во время самого покушения. Это удастся». Воспользовавшись провокацией, Атилла в отместку «объявляет поход на Европу». А в сценарии «Владыка Азии» Тимур, завоевав Китай, направляет войска на Запад.

В сценарии «Владыка Азии» Тимур предстает в двух ипостасях: молодой герой, обладающий мистической силой, и правитель. Его двойственность подчеркивается переодеванием: перед китайским императором и его дочерью он предстает в роли посла от самого себя. Роман «Бич Божий» описывает отрочество Атиллы, а пьеса и сценарий — пик его могущества.

В сценарии «Иван Грозный» действие развивается от начала правления до кончины царя. События описываются с точки зрения властелина («Благодетеля»), а не бунтарей. Заговорщики-предатели пытаются застрелить, отравить государя¹⁹, губят его молодую жену. С помощью «волшебного фонаря» он выводит их на чистую воду (Замятин использует прием «фильма в фильме»). Именно преступления и коварство врагов

¹⁸ См. публикуемые ниже сценарии.

¹⁹ До этого Замятин использовал тему беспрестанных покушений на царя и его незаконной любви в сценарии про Александра II «Царь в плену», посланном в 1935 г. в Америку вместе со сценарием «Бич Божий».

делают царя Грозным, заставляют создать опричнину и карать измену. В этом новом облике царь постоянно переворачивает роли, унижается и скоморошествует на крови.

Тема противостояния Востока и Запада не исчезла: Грозный сравнивает себя с Нероном, сжегшим Рим, собирается жениться на английской принцессе.

Когда Замятин в 1920-е гг. задумывал «Атиллу» и роман «Бич Божий», евразийский миф соединялся с размышлениями о мировой войне и русской революции, о возможном экспорте революции в Европу. Возможно, что Замятин ассоциирует ницшеанских, дионисийских героев своих сценариев 1930-х гг. — Тимура, Атиллу, Ивана Грозного — со Сталиным. Переключка с современностью усиливается лексикой: «эмигрант», «рискованная диверсия», «демократичен». Излишне напоминать о том, что Сталин считал себя преемником начинаний Ивана Грозного и Петра I, о типологическом сходстве их характеров, судеб и окружающих их легенд²⁰, о множестве советских романов и пьес, посвященных этим двум царям в 1930-е гг., в преддверии юбилея вождя. «Да и могло ли быть иначе, когда самый крупный из новых исторических романов — “Петр Первый” А. Толстого — получил одобрение не кого иного, как Сталина?» — пишет Замятин в статье “Lettres russes II” (1935)²¹.

Однако, может быть, Замятин думал и о фашистской угрозе, когда сравнивал поход на Францию Атилы и «сражения мировой войны», вводил в сценарий «Владыка Азии» пародийную сцену заседания средневековой «Лиги наций». В сценарии попытка объединиться против монгольского нашествия кончается пшиком. Присоединение Австрии и захват Чехии, Мюнхенское соглашение произойдут уже после смерти писателя.

Роковая женщина

В произведениях Замятина переплетаются два сюжета: борьба за власть и любовный поединок. Сильная женщина нарушает социальный порядок, соперничает с мужчинами, подчиняет их, мучает, убивает. Разумеется, сюжет не новый, восходящий к Античности, ставший особенно популярным во второй половине XIX в. (в сценарии «Вешние воды» по роману И. Тургенева Полозова обращает мужчин в рабство). Разумеется,

²⁰ Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. К 70-летию Д.С. Лихачева. М., 1976. С. 286–291.

²¹ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 4. С. 363. Сценарий фильма «Петр I», который Замятин написал в 1935 г. по роману Алексея Толстого, не сохранился.

уже в пьесах Аристофана он получал политическую трактовку. Замятин принципиально усиливает ее, соединяя с мистической.

В романе «Мы» за любовь Д-503 и за Интеграл сражаются Благодетель и демоническая I-310, которая соблазняет всех мужчин (поэта R, сыщика S, врача, других заговорщиков) и затмевает соперницу, O-90. В сценариях «Бич Божий», «Владыка Азии», «Иван Грозный» силу героинь — Ильдегонды, Улек, Василисы — оттеняют другие жены героев: Керка, принцесса Хуа-Лу, царица.

Принцесса Ванина помыкает маркизом Савелли и его дядей, министром полиции, манипулирует губернатором и заговорщиками. Сильная женщина переодевается в мужское платье²², слабый мужчина (карбонарий Пиетро) — в женское²³. Ванина понуждает Савелли поцеловать лысую голову посла (прозрачный фаллический символ). Она проникает ночью в спальню к министру полиции, одетая слугой, угрожает ему пистолетом и покоряет своей красотой. Пиетро в женском облики завоевывает сердце Ванины, а она в мужском — мужчин.

Василиса постоянно смущает покой Ивана Грозного; она предстает как двойник своего брата, Василия Шибанова, врага царя. Полюбив Ивана, Василиса, опричница и монахиня, несколько раз спасает ему жизнь и приносит смерть брату. А когда в финале она приходит проститься с царем, мечтающим о женитьбе на другой, тот принимает ее за привидение и падает замертво.

В романе «Мы» страсть Д-503 выражается прежде всего в желании убить I и, в трагикомической сцене, — Ю. Сценарии «Бич Божий» и «Владыка Азии» построены на любви-ненависти властелина мира и сильной женщины, Атиллы и Ильдегонды («В бурной радости Атилла разрешает себе свидание с Ильдегондой — с этой женщиной, которую он и любит, и ненавидит»), Тимура и Улек:

Диалог расстающихся ненадолго жениха и невесты — это словесный поединок двух врагов, когда каждое слово — как нож.

Эта гордая женщина просит Тимура только об одном: чтобы он убил ее сейчас же, не позоря перед всеми.

Но этот акт великодушия — победа Тимура в борьбе с ней. Ее ненависть к Тимуру становится еще острее, борьба между ними про-

²² Те же мотивы — в сценарии «Мазепа» (1936).

²³ В «Атилле» и «Биче Божьем» слабый герой, Вигила, предпочитает позор смерти, переодевается стариком-бардом.

должается»; «она предвкушает борьбу с ним, она наслаждается своей ненавистью к нему.

В борьбе с нею у Тимура теперь есть великолепное оружие: Хуа-Лу.

Долгая любовная война между этими двумя сильными людьми <...>²⁴

Ильдегонда в первую брачную ночь убивает ножом Атиллу. В трагедии она предупреждает его:

А ты разве не слышишь?
Или ты еще не понял:
только двое равных –
это ты и я²⁵.

Улек в мужском платье побеждает на состязании Тимура. Мотив поединка мужчины и женщины, любви-вражды богатыря и богатырши возникает в сценарии «Север» (1927)²⁶, а в «неомифологическом» варианте — в рассказе «Кряжи» (1915), в либретто балета «Добрыня» (1932–1933)²⁷ и в черновых набросках «Былины», «Сказки». Он соединяется с двумя сюжетами: «муж на свадьбе жены» и мзееборчество / брак со змеей.

«Отравя поцелуя»

Одна из навязчивых тем творчества Замятина — боязнь соблазна (любовный регистр) и боязнь яда (политический регистр). Любовь предстает как отравя: она поработывает, сводит с ума, убивает.

В романе «Мы» желтая полынь и сделанный из нее зеленый абсент, галлюциногенный ликер, олицетворяют сладость женского тела. Поцелуй дурманит, превращается в поцелуй вампира:

Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет *желтую медовую пыль* каких-то цветов. От этой *сладкой* пыли сохнут

²⁴ Сценарий «Владыка Азии».

²⁵ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С.399.

²⁶ «Марей кидается к ней — в руках у нее нож. Марейю удается повалить ее на землю, вырвать у нее нож. И вдруг он чувствует ее руки на своей шее, ее губы на своих губах... Ненависть Пельки к Марейю была, конечно, только обратной стороной ее оскорбленной гордой любви» (Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 4. С. 8).

²⁷ «Молодой богатырь оказался Настасьей Микуличной — русской валькирией. В любовном бою — уже она оказывается победительницей» (Там же. С. 198).

губы — ежеминутно проводишь по ним языком — и, должно быть, *сладкие губы* у всех встречаемых *женщин* <...>.

На четырехугольном столике перед ней — флакон с чем-то *ядовито-зеленым* <...>. <...> вы сейчас будете пить со мной этот *очаровательный яд*... <...> Опрокинула в рот весь стаканчик *зеленого яду* <...> Вдруг — рука вокруг моей шеи — губами в *губы*... нет, куда-то еще глубже, еще страшнее... <...> *Нестерпимо-сладкие губы* (я полагаю — это был вкус «ликера») — и в меня влит поток *жгучего яда* — и еще и еще... <...>

<...> *бред*, результат вчерашнего *отравления*... Чем: глотком *зеленого яда* — или ею?

Все женщины — *губы*, одни *губы* <...> еще каплет сладкая кровь.

Ее *губы* — мои, я *пил, пил* <...>.

Сладкие, острые, белые зубы; улыбка. Она в раскрытой чашечке кресла — как *пчела*: в ней *жало и мед*. <...> И затем опять — *пчелы* — *губы*, *сладкая боль цветения*...

<...> непонятные — *ядовито-зеленые* буквы: МЕФИ <...>.

Она отпивает красными губами и подает мне, и я жадно, закрывши глаза, пью, чтоб залить *огонь*, — *пью сладкие*, колочие, холодные искры <...>.

жуткие, сладкие ледяные иголки

во рту отвратительно-*сладко*

острая, *сладкая* полоска зубов

Ее колени сквозь платье — медленный, нежный, *теплый*, обволакивающий все *яд*...²⁸

В сценарии «Д-503» осталась только одна фраза: «она, к его ужасу, курит древние папиросы, пьет какой-то зеленый алкогольный напиток и, что еще хуже, в поцелуе заставляет и его сделать глоток»²⁹.

В «Принцессе Ванине» яд упоминается трижды. Губернатор Романь (легат в повести Стендаля) «смертельно боится покушений на свою жизнь», поэтому донос Ванины он «читает издали, через лупу, не касаясь его: может быть письмо отравлено?». В другой сцене Ванина выхватывает из рук министра полиции Савелли стакан лимонада, выбрасывает его за окно и «с очаровательной улыбкой, объясняет, что позволила себе эту дерзость только потому, что лимонад — отравлен» (в повести Стендаля, после лимонада Ванина выбрасывает и шоколадную конфету: «Берегитесь! У вас здесь всё

²⁸ *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 2. С. 212, 247–249, 251, 258, 260, 299, 311, 316, 332, 352, 356, 361 (здесь и далее курсив мой — А.С.).

²⁹ *Замятин Е.И.* Собр. соч. Т. 4. С. 38.

отравлено: вас хотели умертвить»». — Пер. Н. Немчиновой). В конце ночного свидания министр просит разрешения поцеловать будущую невестку — «если ее губы не отравлены», добавляет Замятин. Поцелуй скрепляет договор. Используя мотив трижды, Замятин уже не упоминает о страхах Ванины Стендаля, которая боится, что тюремщики отравят Пьетро.

Эти два мотива, яд и поцелуй, переплетаясь, организуют сюжет сценария «Иван Грозный». В первых сценах персонажи христосуются на Пасху. Царь и царица боятся расставленных перед ними яств и «крадут горшок щей, приготовленных для прислуги: это уж наверно не отравлено!». Царица выбрасывает в окно отравленное яблоко (пришедшее из «Сказок» Замятина, из сюжета «Сказки о мертвой царевне»), но затем умирает, съев отравленное пасхальное яйцо, предназначенное ее супругу. Исполняя приказ царя, Василиса подает своему брату Василию кубок с отравленным вином. Иван, опасаясь лекарств, дает их сперва пробовать попугаю. Поцелуи в сценарии отмечают все повороты интриги, постоянно переворачивающие исходную ситуацию. Они сопровождают все появления героини: для Василисы поцелуй — едва ли не главная форма общения и с царем, и с братом. Она меняет облик и платье, но поцелуй позволяет узнать ее в любом обличье.

Почти так же, даря поцелуи, Ванина Замятина манипулирует обоими Савелли, племянником и дядей.

Римский император в страхе намерен покончить с собой («Это, может быть, последняя оргия: один из настоящих друзей императора намерен подсыпать яду в его вино»); приближенные Атиллы опасаются отравы (издох его конь), но погибает вождь в первую брачную ночь от ножа принцессы Ильдегонды (трагедия «Атилла» и сценарий «Бич Божий»).

В сценарии «Владыка Азии» отравы — в порядке вещей: «Командант <...> признает свою вину — и <...> спокойно, на глазах у богдыхана, принимает яд». Жена Тимура Улек, ревнуя к китайской принцессе, посылает ей фрукты. Тимур, опасаясь яда, дает их пробовать обезьянке. Но опасность в другом — в корзине прячется змея, которая кусает Тимура. Улек высасывает яд из раны мужа, но губы ее отравлены («Но едва Тимур прижимает ее губы к своим — как Улек вскрикивает от боли и отталкивает Тимура»), и она умирает.

В этой сцене соединяются главные сюжетобразующие символические мотивы Замятина: поцелуй, яд, змея, жена/муж на свадьбе супруга/супруги, смерть в первую брачную ночь.

Змеинный эрос

Ядовитые змеи — как женщины: чем старее — тем безопаснее (Брэм).

*Е. Замятин. Блокноты*³⁰

Женский поцелуй превращается в укус змеи, пчелы. В романе «Мы» I-330 предстает как соблазнительница Ева, как Змей-искуситель; она и ее единомышленники выбрали своим символом Мефистофеля (МЕФИ). «Негрогубый» поэт R-15 саркастически предлагает сочинить «райскую поэмку»:

Мы помогли Богу окончательно одолеть диавола — это ведь он толкнул людей нарушить запрет и вкусить пагубной свободы, он — змий ехидный. А мы сапожищем на головку ему — тррах! И готово: опять рай³¹.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров рассматривают поединок громовержца со змеем как основной миф³². В мифах и легендах, в том числе славянских, Змей / Змея олицетворяют мужское и женское начало; огонь / землю / воздух / воду; хтонического / воздушного супруга; двойника человека³³. В мифологии Замятина змееборчество соединяется с мистическим браком.

В рассказе «Кряжи» история любви-вражды Ивана да Марьи, спровоцированной древним идолом, включает уничтожение змеи-убийцы³⁴, ловлю огромного сома («чертова коня», по Далю³⁵).

³⁰ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 5. С. 167.

³¹ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 2. С. 252. В том же году в статье «Рай» (1921) Замятин осмеивает советских писателей, поющих осанну новому строю. В статье «О синтетизме» (1922) Замятин использует для описания современного поэта лейтмотивы «Мь» (Адам, соблазнительница Ева, «зеленое вино трав», сладость поцелуев, горечь).

³² Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

³³ Иванов В.В. Змей, змея // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 468–471; Левкиевская Е.Е. Змей летающий. Змей огненный. Змея домашняя; Гура А.В. Змея // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 330–341; Sergent B. Un mythe lithuanopamérien // Dialogues d'histoire ancienne. 1999. Vol. 25. № 2. P. 9–39; Бер-Глинка А.И. Змея как сексуальный и брачный партнер человека. (Еще раз о семантике образа змеи в фольклорной традиции европейских народов) // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинев, 2016. С. 435–576; Кабакова Г.И. «Змея-жених» или Почему кукушка кукует // Кабакова Г.И. От сказки к сказке. М., 2019. С. 159–178.

³⁴ «клонула мальчонку змея, и к вечеру помер мальчонка. С того дня стала рasti змея, и уж не змея это — змей страшный» (Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 1. С. 320).

³⁵ Толковый словарь великорусского живого языка Владимира Даля. 2-е изд. СПб; М., 1882. Т. 2. С. 269.

В либретто балета «Добрыня», где писатель объединяет сюжеты нескольких былин, Змей Горыныч не похищает красавицу (этот мотив остался в замятинских набросках сказок). «На солнце перед пещерой, чуть посвистывая, выются, пляшут Змееныши»³⁶: возможно, речь о змеихе. Как мы уже видели, перед тем как сразиться с Горынычем, герой бьется-любится с богатыршей Настасьей Микуличной. А в одном из черновых набросков он точно так же обходится со змеем (змеихой): «Высочил Добрыня на берег, ударил Змея “колпаком”, вскочил “на белы груди”... Мир с побежденным Змеем»³⁷. Затем следует второй ход: Настасья, решив, что герой погиб, выходит замуж за Алешу Поповича. Добрыня приходит на свадьбу, переодевшись скоморохом и прицепив бороду; Настасья узнает его по кольцу.

Сходная ситуация в трагедии «Атилла» и сценарии «Бич Божий». Вигила, переодевшись стариком-скальдом, с той же накладной бородой, приходит на свадьбу своей возлюбленной Ильдегонды и поет песню, как в зеркале отражающую основной сюжет:

Однажды Вигурд пришел домой:
ворота настезь, *отравлен* пес,
стоит его дом неживой, немой.
Атэвульф его Хильду к себе увез.
Семь лет всюду Вигурд ее искал.
Подъехал к Рейну. Тут змей подполз
к нему навстречу из черных скал —
услышал Вигурд железный голос... <...>
Схватил было Вигурд кинжал.
«Оглянись», — сказал ему змей <...>³⁸

Змей, хранитель золота Рейна, оказывается не противником Вигурда (Сигурда, Зигфрида, победителя валькирии)³⁹, а помощником. Ильдегонда узнает Вигилу благодаря поцелую (лейтмотив Замятина⁴⁰); Вигила, подобно Д-503, говорит: «сладко твое вино»⁴¹.

³⁶ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 4. С. 197.

³⁷ Там же. С. 413. В русских сказках и былинах богатырша (Царь-девица), а также «иномирные» невесты могут принимать змеиные черты. См.: Трофимов Г.А. Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. № 11. С. 103–109.

³⁸ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 408.

³⁹ Гуревич А.Я. Сигурд // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1998. С. 432–433.

⁴⁰ См. сценарий «Иван Грозный». В сценарии «Принцесса Ванина» героиня «сама обнимает и горячо целует старика».

⁴¹ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 410.

По сюжету, роль змея должен играть похититель, завоеватель-гунн, варвар. Но он — властелин, а в мифологии Замятина бунт — женское начало. А потому бургундка Ильдегонда из Орлеана оказывается змеей, убивающей супруга.

Атилла.

Ехидна и змея — одно.
Союзники бургунды с Римом.

Оногост.

Змея — она *кольцом*, конечно, так...
Но вот и эдак тоже (*показывает руками*)
прямо вроде.
И если *клюнет* в сердце...

Ильдегонда.

А змея безоружна? Я буду змеей:
раздвоится, станет *змеиным языком*.
Из себя я улыбку выжму, как яд...
Я сумею его обмануть...

Атилла.

Ты *вьешься*, змея, лжешь!

Камель.

Ты кладешь себе в постель змею.

Атилла.

<...> взойди на ложе скорей
и собою меня *напои*,
чтобы жизнь — через край,
чтобы — как *половодье*, чтобы — э-эх!

Атилла (*Ильдегонде*).

Что сдвинула брови, как *крылья*?
Все равно — не *улететь* никуда:
теперь не поможет тебе
ни твой *змеиный язык*,
ни Рим, ни твой Бог, никто.

Атилла (*распахивает грудь*).

Как будто в злой полдень *жарко* мне,
Иль это она *зажгла* всю кровь?⁴²

⁴² Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 370–371, 392, 398–400, 407.

В трагедии «Атилла» женщина-змея вьется кольцами, может летать, жечь, напоить. Она воплощает все четыре стихии: землю, воздух, огонь, воду. Она соблазняет, обманывает, убивает, воплощает мудрость и силу, любовь и смерть. Как мы видели, в виде подобных змей предстают I-330, Ванина, Улек, Василиса.

Однако змеиные черты есть и у мужских двойственных, двуличных персонажей: у «хранителя» S (сама буква имеет форму змеи), у Д (в чьих жилах течет кровь «дикарей», Мефи), Вигилы. Во многих легендах и мифах змей / дракон, хранитель золота, первоначально был человеком; убивший его герой, взяв сокровище, может сам стать драконом. Возможно, что судьба исторических персонажей Замятина (Атилла, Тимур, Иван Грозный) следует этой схеме: молодой змеборец, взяв власть, превращается в змея.

Сюжет трагедии «Атилла» — борьба женщины-змеи с иноземным захватчиком — восходит к замятинскому ироническому житию «О святом грехе Зеницы-Девы. Слово похвальное» (1917)⁴³. Замятин использует в нем свои излюбленные приемы: нарочитую архаизацию лексики, литературную пародию. Добавим, что его история о «святом грехе» напоминает другое богохульное житие, рассказ Вольтера «Cosi-Sancta. Малое зло на великое благо» (ок. 1714–1715).

В земле родимичей златовласая дева Зеница проглатывает змею вместе с речной водой, и та начинает расти у нее в животе. Деву исцеляет молитвой христианский чудесник, змея выходит из ее чрева и превращается в сажу и пепел. Страну поработощает царь готов. Чтобы спасти жителей, дева становится царской наложницей. Но царь, разгневанный бесчувствием девы, приказывает отсечь ей груди и бросить ее в реку к змеям. Вихрь выносит гадов на землю, они нападают на готов (как в «Роковых яйцах» Булгакова, 1925), и благодаря им родимичи изгоняют завоевателей.

Дева предстает как королева змей («волосы же имела, как венец золотый отрожденный, из злата червлена», «волосы же у нея как венец золотый»⁴⁴), связанная с водой и огнем. Надо ли видеть в имени Зеница отсылку к стихотворению Бальмонта «Змеиный глаз» и сборнику стихов Сологуба «Змеиные очи»?

Иронический текст Замятина пересекается со сказочным сюжетом АТ 411, широко распространенном в Европе (легенда о Мелюзине) и Азии:

⁴³ Я позволю себе не указывать многочисленные эпизодические «змеиные» сравнения и метафоры в текстах Замятина, по большей части не развертывающиеся в полноценные сюжеты.

⁴⁴ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 1. С.571, 573.

Король встречает в глуши красивую девушку, которая в действительности обладает двойственной, змеиной и человеческой природой, и женится на ней. Постепенно здоровье короля ухудшается. Знахарь советует ему накормить жену соленой пищей и наблюдать за нею. Жена принимает змеиную форму и исчезает в воде. По приказу царя жену-змею бросают в раскаленную печь и сжигают заживо. Среди пепла обнаруживают гальку, способную превращать все, к чему она ни прикоснется, в золото⁴⁵.

Замятин и символисты

Т.Т. Давыдова и С.И. Пискунова убедительно пишут о мифологизме романа «Мы», о дионисийских/аполлонических персонажах, о диалоге с прозой Андрея Белого и теориями Вячеслав Иванова⁴⁶. Писатель разбирал творчество символистов в своих лекциях, посвятил статьи Блоку и Сологубу⁴⁷. Скрытый диалог с символистами в его произведениях может быть ироническим, приобретать форму пародии, как это свойственно Замятину. Но за ним стоит интерес писателя к мистике и хорошее знание теософских сочинений, как показали Л.М. Геллер и М.Ю. Любимова⁴⁸. Никоим образом не претендуя на сколько-нибудь полное описание символистского змеиного мифа, позволю себе указать некоторые тексты, с которыми перекликаются сочинения Замятина.

Образы женщины, змеи-соблазнительницы, и любовной схватки со змеей появляются постоянно, от стихотворения «Змеи» (1893) Валерия Брюсова (1893: «Пока из кудрей не мелькнет / Змеи раздвоенный язык») до циклов «Снежная маска» (1907) и «Фаина» (1906–1908) Александра Блока:

Своей улыбкою невинной
В тяжелозмеиных волосах. («Снежное вино»)⁴⁹

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,

⁴⁵ Бер-Глинка А.И. Змея как сексуальный и брачный партнер человека. С. 439.

⁴⁶ Давыдова Т.Т. Фаустовская коллизия в романе Евгения Замятина «Мы»; Пискунова С.И. «Мы» Е. Замятина: Мефистофель и Андрогин // Е.И. Замятин: Pro et contra. С. 519–534.

⁴⁷ «О кончине Блока» (1921), «Речь на вечере памяти А.А. Блока» (1926), «Белая любовь» (1925).

⁴⁸ Геллер Л. Утопия в зеркале гематрии, или Эзотерический модернизм Е. Замятина // Е.И. Замятин: Pro et contra. С. 265–290; Любимова М.Ю. «Разговоры с дьяволом» и «Tertium Organum» П.Д. Успенского (Заметки об источниках романа «Мы» Е. Замятина) // Там же. С. 437–451.

⁴⁹ Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. М., 1997. С. 143.

Устами томными замучай,
Косою черной задуши. («Фаина»)⁵⁰

Эй, берегись! Я вся — змея! («Песня Фаины»)⁵¹

В поэзии Федора Сологуба традиционные мотивы трансформируются в соответствии с его принципом: «познавший великий закон тождества совершенных противоположностей не убоится дракона, и бестрепетно вступит в область вечной Иронии» («Демоны поэтов», 1907).

Сладкий яд — это жизнь и смерть:

И будет смерть моя легка
И слаще яда. («Я к ней пришел издалека»)⁵²

Вот, жизнь безумная моя,
Сладчайший яд для смерти вольной <...>. («Благословляю сладкий яд», 1906)⁵³

Змея — жизнь, мысль, сам поэт: «Жизнь моя, змея моя!», «Пресмыкаюсь томительно я, / Как больная и злая змея», «Ты извивалась, как змея, — / О, мысль моя» (сб. «Змей», 1907).

В небесах поэта — два солнца, благой и злой владыки: «Дракон сожигающий, дикий, / И Гелиос, светом великий»⁵⁴. У золотого огненного змея / дракона — солнечные стрелы, тогда как в греческой мифологии это оружие его противника, Аполлона-Феба: он поражает ими змея-Пифона. По Вячеславу Иванову, Пифон — одно из воплощений пра-Диониса⁵⁵. Сологуб подчеркивает ницшеанское противопоставление Аполлона и Диониса, включив в сборник «Змей» стихотворение «Благословлять губительные стрелы...» из цикла «Гимны страдающего Диониса». Лирический герой сборника поклоняется «злomu и мстительному Дракону» и сражается с ним, причем у обоих главное оружие — отравленная стрела:

Яркий змей на небесах <...>
Грудь мне стрелами изранит <...> («Утро ласковое звонко»)⁵⁶

⁵⁰ Там же. С. 177.

⁵¹ Там же. С. 196.

⁵² Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3 т. Т. 2, кн. 2. СПб., 2014. С. 228.

⁵³ Там же. С. 259.

⁵⁴ Там же. С. 212.

⁵⁵ «И самое сближение с Аполлоном — того, кто выступает пророком Дионисовым, свидетельствует, что Меламп, по корням своим, прадионисийский демон-вещун, подобный Пифону» (Иванов Вяч.И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 28).

⁵⁶ Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм. Т. 2, кн. 1. С. 212.

Благословлять губительные стрелы
 И проклинать живящие лучи <...>.
 Отравленной стрелы вонзилось жало, —
 Лобзай её пернатые края <...> («Благословлять губительные
 стрелы»)⁵⁷

Я из тёмного, глубокого колчана
 Для тебя стрелу отравленную выну <...>.
 Лук тугой стрела покинет с медным звоном. («Злой Дракон,
 горящий ярко там, в зените»)⁵⁸.

Те же мотивы (золотой, пернатый, битва с солнечным богом, жена-змея, жало-копье) появляются в стихотворении Блока «За холмом отзвенели упругие латы...» (1907), переиначивающем сюжет оперы Вагнера «Валькирия»⁵⁹:

И копье потерялось во мгле.
 Не сияет и шлем —золотой и пернатый — <...>

Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
 Обольют меня тучами стрел.

Воротясь, ты направишь копье полуночи
 Солнцебогу веселому в грудь.
 Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
 Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,
 С исцеляющим жалом — змея...
 Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
 Под неверным мерцаньем копья!⁶⁰

В статье «Человек человеку — дьявол» (1907) Сологуб заменяет манихейское противостояние добра и зла декларацией их тождества («Познаем, что Бог и Дьявол — одно и то же») и пророчит торжество «всеблагого» бунтаря Люцифера, несущего пламя свободы и «свет познания» и свержение Адонаи (Господа), Бога темного и мстящего.

⁵⁷ Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм. Т. 2, кн. 2. С. 109.

⁵⁸ Там же. С. 219.

⁵⁹ Крилицын А.Б. Тема рыцарства в лирике А. Блока в ее связи с творчеством Р. Вагнера. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39788.php> (дата обращения: 09.07.2019).

⁶⁰ Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 178.

В сборнике Сологуба «Змеиные очи» (1913) лирический герой не только переходит на сторону злого владыки: «И верен я, отец мой, Дьявол, / Обету, данному в злой час» («Когда я в бурном море плавал...», 1902). Он становится им:

Когда от счастья задрожала
Ещё невинная змея,
Вложил отравленное жало
В лобзанья уст змеиных я. («Судьба была неумолима», 1909)⁶¹

Я — свет земли! Я — Люцифер!
Люби Меня! Иди за Мною! («Люцифер человеку», 1906)⁶²

Носитель света — не Аполлон, а Люцифер.

Эту проблематику четко сформулировал Замятин в конспекте первой из «Лекций по технике художественной прозы»:

<...> на земле — символисты не находят разрешения вопросов, разрешения трагедии и ищут его в надземных пространствах. <...> У одних этот Бог со знаком +: Ормузд, Христос; у других со знаком -: Ариман, Люцифер, Дьявол (Сологуб, Волошин)⁶³.

Замятин не упоминает здесь ни Рудольфа Штейнера, духовного наставника Максимилиана Волошина и Андрея Белого, ни Вячеслава Иванова, на свой лад трактовавшего идеи австрийского антропософа, но речь идет именно об их теориях.

Для Вячеслава Иванова змея — символ, имеющий «ознаменательное отношение одновременно к земле и воплощению, полу и смерти, зрению и познанию, соблазну и освящению», «великий космогонический миф». Через него поэт описывает свою веру, философию истории (змея причин и следствий, кусающая свой хвост), свою личную жизнь. Древний змей, Дионис, Люцифер и другие⁶⁴ — ипостаси одного начала.

Люцифер (Денница) и Ариман, — дух возмущения и дух растления, — вот два богоборствующие в мире начала <...>.

<...> вся человеческая культура создается при могущественном и всепроницающем соучастии и содействии Люцифера, что наши

⁶¹ Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм. Т. 2, кн. 2. С. 346.

⁶² Там же. С. 288.

⁶³ «Очерк новейшей русской литературы» (1918) // Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 5. С. 300–301.

⁶⁴ Эдип, потомок дракона Кадма.

творческие, как и наши разрушительные энергии — в значительной части его энергии <...>⁶⁵.

В мелопее «Человек» (1915–1919) Люцифер, отпав от Бога, соблазняет Адама в облике Лилит; и человечье тело, имевшее форму креста, принимает форму пентаграммы:

Ты в плоть мою, Денница, вжег
Печать звезды пятиугольной
И страстной плотию облек
Мой райский крест, мой крест безбольный⁶⁶.

Любовь змея и змеи олицетворяет мистический союз поэта с женой, Лидией Зиновьевой-Аннибал (Диотимой в стихах Иванова), и с супругой М. Волошина, Маргаритой Сабашниковой.

Как ты, моя змея, <...>
Виясь, ползешь ко мне на грудь —
Из уст в уста передохнуть
Свой яд бесовств и порч <...>
Четою скользких медяниц
Сплелись мы в купине зарниц,
Склубились в кольцах корч. <...>
То змия ярого, змея,
Твои вздымают острия,
Твоя безумит зыбь... («Змея». Диотиме)⁶⁷

Затем что ты, кто облетаешь
Пчелой цветник людских сердец,
Их нашей кровию питаешь,
О демон Жало, Эрос-жрец! («Кратэр». Диотиме)⁶⁸

«Сон Мелампа», концентрированное изложение «змеиного мифа»⁶⁹, можно рассматривать как обряд посвящения. Г. Обатнин сравнивает его

⁶⁵ «Две стихии в современном символизме» (1908) // *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 2. С. 537.

⁶⁶ *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 205.

⁶⁷ *Иванов Вяч.И.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 363.

⁶⁸ Там же. С. 381.

⁶⁹ *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin.* Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 23–54. (Europa Orientalis; 29); *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах

с символикой мистического брака в алхимии и отсылает к «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца» (1616)⁷⁰. Алхимические трактаты постоянно используют символы брака-смерти короля (солнца) и королевы (луны), проглоченного солнца, дракона. Розенкрейцерские мотивы встречаются в произведениях Вячеслава Иванова и других русских символистов. Мистическая традиция, в том числе масонская, уподобляет «великое делание» и долгий, тернистый путь духовной аскезы: ученик преображается, «исцеляет» металл / самого себя⁷¹. Напомним о «Сказке» из «Разговоров беженцев» Гете (1795), масонском алхимическом сочинении о мистическом браке, смерти и воскрешении, превращениях философского золота мудрости и построении храма. В трактате «Духовный облик Гете и его откровение в “Фаусте” и в “Сказке о змее и лилии”» (1918; 1 вар. 1899, 1902) Рудольф Штейнер излагает свои антропософские идеи с помощью произведений Гете. Теософ напоминает об алхимических увлечениях писателя, которые ввели его в соблазн:

В «Поэзии и правде» Гёте рассказывает, как, поочередно берясь за все науки, он однажды попытался с помощью алхимических опытов узнать у духа «слова и силы», необходимые, чтобы проникнуть в «таинства природы»⁷²:

Он истолковывает сказку как процесс инициации. Маргарита Сабашникова, прочтя рукописные пометы Штейнера на сказке Гете, избрала зеленую змею своим тотемом. Сказка стала частью жизнетворческой игры символистов:

Поля этой книжки на всех страницах были исписаны рукой Рудольфа Штейнера, замечаниями, открывающими существо этой маленькой мистерии. Мы с увлечением читали «Сказку» и замечания Штейнера; ее события и персонажи стали в нашем кругу как бы знаками своеобразного шифра, нашим сокровенным языком⁷³.

Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. III. М., 2018. С. 13–65.

⁷⁰ *Обатнин Г.* Иванов-мистик. Окультизм и мистика в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000. С. 26.

⁷¹ *Jung C.G.* Psychologie et l'alchimie. Paris, 1970; *Butor M.* Alchimie et son langage // *Butor M.* Répertoire I, Paris, 1960. P. 12–19; *Flamand É.-Ch.* Érotique de l'alchimie. Paris, 1989.

⁷² *Штейнер Р.* Духовный склад Гёте сквозь призму сказки о зеленой змее и белой Лилии / Пер. А. Ярина. URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=2201> (дата обращения: 09.07.2019).

⁷³ *Сабашникова М.В.* Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993.

Из воспоминаний Замятина⁷⁴ мы знаем, что Андрей Белый рассказывал ему про антропософию. Как показала Е.В. Глухова, легенда о Фаусте и ее истолкование Штейнером (статьи, лекции, спектакли в Дорнахе) стали для Белого матрицей, с помощью которой он воспринимал и описывал свою судьбу, Александра Блока, Вячеслава Иванова⁷⁵.

Замятин знал «Хронику Акаши» Рудольфа Штейнера⁷⁶. Возможно, он помнил о «Хронике», описывая жизнь за Зеленой стеной в романе «Мы»; он не преминул язвительно уколоть Алексея Толстого за ее использование:

На страницах «Красной нови» — Аэлита, несомненно, краснеет за свое знакомство с таким патентованным «мистиком», как Рудольф Штейнер: о семи расах, Атлантиде, растительной энергии — Аэлита читала в Штейнеровской «Хронике Акаши»⁷⁷.

Он мог читать статью Штейнера «Фауст Гете как изображение его эзотерического мировоззрения» (1902), переведенную А.Р. Минцловой и опубликованную в журнале «Вопросы теософии» (1907)⁷⁸, но доказательств этому нет. Более вероятно, что он читал Вячеслава Иванова, который писал о люциферическом начале, вселяющемся в душу алхимика Фауста⁷⁹.

Тема Фауста и Мефистофеля — одна из центральных в романе «Мы». Т.Т. Давыдова убедительно пишет, что Замятин «переработал в “Мы” “фаустовские” мотивы в духе противопоставления энтропийного (аполлонического) и энергийного (дионисийского) начал и создал в плане ценностном произведение во многом “антифаустовское”», но что он сам в 1929 г. в письме в «Литературную газету» оценивал свои бунтарские идеи как «фаустовские»⁸⁰. Детище Д-503, ракета Интеграл, на испытаниях которой гибнут невинные люди (как в трагедии «Фауст»), напоминает огненного змея. В сочинениях Замятина алхимия упоминается крайне

⁷⁴ «Андрей Белый» (1934).

⁷⁵ Глухова Е.В. Фауст в автобиографической мифологии Андрея Белого // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики. СПб., 2015. С. 230–250.

⁷⁶ Штейнер Р. «Акаша хроника». История происхождения мира и человека / Пер. А.В. Борнио. М., 1912.

⁷⁷ «Новая русская проза» (1923) // Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 3. С. 136.

⁷⁸ Глухова Е.В. Фауст в автобиографической мифологии Андрея Белого. С. 236, 248.

⁷⁹ «Люциферическая энергия толкает человека, как Фауста, по слову Гете, “к бытию высочайшему стремиться неустанно”» (Иванов Вяч.И. Прологомены о демонах // Собрание сочинений. Т. 3. С. 249).

⁸⁰ Давыдова Т.Т. «Мы» Е. Замятина — роман-антиутопия // Е.И. Замятин: Pro et contra. С. 384.

редко и только иронически⁸¹, в романе «Мы» о ней не говорится вовсе. Однако более 35 раз упоминается золото⁸², в том числе «жидкое золото», которое в алхимии означает философский камень (Замятин сравнивает с ним поэму, описывающую стальных людей). Из золота сделаны номерные бляхи, с золотом сравнивается стекло, из которого построено идеальное государство: дома, стена, космическая ракета, даже «идеи, навеки изваянные из золота или драгоценного нашего стекла»⁸³. Однажды оно возникает и у бунтарей за стеной: «Какая-то золотоволосая и вся атласно-золотая, пахнущая травами женщина»⁸⁴, напоминающая Зеницу-деву. Золото становится частью замятинского «змеино» мифа, но остается на периферии сюжета. В публикуемых сценариях оно упоминается только во «Владыке Азии» (Тимур «гнет в трубку золотые тарелки», требует золото у китайского императора).

Подведем итоги. Сценарные заявки, написанные Замятым в последние годы жизни, интересны с разных точек зрения. Во-первых, сценарий «Бич Божий», содержащий эпизоды, отсутствующие в трагедии «Атилла», позволяет отчасти восстановить сюжетную схему неоконченного одноименного романа Замятина. Во-вторых, сценарии построены на постоянных лейтмотивах (поцелуй / отравы, страсть / власть, любить / убить) и могут рассматриваться как единый текст. В центре событий находится сильная женщина, покоряющая слабых мужчин и вступающая в противоборство с властителем. В контексте других произведений Замятина, в первую очередь романа «Мы», этот сюжет обретает форму «змеино» мифа»: Ева / змей-искуситель соблазняет Адама и понуждает взбунтоваться — покинуть рай / изменить мир. Она несет смерть, дабы родилась новая жизнь. Но в мифологии Замятина сюжет раздваивается и удваивается. Мотив брачного союза с женщиной-змеей, соблазнительницей и помощницей, соединяется с мотивом змеборства. Эта двойственность (змея — Змей) подчеркивается переодеванием женщин в мужскую одежду, а мужчин — в женскую, подчеркиванием женской силы и мужской слабости. А в сценарии «Иван Грозный» она усиливается раздвоением брата и сестры (Василий — Василиса⁸⁵, противник — возлюбленная) и, главное, символикой их имени. Василий («базилевс»)

⁸¹ Повесть «Колумб» (1918), рецензия на роман Ольги Форш о Радищеве «Якобинский заквас» в статье «Lettres russes II» (1935): Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 1. С. 369; Т. 4. С. 365.

⁸² Как показал Карл Проффер, в романе доминируют золотой и желтый цвет, связанные с подсознательными импульсами, огнем, безумием, страстью (Proffer C. Patterns of imagery in Zamjatin's *We* // Slavic and East Journal. 7 (Fall 1963). P. 269–278).

⁸³ Замятин Е.И. Собр. соч. Т. 2. С. 288.

⁸⁴ Там же. С. 316.

⁸⁵ Напомним, что сценарий Замятина «На дне» (1935) по пьесе Горького построен на противоборстве любовников Васки Пепла и Василисы.

значит «государь, царь», это имя отца Ивана Грозного, но оно также отсылает к василиску — Змею, убивающему взглядом. Поэтому центральный лейтмотив Замятина — любовь-поединок.

Как в слове о Зенице-Деве, сильные герои Замятина — восточные властители, жестокие завоеватели и поработители, похитители женщин (Атилла, Тимур, Иван Грозный) — приобретают черты Змея. Тимур превращается в мудрого и свирепого Змея в борьбе с Улек; Иван делается Грозным, делит надвое страну (земщина — опричнина) после смерти жены и поцелуев Василисы. Змей унижает, нравственно уничтожает «земных» мужчин-соперников (Вигила, Алтан), мучает и убивает более слабого «змея» Василия.

Женщины-змеи (Ильдегонда, Улек, Василиса) соперничают с «земными» женами (Керка, принцесса Хуа-Лу, царица), хотя их гибели (змея кусает не принцессу Хуа-Лу, а Тимура, царица умирает от яда, предназначенного Ивану Грозному). Они убивают властелина кинжалом (Ильдегонда) или взглядом (Василиса), подносят отраву брату-двойнику (Василиса), погибают сами, высасывая змеиный яд (Улек).

Принцесса Ванина, в отличие от героини Стендаля, обманывает и побеждает всех, обе враждующие силы, власть и революционеров, унижает-уничтожает Савелли и завоевывает Пиетро.

Однако необходимо учитывать, что в замятинской диалектике полюса оппозиций (Запад / Восток, энтропия / энергия, мужское / женское и т.д.) постоянно меняются на противоположные. Тем паче что писателю свойственно излагать свои заветные идеи (литературные, политические, историософские) в шутовой, пародийной форме. Замятин вступает в активный диалог, отчасти иронический, с символистскими мифами и теософскими идеями. За любовными и историческими конфликтами сценариев стоят философские концепции писателя, злободневные политические аллюзии и, возможно, мистические мотивы.

Евгений Замятин. Сценарные заявки⁸⁶

БИЧ БОЖИЙ (Экспозэ).

1934–1935 гг. Хотя сценарий близко следует за сюжетом «Атильды», он интересен тем, что в нем присутствуют сцены, которых нет в трагедии. Поэтому его можно рассматривать как синопсис неоконченного романа «Бич Божий».

Как пишет Б. Харви, в 1931 г. Замятин в Москве обсуждал с режиссером С. Демиллем сценарий о «жизни и любви Атильды». Весной 1934 г. в Париже писатель вручил сценарную заявку журналисту Юджину Лайонсу, который привез ее в Голливуд Демиллю (студия «Парамаунт»), предупредив, что она «оставляет желать лучшего». Весной 1935 г. Замятин послал ее с тремя другими заявками на студию «Метро-Голдвин-Майер», а также в англо-советский консорциум, вместе со сценарием «Петр I» по роману А. Толстого.

Вечер в Константинополе. Толпа на площади вокруг монаха, иступленно призывающего народ покаяться: конец мира близок, в небе — комета, знаменье Божьего гнева; всюду голод, мятежи; с востока нападает страшный народ — хуны... Проповедь монаха прерывается появлением всадника с успокоительным, как будто, известием о смерти князя хунов.

В императорском дворце с тем же известием евнух вбегает к императору Фиодосию, занятому любимым делом — кормлением своих породистых кур. Задыхаясь от бега, евнух еле выговаривает одно слово: «Умер». Император сперва понимает это, как известие о смерти своего любимого петуха, который был болен: он страшно взволнован. Но когда узнает в чем дело, он спокойно возвращается к своим курам...

Наследником умершего князя хунов будет его племянник — Атилла. Евнух, министр Фиодосия, предлагает немедленно отправить к Атилле посольство с предложением мира. Одного из послов, молодого римлянина Вигилу, и хуна Едекона, который должен сопровождать посольство до столицы Атиллы, евнух призывает к себе и, закрыв двери, начинает с ними какие-то таинственные переговоры.

Степь — по-видимому, где-то возле столицы Атиллы. Хуны кончают укладывать огромный костер, на котором завтра сожжено будет тело

⁸⁶ Тексты обнаружены в архиве и набраны Т. Никитиной. Сверены А. Строевым. Орфография модернизирована. Комментарии А. Строева.

умершего старого князя, а вместе с ним — его молодая жена, Керка. Умершего князя тем временем одевают; возле него, неподвижная, не спускающая глаз с его страшного лица — Керка.

Посольство императора ФIODосия — в пути. Путешественники застигнуты степным пожаром, огонь уже догоняет их. Единственное спасение — огромный песчаный курган среди степи, свободной от травы. На этом кургане послы встречаются с другой группой путников, которые, оказываются, тоже едут к Атилле: это — бургунды, везущие к Атилле, в качестве заложницы, дочь своего короля, молодую, похожую на дикую валькирию — принцессу Ильдегонду. Быстро, как пожар в сухой степи, разгорается любовь между нею и младшим из послов — Вигилой.

Одетый в парадные одежды труп князя хунов в ладье несут и поднимают на костер. В палатку на ладье входит к мертвому мужу сама полумертвая от ужаса Керка. Уже зажигают костер... Атилла — будущий князь — поднимается в ладью, чтобы проститься с мертвым. Керка обнимает ноги Атиллы, умоляет его. Огонь уже подбирается к ладье... Атилла спасает Керку от огненной смерти, объявляя, что берет ее себе в жены. Керка полна любви к своему спасителю, но со стороны Атиллы — это не любовь, а только жалость⁸⁷.

Прием у Атиллы. Все подданные трепещут перед ним — и обожают его. Он демократичен: прежде всех других он принимает крестьянина, пришедшего с жалобой на сборщика податей. Одного гневного взгляда Атиллы довольно, чтобы сборщик тут же, на глазах у всех убил себя. И дальше туго затягивается узел страстей вокруг главных действующих лиц. Атилла поражен красотой Ильдегонды и еще больше той дерзостью, с какой она говорит с ним. Он предлагает ей остаться здесь не в качестве заложницы, а в качестве жены. Ильдегонда отказывается. Оскорбленный этим и еще больше тем, что его счастливым соперником оказывается римлянин Вигила, Атилла приказывает Ильдегонде немедленно же отправиться к ее отцу, в Орлеан. Ее грубо выводят.

Хун Едекон, притворно согласившийся помочь Вигиле, открывает Атилле, что этот римский посол, по тайному приказу императора, должен сейчас, во время приема, убить Атиллу. Сдержав свою ярость, Атилла продолжает прием, чтобы изобличить Вигилу на деле, во время самого покушения. Это удастся. Для Вигилы Атилла приготовил жестокую месть: он предлагает ему на выбор — или смерть, или позорное наказание плетями и свободу вернуться к невесте. У Вигилы не хватает мужества умереть. Его уводят. Теперь Атилла дает волю своему гневу: он грозит стереть с лица земли империю

⁸⁷ Всё это начало отсутствует в пьесе.

Рима⁸⁸, он объявляет поход на Европу, где римские колониальные солдаты, римские рабы только и ждут его прихода, чтобы восстать против Рима.

В Европе, взбудораженной сведениями о приближении полчищ Атиллы — всюду паника. Церкви — полны. На дорогах — обозы беглецов. Новости все более страшные: Атилла движется с невероятной быстротой, галльские города один за другим открывают ему ворота, он уже осадил Орлеан...

В осажденном Орлеане — соединившиеся, наконец, любовники: Ильдегонда и Вигила. Но поведение Вигилы непонятно для Ильдегонды: он явно избегает остаться с ней вдвоем, он путается в своем рассказе о том, как ему удалось спастись от Атиллы, он скрывает от Ильдегонды тайну своего позора...

Орлеан переживает последние часы; сейчас Атилла начнет штурм, грозный гул таранов все сильнее. Но, может быть, еще случится чудо, может быть, подоспеет идущий на выручку лучший римский полководец Аэций с своими войсками. Об этом чуде экстатически молится орлеанский епископ в храме, и толпа уже заражена его верой, но оставшие солдаты врываются, отбирают у него ключи от городских ворот, чтобы впустить в город Атиллу.

Ильдегонда, ее отец, Вигила — заперлись в городской башне Ильдегонда слишком горда, чтобы оказаться пленницей Атиллы: она просит Вигилу убить ее, но у Вигилы не хватает мужества, он колеблется несколько мгновений. Тем временем дверь башни взломана, Ильдегонда и Вигила становятся пленниками Атиллы. Аэций со своими войсками опоздал: только теперь Атилла получает известие о его приближении. Атилла отдает приказ спешно оставить Орлеан: его хуны сильны в открытом поле. Местом встречи с Аэцием для решительного боя Атилла назначает Каталаунские поля (где через пятнадцать столетий разыгрывались события сражения мировой войны)⁸⁹.

Ночь после великой Каталаунской битвы. Зловещая комета в небе, стаи ворон над полем...

Лагерь Атиллы. Возле костров и лубяных кибиток его солдаты перевязывают раны. Бой кончился в нищю. Но вот молнией проносится по лагерю слух, что «последний римлянин» Аэций, единственный достойный противник Атиллы — умер от раны, полученной в бою. Атилла торжествует: теперь ненавистный ему Рим погиб!

⁸⁸ Замятин допускает анахронизмы: в V в. Римская империя уже фактически разделена на Восточную и Западную. За коварство Вигилы Атилла должен был бы мстить Константинополю.

⁸⁹ Две битвы на Марне в 1914 и 1918 г.

В бурной радости Атиллы разрешает себе свидание с Ильдегондой — с этой женщиной, которую он и любит, и ненавидит, и с которой он встречается сейчас первый раз после ее пленения. Но победить ее труднее, чем Аэция: она по-прежнему вызывающе высокомерна с Атилллой. Из ее слов Атилле становится ясно, что она не знает о том, что ее Вигила был выпорот плетьюми. Атиллы приказывает привести Вигилу и устраивает утонченную пытку любовникам: он еще раз предлагает Вигиле на выбор — или умереть, или рассказать о себе Ильдегонде всю правду. С первых же слов Вигилы Ильдегонда сама решает его судьбу: она приказывает ему молчать. Его уводят. Утром он будет казнен. Ильдегонда заявляет, что она согласна разделить любовь Атиллы, но только тогда, когда она будет официально его женой. Атиллы отправляет ее к себе в столицу, где к его возвращению все должно быть готово к свадьбе.

Какой-то перебежчик из римского лагеря требует свидания с Атилллой. Этот перебежчик оказывается Аэцием, тайно от всех пришедшим, чтобы предложить Атилле мир. Короткий словесный поединок между защитником погибшего Запада и вождем Востока заканчивается вничью, как и Каталунский бой. Атиллы не согласен на мир. Он дает Аэцию свое кольцо, как знак свободного выхода из лагеря. С помощью этого кольца Аэций помогает бежать Вигиле.

В Равенне, где укрылся римский император, напуганный приближением Атиллы к Риму, происходит «пир во время чумы», «черный пир»: стены затянуты черным, в черное одеты император и гости, черная посуда...⁹⁰ Это, может быть, последняя оргия: один из настоящих друзей императора намерен подсыпать яду в его вино. Но приходит известие о том, что Атиллы неожиданно отступил от Рима: его войска начала косить чума, он спешно возвращается домой. «Черный пир» в Равенне переходит в настоящее торжество.

Торжество это пробегает волной по всей империи, получившей отсрочку гибели. Праздничные огни, звон церковных колоколов, пение благодарственных молебнов...

В суровой зале дворца Атиллы, вернувшегося домой — тоже торжество: его свадьба с Ильдегондой. Но невеста — мрачнее тучи, мрачна и первая жена Атиллы, Керка, мучимая ревностью и зловещими предчувствиями. На этом свадебном пиру, по обычаю, выступают заморские музыканты, скальды. Один из них, старик с седой бородой, поет песню, которая странно напоминает историю Атиллы и Ильдегонды. Ильдегонда узнает в скальде загримировавшегося стариком Вигилу. Скальд дарит ей свою лютню, успев шепнуть, что внутри она найдет нож. Ильдегонда

⁹⁰ Отсылка к «Пиру во время чумы» Пушкина и к «черному обеду» в романе Гюисманса «Наперекор» (“A rebours”, 1884).

ожила, она пьет, она пляшет перед Атиллою. Зажженный ее танцем, Атилла уводит ее в опочивальню. Гости расходятся.

Перед запертой дверью опочивальни в полутемной зале остаются только скальд-Вигила и Керка. Оба они, напряженные до последнего предела страхом, любовью, ревностью, прислушиваются к тому, что делается в опочивальне. Неожиданно дверь раскрывается — Атилла, полуодетый появляется, чтобы передать скальду лютню — с просьбой от имени Ильдегонды сыграть что-нибудь... И Атилла снова уходит в опочивальню.

Скальд-Вигила, получивший назад свою лютню, понимает это, как отказ Ильдегонды убить Атиллу. В отчаянии он разбивает лютню о стену — и вдруг видит: ножа там нет, значит... «Нож у нее!» — вслух кричит он, не владея собой, забывши об осторожности. Заподозрившая что-то недоброе, Керка хватает его, в борьбе накладная борода сорвана и Керка узнает Вигилу, зовет людей на помощь...

Поздно: из спальни слышен стон, глухое падение тела. Сбежавшиеся с факелами люди выламывают дверь опочивальни и останавливаются: Атилла лежит на полу, полураздетая Ильдегонда — над ним стоит с ножом в руках. Ее месть совершилась. Вождь хунов Атилла — мертв.

ВЛАДЫКА АЗИИ

<1936> Радикальная переработка сценария «Чингиз-хан».

Кузница кривого Джаргутая работает на славу: сегодня в степи происходит «курултай» — одновременно парламент, ярмарка, выставка невест и состязания монгольских рыцарей — «батырей».

Кузнец Джаргутай — это монгольский Гаргантюа: никто не может столько съесть и выпить, как он. Сегодня он не только сам напился кумыса, но ради шутки напоил и одного из своих клиентов — коней. Когда владелец сел на пьяного коня — конь взбесился, понес. Все на пути разбегаются. Бешеный конь несет всадника прямо к пропасти. На самом краю перед конем вырастает молодой, скромно одетый монгол. Он только спокойно смотрит навстречу бешено мчащегося коня, но под его взглядом конь вдруг останавливается, дрожа всем телом.

Скоро имя этого монгола переходит из уст в уста: это — молодой князь Тимур. Впрочем, богачи произносят это имя пренебрежительно: Тимур — из бедного рода.

У Тимура есть невеста, Улек, но он никогда еще не видел ее: отец Улек и отец Тимура обручили их еще детьми. Отец Улек, Алтан-хан, присутствует на «курултае» вместе с дочерью. Тимур всюду слышит толки о ее красоте, но до него доходит также слух, что у Улек есть избранник сердца — Уркур. Все знают, что Уркур будет участвовать в состязаниях на одном из лучших коней Алтана.

Когда Тимур видит коня с ковром Алтана и на коне ловкого, красивого юношу, он догадывается, что это и есть его соперник. Он жаждет встретиться с ним, победить его на глазах у Улек, он знает, что она должна быть в рядах зрителей.

Начинается «байга» — монгольские дикие скачки с живым бараном, которого наездники рвут друг у друга. Охваченные азартом зрители неистово кричат имя Тимура, он впереди всех. Его догоняет юноша на коне Алтана, вырывает у него окровавленную баранью ногу. Тимур вышибает его из седла, но юноша ни за что не хочет отдать ему трофей — баранью ногу, прячет ее за пазуху. Тимур рванул его кафтан — и увидел девичьи груди. Он на мгновение растерялся. Девушка воспользовалась этим, чтобы вскочить на коня и умчаться с трофеем. Тимур побежден, и его победительницей оказывается Улек: это была она, она решила заменить Уркура, сломавшего руку еще до начала состязаний.

Так происходит первая встреча Тимура и Улек. Он еще сам не знает, что загорелось в его сердце по отношению к этой девушке: ненависть — или любовь. Во всяком случае он напоминает Алтану о своих правах на Улек. Алтан, хотя и неохотно, вынужден признать эти права. Назначается день, когда Улек с своим приданым, конями и слугами, поставит свою юрту рядом с юртой Тимура. Диалог расстающихся ненадолго жениха и невесты — это словесный поединок двух врагов, когда каждое слово — как нож.

В ночь брака Тимур в своей юрте лежит, нетерпеливо ожидая прихода Улек. Наконец, входная занавес приоткрывается — но вместо невесты в юрте появляется несколько вооруженных монголов. Застигнутый врасплох Тимур схвачен, на ногу ему набита колодка. В нападающих он узнает племя меркитов, некогда убивших его отца в силу старой кровной вражды. Справившись с Тимуром, меркиты идут в юрту Улек, оставив при пленнике часового. Под немым, страшным взглядом Тимура, часовому становится не по себе, он поворачивается спиной. Тимур оглушает его молниеносным ударом тяжелой колодки и волоча ее за собой, хромя, выходит из юрты.

Его бегство скоро обнаруживается, его ищут.

С своей колодкой он не мог далеко убежать, это ясно — и тем не менее он как в воду канул, его нет нигде. Озадаченные преследователи оцепляют всю местность и решают ждать до утра, чтобы найти Тимура при дневном свете.

В числе налетчиков — веселый разбойник кузнец Джаргутай, любитель таких авантюр. Ночью, стоя на страже, он от скуки начинает удить рыбу в реке. Он замечает в воде странно уходящую от его челнока тростинку. Ему становится жутко, но хлебнув кумыса, он хватается тростинку, выдергивает ее... и над водой показывается голова Тимура: он все время сидел в воде, дыша через тростинку. Теперь Тимур уже не уйти, кузнец торжествует, он поймал беглеца.

Но Тимур знает слабые места людей. Мокрый, он просит у кузнеца кумысу, чтобы отогреться — и приводит его в восхищение своим умением пить: ему удается перепить кузнеца. Кузнец уже влюблен в него, он сбивает с ноги Тимура колодку. Нога у Тимура повреждена колодкой, он не может идти. Кузнец прячет его в телеге с шерстью. Утром он вместе с другими принимает участие в розысках Тимура. Когда подходят к телеге, кузнец спокойно замечает, что в такую жару никто не мог бы улежать под шерстью. Это замечание спасает Тимура. Меркиты скоро удаляются, убедившись в бесполезности поисков: очевидно, Тимур утонул в реке. Из-под шерсти Тимур видит, как увозят связанную, но... довольно улыбающуюся Улек.

Тимур на свободе, но он один как перст среди своего разграбленного и подожженного становища: ни денег, ни слуг, ни жены, ни коней. Этот сильный человек дает волю своему отчаянию: ему не надо притворяться, никто не видит его.

Но он ошибается: чей-то внимательный глаз следит за ним. Найдя какую-то вещь, оброненную Улек, Тимур разговаривает с этой вещью, как с живую, скупая слеза ползет по его щеке. И в этот патетический момент он слышит чей-то громкий смех. Взбешенный, он хромя, кидается, чтобы голыми руками задушить человека, оскорбившего его своим смехом, но попадает в крепкие объятия кузнеца Джаргутая: кузнец в пути удрал от меркитов с двумя конями. Теперь Тимур уже не одинок: у него есть верный друг и хороший конь. От кузнеца он узнает, что Улек везут к отцу, Алтану: похищение ее было организовано Алтаном.

Вместе с кузнецом Тимур едет к князю Аксалле: Аксалла обязан ему жизнью: это его взбесившегося коня Тимур остановил на краю пропасти. Аксалла рад гостю и рад возможности оказать ему услугу: он снабжает Тимура деньгами, чтобы тот мог собрать отряд и отбить похищенную жену. Но он дружески предупреждает Тимура об опасности этого предприятия: Алтан — один из самых могущественных вассалов суверена Монголии Кучар-хана и, может быть, даже будущий суверен, так как Кучар бездетен. Если даже попытка Тимура увенчается успехом, Алтан непременно пожалуется Кучар-хану — и тогда Тимур погиб. Никакие опасности не останавливают Тимура, он хочет куда-то скакать сейчас же ночью, но кузнец смеется над его горячностью: все равно — нужно много времени, чтобы собрать и вооружить людей, а у Аксалы уже накрыт ужин...

Кузнец рассчитал верно: предприятие удастся осуществить только зимой. В глухую снежную ночь, оставив своих людей ждать сигнал, Тимур с кузнецом ползут к юртам Алтана. К их удивлению, в главной юрте не спят, там свет, голоса. Приподняв заднюю полу юрты, Тимур видит какое-то собрание у Алтана, в числе присутствующих — великий шаман Монголии Кокчу, Улек здесь не видно. Тимур сообщает об этом кузнецу и они уже готовы ползти дальше, как вдруг Тимур вслушивается в то, что говорят в юрте и, к удивлению и неудовольствию кузнеца, заявляет, что останется здесь: пусть кузнец один найдет Улек и вернется сюда. Кузнец повинует.

Тимур слушает, потом снова приподымает полу юрты и его глазам открывается странное зрелище: одному из присутствующих кончают брить голову, затем пленный китаец обмакивает кисточку в тушь и начинает разрисовывать бритую голову. Шаман называет имя Булата...

Кузнец возвращается: он нашел юрту, где спит Улек, юрта охраняется вооруженными людьми, без боя не обойтись. Он прикладывает руки ко рту и воет по-волчьи: это сигнал. Еще немного — и появляются люди Тимура...

Предприятие удалось. Улек — в юрте Тимура. Он торжествует победу над ней, он приказывает ей стлать постель: сегодня она станет его женой. Улек делает постель⁹¹, ложится, а затем злорадно сообщает Тимуру, что у нее будет ребенок от другого — от Уркура. Тимур хватается за нож, но овладев собою, молча выходит. Приказав ничего не понимающему кузнецу стеречь Улек, Тимур садится на коня и мчится в снежную степь.

Он возвращается только утром. Загнанный конь падает мертвым.

Солдаты Тимура и гости ждут выхода молодых. Тимур приказывает Улек следовать за ним. Она предчувствует, что ее ждет. Эта гордая женщина просит Тимура только об одном: чтобы он убил ее сейчас же, не позоря перед всеми. Тимур молчит.

Выйдя вместе с Улек к собравшимся, Тимур объявляет будущего ребенка — своим. Улек поражена. Но этот акт великодушия — победа Тимура в борьбе с ней. Ее ненависть к Тимуру становится еще острее, борьба между ними продолжается. Она обращается с Тимуром высокомерно. Если он не смеет убить ее — пусть немедленно отпустит ее к отцу и спасает свою шкуру, пока не поздно: ее отец уже наверняка принес жалобу Кучар-хану.

Улек права: однажды утром становище Тимура оказывается окруженным сильным отрядом Кучар-хана. Но никто не думает о сдаче: все готовы умереть за Тимура. К общему недоумению Тимур заявляет, что он отдается в руки Кучар-хана. Для кузнеца и остальных ясно, что Тимур идет на верную гибель. Поднимается бунт против него — чтобы спасти его. Но Тимуру достаточно появиться перед солдатами, чтобы они, вопреки доводам рассудка и сердца, подчинились ему: такова почти мистическая сила его влияния на людей. Он уезжает, поручив Улек кузнецу: сам он вернется, может быть, нескоро. «Никогда!» — торжествует Улек.

У старика Кучар-хана разыгрался ревматизм, он гневен. Суд по жалобе Алтана не обещает Тимуру ничего хорошего. Жалобу Алтана привез Мако — тот самый человек, которому в юрте Алтана брили голову. Рядом с Кучар-ханом сидит шаман Кокчу. Присутствует Булат — правая рука Кучара. Тимур ведет себя так, как будто он задался целью погубить себя, он подтверждает все обвинения, выставленные Мако.

⁹¹ Французская калька (fait le lit).

И вдруг он огорошивает Мако вопросом: а не говорил ли Мако в юрте Алтана, что Кучар-хан старая кляча, которую давно пора сдать на живодерню? Он открывает весь подслушанный им заговор Алтана против суверена Кучар-хана, в заговоре должен принять участие даже Булат: Мако привез ему письмо от Алтана. Мако отрицает все: никакого письма у него нет, пусть его обыщут. Письма действительно не находят. Тогда Тимур срывает с Мако тюрбетейку: письмо написано на бритой голове Мако. Тимур сам прочесть письма не может: он неграмотен, пусть прочтет шаман, человек ученый.

Шаман все время как на иголках: Тимур до сих пор не называл его имя в числе заговорщиков. Только теперь, пронизывающе глядя на шамана, Тимур заявляет, что шаман тоже был на собрании заговорщиков, но был там для того, чтобы открыть все Кучар-хану. Шаман понимает, что Тимур безмолвно предлагает ему союз — и подтверждает слова Тимура. Победа Тимура — полная. По предложению шамана, Кучар-хан назначает Тимура одним из главных военачальников в трудном походе против восставших вассалов; вместе с Тимуром руководить кампанией будет его друг Аксалла. Шаман по достоинству оценил азиатскую хитрость Тимура, он предсказывает ему великую будущность.

Проходит много лун. Ребенок Улек уже ползает. Она по-прежнему живет отрезанная от всего мира, под бдительным надзором своего веселого тюремщика — кузнеца Джаргутага. Она подавлена: она ждала, что ее любовник Уркур явится, чтобы освободить ее, но условленный срок давно прошел, а Уркур не явился. И гордая Улек вырвала его из своего сердца, она не хочет больше слышать его имени. Она не знает, что Уркур пытался пробраться к ней, но был схвачен и теперь кузнец держит его в надежном месте до возвращения Тимура.

Тюремщик-кузнец кормит Улек изысканными монгольскими яствами, — он развлекает ее танцовщицами, музыкантами, но пленница томится, ее кипучий темперамент не находит выхода. И она воскресает, когда узнает, что Тимур приезжает: она предвкушает борьбу с ним, она наслаждается своей ненавистью к нему, воспрянувшей с новой силой. Она огорчена, что прибывает новый гонец, с известием, что Тимур не придет: он тяжело ранен. Единственно, что утешает ее — это слух, что Тимура уже нет в живых.

Этот слух распространяется и в лагере Тимура. Суровые бойцы бьют себя в грудь, плачут, они в отчаянии: видно, что все они обожают своего вождя. Когда к ним выходит Аксалла и заявляет, что Тимур — жив, они не верят. Они окружают дворец, они требуют, чтобы им показали Тимура.

Все это происходит в Самарканде, недавно взятом Тимуром. Дворец самаркандского эмира стал резиденцией Тимура, Аксаллы и других генералов Кучар-хана.

Странное зрелище: в спальне эмира — роскошная кровать стоит пустая, а Тимур лежит рядом на полу, на войлоке. Он еще жив. Вокруг него мусульмане, китайские доктора, но ему ненавистны все эти городские люди, комнаты, вещи. Он задыхается здесь, он, кажется, действительно умирает.

Но едва до его слуха достигает многоголосый крик толпы, повторяющий его имя, он открывает глаза. Вбегает растерянный Аксалла, чтобы сообщить требование войск, желающих видеть Тимура. К ужасу врачей, Тимур нечеловеческим усилием воли заставляет себя встать. Его ведут во двор, сажают на коня, открывают ворота — и выпрямившийся, неподвижный, похожий на воскресшего мертвеца, он медленно едет среди расступающейся перед ним онемевшей толпы. Он выезжает в городские ворота, пускает коня вскачь по снежному полю, его догоняют перепуганные врачи, Аксалла. Он приказывает снять себя с коня и положить на снег: в комнате он умрет наверное, а здесь — может быть, нет...

В глухом горном ущелье — Алтан, эмир самаркандский, и другие противники Тимура: они скрываются здесь после жестоких поражений, нанесенных им Тимуром и Аксаллой. Сюда доходит до них слух, что Тимур при смерти. Это известие вливает в них новую энергию, они решают собрать все силы и немедленно ударить на врага.

Тимур лежит в юрте, поставленной для него в снежном поле. Прибывают один за другим гонцы от Аксаллы, ведущего бой с войсками Алтана и эмира.

Неожиданно вместо очередного гонца входит шаман Кокчу и еще несколько придворных, только что прибывших из резиденции Кучар-хана. Они просят удалить всех присутствующих из юрты и сообщают Тимуру, что Кучар-хан умер. Армия должна выбрать нового суверена Монголии. Кандидатов, несомненно, только двое: Тимур и Аксалла.

Аксалла на голову разбил Алтана. Победители въезжают в городские ворота, подняв на плечи Аксаллу. Их крики мгновенно затихают: их встречает великий шаман с известием о смерти суверена.

Выборы, по обычаю, должны произойти с первыми лучами солнца. Ночью сторонники Аксаллы снуют среди войск, они щедро раздают деньги, они напоминают о том, что Тимур болен. В войсках — растерянность, колебание. Делегаты приходят за советом к шаману, но шаман заявляет, что в таком важном деле он не надеется на свой разум, он может дать ответ только по внушению Великого Духа — после совершения обряда «камланья».

При свете костров совершается этот жуткий обряд. Дикая музыка ритуальных бубнов, сначала медленная и глухая, становится все громче, темп ее делается лихорадочным. Шаман все неистовей кружится в священном танце, пока в конвульсиях не падает замертво. Все ждут не шевелясь, в совершенной тишине: солдаты и офицеры, Алтан и другие пленные, придворные и среди них посол китайского императора. Костры потухают...

Загорается уже заря. Шаман, будто воскресший, поднимается и странным, не своим голосом говорит о великом властелине, который соединит под своим скипетром весь Восток и заставит дрожать Запад. Шаман не называет имени Тимура, но из нескольких деталей ясно, о ком он говорит. И едва брызнул первый луч солнца, как это имя слышится в тысячеголосом крике: «Тимур!»

Слегка прихрамывая — след колодки — Тимур появляется перед войсками. Он заявляет, что он подчиняется голосу Бога и народа. Хитрый китаец-посол бросает замечание: «Неизвестно: Тимур ли хан повинуется Богу — или Бог Тимур-хану...»

До начала новых походов Тимур дает отдых себе и войскам: он стремится домой — увидеть Улек. Он выезжает туда немедленно; двор и свита — приедут на день позже.

Когда Улек докладывают, что ее хочет видеть хан, она еще не понимает, кто это. Пышно одетая, она принимает посетителя. Как, это — хан? Перед нею — Тимур, так же просто, почти бедно одетый, как раньше, только постаревший. Она жестоко говорит это ему в лицо, она издевается над его хромотой. Она кличет сына — это уже подросток мальчик. «Похож?» — спрашивает она мужа. Тимур вглядывается и видит на щеке у мальчика знакомое ему родимое пятно: такое же есть на щеке у Уркура...

Тимур выходит от Улек вне себя от ревности и гнева. Никто еще не видел его таким, все трепещут. Один кузнец осмеливается доложить ему, что прибыли пленные — Алтан и другие: что сделать с ними? Тимур приказывает развести цемент и к утру построить из пленных башню на ближайшем кургане: пусть башня будет предупреждением для всех, кто осмелится встать на пути Тимура.

Сзади кузнеца Тимур замечает какого-то обросшего, оборванного человека. Это — Уркур. Тимур предлагает ему на выбор: или стать одним из камней башни — или, навсегда отказавшись от Улек выбрать себе в жены одну из пленниц и затем получить свободу. Уркур предпочитает последнее⁹².

⁹² Повторение сцены между Атиллой и Вигилой.

Когда Тимур, Улек и еще несколько приглашенных уже сели обедать — появляется еще один гость: Уркур с выбранной им пленницей. Улек смотрит на него, не веря глазам. «Не узнаешь? — тихо спрашивает ее Тимур. — Это Уркур и его жена». Но приготовленный Тимуром удар не попадает в цель: Улек отвечает, что этот человек уже давно ей безразличен. И действительно, она так же равнодушно-высокомерна с Уркуром, как со всеми. Тимуру хочется, чтобы скорее кончился этот мучительный обед, чтобы ушли гости. Гости — простые и грубые люди — грубо шутят: Хану хочется поскорей остаться с женой.

Ночь с Улек — для Тимура еще мучительней. Бросив себе войлок, он ложится отдельно от Улек, у порога. Но он слышит, как Улек раздевается, потом слышит ее дыхание: она заснула. Он осторожно подходит к ней, долго смотрит на нее, возвращается на свой войлок. И тогда Улек открывает глаза: она только притворялась спящей...

Утром, выйдя наружу, Улек не узнает окружающего. За ночь все изменилось. Везде — люди, кони, знамена, бунчуки, юрты, великолепная палатка: ночью прибыла свита и двор Тимур-хана. Полог палатки открыт и там, замешавшись в толпу снаружи, Улек видит Тимура во всей его славе, на троне, окруженного придворными, вассалами. Он принимает чужеземных послов.

Гнев еще видимо кипит в нем, он говорит резко и непреклонно. Когда посол от русских князей жалуется ему на набег монгольских шаек, Тимур соглашается, что это беспорядок: вместо шаек будет послана армия.

Когда китайский посол в цветистых выражениях напоминает Тимуру, покойный Кучар-хан всегда платил дань китайскому императору, Тимур заявляет, что скоро он сам с войсками будет в Пекине и поговорит с императором.

Монголы — в восторге от ответов своего повелителя, от его силы. Это настроение против воли захватывает и Улек — и только гордость удерживает ее от того, чтобы не закричать вместе со всеми.

По окончании приема Тимур ведет вассалов и послов на курган и показывает им выстроенную за ночь страшную человеческую башню.

Улек знает, что Тимур сегодня же отбывает обратно к своей армии, она ждет, что он зайдет к ней, но он уезжает, не простившись. К Улек заходит только кузнец, чтобы передать ей от имени Тимура, что если она хочет — она может ехать куда ей угодно. Улек оскорблена этим, кажется, еще больше, чем прежним своим положением пленницы. Она кричит, что если так — то она ни за что и никуда не уедет отсюда, хотя бы ее тащили силой. Кузнец смеется: «Хочешь оставаться здесь — оставайся, это нам все равно...

Играет нежная музыка. Во дворце китайского богдыхана происходит обед. В числе присутствующих — дочь богдыхана, красавица Хуа-лу, посол, ездивший к Тимуру, комендант Пекина и другие.

Все здесь совершенно непохоже на дикую грубость монголов: здесь во всем видна давняя культура, все происходит согласно пышному церемониалу, который ни в каком случае не подлежит нарушению. Обед полагается из двадцати блюд. Но странно: все съели по тарелочке риса, а дальше — подают пустые тарелки, и тем не менее все делают вид, что едят...

Все объясняется очень просто: Пекин давно осажден войсками Тимура, город голодает.

Слышны отдаленные крики. Слуга вызывает коменданта в соседний покой. Растерянный офицер сообщает коменданту, что монголы пробили брешь в стене, они вот-вот ворвутся в город. Комендант тихо докладывает об этом богдыхану. Богдыхан, сохраняя установленную улыбку, замечает коменданту, что он все время ручался за неприступность Пекина. Комендант учтиво извиняется: он не хотел огорчать повелителя, он признает свою вину — и комендант спокойно, на глазах у богдыхана, принимает яд.

Богдыхан посылает к Тимуру посла, чтобы на любых условиях заключить мир. Обед продолжается, конец еще нескоро...

Тимур принимает посла в походной юрте. Он задерживает посла в качестве заложника и отправляет для переговоров к богдыхану кузнеца. Посол испуган перспективой, что в чинной атмосфере дворца, перед принцессой Хуа-Лу появится этот веселый грубиян. Он просит послать вместе с кузнецом кого-нибудь еще. Тимур настроен весело, подумав он обещает, что даст кузнецу в подручные надежного человека.

Когда во дворце богдыхана подают чай — появляются послы Тимура: один из них кузнец, в другом, слегка прихрамывающим, мы узнаем самого Тимура, который решил воспользоваться случаем, чтобы самому увидеть состояние защиты города.

Кузнец ведет себя во дворце совершенно непринужденно, ежеминутно, к огорчению китайцев, нарушая церемониал. Ему, конечно, нужен не чай, а что-нибудь покрепче: ему подают рисовой водки. Он пьет ее чашку за чашкой. Но водка оказывается крепче кумыса: кузнец скоро пьянеет и начинает выкидывать такие шутки, которые приводят китайцев в ужас.

Принцесса Хуа-Лу, очевидно, уже давно умирала со скуки в этой чинной атмосфере: она в восторге от послгов, от испуга придворных, она хохочет как ребенок. Она уже сидит на коленях у Тимура и с восхищением смотрит, как он для ее забавы гнет в трубку золотые тарелки.

В это время разражается катастрофа: разгулявшийся кузнец дернул за бороду богдыхана. Это уж чересчур! Рассерженный Тимур, схватив кузнеца за шиворот, выпихивает его из комнаты и берет переговоры в свои руки. Он требует определенное количество золота, шелка, коней. Он согласен, чтоб это называлось не данью, а подарком, но есть еще добавочное условие: китайский император отдает свою дочь Хуа-Лу в жены Тимуру. Император заявляет, что это, к сожалению, невозможно: принцесса Хуа-Лу никогда на это не согласится. Принцесса Хуа-Лу задумывается. Она спрашивает: что за человек Тимур? «Он похож на меня», — отвечает Тимур. Хуа-Лу радостно хлопает в ладоши: если это так — она согласна.

Известия, что Китай — во власти Тимура, достигают Европы одновременно со слухами о том, что следующий свой удар монголы обрушат на Запад.

У венгерского короля Бела во дворце собралась «Лига Наций» — представители главных европейских держав: Франции, Италии, Польши, принц Генрих Познанский, магистр ордена Тамплиеров, русский удельный князь. Обсуждаются меры для общей борьбы с варварами, все согласны, что необходимы коалиции. Но споры об условиях союза быстро переходят в ссору, и рассерженный король Бела объявляет собрание закрытым.

Тимур тем временем вернулся к себе, в родное становище — в сопровождении новой жены Хуа-Лу. Очаровательная, веселая как ребенок китаянка забавляет Тимура, но в его душе по-прежнему живет образ гордой и непобедимой Улек. В борьбе с нею у Тимура теперь есть великолепное оружие: Хуа-Лу. Китаянка не менее красива, чем Улек и — дочь китайского императора — она выше по происхождению. Улек невыносимо страдает от ревности, но она делает все, чтобы скрыть это.

Улек необычайно ласкова с Хуа-Лу, она осыпает ее похвалами, подарками, поцелуями. Когда она видит, что Тимур начинает хмуриться, мрачнеет, она удваивает свою любезность к Хуа-Лу и как будто совершенно не замечает присутствия Тимура. Китаянка недовольна монгольской едой, она скучает по фруктам, к которым привыкла в Китае. У Улек есть в запасе фрукты, она прикажет сейчас же подать их. Тимур, не дожидаясь, угрюмо уводит китаянку в ее юрту спать. Хуа-Лу, как ребенок, огорчена тем, что не получила лакомства. Но скоро она утешена: ей приносят фрукты от Улек в ее юрту.

Тимур запрещает Хуа-Лу есть фрукты. Она готова заплакать: почему Тимур так жесток с ней? Тимур, не отвечая, бросает несколько плодов обезьянке — любимице Хуа-Лу. Обезьянка съела фрукты без всяких

дурных последствий. Тогда сам Тимур берет и пробует персик. Только убедившись, что он ошибся и что фрукты не отравлены, Тимур дает персик китайке.

Улек в это время подкрадывается к юрте и, до крови кусая от волнения губы, прислушивается, что там происходит. Уже поздняя ночь. Раздетая Хуа-Лу, лежа в постели и играя с обезьянкой, продолжает есть фрукты. Тимур в глубокой задумчивости, не глядя берет фрукты из корзины и дает китайке. Он не видит, что из-под фруктов поднимается голова змеи.

Это видит Улек, приподнявшая в этот момент полу юрту. Это видит обезьянка, выпрыгнувшая в страхе из рук хозяйки. И тогда замечает змею китайка. Но и она, и Улек от ужаса на мгновение онемела.

Когда Улек вскрикивает, чтобы предупредить об опасности Тимура — уже поздно: змея ужалила его. Улек, разумеется, послала змею не для него, а для соперницы-китайки. Теперь Улек кидается к Тимур и, схватив укушенный змеей палец, высасывает яд. Она плачет, целует его руки, она сквозь слезы просит простить ее: она не хотела — она любит его...

Тимур все понятно теперь и без ее слов: он счастлив, он завоевал Улек, это может быть самая трудная из его побед. Забыв о Хуа-Лу, он берет Улек в свои объятия и несет ее в свою юрту.

Улек и Тимур — вдвоем. Долгая любовная война между этими двумя сильными людьми сейчас, очевидно, найдет разрешение в счастливой развязке. Но едва Тимур прижимает ее губы к своим — как Улек вскрикивает от боли и отталкивает Тимура. Одно мгновение он не понимает: как, и теперь Улек не хочет сдаться? Но сейчас ему становится ясна страшная истина: высосав яд, Улек погубила себя — ее губы были искусаны.

Утро. Около постели Улек стоят Тимур, шаман Кокчу, мусульманский врач. И Кокчу, и мусульманин — признали себя бессильными спасти Улек. Сейчас придет буддийский монах Чанг-Чун, о котором говорят, что он знает секрет бессмертия, что он святой, чудотворец.

И в самом деле: ни чудо ли? — едва вошел этот монах, как метавшаяся в бреду Улек тихо засыпает, это — хороший знак. «Осторожней, не разбуди ее!» — шепчет обрадованный Тимур монаху. — «Она только что заснула». Монах смотрит на Улек: «Она заснула навсегда»...

Тимур, не веря, бросается к Улек, обнимает ее, трясет: нет, она мертва. От отчаяния он переходит к бешеному гневу: как смел монах лгать, что человек — бессмертен? Монах спокойно отвечает, что бессмертен человеческий дух, бессмертна человеческая слава: имя Тимура будет жить в веках и в века он уведет за собой Улек.

Тимур высылает всех из юрты, он хочет остаться с Улек вдвоем. Снова, как это уже было когда-то, одна скупая слеза ползет по его окаменевшему лицу. Откуда-то из угла слышен плач: это забытая всеми китаянка, спрятавшаяся в угол. Она бросается к Тимуру и обняв его начинает по-детски, смешно утешать ...

Рядом с тем курганом, на котором высится «башня пленных» — памятник жестокости Тимура, высится другой курган — памятник его любви к Улек. Тимур медленно поднимается с земли. Его лицо еще тверже, чем обычно, в его голосе еще больше металла, чем всегда. Он объявляет собравшимся о новом походе. «Куда?» — спрашивает кузнец. «Туда, на запад», — показывает Тимур.

Далеко в степи садится солнце. Черный силуэт Тимура на коне, наверху кургана. Мимо Тимура медленно проходят колонны его конницы, склоняя знамена и приветствуя своего вождя дикой музыкой бубнов и кликами. Они движутся в ту сторону, где садится солнце. Вот уже темно, только издали слышна музыка и имя Тимура.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Замятин использует мотивы баллады и трагедии А.К. Толстого.

Действующие лица:

ЦАРЬ ИВАН

ЦАРИЦА — очень нежная, женственная.

ВАСИЛИСА — молодая красавица — вдова, может быть — цыганской крови: темпераментная, быстрая.

ВАСИЛИЙ (ШИБАНОВ) — ее брат. «Кремень-человек».

СТАРУХА-МАМКА ЦАРЯ.

КНЯЗЬ ТУРУНТАЙ ПРОНСКИЙ

ПРОТОПОП СИЛЬВЕСТР

МОНАХИНЯ

Главные заговорщики против Царя.

ФЕДОР, сын Турунтая — позже опричник.

МАЛЮТА и другие опричники.

ТЮРЕМНЫЙ СВЯЩЕННИК

«ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ» — разбойники.

БОЯРЕ, НАРОД, ИНОСТРАННЫЕ ПОСЛЫ, ЛОДОЧНИКИ, КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ-ВЕЛИКАН и т.д.

Лес. Царская охота. Проносится татарин-всадник, предупреждая о приближении Царя Ивана.

Быстро едет Царь. Вдруг откуда-то сбоку — выстрел. Царь еле успевает пригнуться: пуля пробила шапку. Царь кидается по направлению выстрела, но оттуда — стреляют еще раз. Пригнувшись, Царь круто поворачивает коня назад и, спасаясь, мчится со всех опор.

Охота происходит недалеко от подмосковной деревни опального князя Турунтая Пронского. У него — собрались заговорщики: несколько бояр и протопоп Сильвестр. Они получают известие, что организованное ими покушение на Царя Ивана не удалось. Они быстро расходятся, поручив Турунтаю с Сильвестром осуществить какой-то новый план.

У князя Турунтая в каморке сидит под замком молодая красавица — вдова Василиса: Турунтай силой увез ее из дома и надеется раньше или позже овладеть ею. Василисе удастся выбраться из комнаты, где она заперта. Она становится невольной свидетельницей подготовляемого Турунтаем и Сильвестром нового покушения на Царя: заговорщики дают Монахине крашеное яйцо, а в краске — отравы. Монахиня должна

передать это яйцо Царю во время Пасхальной Заутрени в монастыре. Василиса убегает из усадьбы Турунтая, чтобы предупредить Царя об опасности.

От речной пристани отчаливает барка Царя Ивана. Проводы, народ, какой-то иностранный посол, величие, стяги. Царя уже не видно: он в каюте.

После всего этого величия — совершенно неожиданная картина: в каюте — Царь с Царицей, испуганные, затравленные, прижавшиеся друг к другу. Царица со страхом разглядывает простреленную шапку Царя. Кругом — их враги, злоумышленники — бояре. На каждом шагу подстерегает опасность. Царь хочет съесть яблоко — Царица отнимает у него и выбрасывает яблоко за окно...

Василиса опоздала: подбежав к реке, она видит уже далеко отплывшую царскую барку. К пристани подкатывает возок с Монахиней, она занимает единственную имеющуюся здесь лодку, чтобы ее довели до монастыря. Чтобы попасть на эту же лодку и вовремя добраться в монастырь, Василиса решается на отчаянный поступок: как будто оступившись, она падает с шаткого без перил моста в реку, кричит: «Тону!» Люди в лодке ее вытаскивают, она едет дальше с Монахиней, понемногу догоняя царскую баржу.

Эта ночь — ночь под Пасху. Идет пасхальная служба в монастыре. Перед церковной дверью — народ со свечами, в ожидании, когда запоют: «Христос Воскресе». Царь и Царица здесь — совсем просто одетые, инкогнито, но народ узнает их. Видно, что простые люди — любят Царя. Начинается обряд «христосования».

Василиса замечает людей Турунтая, явно ее ищущих. Она еще может скрыться, она колеблется... Но все-таки решается и подходит к Царю. Она взволнована, ее губы обжигают Царя в пасхальном поцелуе. Вот уже кажется — она успеет сказать Царю о грозящей ему опасности. Но Царица, ревнуя, отзывает Царя к себе, а Василису уже окружили, оттеснили люди князя Турунтая. Подосланная заговорщиками Монахиня выполняет свою миссию: христосуясь с Царем, дает ему яйцо «из Иерусалима»: его нужно съесть натошак.

Рассвет. После пасхальной ночи, звон колоколов. Царь Иван с Царицей — в спальне. Любовная сцена. Они голодны. Расставленных перед ними великолепных яств они боятся. Они крадут горшок щей, приготовленных для прислуги: это уж наверно не отравлено! Едят — им смешно. Вдруг Царица вспоминает: а это «иерусалимское» яйцо? — ведь его надо было съесть натошак! Ну, когда-нибудь потом...

В эту же пасхальную ночь к своим родителям неожиданно заявляется Василий Шибанов — брат Василисы. Старики перепуганы: они

знают, что сын их — «эмигрант», он бежал в Литву вместе с своим господином — князем Курбским. Они не рискуют оставить его у себя на ночь. Василий хочет хоть взглянуть на сестру Василису — и узнает, что она увезена князем Турунтаем. Он уходит в лес: он понимает, что ему — такому опасному человеку — никто не даст приюта.

В лесу — лагерь «вольных людей», попросту говоря — разбойников. Идет веселая игра: двое лупят друг друга поленьями по животам — кто больше выдержит? Часовые приводят пойманного возле лагеря Шибанова. Взять с него нечего. Атаман приказывает отпустить его — ради праздника. Но Василий просит разрешения остаться: ему некуда идти. Ему дают место у котла, крашенное яйцо...

Утром, проснувшись, Царь дает «иерусалимское» яйцо Царице. Она съедает и умирает. Иван, до сих пор показанный тихим, ласковым, спасающимся от врагов — становится Грозным. Отчаяние у него сменяется яростью: кто отравил любимую жену?⁹³

В церкви, где еще недавно была веселая пасхальная служба, теперь — гроб с телом Царицы, возле него — Царь.

Собираются монахи, Сильвестр, бояре. Боятся начать службу: Царь — страшен. В тишине Царь подходит к боярам и молча заглядывает каждому в глаза: кто? кто из них был отравителем? как узнать? Он раздражается страшными угрозами по адресу бояр, он кричит, что бросит царство, уйдет в⁹⁴ монахи. Он выгоняет бояр из церкви, он с своим остроконечным посохом гонится за ними. Он слышит одобрительный шепот среди собравшихся около церкви бедных дворян — и он тут же начинает набирать из них «опричников», чтобы они верно служили ему — чтобы они грызли его врагов — бояр, как собаки, выметали их как метлой.

И отряды страшных «опричников» — с метлами и собачьими головами у седел — уже несутся в разные стороны по дорогам...

У князя Турунтая — новое собрание заговорщиков. До них уже дошли слухи о рыщущих повсюду опричниках, о неистовой ярости Ивана, ставшего Грозным. Василиса — снова в плену у Турунтая, на этот раз крепко запертая в подвале. Сильвестр предлагает уничтожить ее: слишком опасно оставлять ее в живых. Но влюбленный старик — Турунтай спорит, не хочет.

Вбегает смертельно перепуганный слуга с криком: «Опричники!» Веселые, подвыпившие молодцы с метлами с собачьими головами запирают опешивших заговорщиков. Заговорщики ждут пытки, смерти,

⁹³ Зачеркнуто: *Призванный для допроса старик (нрзб) трясется от страха, путается в показаниях — Царь на месте убивает его. И сейчас же от старухи-мамки узнает, что (нрзб) убит безвинно: яйцо было*

⁹⁴ Зачеркнуто: *монастырь*

конца — и удивлены, что конец этот все еще не наступает. В доме — страшная тишина. Кто-то посильнее — решается, наконец, выломать дверь. От старика-слуги узнают, что «опричники» отпустили на волю всю дворню и увезли с собой Василису. Заговорщики не понимают, что это значит.

Это, значит, конечно, то, что мнимые «опричники» были шайкой «вольных людей», помогших Шибанову освободить его сестру Василису.

При свидании брата с сестрой выясняется, что Василий приехал из Литвы с опасным поручением: увидеть Царя и передать ему письмо от Курбского — письмо с дерзкими обличениями. Для Василия — это почти верная смерть. Василиса должна забыть, что она — его сестра: иначе гнев Царя обрушится и на нее.

Царь в застенке с Малютой. Он сам ведет допрос, он во что бы то ни стало хочет разыскать виновников смерти Царицы. Из всех показаний ясно, что эту тайну знают две женщины: Монахиня, вручившая Царю отравленное пасхальное яйцо, и женщина, подошедшая к Царю во время пасхальной заутрени (Василиса). Но обе эти женщины бесследно <исчезли>. Бешеный гнев Царя обрушивается на невинных. Он и сам знает это, но уже не в силах справиться с собой.

Вечером в спальне — Царь с своей старой мамкой. Ей Иван Грозный не страшен: для нее — это все тот же мальчик «Ваня», способный на самые жестокие выходки и потом жалеющий о них. Мамка сурово укоряет «Ваню», грозит ему Божьей карой.

Накинув монашеское платье, Царь выскакивает из спальни. Бросается к колоколу, звонит. Это — почти набат. С факелами появляются на дворе опричники — тоже в монашеских одеждах. Шествие к церкви. Царь падает ниц у двери церкви, он до крови бьется головой о порог, он чувствует себя недостойным войти...

Тем временем у ворот монастыря появляется посетитель, которого здесь, казалось бы, можно было ждать меньше всего: это — князь Турунтай. Он знает, что Василиса на свободе, что это каждую минуту грозит ему разоблачением — и он решается на рискованную диверсию: он приехал, чтобы предложить Царю своего сына в опричники. Размягченный порывом покаяния Царь прощает самовольное появление опального князя и принимает его сына Федора в опричники. Мрачная церемония приема: Федора заставляют отречься от отца, от матери, не щадить ради государева дела никакого.

Пир Царя и опричников, переходящий в дикий разгул. Во время пира Царя вызывает Малюта и докладывает, что появилась одна из женщин, держащая в своих руках тайну отравления Царицы. Это, конечно, Василиса. Царь говорит, что не помнит ее лица, но у него до

сих пор в памяти ее поцелуй. Василиса целует его — и Царь узнает: это она! Василиса открывает Царю имя главного виновника смерти Царицы — Турунтая.

Царь возвращается на пир. Сначала он не подает вида, что ему уже все известно о Турунтае. Он играет с ним как кошка с мышью, он необычно милостив с князем. Полупьяный князь быстро входит в роль царского любимца, он уже наглеет. И вдруг кубок вина ему подносит... Василиса! Царь Иван мгновенно вновь становится Грозным. Князь Турунтай уличен. Царь приказывает новому опричнику, сыну князя — убить преступника: отца. Турунтай поминает, что смерти ему теперь все равно не миновать. Он приказывает сыну выполнить распоряжение Царя — с тем, чтобы сын остался жить и отмстил Василисе⁹⁵.

В ту же ночь после пира — Василиса становится любовницей Царя. Он берет с нее слово, что она никогда не будет просить у него милости для его врагов, он заставляет и ее принести опричничью клятву.

Утром Царь отдает какой-то таинственный приказ Малюте. О том, что затекает Царь — не знают даже опричники. В монастыре — тишина, все чего-то ждут. Это — уже начало мая — и вдруг начинает неожиданно идти снег, падает на расцветшую сирень. В этом видят предвещание чего-то необычайного. Жутко и Василисе. Она жалуется Царю, что ей холодно. Царь усмехается: «Ничего, к вечеру согреемся...»

К вечеру Царь приказывает седлать коней. Черная кавалькада монахов-опричников, в главе с Царем, едет в тишине. Рядом с Царем — Василиса. Въезжают на высокий холм, ждут. И вдруг видно, как вдали сразу вспыхивает пламя в нескольких местах. Слышны далекие крики, набат: горит Москва — Царь выжигает там «боярские гнезда». Он вспоминает, как «Неронище» спалил Рим. Он разрешает опричникам — поехать в Москву «позабавиться». Сам возвращается с Василисой в свои монастырские покои.

Царь — страшен и весел. В открытое окно доносится набат. У Царя — протопоп Сильвестр⁹⁶, он бледен, он ссылается на болезнь. Ничего не подозревая, Царь советуется с ним, как найти последнего, оставшегося еще не обнаруженным преступника. Это — священник или монах: тогда, в доме Турунтая, Василиса не видела его лица, он сидел к ней спиной. Волнение Сильвестра бросается Царю в глаза и рождает в нем кажущиеся ему невероятным подозрения. Он отпускает Сильвестра, призывает изобретателя и художника итальянца и дает ему какой-то секретный заказ.

⁹⁵ Зачеркнуто: *и царю*

⁹⁶ Аналогичный персонаж в сценарии «Владыка Азии»: великий шаман Монголии Кокчу.

Набат становится сильнее. Василиса выходит в сад — посмотреть на пожар. В саду за оградой мелькает и прячется какая-то тень. Что это, новое покушение на Царя? Но едва она хочет крикнуть охрану, как узнает знакомый голос: это — брат, Василий. Она испугана и обрадована его появлению. Брат просит Василису заступиться перед Царем за истребляемую беспощадно Москву. Василиса отказывается: она — опричница, она связана клятвой. Василий предупреждает ее, что на Троицу он наверное добьется приема у Царя, это будет конец, они видятся вероятно последний раз. Они целуются, прощаясь, быть может, навсегда.

Следивший за Василисой сын Турунтая видит эту сцену. Торжествуя, он докладывает Царю, что только что видел свидание Василисы с любовником.

Царь потрясен: неужели и тут измена? Он грозит доносчику, что если он оклеветал Василису и не докажет своего обвинения — ему не жить.

Вечером Царь приглашает Сильвестра, чтобы тот помог ему уличить «колдуна»-итальянца. Тушится свет. Тишина, ожидание. Затем возникает полоса света, в которой появляются какие-то туманные видения. Видения становятся все яснее — и вдруг становится отчетливо видно: князь Турунтай, Монахиня и Сильвестр — сцена из заговора, так, как ее видела и описала Василиса. Все это устроил итальянец при помощи только что изобретенного тогда «волшебного фонаря»⁹⁷. Суеверный Сильвестр не выдерживает и бросается вон из комнаты. Последний из главных злодеев — уличен, его ждет жестокое наказание.

Наступает праздник Троицы. Этого дня со страхом ждет Василиса: этот день — будет роковым для ее брата.

Царь сегодня, кажется, милостив. Он, Василиса, опричники, девушки выходят из церкви с цветами. Всюду — березки.

И березками украшен круг на лугу, где устроено излюбленное развлечение Царя: кулачный бой. Боец — опричник-великан, любимец Царя. Царь замечает хвастливого молодого шляхтича — и предлагает ему биться с опричником. Шляхтичу ничего не остается, как принять предложение. Великан одним ударом вбивает его в толпу хохочущих зрителей. Больше желающих не находится — и, кажется, уже на этом кончится бой. Но вдруг Василиса, тоже присутствующая на кулачном бою, видит: из толпы зрителей выходит на круг ее брат... Снова — хохот: перед великаном-бойцом Василий кажется таким маленьким и слабым. Но, к удивлению всех, ему удается одолеть великана: великан сбит, он лежит на земле, его отливают водой.

⁹⁷ Проекционный аппарат изобретен в середине XVII в., уже после смерти Ивана Грозного. Предшественник кинопроектора.

Победителя ведут к Царю. Это именно то, чего добивался Шибанов. Сын Турунтая успевает шепнуть Царю, что это и есть — любовник Василисы, которого он видел в саду ночью с ней. Шибанов передает Царю письмо Курбского. Царь зловеще-ласково предлагает ему прочесть вслух. Едва он успевает прочесть первые дерзкие фразы, как опричники кидаются, но Царь останавливает их. Он встает, подходит к Шибанову и ставит ему на ногу свой остроконечный посох, опирается на него и приказывает продолжать чтение. Царь отходит — посох остается в ноге Шибанова, он стоит пригвожденный, но преодолевая боль — продолжает читать⁹⁸. Царь останавливает его, он хвалит мужество Шибанова. Пусть же этот верный слуга князя Курбского выпьет за здоровье своего господина — князя Курбского. И Царь приказывает Василисе поднести Шибанову кубок.

Василиса знает, что кубок отравлен. Она видит, что Царь не спускает с нее глаз. Она подносит кубок брату. Тот с горечью благодарит: он понимает, что в кубке — смерть. Он смотрит сестре в глаза. Василиса не выдерживает — и как будто нечаянно опрокидывает кубок в тот момент, когда Василий начинает уже пить.

Царь мгновенно меняется. На губах у него — пена. Он кричит, чтобы их обоих — и Шибанова, и Василису — увели в застенок. Для Царя — эта сцена доказала, что донос сына Турунтая не был клеветой: посол Курбского — конечно, любовник Василисы.

Ночью — в застенке. Обнаженное прекрасное тело Василисы. Царь, Малюта, сын Турунтая — уличающий, торжествующий. Царь не хочет, чтобы он видел Василису почти нагой, он с ненавистью выгоняет донощика. Василиса стоит на своем: любовника у нее не было, она любит только Царя. Царь приказывает привезти для очной ставки Шибанова, но Малюта шепчет Царю, что Шибанова уже нет в живых: он успел выпить глоток из поднесенного ему Василисой кубка, этого было довольно. Единственный свидетель, признание которого могло бы спасти Василису — уже не существует. Царь приказывает привязать ее к пыточному станку. Ее привязывают, а она говорит Царю нежные, любовные слова. Он боится, что не выдержит этого обольстительного голоса — и уходит, затыкая уши.

Утром приема у Царя ждет посол польского короля Батория, посол королевы Елизаветы Английской. Но Царь никого не принимает, он заперся в спальне. С ним старуха Мамка. Он, как мальчик, уткнув к ней голову в колени, со страхом прислушивается: он ждет стука топора, от удара которого упадет прекрасная голова Василисы.

⁹⁸ Замятин заимствует эпизод из баллады А.К. Толстого «Василий Шибанов» (1840-е гг.).

Голоса за окном. Царь видит: там сын Турунтая ведет к осужденной тюремного священника. Последняя попытка: Царь призывает их обоих и заставляет сына Турунтая присягнуть на Кресте и евангелии, что он не лгал. Тот присягает. Теперь судьба Василисы, по-видимому, окончательно решена.

Прибегает Малюта: осужденная хочет видеть Царя. Но Царь боится этого последнего свиданья и, собрав всю силу воли, он отказывается пойти к Василисе.

Приходит взволнованный священник: Василиса только что присягнула на Кресте и Евангелии, что Шибанов никогда не был ее любовником. Кто же из двоих — она или сын Турунтая — солгали перед Крестом? Царь идет в тюрьму и там Василиса открывает ему тайну, что Шибанов был ее братом. Царь отменяет ее казнь. Но так как она все-таки обманула его, покрыла преступного брата, он уже не может полностью, как раньше, доверять ей. Царь решает расстаться с ней: он приказывает постричь ее в монахини.

Церковная служба — пострижение Василисы. Это — церемония погребения заживо. Падают роскошные⁹⁹ черные косы Василисы, отрезанные священником. Ее уже нет: есть «мать Виталия».

Теперь Царь пробует вернуться к делам. На него обрушивается удар за ударом: отказ польского короля от заключения мира, известие о взятии городов, о набегах татар, об измене одного из воевод. Царь сидит, закрыв голову руками, и слушает — и вдруг голова его тяжело стучается о стол. Смятение. Прибежавший врач говорит, что Царь жив — это только обморок. Царя переносят в постель.

За окном уже падает снег: зима. Царь тяжело болен. Никого нет с ним, даже его старой Мамки: она тоже больна. Только Малюта, как верный пес, возле него. Но Царь прогоняет и его: «Уйди! Ты мне противен!» Он страшится смерти, он уже не верит своим докторам. Все лекарства он дает предварительно попробовать своему любимому попугаю, попугаю лекарства не по вкусу — и царь отказывается от них.

Прогнав докторов, он приказывает привести из тюрьмы лапландца-шамана, посаженного за «колдовство». Шаман должен сказать, выздоровеет Царь или умрет. Шаман начинает свой жуткий ритуальный пляс с бубном — «Камланье»¹⁰⁰. Он предсказывает Царю смерть через 10 дней.

Эти последние дни бегут с такой же неумолимой быстротой, как пересыпается песок в песочных часах Царя Ивана. Царь подписывает завещание. В соседней комнате, не снимая шуб, толкуются бояре. Царя вывозят к ним. Он на коленях просит прощения в своих грехах перед ними. Один из бояр испуганно начинает поднимать Царя — и Царь снова на миг

⁹⁹ Зачеркнуто: *волосы*.

¹⁰⁰ Замятин также использует сцену камлания в сценарии «Владыка Азии».

становится Грозным. Он кричит на боярина: как смеет он прекословить Царю? Царь волен во всем, если захочет, унижаться перед своим холопом! «Дай руку!» — приказывает он — и целует руку замершего от ужаса боярина. Потом встает и его же ударяет по лицу. Кажется, на это ушли его последние силы: он шатается, его подхватывают и уводят.

Он снова лежит один — и слышит в соседней комнате тихие, радостно-возбужденные голоса бояр: они радуются смерти тирана. Царю ясно: вся мучительная борьба его, все грехи, которые он взял на себя — все было напрасно. Попугай, как бы дразня, кричит ему: «Царь! Царь!» Царь приманивает птицу и сворачивает ей шею...

Наступил последний, предсказанный шаманом день. Царь не встает с постели, ждет смерти. От него только что ушел митрополит. В соседней комнате разводят ладан, зажжены восковые свечи.

Но вот свечи уже догорают. Все ходят на цыпочках, шепчутся. Царь — не то уснул, не то мертв.

И вдруг — вздрагивают: слышен его голос. Он проснулся, потягивается, приказывает дать вина и еды. Он чувствует себя так хорошо, как уже давно не чувствовал. Солнце уже зашло — проклятый шаман обманул!¹⁰¹ Врач заявляет Царю, что все идет хорошо, но только он не должен волноваться.

Царь перечисляет Малюте бояр, голоса которых он узнал — эти бояре радовались его смерти. Но он еще поживет назло им, они узнают Ивана Грозного! Врач снова напоминает Царю, что волнения ему вредны: пусть он забудет о делах и развлечется чем-нибудь.

Царю приносят драгоценные камни: он хочет выбрать подарок для племянницы английской королевы Елизаветы. Эта племянница — его будущая невеста. Пусть дьяк сейчас же сочинит письмо ей. А пока Царь сыграет с врачом в шахматы.

Царь побеждает в игре, он доволен. Он преследует королеву противника — он шутя называет ее своей «невестой»¹⁰² англичанкой» — он сейчас возьмет ее!

Но в этот момент, когда он уже заносит руку, чтобы взять «невесту» — в дверях появляется фигура монахини. Это — Василиса, теперь — «мать Виталия». Ей сказали в монастыре, что Царь кончается — и она не выдержала: несмотря на все запреты, пришла проститься с ним.

Царь смотрит на нее, как на привидение. Потом на лице его — счастье, он приподнимается, тянется к ней — и, опрокидывая шахматы, падает с кресла — мертвый.

¹⁰¹ Толстой А.К. Смерть Иоанна Грозного (V): «Кириллин день еще не миновал!»; Шекспир У. Юлий Цезарь (III, 1): «Ну вот и иды марта наступили. — Да, Цезарь, но еще не миновали».

¹⁰² Зачеркнуто: *английской*

ПРИНЦЕССА ВАНИНА

1936.

В сценарии семь машинописных страниц с авторской правкой и рукописными дополнениями. Русское заглавие «Ванина Ванини» зачеркнуто и заменено на французское: “La princesse Vanina. Exposé du scénario” (Принцесса Ванина. Заявка сценария). На первой странице штамп парижского литературного агентства Михаила Гофмана, основанного в 1934 г. (Michael A. HOFFMAN. / PARIS (15e) / 62, Rue Voileau, 82 / Tél. Jasmin 35–32). Агентство многие годы занималось авторскими правами Замятина, перешедшими к его вдове. Главным делом Михаила Гофмана было продвижение на французском литературном рынке американских и английских писателей, в том числе Джона Стейнбека и Генри Миллера. Поскольку агентство Гофмана не смогло пристроить сценарий, Замятин зачеркнул штамп и копирайт агентства на последней странице и указал, что сценарий был депонирован в Обществе драматургов и театральных композиторов (Manuscrit de l’adaptation est déposé dans la S-té des Acteurs et Compositeurs Dramatiques à Paris / Tous droits réservés. / Copyright 1936 by Agence Hoffman, Paris, France).

Эта машинопись, переработанная Замятиным, видимо, была использована для новой копии, отправленной в Общество (там она не сохранилась).

La princesse Vanina
Exposé du scénario¹⁰³
Евг. Замятин¹⁰⁴

1. Рим¹⁰⁵. 1820–30 годы¹⁰⁶.

В паллацо одного из министров — блестящий бал. Происходят выборы «королевы бала». Видно все больше бюллетеней с именем: «Ванина Ванини».

Паллацо — недалеко от знаменитой тюрьмы — Замка св. Ангела. По коридорам тюрьмы проходит группа кавалеров и дам — гостей коменданта, которым он на прощанье показывает свои владения и через

¹⁰³ Дописано карандашом. Зачеркнуто карандашом: *ВАНИНА ВАНИНИ*.

¹⁰⁴ Дописано чернилами.

¹⁰⁵ Зачеркнуто карандашом: *двадцатые годы прошлого века*.

¹⁰⁶ Дописано карандашом.

стеклянные глазки в дверях камер демонстрирует наиболее знаменитых своих клиентов.

От одной из дам тюремный сторож незаметно получает небольшой сверток и, улучив момент, просовывает его в дверь какой-то камеры. Через минуту из этой камеры выскальзывает изящно одетая молодая женщина. Уже недалеко от выходной двери в мрачном, полуосвещенном вестибюле, она вмешивается в группу уходящих гостей коменданта. Через открытое в вестибюле окно слышны звуки¹⁰⁷ бального оркестра, играющего торжественный туш.

Этот туш — приветствие только что избранной «королеве бала» княжне Ванине Ванины. Гордый триумфом Ванины, старый князь, ее отец — делает с ней круг в танце и уезжает с бала, поручив свою дочь заботам молодого маркиза Савелли, которого он прочит в мужья своей дочери.

Покорная влюбленность Савелли — видимо, давно надоела эксцентричной красавице Ванине. Заявление Савелли, что он готов выполнить любое приказание, любой каприз «королевы» — дает Ванине взбалмошную идею: в нескольких шагах, в кресле, видна чья-то сияющая розовая лысина — пусть Савелли пойдет и поцелует ее. Сидящий оборачивается — Савелли узнает лорда X., английского посланника. Савелли в ужасе: если он выполнит приказание Ванины, разыграется грандиозный скандал. Насмешки Ванины подзадоривают его, он пробегает к лорду X., останавливается сзади его кресла...

Комендант тюрьмы провожая своих гостей, любезно целует руки дамам, называя каждую из них по имени. Так же, как другим, он целует руку молодой женщине, которую мы видели вышедшей из камеры — и смущается: знакомое лицо — но он не может вспомнить ее имени. Молодая женщина смеясь выбегает на улицу. Только через несколько секунд комендант соображает в чем дело, он кричит часовым: «За мной! Лови! Держи!»

...Краснея и бледнея¹⁰⁸ под взглядом Ванины, несчастный Савелли медленно нагибается над лысиной лорда X. Но в самый последний момент судьба избавляет Савелли от скандала: под окнами бальной залы внезапно слышна стрельба, крики погони. Шальная пуля разбивает окно в зале. Оркестр замолкает. Смятение.

Уехавший с бала отец Ванины прогуливается в это время по аллеям сада при доме г-жи В., с которой его связывают давние нежные отношения. Князь и его дама прислушиваются к приближающимся выстрелам и крикам — и вдруг, соскочив с садовой стены перед ними

¹⁰⁷ Зачеркнуто карандашом: *уходящих гостей коменданта.*

¹⁰⁸ Зачеркнуто карандашом: *Красный и бледный*

появляется темная фигура. Она оказывается молодой женщиной, умоляющей спасти ее от преследующих ее солдат — солдаты сейчас ворвутся сюда! Она бледнеет — князь Ванини еле успевает ее подхватить: она ранена.

У задней потайной калитки сада — ждет карета князя Ванини. Взволнованная хозяйка дома просит князя немедленно увести преследуемую незнакомку. Едва князь успевает сделать это, как в подъезд дома стучат солдаты, врываются в сад г-жи В., начинается обыск...

2. На другой день после бала — в старом паллацо князя Ванини. Ванине бросаются в глаза некоторые странности в поведении отца. Она застаёт его спускающимся по лестнице из заброшенных мансардных помещений паллацо, куда никто никогда не ходит. Князь явно смущен тем, что Ванина увидела его. Он запирает на ключ дверь, ведущую на лестницу, и отделяется шуткой от расспросов Ванины.

Ванина заинтригована. Ночью, когда обитатели паллацо расходятся по своим комнатам, Ванина, накинув халат, вылезает из окна своей спальни на террасу, а оттуда, с помощью библиотечной лестницы, взбирается на мансардный балкон. Отсюда, через открытое окно, она видит брошенное на кресло женское платье и в постели — по-видимому, спящую женщину.

Скрип половицы под ногой Ванины. Женщина в мансарде испуганно поворачивается — и встречается глазами с взглядом Ванины. Обе застывают. Ванина первая приходит в себя. Она приближается к незнакомке с извинениями за свое глупое любопытство — и вдруг видит, что лежащая перед ней¹⁰⁹ молодая женщина — забинтована и через повязку на плече проступает пятно крови.

Ванина взволнована. Она сгорает от любопытства и нежного сочувствия к раненой незнакомке, явно пережившей какую-то романтическую драму. Незнакомка умоляет ее не расспрашивать ее ни о чем. Ванина подчиняется. Она — садится на постель к незнакомке и молча, нежно ласкает ее. Когда та узнает, что Ванина — дочь старого князя, она берет с Ванины слово, что князю ничего не будет известно о их свидании. Они расстаются до завтра.

При следующем свидании Ванина находит незнакомку мечущейся в жестокой лихорадке — от воспалившейся раны. Чтобы спасти раненую, явно нужна помощь хирурга. Ванина предлагает привести преданного ей врача, за молчание которого она ручается. Но незнакомка наотрез отказывается. Ванина не желает считаться с этим ее необъяснимым упрямством и заявляет, что завтра придет сюда с врачом.

¹⁰⁹ Машинописная вставка над строкой.

Тогда, к изумлению Ванины, незнакомка начинает покрывать страстными поцелуями ее руки, прося прощение за невольный обман: она — вовсе не «она», а «он». Его имя — Пиетро Миссирили, он — член тайного общества «карбонариев» и бежал из тюрьмы, переодевшись в женское платье. Отец Ванины спас его, раненого, от гнавшихся за ним солдат — и теперь Пиетро скорее предпочтет умереть, чем лишиться свиданий с Ваниной... Ванина, ошеломленная этим открытием, сконфуженная своим более чем легким ночным туалетом, удаляется, заручившись согласием Пиетро на визит хирурга.

3. Визит хирурга играет роковую роль в развитии романа Ванины и Пиетро.

Пиетро узнает от хирурга, что Ванину считают невестой молодого маркиза Савелли, что это — одна из самых знатных и богатых девушек Рима. Пиетро твердо решает подавить в себе зарождающееся чувство к Ванине: он хорошо понимает, что он, бедняк, преследуемый правительством преступник, конечно, ей не пара.

Но именно то, что этого красивого юношу преследуют, что он смело ставит жизнь на карту, что он совсем не похож на изнеженных римских франтов вроде Савелли — именно это и влечет к Пиетро романтическую натуру Ванины.

Едва дождавшись ухода хирурга, Ванина торопится к Пиетро: она с лихорадочным нетерпением ждет продолжения его вчерашних пылких признаний. Но она находит в Пиетро как будто совершенно другого человека, учтливое, сдержанное. Ванина не понимает причины этой перемены. Ее гордость жестоко уязвлена. Она перестает приходить к Пиетро, но это только еще больше разжигает ее чувство к нему.

Однажды хирург сообщает Ванине, что их больной совсем плох. Хуже всего, что у него нет желания жить, и если не произойдет чего-нибудь, что зажжет в нем такое желание — он наверное не выживет.

Ванину ждут внизу гости, Савелли, отец. Но она, пренебрегая риском, немедленно пробирается к Пиетро. Он, собрав все самообладание, встречает ее так же сдержанно, как раньше. Ванина, забыв о своей гордости, бросается к нему, она сама, первая признается ему в своей любви, обнимает, целует его...

Ее любовь производит чудо: Пиетро выздоравливает. Хирург заявляет ему, что он может встать с постели, и покинуть этот дом.

Ванина уверена, что для Пиетро величайшим счастьем будет — навсегда остаться в этом доме. Она знает, что он стесняется своей бедности, что он никогда из гордости не попросит ее руки — и потому она сама предлагает ему щедрый дар: себя и свои огромные доходы. Согласия отца — она сумеет добиться.

Несколько мгновений в Пиетро идет мучительная борьба. Наконец, страшным усилием воли, он заставляет себя сказать, что он вынужден отказаться от счастья, которое ему предлагает Ванина: его жизнь принадлежит родине, партии, борющейся за освобождение отечества от ига чужеземцев. Он не имеет права отдать свою жизнь Ванине — как бы ему этого не хотелось.

Возможность такого оскорбления никогда и не снилось Ванине. Бешеный гнев вспыхивает в ней против «партии», отнимающей у нее Пиетро, и против него самого. Пиетро останавливает ее горькой репликой: «Не забудь, что я уйду из твоего дома не для того, чтобы жить, а для того, чтобы отдать свою жизнь¹¹⁰ — умереть»...

Гордость Ванины снова побеждена — страхом за жизнь любимого человека. После напряженной паузы Ванина заявляет, что она поедет за Пиетро туда, где он будет. Она будет любить его без всякого венчания. Она отдаст свои деньги на помощь тому делу, которому он служит, лишь бы он любил ее...

Так к неожиданно-счастливой развязке приходит эта борьба между любовниками.

Пиетро должен уехать в Романью. Оказывается, у Ванины там есть замок. Решают, что Ванина приедет туда через день-два после Пиетро.

А пока — счастливым любовникам надо расстаться: часы на колокольне уже бьют четыре...

4. Родители, братья и сестры Пиетро сидят за поздним сельским ужином, когда вдруг среди них появляется он сам, которого все считали умершим. Но радость свидания непродолжительна: Пиетро в ту же ночь должен уйти отсюда: за их домом следят.

Так же неожиданно, как в доме своих родителей, Пиетро появляется на собрании местной группы «карбонариев». «Воскресшего» Пиетро шумно приветствуют. На собрании должны произойти выборы нового председателя группы — вместо прежнего, недавно убитого полицией. Несмотря на молодость Пиетро, репутация его такова, что председателем — выбирают его.

Пиетро горд этой честью, но это возлагает на него и большую ответственность: в скором времени должно начаться восстание карбонариев в Романье — и Пиетро по должности становится главой этого восстания. Со всем пылом молодости Пиетро уходит в полную риска и опасностей жизнь конспиратора. Это помогает ему заглушить боль от того, что Ванина, по-видимому, обманула его: давно прошли все сроки, а она не появляется в Романье ...

¹¹⁰ Дописано карандашом.

Ванина в это время, пуская вход слезы, притворство, хитрость, деньги — борется за свое счастье в Риме. Ее отец знает, что ему уж недолго жить, он хочет уйти из жизни, оставив дочь в надежных руках — и поэтому он настаивает на ее немедленной свадьбе с Савелли. Исчерпав все средства, Ванина приказывает Савелли объявить себя тяжело больным. Влюбленный Савелли покорно «заболевает». Ванина получает возможность уехать в Романье.

Известие о приезде Ванины Пиетро получает за несколько дней до срока, назначенного для начала восстания. Но у него еще есть время, чтобы увидаться с Ваниной.

Радостное свиданье любовников с самого же начала омрачается ревностью Ванины. Совершенно естественно, что Пиетро хочется поделиться с ней, тем, что сейчас наполняет его: мыслями о предстоящем восстании — и, может быть, освобождении Романьи. Гордость Ванины снова оскорблена: как он, в это их, может быть, последнее свиданье — может думать о своих карбонариях? Они становятся ей ненавистны, она ревнует Пиетро — к партии.

Рассеянная лаская ее и продолжая думать о своем, Пиетро замечает: «Если это восстание не удастся, если в нашей среде и на этот раз найдутся предатели — я выйду из партии». Эта фраза искрой¹¹¹ падает в душу Ванины и скоро приводит к катастрофе...

Ванина напоминает Пиетро обо всем, что она сделала для него и для его любимого дела: неужели он в благодарность за это не исполнит ее маленькой просьбы? Пиетро обещает. Ванина просит его подарить ей полностью 24 часа — может быть, последних в их жизни: эти 24 часа он безвыходно проведет с ней здесь, в замке; а затем — пусть вернется к своим делам. Пиетро придется пропустить ради этого одно собрание карбонариев, но пусть будет что будет: он не в силах отказать Ванине.

Ванина удовлетворена. По-видимому, чтобы ему сделать приятное, она теперь сама расспрашивает его о деталях его конспиративной работы, о его ближайших товарищах по «двадцатке» — «венте» карбонариев.

Затем Ванина находит предлог на короткое время оставить Пиетро одного. Выйдя, она с лихорадочной торопливостью пишет какое-то письмо и поручает преданной ей женщине доставить письмо по адресу. Вернувшись к Пиетро, она ласкает его с удвоенной нежностью, повторяя: «Ты — мой... Только мой!»

5. Письмо Ванины адресовано губернатору Романьи. Он смертельно боится покушений на свою жизнь. Поэтому посланную Ванины к нему

¹¹¹ Два первых слова дописаны карандашом, слово «искра» переправлено на «искрой».

вводят со связанными руками, а письмо губернатор читает издали, через лупу, не касаясь его: может быть, письмо отравлено?

Но вдруг, забыв все страхи, губернатор в радостном волнении хватается за письмо: анонимный автор письма сообщает подробности предстоящего восстания и называет 19 участников «венты». В письме не назван только один, и этот один — Пиетро Миссирилли... Имя его, разумеется, остается неизвестным губернатору.

Ночью в спальню, где находятся Ванина и Пиетро, врывается один из ее слуг, не обращая внимания на ее гнев, он подходит к Пиетро и сообщает ему, что 19 членов «венты» арестованы этой ночью — все, кроме Пиетро. Этот слуга оказывается тайным карбонарием.

Пиетро так потрясен известием, что Ванине становится страшно того, что она сделала. И ей делается еще страшней, когда Пиетро объясняет ей: в глазах товарищей он — именно он — будет предателем, ведь он — единственный спасшийся из 20. «Они убьют тебя!» — пугается Ванина. Но Пиетро страшно даже не это, а позорное клеймо предателя.

Утром Пиетро хочет выйти, чтобы узнать, что происходит в городе. Ванина боится за него. Она умоляет, грозит, требует, чтобы он никуда не ходил, всюду рыщут солдаты, его схватят. Лучше она выйдет и все узнает.

Когда вскоре она возвращается — она находит комнату Пиетро пустой и на столе адресованную ей записку. Пиетро сообщает, что для того, чтобы очистить себя от подозрений в предательстве — он идет добровольно отдаться в руки властей. Его прощальная просьба к Ванине: если она его любит — пусть она отыщет действительного предателя и уничтожит его — кто бы он ни был ...

Исполнить это завещание Пиетро Ванине очень легко: оставленный Пиетро пистолет уже в ее руке. Но она сейчас же бросает его: она не имеет право уйти из жизни, не сделав все, чтобы спасти Пиетро, которого она же погубила.

6. Ванина — снова в Риме.

Маркиз Савелли по-прежнему влюблен в нее и готов для нее на что угодно. Савелли — племянник министра полиции. Он осведомляет Ванину о ходе дела членов тайного общества. Ванина узнает, что всех 20 — ждет смертный приговор; конфирмация его зависит от министра полиции. По требованию Ванины Савелли не без труда устраивает одного из слуг Ванины в дом своего дяди.

Министр полиции — уже в постели. Засыпая, он видит, как от портьеры отделяется фигура, одетая в обычную ливрею его слуг, но в руке этого слуги — направленный на министра пистолет. Схватив с ночного столика свой пистолет, министр хочет выстрелить, но «слуга»

мелодичным женским голосом предупреждает, что пистолет господина министра разряжен.

Министр узнает в «слуге» — невесту своего племянника, Ванину. Он рассержен ее глупой шуткой: что за странный маскарад! Но Ванина, не сводя с него пистолета, заявляет, что это не шутка: ее пистолет заряжен. Но она вовсе не хочет зла г. министру: ей известно, что если он подтверждает смертный приговор карбонариям — то через неделю его самого не будет в живых, а это было бы очень печально...

Министр, чтобы успокоить душащий его гнев, наливает себе стакан лимонаду, но Ванина выхватывает у него стакан из рук и выбрасывает его за окно. «Это уж слишком!» — кричит взбешенный министр. Ванина, с очаровательной улыбкой, объясняет, что позволила себе эту дерзость только потому, что лимонад — отравлен...

Это происшествие убеждает министра, что Ванина не шутит, что смерть действительно сторожит его на каждом шагу. Ванина продолжает разговор в шутовском светском тоне, сопровождая его тонкими комплиментами министру. Их беседа с Ваниной кончается тем, что министр обещает ей замену смертного приговора карбонариям — тюрьмой. Очарованный своей посетительницей министр просит разрешения поцеловать ее на прощанье... если ее губы не отравлены. Обрадованная успехом своего предприятия Ванина сама обнимает и горячо целует старика. В благодарность он обещает прислать ей подарок. Какой! О, он знает ее вкусы — она может быть спокойна...

Подарок ей приносит через несколько дней посыльный министра: это номер официальной газеты с извещением о смягчении наказания 19 карбонариям — и о полном помиловании одного из них: Пиетро Миссирилли...

Первый порыв — радости от предстоящей встречи с Пиетро — сменяется у Ванины смертельным страхом: а вдруг Пиетро за это время узнал, к т о¹¹² предал его и его товарищей?

Но встреча эта не состоится: Ванина узнает, что немедленно по выходе из тюрьмы Пиетро был захвачен карбонариями и увезен неизвестно куда¹¹³.

Причина — ясна: то, что он один из всех освобожден из тюрьмы — снова навлекло на него подозрение в предательстве...

7. Народный праздник в Романье. Музыка, танцы, ярмарка. В одной из остерий — веселая пирушка.

Но эта пирушка — только ширма: под прикрытием ее происходит собрание членов тайного общества для суда над Пиетро Миссирилли.

¹¹² Выделено разрядкой и подчеркнуто карандашом.

¹¹³ Подчеркнуто карандашом.

Факты обвинения — убийственны для Пиетро. Он сломлен ими, он уже не защищается, временами кажется — он сам начинает верить в то, что он предатель.

Судьи торопятся закончить дело: каждую минуту может явиться полиция. А главное — все ясно; исход суда предрешен, остается только формальность тайного голосования. Отдан приказ: закрыть двери и никого не пускать в зал до конца голосования.

В самом же начале зловещая торжественность этой процедуры прерывается резким стуком в дверь... У всех — одна мысль: полиция!

Но ее появление не спасет предателя: один из судей уже приставил к виску Пиетро пистолет, он ждет только, когда откроется дверь...

В зал врывается запыхавшийся от борьбы слуга Ванины — и следом за ним появляется она сама. Пиетро бросается к ней, но его схватывают и водворяют на место.

Получив разрешение дать свое показание Ванина заявляет, что Пиетро — невиновен, что предательницей была она. Пиетро кричит судьям, чтобы они не слушали ее: она лжет, она клеветает на себя, чтобы спасти его — товарищи знают, какие суммы пожертвовала она на их дело... Но еще несколько слов Ванины — и он с ужасом убеждается, что она не лжет, что доносчицей действительно — была она...

Среди судей — замешательство. Еще недавно готовые без колебаний осудить на смерть предателя из своей среды, они сейчас не могут решить, кто эта молодая женщина, с таким страстным самоотвержением требующая для себя смертного приговора: преступница или героиня? Больше всего она виновата перед Пиетро — и ему поэтому предоставляют решить ее судьбу. В руки ему дают оружие. Он подходит к Ванине...

Несколько секунд, кажущиеся бесконечными. Рука Пиетро, держащая оружие, делает движение, но у него не хватает сил поднять ее. Он говорит Ванине: «Уходи отсюда... только скорей, сейчас же!»

Ванина хочет что-то сказать ему, но ничего не сказав направляется к дверям. Перед ней расступаются, она выходит.

Тот час¹¹⁴ же все кидаются к Пиетро, его обнимают, ему говорят что-то — он, кажется, ничего не слышит: в окно он увидел быстро уходящую Ванину — сейчас она исчезнет в толпе.

И вдруг¹¹⁵ Пиетро стремглав кинулся к двери и затем по лестнице вниз, сталкивая с дороги, опрокидывая людей...

Еще несколько секунд — и столпившиеся у окна его товарищи видят, как он догоняет Ванину и идет дальше рядом с ней!

¹¹⁴ Последние три абзаца дописаны карандашом.

¹¹⁵ Зачеркнуто карандашом: *грубо оттолкнув кого-то с дороги*

Литература

Глухова Е.В. Фауст в автобиографической мифологии Андрея Белого // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 230–250.

Давыдова Т.Т. Фаустовская коллизия в романе Евгения Замятина «Мы» // Гете в русской культуре XX века. М.: Наука, 2004. С. 128–143.

Е.И. Замятин: pro et contra: личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: Антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. СПб.: РХГА, 2014. 973 с.

Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4: Беседы еретика / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. Никоненко и А. Тюрина. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2010. 510 с.

Криницын А.Б. Тема рыцарства в лирике А. Блока в ее связи с творчеством Р. Вагнера. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39788.php> (дата обращения: 07.08.2019).

Нусинова Н.И. Когда мы в Россию вернемся...: Русское кинематографическое зарубежье, 1918–1939. М.: Эйзенштейн-Центр, 2003. 463 с.

Обатнин Г. Иванов-мистик: Окультизм в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.: НЛЮ, 2000. 239 с.

Петров В.В. «Разнотекущие потоки» в Сне Мелампа Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. X convegno internazionale. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno: Edizioni culturali internazionali, 2017. P. 23–54. (Europa Orientalis; 29).

Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. III. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 13–65.

Строев А., Никитина Т. Замятин и Стендаль: неопубликованный сценарий «Принцесса Ванина» // Литература и идеология. Век XX. М.: Мах-Пресс, 2016. С. 75–84.

Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. К 70-летию Д.С. Лихачева. М.: Наука, 1976. С. 286–291.

Харви Б. Евгений Замятин — сценарист // Киноведческие записки. 2001. № 53. С. 97–107. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/739/> (дата обращения: 07.08.2019).

Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры, 2008. 326 с.

Янгиров Р.М. «Рабы Немого»: Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М.: Русский путь, 2007. 495 с.

Янгиров Р.М. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья: В 2 т. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 541, 635 с.

Hobzova D. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972. N° 3. P. 232–285.

Heller L. Universelle russité: *Les Bas-fonds*, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir // *Studia Litterarum*. 2018. T. 3, № 1. С. 196–211.

Proffer C. Patterns of imagery in Zamjatin's *We* // *Slavic and East European Journal*. 7 (Fall 1963). P. 269–278.

Sergent B. Un mythe lithuano-amérindien // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1999. Vol. 25. N° 2. P. 9–39.

Stroev A., Nikitina T. Zamiatine adaptateur de Stendhal: scénario inédit “La princesse Vanina” (1936) // *Lectures et lecteurs de Stendhal*. Paris, H. Champion, 2019. P. 255–261.

References

Davydova T.T. Faustovskaia kolliziia v romane Evgeniia Zamiatina “My” [Faustian conflict in Yevgeny Zamyatin's novel “We”]. *Gete v russkoi kul'ture XX veka* [Goethe in Russian culture of the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 128–143. (In Russ.)

E.I. Zamiatin: *pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Evgeniia Zamiatina v otsenke otechestvennykh i zarubuzhnykh issledovatelei: Antologiya* [Ye.I. Zamyatin: pro et contra: Yevgeny Zamyatin's personality and work characterized domestic and foreign researchers: Anthology], comp. O.V. Bogdanova, M.Iu. Liubimova. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities, 2014. 973 p. (In Russ.)

Glukhova E.V. Faust v avtobiograficheskoi mifologii Andreia Belogo [Faust in Andrei Bely's autobiographical mythology]. *Andrei Belyi: avtobiografizm i biograficheskie praktiki* [Andrei Bely: autobiography and biographical practices]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 230–250. (In Russ.)

Heller L. Universelle russité: “Les Bas-fonds”, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 196–211.

Hobzova D. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1972, N° 3, pp. 232–285.

Iangirov R.M. “Raby Nemogo”: Ocherki istoricheskogo byta russkikh kinematografistov za rubezhom. 1920–1930-e gody [“Slaves of the Mute”: Essays on the historical life of Russian filmmakers abroad. 1920–1930s]. Moscow, Russkii put' Publ., 2007. 495 p. (In Russ.)

Iangirov R.M. *Khronika kinematograficheskoi zhizni russkogo zarubezh'ia: V 2 t.* [Chronicle of the cinematic life of the Russian diaspora: In 2 vols]. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 541, 635 p. (In Russ.)

Kharvi B. Evgenii Zamiatin — stsenarist [Yevgeny Zamyatin as a screenwriter]. *Kinovedcheskie zapiski*, 2001, no. 53, pp. 97–107. Available at: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/739/> (accessed: 07.08.2019). (In Russ.)

Khatiamova M.A. *Formy literaturnoi samorefleksii v russkoi proze pervoi treti XX veka* [Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the 20th century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 326 p. (In Russ.)

Krinityn A.B. *Tema rytsarstva v lirike A. Bloka v ee svyazi s tvorchestvom R. Vagnera* [The theme of chivalry in A. Blok's lyrics in its connection with R. Wagner's works]. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39788.php> (accessed: 07.08.2019). (In Russ.)

Nusinova N.I. *Kogda my v Rossiiu vernemsia...: Russkoe kinematograficheskoe zarubezh'e, 1918–1939* [When we return to Russia...: Russian cinema abroad, 1918–1939]. Moscow, Eisenstein Center Publ., 2003. 463 p. (In Russ.)

Obatnin G. *Ivanov-mistik: Okkul'tnye motivy v poezii i proze Viacheslava Ivanova (1907–1919)* [Ivanov as a mystic: Occult motives in Vyacheslav Ivanov's poetry and prose (1907–1919)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 239 p. (In Russ.)

Petroff V.V. “Raznotekushchie potoki” v Sne Melampa Viacheslava Ivanova: intertekstual'nyi analiz [“Streams flowing different” in Vyacheslav Ivanov's “Melampus' Dream”: intertextual analysis]. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov. X convegno internazionale*. A cura di Maria Pliukhanova e Andrei Shishkin. Salerno, Edizioni culturali internazionali, 2017, pp. 23–54. (Europa Orientalis; 29). (In Russ.)

Petroff V.V. Teleologija, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh Andreia Belogo, Viach. Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the fourth dimension and the reverse of time in the works by Andrei Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy. III* [Vyacheslav Ivanov. Studies and materials. III]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2018, pp. 13–65. (In Russ.)

Proffer C. Patterns of imagery in Zamjatin's “We”. *Slavic and East European Journal*, 7 (Fall 1963), pp. 269–278.

Stroev A., Nikitina T. Zamiatin i Stendal': neopublikovannyi stsennarii “Printsessava Vanina” [Zamyatin and Stendhal: unpublished script “Princess Vanina”]. *Literatura i ideologija. Vek XX* [Literature and ideology. 20th century]. Moscow, Max-Press Publ., 2016, pp. 75–84. (In Russ.)

Stroev A., Nikitina T. Zamiatine adaptateur de Stendhal: scénario inédit “La princesse Vanina” (1936). *Lectures et lecteurs de Stendhal*. Paris, H. Champion, 2019, pp. 255–261.

Uspenskii B.A. Historia sub specie semioticae. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi. Istoki. Stanovlenie. K 70-letiiu D.S. Likhacheva* [Cultural heritage of Old Russia. Origins. Genesis. To the 70th anniversary of D.S. Likhachev]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 286–291. (In Russ.)

Zamiatin E.I. *Sobranie sochinenii: V 5 t. T. 4: Besedy eretika* [Collected works: In 5 vols. Vol. 4: Heretic conversations], comp., ed. and comment. St. Nikonenko and A. Tiurin. Moscow, Respublika Publ., Dmitrii Sechin Publ., 2010. 510 p. (In Russ.)

Unknown movie scripts by Yevgeny Zamyatin

© 2019, Alexander Stroev

Abstract: The publication of four unknown movie scripts by Yevgeny Zamyatin 1934–1936, stored in France: “Bich Bozhii» (revised script of his play “Attila”), “Vladyka Azii” (modified and expanded version of the script “Genghis Khan”), “Ivan Grozny” and “Princess Vanina” (a staging of the novel by Stendhal). The introductory article analyzes Zamyatin’s scripts both in the context of the writer’s work and the literature of the Silver Age. They are built on constant leitmotifs (Kiss / Poison, Love / Fight, Passion / Power) and can be considered a single text. At the center of events is a strong Woman, conquering weak men and entering in confrontation with the Archon. The plot takes on the form of a “serpent myth” in which a woman — a tempting snake — forces a riot, brings death to the sovereign. Behind the love conflict of Zamyatin’s scripts are the historiosophical concepts of the writer, political allusions, and a number of mystical motives.

Keywords: Yevgeny Zamyatin, movie scripts, the novel “We”, Ivan the Terrible, Tamerlan, Stendhal, Attila, the literature of the Silver Age, “the serpent myth”, Vyacheslav Ivanov, Fedor Sologub, Goethe’s “Faust”.

Information about the author: Alexander Stroev, Doctor Hab, University of Sorbonne Nouvelle Paris 3, Paris, France. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Citation: Stroev Alexander. Unknown movie scripts by Yevgeny Zamyatin. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 8–70. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-8-70

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108
УДК 821.161.1

В.И. Мозалевский

Тропинки, пути, встречи (окончание)

Подготовка текста и комментарии А.Л. Соболева

Аннотация: Впервые печатаются в полном объеме и с подробным комментарием мемуары писателя Виктора Ивановича Мозалевского (1889–1970). Будучи малозаметным, но деятельным участником литературной жизни с середины 1900-х годов, Мозалевский оставил яркие словесные портреты В. Брюсова, Б. Садовского, Ю. Слезкина, С. Ауслендера, Е. Нагродской, М. Булгакова и многих других.

Ключевые слова: В. Мозалевский, литературная жизнь, мемуары.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи / Подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108

МОСКВА 1913–15 гг.
МАЯКОВСКИЙ. ФУТУРИСТЫ. ВЕЧЕР В ОБЩЕСТВЕ
«СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ» —
ПАМЯТЬ ХУДОЖНИКА САПУНОВА. БАЛЬМОНТ В Л.Х. КРУЖКЕ.

В 1913 году мы впервые услышали голос Маяковского, провозгласившего где-то на вечере свои стихи.

Какие стихи? Да те, конечно, которые передавались из уст в уста: о том, что «ежели звезды зажигаются, значит это нужно», и богохульные стихи, пугающие девушек, о том, как проститутки понесут поэта по небу...¹ Был он одет тогда бедно и просто, в какую-то вельветовую блузу

¹ Из стихотворений «Послушайте!» («Послушайте!...») и «А все-таки» («Улица провалилась, как нос сифилитика...»).

(не желтую!). То было время публичных выступлений футуристов разных оттенков, ходили они по всяким вечерам и кружкам обычно ватагой, выступая под аплодисменты — или — реже — под свист.

Но вот прошло много лет, а памятен по-настоящему остался из этой группы шумливой только Маяковский. А тогда, в те годы, мы, поругавшись, да помирившись, пришли к одному: он, Маяковский, ядром врывается в толпу эстетствующих заживевших буржуа и колеблет их скрижали. А наш клан на корме своего корабля (или лодки) выставял презрение к мещанству, к филистерству, к застою...

К *dii minores*² футуризма — Крученых, Бурлюку Д., Хлебникову и... (их было немало) мы отнеслись недоверчиво, и как будто были правы. Но нравились, как удары по конфетно-парфюмерным трафаретам чувствительных стихов и романсов тех лет (включая в них и иные стихи эгофутуристов), нравились нам такие названия стихов, как «Засахаренная крыса»³, или слова «улица провалилась, как нос сифилитика»...

В начале 1914 г. вышла имевшая большой успех у тогдашней читательской молодежи книга, известная многим и сейчас — «Пощечина общественному вкусу»⁴, — некая платформа футуризма. Кое-что из нее мы приняли (не как пощечину нам!), приняли протест против мещанства, обывательщины, перепевов Надсона, фальсификации Некрасова. Надо вспомнить, что немало восторгов у молодежи вызывали тогда вряд ли не пошлые стихи и песни о кокаинеточках⁵, о «снежинках-пушинках»⁶, в театрах звучали фальшивочувствительные «Осенние скрипки»⁷, Л. Андреев «пугал» «Анфисой», «Екатериной Ивановной», «Сторицыным»⁸.

К сожалению, никто из нас (тогдашних литературных юнцов) не подумал заступиться за... Пушкина, которого ватага таких же юнцов из категории «обнаглевшей бездари» ругала и пожелала выбросить

² Младшим богам (*лат.*).

³ Подразумевается эгофутуристический альманах «Засахаре кры» (Пг., 1913); о происхождении и смысле этого названия см. содержательную статью: *Шаргородский С.М.* Крыса в лабиринте (О названии одного футуристического альманаха) // Другое полушарие. 2010. № 13. С. 95–101.

⁴ В действительности альманах вышел в декабре 1912 г.

⁵ «Кокаинетка» («Что вы плачете здесь...») — знаменитый романс А.Н. Вертинского.

⁶ Имеется в виду популярный романс Валерия Федоровича Воляртинского (1889–1955) «Снежинка» («Она казалась елочной игрушкой...»), включающий припев «Моя снежинка, моя пушинка, / Моя царица, царица грез. / Моя снегурочка, моя хрустальная, / К твоим ногам я жизнь принес» (указано В.Я. Мордерер). Самое раннее из разысканных (и притом датированных) нотных изданий романса — Ростов-на-Дону, 1927. Об авторе: *Б.л.* Реквием // Искусство Ленинграда. 1990. № 7. С. 35.

⁷ «Осенние скрипки» — пьеса И.Д. Сургучева; премьера в Московском художественном театре — 14 апреля 1915 г.

⁸ Аллюзия на легендарную реплику Толстого: «Андреев всё меня пугает, а мне не страшно» (Дневник А.С. Суворина. М.–Л., 1923. С. 357); известность она приобрела в слегка искаженном варианте.

с парохода (или корабля) современности... Впрочем, имя Пушкина не нуждалось в нашей защите. Однако последующие годы мы (оставшиеся в живых члены «клана») слегка презирали себя за то, что не дрались за Пушкина, за Л. Толстого. А драться тогда можно было без особого риска в самом буквальном смысле слова, к тому же царская полиция и охранка предпочитала безучастно смотреть на такие драки, а не набрасываться на выступления против царя, самодержавия.

В 1913 (или в начале 1914 г.) в «Обществе свободной Эстетики» был вечер памяти театрального художника Сапунова, утонувшего совсем молодым в море в 1912 году⁹.

Не помню, кто делился воспоминаниями об этом так мало успевшем раскрыть свой талант художнике (в Третьяковской галерее имеются его работы), но хорошо помню, что у стола президиума рядом с правленцами общества В.Я. Брюсовым, И.И. Трояновским¹⁰ внезапно появилась шумливая группка и просила (или требовала?) слова... Это были — «футуристы», так вещал прошуршавший по собравшимся на «вечер» шепот.

Но кто же? Было, помнится, нескольких их. Маяковский и некий Грищенко (художник?)¹¹, остальные — тогда были мало известны, прошумели их имена позднее, ненадолго. Слово, разумеется, было дано, ибо никто и нигде на всяких литературных собраниях и диспутах футуристам говорить не мешал, а, наоборот, кое-где кричали «просим!».

Прошло сорок с лишним лет, и мало правдиво звучали бы мои воспоминания, если бы я вздумал точно повторять, что говорил тогда оглушающе Маяковский. Но твердо помню, что он, как и другие с ним из группы, начал с извинения: «Сапунова, мол, мы не знали, к вечеру его памяти никакого отношения не имеем, но... долой “Мир искусства”, долой маркиз, XVIII век, долой таких художников, как Бенуа, Сомов, да и Сапунов... Новое искусство это мы...» далее следовала в пересказе платформа «Пошечины», а потом выпятился Грищенко — обругал ряд современных художников (досталось, впрочем, не только художникам из «Мира искусств», но и другим, не позабыты им были и Суриков, и Репин, и Серов и передвижники, конечно). Грищенко предлагал современным художникам учиться живописи у русских иконописцев XI–XIII веков и даже показывал принесенные им какие-то репродукции с икон.

⁹ Имеется в виду собрание 7 февраля 1913 г. В официальном отчете писалось: «Собрание было посвящено памяти Н.Н. Сапунова. Ф.Ф. Комиссаржевский прочел доклад о жизни и творчестве покойного художника. После доклада состоялся обмен мнениями, в котором приняли участие В.Я. Брюсов, А. Грищенко, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский и др. Присутствовало 108 человек» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 28об.).

¹⁰ Врач, садовод и собиратель Иван Иванович Трояновский (1855–1928).

¹¹ Алексей Васильевич Грищенко (1883–1977).

Обладавший исключительным тактом мудрый В.Я. Брюсов дал этому выступлению быстро пролететь, как дыму от фейерверочной ракеты. Никто никому не оппонировал, собрание рассосалось. Кто-то упрекнул выступавших: «глупо порочить память Сапунова!»

Но другой кто-то, хорошо знавший Сапунова, как остряка и «эпатора» буржуа, возразил: «полноте! если бы Сапунов был в публике, он аплодировал бы им, эта эскапада как раз в духе покойного».

Футуристы возникали и вспыхивали разных цвечений и свечений: Маяковский, Хлебников, Бурлюк Д., Крученых, Б. Лившиц, и в дистанции огромного от них размера эгофутурист Игорь Северянин, ошарашивший своим «громокипящим кубком» не только головы юношей и головки девушек, но и сбивший с толку взрослых, выдавших виды, читателей, поэтов, критиков.

Нас И. Северянин не ошарашил ни «грезерками», ни «шаплетками», а предложенное им «Мороженое из сирени»¹² набивало оскомину не менее, чем иные общеизвестные сорта «сливочных», «крем-брюле».

Но нас, бесштаных (санкюлотных) юнцов радовало, что вот нашелся такой же по существу бедняк, санкюлот, провозгласил *urbi et orbī*, как папа, что он — гений, государь, что он повсюду утверждён над этой ужасной пошлой толпой мешан¹³, буржуа, толпой, которую давно распознали и презирали и Тютчев, и Бодлер, и О. Уайльд — наши любимцы.

А толпа-то в восхищении слушала, аплодировала Северянину и метала икру подражателей гениальному «государю» Игорю.

Как-то в одной облюбованной нами Московской пивной (в 1913 или 1914) Ярский под одобрительный гул ее посетителей прочел стихи петербургского футуриста (окончившего в те годы жизнь самоубийством)¹⁴.

До сих пор помню в отрывках эти стихи.

... Мой отец — полковник в отставке —
 Прошлого великий актер...
 За столом идиотски смеется:
 «Гы, какой вкусный борщ!...»
 И кричит: «клецок! клецок побольше!»

¹² «Грезерки» у Северянина встречаются несколько раз, в т.ч. в весьма известной «Качалке грезерки» («Как мечтать хорошо Вам...»); «шаплетка» (т.е. шляпка) — кажется, дважды, в первой строке ст-ния «Эксцессерка» («Ты пришла в шоколадной шаплетке...») и в ст-нии «В коляске Эсклармонды» («Я еду в среброспицной...»). «Мороженое из сирени» — одно из самых известных северянинских стихотворений.

¹³ Аллюзия на знаменитый «Эпилог» («Я, гений Игорь Северянин...») и, вероятно, на не менее известную «Прощальную поэзу» («Я так устал от льстивой свиты...»).

¹⁴ Петербургский футурист-самоубийца — почти наверняка Иван Васильевич Игнатьев (1892–1914), но приведенные далее стихотворения весьма далеки по манере от его известных сочинений.

Особенно невозможен ночью,
 Вскакивает, рычит, смердит,
 Шарит на кухне и в буфете,
 Нахально требует еды...

Футуризма тут мало, а понравился, вероятно, «народу» живой, милый образ старого русского забулдыги.

Наступила война 1914 года.

Почти все члены нашего «клана» были облачены в солдатские шинели, вскоре попали на фронт, открылись страницы жизни такой далекой от всяких «засахаренных крыс».

Запомнился приезд поэта Бальмонта в Москву (в начале 1914 г.?)¹⁵. Он недавно приехал из-за границы. Появление его в Москве, в Литературно-Художественном кружке прогрохотало триумфом. Триумф возник, помнится, потому, что отъезд за границу был вызван преследованиями со стороны властей К.Д. Бальмонта за выступление со стихами, зовущими к «ниспровержению самодержавия».

В 1914 г. поэт (как будто без особых чинимых властью беспокойств) возвратился домой.

Когда он всходил по лестнице Литературно-художественного кружка — гордо подняв голову с мечущими огни шевелюрой и глазами, в заграничном костюме, в окружении дам (вероятно, родных его) — долго звучали аплодисменты встречавших его членов и гостей Литературно-Художественного Кружка. Был и я там и аплодировал неистово. Его приветствовали старейшины Кружка. Молодой поэт Сергей Дурылин зачитал взволнованно обращение, в котором приветствовался Бальмонт, как идущий рядом с другими вождями русской поэзии — Брюсовым, Белым, Блоком...¹⁶

Кружком в честь К.Д. Бальмонта был устроен ужин. Я и кто-то из нашего «клана» сидел довольно далеко от стола, где чествовали Бальмонта, музыкальным *cop trio*¹⁷ гремели там какие-то шутки и по-

¹⁵ Бальмонт вернулся в Москву утром 5 мая 1913 г. Весьма значительные подробности его московского чествования, основанные на газетных хрониках, приводятся в: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. М., 2010. С. 533–535.

¹⁶ В газетной хронике писалось: «Представитель общества молодых поэтов “Лирика” С.Н. Дурылин говорит: — Приветствую дорогого поэта от лица общества молодых поэтов, которому дороги имена четырех русских поэтов, имена которых, по странному совпадению, начинаются на букву Б: Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок» (*Б.н.* Чествование К.Д. Бальмонта // Русское слово. 1913. № 105, 8 мая. С. 6). Это довольно редкий случай выступления Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) в подобном статусе.

¹⁷ Оживленно (*um.*).

эта и чествующих его писателей, артистов, дам. Бальмонт читал стихи. Одно — в небольшой части — запомнилось:

Четверть века, четверть века
 Разве значит что-нибудь
 Для такого человека,
 Пред которым дальний путь?...¹⁸

Встреча Бальмонта в Лит. худ. Кружке обошлась без выступлений футуристов, и не помню, был ли кто из них там¹⁹.

МОСКВА 1914. НЕУДАВШИЙСЯ ДИСПУТ В ОСОБНЯКЕ.

В начале 14 года Е.И.Л. созвала в свой особняк на литературный вечер писателей, художников...²⁰

Приглашения получили они через художника Миллиоти Н., старого, с красивым лицом, обрамленным живописной бородкой. Был приглашен и я. Народа собралось много, но, конечно, запомнились немногие: художники Ларионов, Феофилактов, Миллиоти Н., писатели Топорков А.К.²¹, Шершеневич В., поэт и «мистагог» Вячеслав Иванов, издатель «Альционы» А.М. Кожебаткин.

¹⁸ С неточностями цитируются первые строки ст-ния «Четверть века» («Неужели четверть века...») — *Бальмонт К.Д.* Белый зодчий. СПб., 1914. С. 22).

¹⁹ Мозалевский ошибается: на этом вечере состоялось знаменательное выступление Маяковского, подробно освещенное прессой, см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. С. 534–535.

²⁰ Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чицова; 1880 или 1881 — 1936) — художница и собирательница. Ее московский адрес — Смоленский бульвар, д. 8. Ср. ее характеристику из воспоминаний Н.Г. Чулковой: «Эта дама — художница и меценатка — была богата и щедро помогала художникам в их нуждах. У нее был салон, где появлялись знаменитости Москвы и Петербурга. Тут бывали философы — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, поэты Андрей Белый, Вяч. Иванов, Бальмонт, Балтрушайтис, писатели — Максим Горький, Бор. Зайцев и другие. Музыканты и живописцы и даже военные генералы. Ее портрет работы В.А. Серова находится в Третьяковской галерее» (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карг. 6. Ед. хр. 1. Л. 77). Регулярное участие упоминаемого далее Вяч. Иванова в ее вечерах началось в последних числах 1914 г.; судя по письму, открывающему архивную папку, до этого он посещал ее единожды: «Многоуважаемый Вячеслав Иванович! В прошлом году Вы как-то посетили один из моих вечеров, завтра у меня собирается небольшая компания беседовать о Франции. Мне было бы страшно приятно, если бы Вы не отказались присутствовать на вечере» (письмо от 25 декабря 1914 (?) г. // РГБ. Ф. 109. Карг. 29. Ед. хр. 35. Л. 1). Таким образом, описываемый Мозалевским вечер скорее относится к 1915 г.

²¹ Алексей Константинович Топорков (1882–1934) — философ и искусствовед.

То было время споров (и ссор) о путях искусства, о футуризме. Воинствующий Маринетти, глава итальянских футуристов, в те месяцы (начало 1914 г.) приезжал в Москву, шумел.

В салоне Е.И.Л. Миллиоти предложил собравшимся обменяться мнениями о путях искусства, о футуризме, его сущности. Но разглаголы не клеились. Вячеслав Иванов (в черном сюртуке напоминал профессора словесности) начал было что-то давно знакомое о «Дионисе» в искусстве. Его, однако, не слушали... Он обиделся и замолчал. Начал объяснять собравшимся Ларионов, что такое «лучизм» в живописи (это направление, насколько помню, сам Ларионов и придумал). Звучали слова «пуантилизм», «кубизм». Но говорили неохотно, вяло.

«Лучизм» Ларионова мне посчастливилось видеть в натуре. Как-то в 1913 году он завел А.М. Кожебаткина и меня в свою студию (где-то в районе Козихинских переулков) и, показав на полотне несколько пятен и линий, сделанных масляной краской, сказал А.М. К.-ну: «Автопортрет... Похож?» Я молчал. А А.М. К.-н ответил протяжным: «Да-а-а»²². Впрочем, на вершинах лучизма Ларионов пробыл недолго.

Возвращаясь к литературному вечеру. Беседа не удалась. Вернее, все заговорили, кто во что горазд — о новых книгах, о «Современном» театре, занимавшем тогда Московского зрителя, зрителя восхищенного или удивленного режиссерскими неожиданностями смелого талантливого режиссера этого театра Марджанова (Марджанишвили)²³. Звенел обольщающим металлом голос юного Вадима Шершеневича, — цитировавшего французского поэта Жюль Лафорга (он переводил стихи этого поэта, изданные «Альциной» в 1914 г.²⁴).

А потом все облегченно громко, иные тихонько, вздохнули, когда позвали к ужину, за которым немало ели, и немало же и пили.

Часа в 2–3 ночи разошлись, и вот настоящие-то горячие, хоть и не совсем связанные, дебаты о футуризме начались на улице у «парадного подъезда».

Ларионов обругал презрительно Феофилактова: «график». Тот ответил ему не менее презрительно — «футурист»! Кто-то грозил кому-то дракой и лез в эту драку.

²² Несмотря на описанный скепсис, А.М. Кожебаткин держал в своей коллекции несколько произведений М.Ф. Ларионова, см., напр., пометы в каталоге: *Эганбюри Э. [Здацевич И.]* Наталия Гончарова, Михаил Ларионов. М., 1913. С. XVI, XVIII (II паг.).

²³ Марджанишвили Константин Александрович (1872–1933) в 1913 г. создал вместе с В.В. Суходольским Современный театр, просуществовавший до весны 1914 г.

²⁴ *Лафорг Ж.* Феерический собор / Вступ. ст., пер., примеч. и библиогр. В. Брюсова, Н. Львовой, В. Шершеневича. М., 1914.

Но благоразумные гости пристыдили спорщиков, затеявших шум в 2-х шагах от гостеприимного особняка. Драка рассосалась. Но «вечер» не удался, что такое «футуризм», так и не выяснили.

ПЕТРОГРАД 1916 г.
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «МЕДНЫЙ ВСАДНИК».
ВСТРЕЧА С ЕСЕНИНЫМ. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
(МОСКВА 1925 г.)

В начале 1916 г. я несколько дней отпуска (приехал из действующей армии, прямо из окопов) провел в Петрограде. Кто-то из знакомых мне писателей, то ли Борис Садовской, то ли Юрий Слезкин, ввел меня на вечера литературного Общества «Медный всадник», возникшего в 1915 году²⁵.

Литературно-музыкальные вечера Общества, на которых мне удалось побывать, происходили в те военные годы на «частных» квартирах, у профессоров Святловского, Степанова²⁶ и др.

Для меня, вырвавшегося из обледенелых болот, разрушенных белорусских деревень и других принадлежностей первой линии окопов, о которых подробно вспоминать здесь, пожалуй, неуместно, было большим неожиданным счастьем видеть в просторных светлых комнатах примечательных людей столицы из мира литературы, музыки, поэзии, науки, многих, кого видал на вечерах «Общества», позабыл, но прекрасно помню, бывали там поэт Гумилев (тоже был в отпуске с фронта, на рубашке его защитного цвета — георгиевский крест²⁷). Был он, Гуми-

²⁵ История основанного в 1915 г. общества «Медный всадник» до сих пор не написана; предварительный очерк см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 115–116. Первый вечер состоялся в марте 1916 г., см. газетный отчет: *Боцяновский В.* О «Медном всаднике» // Биржевые ведомости. 1916. № 15 (439), 13 марта (веч. вып.). С. 4; см. также примеч. 30.

²⁶ Святловский Владимир Владимирович (1871–1927) — профессор Петербургского университета, историк, экономист. Степанов — вероятнее всего Виктор Владимирович (1868–1950), статистик, профессор Петербургского университета; о нем см.: *Корнев В.П.* Видные деятели отечественной статистики. 1686–1990. Биографический словарь. М., 1993. С. 151–152. Участие его в обществе прямо не документировано; Л. Рубанов упоминает в мемуарах о «Медном всаднике»: «“Закрытые вечера” [...] происходили раз или два в месяц на частных квартирах — то у профессора Святловского, то у профессора Степанова на Большой Пушкинской на Петербургской Строне, то в квартире профессора Рейснера на Первой Линии Васильевского Острова, то в квартире самого Слезкина на Почтамтской, и изредка в ресторане “Вена”» (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник» // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993. С. 468). Из Степановых, живших в 1915 г. на Большой Пушкинской, профессор только один.

²⁷ Гумилев был в Петрограде с 20-х чисел сентября 1915 г. до марта 1916 г. (см.: *Степанов Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014. С. 214–228);

лев, в тот вечер молчалив, стихов не читал. Не скрою, с очарованием, первый раз в жизни не на сцене, увидел в роскошном (иного слова не подыщешь) туалете артистку Лидию Борисовну Яворскую, вспомнив, как не так давно нас, гимназистов, приводил в сладостный трепет ее чуть хрипловатый голос в пьесе с названием «Заза»²⁸. Она пришла на «вечер» довольно поздно, вероятно, после спектакля, в сопровождении «человека в черном» (м.б. во фраке?). Как узнал я позднее — муж ее, драматург Барятинский²⁹. На одном из вечеров молодой композитор, тоненький, розовощекий, играл на рояле. Мне пояснили: «талантливый, блестящий, начинающий композитор Сергей Прокофьев»³⁰. Помню другой «вечер» в квартире профессора Степанова. Был там профессор литературовед Арабажин³¹, профессор Рейснер с бойкой дочерью-подростком (это была хорошо известная советскому читателю умершая молодой смелая одаренная писательница и очеркистка Лариса Рейснер³²), писатели Слезкин, Сергей Ауслендер, Рославлев Ал. в бархатной куртке, весьма плотный, веселый, несколько развязный (он много ел и немало пил за ужином),

вероятно, описываемый вечер состоялся во второй половине марта.

²⁸ «Заза» — пьеса П. Бертона и Ш. Симона; главная ее героиня была одной из коронных ролей Лидии Борисовны Яворской (1871–1921) — в Театре Литературно-художественного общества, «Новом театре» (ей принадлежавшем) и др.

²⁹ Владимир Владимирович Барятинский (1874–1941).

³⁰ Прокофьев, выбранный в правление «Медного всадника» в январе 1916 г. (см.: Прокофьев С. Дневник. 1907–1933 (часть первая). Paris, [2002]. С. 585), отмечал в дневнике выступление 4 марта 1916 г.: «В половину двенадцатого я поблагодарил посла [...] и отправился на первый закрытый вечер “Медного всадника”, что, за неимением собственного помещения, происходило в квартире профессора Святловского. Там был полный разгар, хотя музыканты почти все отсутствовали. Я играл с успехом, но русские поэты оказались позади французских любителей: “Сарказмы” их смутили, а хозяин квартиры даже рассердился и в соседней комнате говорил: “Ну да, конечно, Прокофьев показал своими предыдущими вещами, что он талантлив, но это всё же не дает ему права издеваться над публикой своими последними вещами!”» (Там же. С. 594–595). Играл он также 16 марта, присутствовал на вечерах 25 марта, 1 апреля и 15 апреля (Там же. С. 598, 602, 604, 608–609). Об одном из эпизодов исполнения «Сарказмов», когда под Прокофьевым сломался стул, вспоминает Л. Рубанов (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник». С. 469).

³¹ Константин Иванович Арабажин (1866–1929) — журналист и литературный критик.

³² Краткий очерк о посещениях Л.М. Рейснер общества «Медный всадник» см.: *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 135–136. 1 апреля 1916 г. С. Прокофьев отмечал встречу с ней в дневнике: «Вечером был во “Всаднике” и сцепился с молодой поэтессой Ларисой Рейснер. На поток ее умнейших и непонятнейших слов о моих сочинениях, я отвечал, что авторы, не мудрствуя лукаво, пишут, а так называемые “умные люди” пространно и умно об этих произведениях рассуждают; если же автору случится послушать эти рассуждения, то у него, по крайней мере, на три недели пропадает желание писать» (*Прокофьев С.* Дневник. 1907–1933 (часть первая). С. 604). Один из членов клуба, актер театра Яворской П. Михайлов, вспоминал о «Медном всаднике»: «[...] собрания общества происходили более или менее регулярно. Иногда на квартире Юрия Слезкина, чаще же у Ларисы Рейснер, отец которой живо интересовался работой общества» (*Михайлов П.* Клуб «Медный всадник» // Нева. 1967. № 1. С. 220).

Борис Садовской в черном сюртуке, бледный, скучный, артистка, пленявшая игрой на арфе, фамилию которой я (бесстыдно!) забыл³³. Были и другие, много что-то народу, и среди них почти мальчик в светлой с воротником, украшенным вышивкой, косоворотке, кудрявый, скромный, застенчивый, он читал стихи, прослушанные большинством с приветливым заботливым вниманием. Но я, увы, принадлежал тогда к некоему озорному меньшинству юношей, понюхавших пороха и покормивших вшей в окопах, и мы не очень заслушивались стихами вообще. Но очень скоро мы пожалели об этом, узнав, что наш мальчик — «крестьянский поэт» — Сергей Есенин, робко, как начинающая Элеонора Дузе или Мария Ермолова, подготавливающий слушателей (публику и толпу) к взрывам своего дарования.

Забегая далеко вперед, скажу, что встречался с Есениным не раз с 1922 г. по 1924 г. в Москве в Книжной лавке имажинистов, на дому у издателя А.М. Кожебаткина, в других местах... но незачем вспоминать. Об Есенине было написано столько воспоминаний и «вранья», и если не «вранья», то такого, о чем совершенно незачем говорить, когда вспоминаешь о поэте, прекрасную голову которого Мельпомена обвила венком бессмертия.

Не могу забыть, как в зимний день 1925 г. бледное тело синеглазого мальчика, которого я встретил впервые в 1916 г. и небрежно слушал его стихи, друзья, родные, молодежь выносили из «Дома Герцена», а поэт Владимир Кириллов, привстав на каменный забор дома, рыдающим, прерывающимся голосом говорил слова прощания...

Из уст в уста передавались стихи:

До свиданья, друг мой,
до свиданья...

ПОЭТ И БЕЛЛЕТРИСТ САДОВСКОЙ БОРИС

С писателем Садовским Б.А. я познакомился в те годы (1913), когда он уже был «не тот», не тот воинствующий защитник позиций «брюсовского символизма», командир отряда войска «Весов», о котором вспоминает в своей книге А. Белый³⁴.

Я встретил его не то в «Альционе», не то на вечере в «Обществе свободной эстетики». Щуплый, бледный, болезненный, с довольно

³³ Ксения Александровна Эрдели (1878–1971). О ее игре на вечере общества вспоминает Л. Рубанов (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник». С. 469).

³⁴ *Белый А.* Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 410–412 и далее.

злобным сердитым выражением выбритого начисто лица. На «кого» тогда он сердился, — мне было неизвестно, да я и не интересовался. Вскоре (1914 г.) я был призван в армию, мельком в те годы встречал Б.А. в Москве, в Петрограде, на вечерах О-ва «Медный всадник», ну, а в году 1930 г. я встретил Б.А. в Москве, увы, разбитого параличом.

Жил он тогда в комнатке, перестроенной из склепа под церковью в Ново-Девичьем Монастыре, сидел почти недвижно в колясочке-кресле, читал, писал (с трудом) и по-детски гордился каким-то странным старомодным костюмчиком, в который почел почему-то нужным одеваться (носил ермолочку и бороду «схимника»).

В таком состоянии Б.А. прожил до 1952 г.

Стихи, проза Садовского идут приметными живописными притоками великих русских рек Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого Л.Н., в стихах и музыка и мысль Фета, Полонского, Баратынского. Будущее страшило его (и, видите, [не] зря, бедняга с 1930 г. «вышел из игры»), болезнь загнала его живьем в б[ывшие] склепы и б[ывшие] кельи Новодевичьего монастыря). XVIII век, эпоха Пушкина, эпоха Наполеоновского изгнания, дворянских усадеб XIX века, мракобесные страсти, блуждавшие в яблочных садах этих усадеб, фантастические «морозные узоры», которыми расписана жизнь его героев — вот частица его творчества, его рассказов, написанных безукоризненным русским языком.

Осмелюсь сказать, что творчество Садовского — это творчество писателя «милостью Божию», и очень жалко, что современный (сегодняшний) читатель вряд ли знает «Узор чугунный» (сборник рассказов, изд. «Альциона», 1912 г.), «Адмиралтейская игла» (сборник рассказов, издан. 1914 (?)), «Морозные узоры» (сборник стихов и рассказов, издан в 1921 г.)

Стихи и рассказы Б.А. много раз печатались в 1907–1930 г.г. в разных журналах, наименование которых говорит об их праве на бывшее доброе существование: «Весы», «Русская мысль», издательство «Круг» (Москва, 1931 г.)³⁵, «Альциона»³⁶. Помню небольшой по размеру сборник стихов Б.А. «Самовар» («Альциона» 1914 г.) с эпиграфом из Я. Полонского — поэзия русского самовара³⁷.

³⁵ Не вполне понятно, о чем идет речь: к 1931 г. издательство «Круг» уже не функционировало. Не участвовал Садовской и в альманахах, ранее выпускавшихся этим книгоиздательством.

³⁶ Журнала «Альциона» не существовало; подразумевается одноименный альманах (Кн. 1. М., 1914).

³⁷ Сборник «Самовар», напротив, весьма большого формата (крупная 4°); он действительно открывается эпиграфом из стихотворения Я.П. Полонского «Колокольчик» («Улеглася метелица... путь озарен...»).

Б.А. до конца дней любил почаевничать и пил чай, настоящий на кипящей водице старинного самоварчика.

Я бывал у него нечасто, но всякий раз мы вели свои «литературные» разговоры (большой частью на темы далекого прошлого века!) под шум самоварчика.

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ НАГРОДСКОЙ Е. ПЕТРОГРАД 1916 г.

Я уже говорил, что в начале 1916 года я ехал в отпуск (в Москву) с фронта, где сидел в окопах подле озера Вишнево³⁸.

Проездом позадержался в Ленинграде (Петрограде), хотелось глотнуть всего того, чем был тогда Питер богат — театры, кино, встречи со знакомыми писателями, ну, конечно, надо было посетить хваленый литературный кабак: «Бродячую собаку» (о нем много писали)³⁹. Кто-то, уже не помню кто, передал мне, что со мною очень хочет познакомиться писательница Е. Нагродская, автор прогремевшего в те годы большого «женского» романа «Гнев Диониса», романа, покачнувшего славу романов другой очень популярной женщины романосозидательницы Вербицкой. «Гнев Диониса» как будто и в кинокартину преображен был⁴⁰.

А я был тогда, в сущности, мальчишкой, «лихим» фронтовым прапорщиком, фертом блистающим, как и многие в моем роде, попав в тыл в новеньком френче, с шашкой на боку, и может быть, и при шпорах на сапогах с голенищами выше колен.

Желание Нагродской познакомиться со мной, автором «Фантастических рассказов» (изданы в 1913 г.), достоинство которых она, думается мне сейчас, преувеличила, польстило «бедному армейскому прапорщику». Словом, я провел вечер, вернее, весьма плотно «изысканно» поужинал в квартире Нагродской в обществе ее и ее мужа инженера, типичного внешне холодного подобранного питерского чиновного интеллигента⁴¹, напомнившего мне Орлова-сына из «Скучной истории» А.П. Чехова⁴².

Нагродская оказалась дамой средних, может быть и выше средних, лет, говорлива, фигурой полна, одета в нарядный домашний туалет. После ужина много с ней курили (ее ароматные папироски) и говорили

³⁸ Вишнево озеро на северо-западе Белоруссии.

³⁹ Анахронизм: «Бродячая собака» закрылась 3 марта 1915 г. Вероятно, Мозалевский подразумевает «Привал комедиантов», открывшийся в апреле 1916 г.

⁴⁰ Фильм по «Гневу Диониса» был снят Я. Протазановым; не сохранился. См.: *Арлазоров М. Протазанов. М., 1973. С. 271; Яков Протазанов: Сб. статей и материалов / Сост. М.Н. Алейников. М., 1948. С. 318.*

⁴¹ Владимир Адольфович Нагродский (1872 — после 1935) — инженер, высокопоставленный железнодорожник, писатель.

⁴² Мозалевский путает «Скучную историю» и «Рассказ неизвестного человека», подразумевая последний.

о литературе русской военных лет, ругали «военные рассказы», заполнившие тогда журналы и газеты.

Нагродская владела в совершенстве искусством *causeur*⁴³, была остроумна. В комнате на стене висел портрет ее — волосы обтянуты ярким шарфом, «кричали» яркокрасные губы, в зубах — папироска.

Я (в каких выражениях, не помню) похвалил и оригинал и художника.

— Э, что вы! — улынулась Нагродская. — Он написал меня какой-то бандершей...

Больше я никогда уже не встречался с Н.

То было предгрозовое время — 1916 г. На фронте бессмысленно гибли солдаты от немецких пуль, снарядов, цинги, уже не хватало винтовок, снарядов. А в столице безобразничал Распутин, предатель Мясоедов продавал военные тайны, армия Манасевичей-Мануйловых⁴⁴ спекулировала чем угодно, вплоть до отечества и «дыма» отечества, коррупция чиновников, коммерсантов росла быстрее, чем цены на продукты и товары...

Чувствовались шаги наступающей революции.

ПЕТРОГРАД 1916 г. МОСКВА 1922 г.

ПИСАТЕЛЬ АУСЛЕНДЕР С.А.

В Киеве в 1908 (или 1909) я прочел рассказ Ауслендера С.А. «Ночной принц»⁴⁵.

Об увлечении творчеством Т.А. Гофмана своим и «маленького клана» я уже говорил. Рассказ Ауслендера шел из таинственных переулков гофманских фантастических рассказов, показался нам интересным, и мы вскоре прочли и другие рассказы Ауслендера в сборнике «Золотые яблоки»⁴⁶. Я уже не помню их сейчас, но точно помню — обдало нас ароматом (и иными запахами) эпох, которые мы так любили — XVIII век, предвозвестник Великой Французской революции. Но увлечение рассказами Ауслендера было недолг[им], нам голову кружили другие писатели, которых мнили мы титанами (а может быть, иные из них и есть титаны!) — Ибсен, Гамсун, Бальзак, Флобер...

⁴³ Непринужденная беседа (*фр.*).

⁴⁴ Сергей Николаевич Мясоедов (1865–1915) — полковник русской армии, повешенный по обвинению в шпионаже (вероятно, ложному); Иван Федорович Манасевич-Мануйлов (1869–1918) — журналист, недолгое время управлявший канцелярией премьер-министра, агент тайной полиции, авантюрист.

⁴⁵ Впервые (с подзаголовком «Романтическая повесть»): Аполлон. 1909. № 1. Пар. II. С. 33–69.

⁴⁶ Книга рассказов Ауслендера (М., 1908).

И уже в 1915 г. в годы войны я познакомился с С.А. Ауслендером на вечере петроградского литературного сообщества «Медный всадник». Я был в форме армейского прапорщика, Ауслендер в форме т.н. «земгусаров»⁴⁷. Я увидел грустное, чем-то весьма озабоченное красивое лицо юноши. Он был очень приветлив, похвалил прочитанный мной рассказ.

В 1918 году мы в Москве (в начале года) дебютировали с ним в так называемых «живых альманахах». Читал он свой рассказ «Вечер у г-жи де Севираж»⁴⁸. Лицо его было всё так же задумчиво грустно.

Что представляли собой «Живые альманахи», я скажу ниже. В своих воспоминаниях, увидевших свет в 1930–31 гг., Андрей Белый показывает нам какого-то избалованного бэби вместо Ауслендера⁴⁹, несколько не похожего на того Ауслендера, которого встретил я сначала в 1915, 1918, а потом после перерыва — в 1922 или 1923 г. в Москве во Всер[оссийском] Союзе Писателей⁵⁰. С того времени С.А., как говорилось тогда, «переключился» на писание рассказов для детей и очень преуспевал в этом писании. Повести его издавались Госиздатом, пьесы шли в детском театре. Из юноши времен «Ночных принцев» он превратился внешне в какого-то ученого монаха францисканца — задумчиво-строгий, скромный. Мы были большими друзьями, хотя и в те годы 1924–27 гг. [sic!] подолгу спорили о рассказах (детских), которые писал он и другие детские писатели. Я находил (тогда) скучными и надуманными эти рассказы и противопоставлял им «Детство» Л.Н. Толстого, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, Тома Сойера, Гэка Финна и даже... «Алису в стране чудес» и «Маленький лорд Фаунтлерой».

С.А. мягко и грустно возражал мне. Вероятно, оба были неправы. С 30-х годов я потерял С.А. из виду⁵¹.

⁴⁷ Земгусар — слегка насмешливое прозвище служащего Земгора (Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов). Представляя тыловую службу снабжения армии, работники комитета носили военную форму без знаков отличия, хотя в боевых действиях участия не принимали. Ауслендер служил по линии Всероссийского земского союза, причем с весны 1916 по ноябрь 1917 г. находился в Белоруссии (см.: *Бурлешин А.* [Рец. на:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. Роман, повести, рассказы. Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Грачевой. СПб., 2005 // Критическая масса. 2006. № 3. С. 83).

⁴⁸ Правильно — «Вечер у господина де Севираж». Впервые: Белые ночи: Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 37–49.

⁴⁹ Имеется в виду карикатурное изображение Ауслендера в третьей части мемуарной трилогии: *Белый А.* Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 298.

⁵⁰ Ауслендер вернулся в Москву (после службы в армии Колчака и нескольких лет жизни в Сибири) осенью 1922 г.; см.: *Бурлешин А.* [Рец. на:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. С. 83.

⁵¹ Вероятно, Мозалевский мог знать (или, по крайней мере, догадываться), что в 1937 г. Ауслендер был арестован и вскоре расстрелян.

Он был романтик. Любил Россию, Петербург (Питер), Пушкина и... свои рассказы и пьесы для детей.

К сожалению, его имя и творчество смыты волнами забвения.

ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ СЛЕЗКИН

В 1909 или 1908 г. мы прочли в журнале «Русская мысль» рассказ Юрия Слезкина «Когда лекарства не помогают»⁵². Незадолго до войны 1914 г. прочли прошумевшую среди студенческой молодежи повесть Ю.С. — трагическую «Ольгу Орг»⁵³.

Спорили. Одни не нашли в творчестве Ю. Слезкина ничего примечательного: — «молодой Потапенко, не больше». Другие, в том числе и я, заметили в нем самобытно талантливого правдивого писателя, интересного и по языку и по сюжетам и, как было принято, определили ему «место», место повыше Арцыбашева, Винниченко, и не ниже Андреева и Куприна.

В 1915 году я познакомился со Слезкиным в Петрограде в литературном обществе «Медный всадник». Внешне был он то, что называется «писанный красавец», стройный брюнет, одетый по-уайльдовски нарядно. Был он весел, остроумен, приветлив, держался, правда, под «признанного писателя», но доброжелателен к «молодым» Я был в Петрограде проездом на несколько дней, но он — по своей инициативе — «водил» меня во всякие литературные места, устроил у себя дома «мой» вечер, т.е. чтение моего рассказа. На вечере были писатели — Кузмин М.А., Рославлев А. и еще какие-то молодые писатели, очарованные Слезкиным, как «мэтром».

Вновь встретился я со Слезкиным, уже в 1923 г. в Москве, и «от нечего делать» или по иной причине мы подружились, часто встречались, то в Союзе писателей, то в литературном сообществе «Зеленая лампа», где он не раз читал свои рассказы — «Столовая гора», «Шахматный ход», «О голом человеке»⁵⁴. Был он писателем деятельным, энергичным, с хорошей писательской «хваткой», хорошо разбирался в тогдашних, преимущественно «частных» издателях (нередко «пиратских»), и произведения его в 1923–26 г.г. в ящиках писателя не залеживались. И (я думаю,

⁵² Русская мысль. 1913. № 1. Стр. 1. С. 7–40.

⁵³ Впервые: Русская мысль. 1914. № 3. Стр. 1. С. 136–166; № 4. Стр. 1. С. 73–117; № 5. Стр. 1. С. 141–188. Отд. изд.: Пг., 1915.

⁵⁴ «Столовая гора» — роман Слезкина, оконченный в 1922 г. (о его завершении сообщалось в «Новой русской книге»: 1923. № 1. С. 46) и напечатанный под заглавием «Девушка с гор» (М., 1925); «Шахматный ход» с подзаголовком «Повесть смутных украинских дней» вышел отдельным изданием в Харькове (фактически в Симферополе) в 1924 г.; «О голом человеке» — правильнее «Голый человек. Украинское происшествие» (М.–Л., [1926]).

простит мне покойный Юрий Львович эту часть воспоминаний о нем) он порою ухитрялся один и тот же рассказ сунуть двум издателям-дельцам под разными названиями. Но он из этого не делал никакой тайны, а, наоборот, в забавной форме рассказывал своим друзьям — поэтессе Екатерине Галати, профессору Косвен, писателю Д. Стонову⁵⁵, мне, другим о своих «проделках».

И тогда, в те годы Ю.Л. нравилось прослыть «мэтром», он «выводил в люди» молодых писателей, способствовал (бескорыстнейше!) изданию их произведений. Он был исключительно доброжелателен к ним, и некоторые поныне здравствующие писатели, вероятно, благодарны Ю.Л. за дружескую помощь в те не очень легкие для утверждения писателя годы. Много в этом смысле сделал он и для М.А. Булгакова, но тот довольно скоро стал летать на своих собственных крыльях.

МОСКВА 1918 г. «КАФЕ ПОЭТОВ» «ЖИВЫЕ АЛЬМАНАХИ».

В начале 1918 года какие-то ловкие предприниматели открыли в помещении не то гаража, не то сарая в Настасьинском переулке «Кафе поэтов»⁵⁶. То были суровые дни разрухи, отсутствия продовольствия, эпоха мешочников, мелких спекулянтов. Зачиналась жестокая гражданская война на Дону, на Украине. Хлеб в Москве получали мы (служащие) 1/4 и 1/8 фунта, мерзлую картошку покупали у мешочников. На М. Дмитровке в здании б[ывшего] Коммерческого клуба безобразничали вооруженные молодцы, именовавшие себя анархистами, и артист Мамонт Дальский там верховодил (ранней весной два-три артиллерийских снаряда выкурили этих молодцов из их «замка»)⁵⁷.

⁵⁵ О поэтессе Екатерине Александровне Галати (1890–1935) см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 1. М., 2013. С. 58–78. Ее муж — историк и этнограф Марк Осипович Косвен (1885–1967). Их знакомый — писатель Дмитрий Миронович Стонов (наст. фам. Влодовский; 1892–1962).

⁵⁶ Официальный адрес «Кафе поэтов» — Настасьинский пер., д. 1/53. Открыто оно было 21 или 22 ноября 1917 г. (см. значительное число попутных свидетельств, собранных нами в комментариях к воспоминаниям Н.Н. Захарова-Мэнского: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 245–276).

⁵⁷ «Дом анархии» на Малой Дмитровке (д. 6) был взят с боем в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г., см.: *Польская Л.И.* Улица Чехова, 6: Биография московского дома. М., 1991. С. 31–35; ср. воспоминания свидетеля: *Каверин В.* Освещенные окна: Трилогия. М., 1978. С. 303; здесь тоже называется имя актера и анархиста Мамонта Викторовича Дальского (1865–1918). См. также исключительно любопытные мемуары о Дальском-анархисте: *Виноградов С.* Прежняя Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига, 2001. С. 183–188 (глава «Анархисты. Из скверных воспоминаний»).

Кайзеровская армия угрожала вторжением в Смоленск, Ленинград (Петроград). А иные московские обыватели, недовольные властью «большевиков», шушукали о приближении немецких касок к... Москве!

И вот в такое-то время вдруг родилось «Кафе поэтов». Стены были размазаны некими «футуристическими» или, как называли их, «супрематистскими», разноцветными геометрическими фигурами, не помню, еще какими орнаментами, но отчетливо помню надписи у входа в «туалет»:

— Голубицы! Оправляйте свои перышки! (ж)

— Голуби! Оправляйте свои перья! (м)

Авторство надписей приписывалось Маяковскому⁵⁸.

За вход в Кафе брали какую-то большую мзду (в «керенках»), а еще дороже стоил отвратительный жидкий чай и кофе (типа «кофэ-бурдэ!»).

Выступали на эстраде все, кому это захочется. Безобразных скандальных выступлений не помню. Публика преимущественно поэты, журналисты, студенты, дамы в туалетах и наглых и нарочито простых, и какие-то в военной форме, в кожаных куртках и при револьверах. Запах духов, спиртного (но происхождения — внешнего, ибо в «Кафе» спиртного в те дни, по крайней мере, когда я бывал там, не отпускали), запах тел и... плохо оборудованных уборных. Повторяю, что с эстрады читались самые разнообразие стихи. Я отчетливо помню — заставлял молчать и восхищаться стихами своими Маяковский, порою был он там чем-то вроде конференсье и не давал какому-нибудь незадачливому поэту подолгу утомлять слушателей скучными стихами (а поэтов развелось тогда немало).

Читал какие-то в меру скучные стихи поэт Пимен Карпов⁵⁹, разодетый, как картинка, голосом, конкурирующим с зычным побеждающим голосом Маяковского, скандировал свои и иных поэтов (Лафорга?) стихи поэт Вадим Шершеневич, высокий, статный, блистательный, нарядный. Читали стихи и поэтессы, лица которых видел я впервые в жизни. Одна из них, молоденькая брюнетка в ярко красном платье и в такого же цвета шарфе на густоволосой черной голове, пыталась порадовать нас чтением длиннейшего стихотворения Бальмонта⁶⁰. Ее перестали слушать, а Мая-

⁵⁸ Об этих же надписях (без указания их авторства) вспоминает один из посетителей: «В двух противоположных углах зала было отгорожено два помещения. На дверце одного из этих помещений были изображены те же “птички” и написано: “Голуби, оправляйте ваши перышки” — а на дверце противоположного помещения было написано: “Голубицы, оправляйте ваши перышки!”» (Восп. В.Ф. Федорова. Цит. по: *Федорова Е.В.* Повесть о счастливом человеке. М., 1997. С. 13).

⁵⁹ Редкое свидетельство о выступлении в «Кафе поэтов» Пимена Ивановича Карпова (1886–1963).

⁶⁰ Возможно, Елена Владиславовна Бучинская (1894–1957) — младшая дочь Н.А. Тэффи, выступавшая в «Кафе поэтов» с декламацией чужих стихотворений.

ковский галантно устроил ей незаметное отступление с эстрады. Долго ли просуществовало это Кафе — не знаю, так как перестал его посещать.

На Кузнецком мосту вскоре открылось размалеванное художником Георгием Якуловым Кафе художников «Питтореск»⁶¹. Якулов много раз на сборищах художников, писателей и поэтов в издательстве «Альциона» в 1913–14 гг. говорил о «разрешении живописных проблем на скоростях стекол»⁶². Его теории тогда, да и сейчас, представлялись мне малопонятными, но в кафе «Питтореск» стены были расписаны призмами, кругами, параллелепипедами всех цветов спектра, видать, это и было «построение на скоростях стекол».

В кафе «Питтореск» побывал я один раз. Было там всё «чудовищно» дорого, чай, печенье, было малоллюдно, холодно и скучно.

В начале 1918 г. какие-то иные молодые и резвые предприниматели преимущественно из «помощников присяжных поверенных» (адвокатов) при участии «дельных» из числа поэтов и писателей (назову на память Вадима Шершеневича) придумали «Живые альманахи». В не утративших фешенебельности 2–3 московских кафе (пример — кафе «Трамблэ» на Петровке⁶³) писатели и поэты читали публике кафе свои стихи, рассказы, выступали и артисты и певцы.

Публика самая разнообразная — студенты, юнцы и девушки без определенных занятий, артисты, артистки. Были и субъекты, занятые спекуляцией, куплей-продажей самых разнообразных вещей, и под звуки арфы, цитры или под стихи поэта о том, как удавили Павла I-ого (смутно помню такие стихи, а кто писал и читал, забыл!⁶⁴), продавались-покупались... дома, имения, коньяк, бриллианты, предлагались всякие грузы — вагон с фруктами, вагон муки, спекулировали кокаином, валютой («испытанные остряки» пустили в ход такие перлы: — «он выгодно продал вчера два вагона дирижерских палочек...»). «Живые

⁶¹ Кафе «Питтореск» (Кузнецкий мост, д. 5) было открыто 30 января 1918 года в помещении бывшего магазина «Сен-Галли».

⁶² «Построение на скоростях стекол» — подзаголовок картины Г. Якулова «Городская живопись», экспонировавшейся на выставках 1913 и 1914 гг. (см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. Ереван, 1971. С. 306).

⁶³ Знаменитая московская кофейня «Трамбле» (угол Петровки и Кузнецкого моста; д. 3/5 по старой нумерации).

⁶⁴ Имеется в виду Лев Вениаминович Никулин (Лев Владимирович Ольконицкий; 1891–1967), впоследствии крупный советский прозаик, а на тот момент — юный поэт. В газетной хронике при описании поэтического состязания упоминалось: «Первым из поэтов выступил Л. Никулин, прочитавший отрывок из поэмы “Павел I”» (*П.Е.* «Спекуляция на поэтах» (Выбор короля поэтов) // Раннее утро. 1918. № 31, 28 (15) февр. С. 4). Момент гибели Павла запечатлен в его ст-нии «Граф фон дер Пален» («Над пламенем — седая голова...»), составляющем часть поэмы: «“Sire! Nous venons...” “Не медлите!.. Ударь! / Еще ударь!.. Довольно... Вздуйте вены”. / И царствует великий государь, / И правит государь благословенный» (*Никулин Л.* Страдиварий: Стихи. Кн. вторая. Киев, 1919. С. 8).

альманахи» широко рекламировались розовыми, голубыми, зелеными афишами на заборах.

Но почти на одну треть публику кафе (чтения происходили вечерами) представляли писатели, поэты, актеры, музыканты, — участники «альманахов».

К сожалению (а, может быть, и не к сожалению!) забылось, кто же были эти участники?

Отчетливо помню голос Вадима Шершеневича (декламировал свои стихи и переводные), цитру музыканта Иодко⁶⁵, рассказ, читанный Ауслендером С.А. об аристократе-снобе, который день взятия Бастилии провел игриво, «как ни в чем не бывало»⁶⁶. Читал там (стихи) и К.А. Большаков⁶⁷. Какой-то рассказ свой читал и я.

«Живые альманахи» прожили довольно мотыльковую жизнь — существовали месяца два и как будто «прогорели».

Участники альманахов получали, разумеется, гонорары, но тут же проедали их — кофе, печенье, пирожки стоили уже немало! А на порцию сосисок гонорара, пожалуй, не хватало.

МОСКВА 1921 г. И-ВО «КОСТРЫ», «ФЕНИКС».

Н.А. АРХИПОВ

Да, много встреч-угольков, разгорающихся порой в золе воспоминаний. «Иных уж нет...» Увы, многих нет!

В 1921 (или 1922) г. познакомился я с писателем и издателем Николаем Архиповичем Архиповым⁶⁸. Он и «вел» тогда издательство «Костры», издавал альманахи «Феникс». Печатались там А. Ахматова, Г.И. Чулков, Новиков И.А., Борис Зайцев, Архипов Н.А.⁶⁹

⁶⁵ Витольд Ромуальдович Иодко, музыкант и автор книги «Цитра: Краткий исторический очерк и описание инструмента» (М., 1914). В 1918 г. он участвовал в вечерах, организованных А. Вертинским. Согласно разысканиям В.А. Дроздова, участвуя в «Живых альманахах», Иодко заполнял паузы между выступлениями чтецов игрой на цитре (см.: *Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только: Статьи, разыскания, публикации.* М., 2014. С. 652).

⁶⁶ Имеется в виду рассказ С. Ауслендера «Бастилия взята» (впервые: *Корабли: Сб. стихов и прозы.* М., 1907. С. 73–75).

⁶⁷ Возможно, ошибка памяти: Константин Аристархович Большаков (1895–1938) не упоминается в качестве участника «Живых альманахов» ни в хронике, ни в мемуарах; первое его зафиксированное выступление этих лет — 19 июля 1919 г. на «вечере поэзии» во Дворце искусств (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников.* Библиография. Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 427).

⁶⁸ Архипов Николай Архипович (наст. фам. и имя: Бенштейн Моисей Лейзерович; 1880/1881–1946) — прозаик, драматург, издатель.

⁶⁹ Вышел единственный выпуск альманаха «Феникс» (Вып. 1. М., 1922). Из перечисленных авторов там отсутствует только Иван Алексеевич Новиков (1877–1959), хотя отдельные его книги под маркой «Костров» выходили.

Рассказы Архипова Н.А. созданы в манере благородной «горьковской» школы. Рассказывал он о людях (эпохи довоенной), а один рассказ так и был назван им: «Повесть о человеке»⁷⁰.

В те 1921–22 годы книг выходило мало, а беллетристики, стихов и очень мало. Изданные «Кострами» книги были нужны и интересны читателю.

К сожалению, «Костры» горели недолго. В конце 1923 г. или в 1924 г. «Костры» прогорели⁷¹. Меня в ту пору, находившегося в состоянии не очень благоденственном, они чуточку погрели: один мой рассказ «Двойная смерть» был напечатан в Альманахе «Феникс», другой света не увидел, но издательством был оплачен. Н.А. Архипов был человек дельный, приветливый и весьма доброжелательный к писателям, платил как издатель щедро по тому времени.

В 1921–26 гг. в Москве немало расплодилось всяких литературных кружков и собиралось литературных собраний — «Вторники Окунева» (собирались у писателя Окунева⁷²), «Никитинские субботники» (собирались у писательницы Е. Никитиной⁷³), «цех поэтов» (может быть, «вечера поэтов», название забылось), там «царствовал» Сергей Городецкий⁷⁴. Собирались где-то на улице Герцена. Меня кто-то из писателей повел раз на вечер поэтов. В комнатах народу было настолько много, что я не разобрался сразу, кто же там находится. Помню В. Инбер, С. Городецкого, статную блондинку, кажется «хозяйку салона»⁷⁵, молодой поэт

⁷⁰ Помещена (с подзаголовком «роман») в том же первом выпуске альманаха «Феникс».

⁷¹ Последние четыре книги под маркой «Костров» вышли в 1923 г.

⁷² Салон писателя Якова Марковича Окунева (наст. фам. Окунь; 1882–1932) не принадлежал к числу самых популярных точек литературной Москвы. Ср., впрочем, в покаянном письме крестьянского писателя И.Е. Вольнова к Горькому от 7 марта 1925 г.: «Иногда, по субботам и вторникам, хожу даже в “салоны” т-те Никитиной и Я. Окунева, безличного литератора. Милый Алексей Максимович, как там убого и стыдно! По пузо голые бабы из уборных Парнаса, стилизованный (порассейски) дэнди под кокаином, дон-кихотствующий Иван Рукавишников [...] на фоне разноцветных поденок от литературы. Зачем я хожу? Хочется видеть, знать, наесться, чтобы потом выbleвать и — потерять навсегда вкус к “салонам”, жеманной грации базарных печеночниц; крепче утвердиться в старообрядческой вере своей» (Из переписки А.М. Горького и И.Е. Вольнова / Публ. архива А.М. Горького. Подгот. текста и примеч. И.И. Вольнова // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 79).

⁷³ Об этом, напротив, известном и просуществовавшем много лет литературном обществе см.: *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998.

⁷⁴ Имеется в виду «Московский цех поэтов» (1922 или 1924 — 1927).

⁷⁵ Возможно, Анна Арнольдовна Антоновская (1885–1967), в квартире которой в Брюсовом переулке (недалеко от ул. Герцена) часто проходили заседания «Московского цеха поэтов». Ср. в воспоминаниях Л.В. Горнунга: «Квартира Антоновских находилась в Брюсовском переулке (близ Большого зала Московской консерватории), в одном из больших корпусов, построенных накануне Октябрьской

Сельвинский прочел стихи, показавшиеся большинству дерзкими и чуть вульгарными. Его побранили. Впрочем, он, кажется, отнесся к этому дерзко-равнодушно.

Плеяда пролетарских поэтов объединялась в содружестве «Кузница» — поэты Герасимов, Кириллов, Орешин⁷⁶.

МОСКВА 1921–26 гг. СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

Г.И. ЧУЛКОВ. АНДРЕЙ СОБОЛЬ.

В 1921 г. кто-то из писателей ввел меня и в Всероссийский Союз писателей, помещавшийся на Тверском бульваре д. 27, ныне «Дом Герцена». Не то по субботам, не то в какой-то другой день недели там устраивались вечера — писатели читали рассказы, поэты (что реже бывало) — стихи⁷⁷. Бывал я там в годы 1921–26, что-то познавал, чему-то подучивался.

Запомнилось: Л.П. Гроссман читал о Пушкине «в театральных креслах»⁷⁸, читали Шмелев, Сергей Клычков, Герасимов, Кириллов — рассказы, стихи⁷⁹. Каким-то страшным рассказом поугал Павел Муратов (автор «Образов Италии», романа «Эгерия») ⁸⁰. Нередко слышал я там рассказы (вернее, отрывки из романов) из уст автора Бориса Пильня-

революции. [...] Анна Арнольдovна пыталась соревноваться с другим литературным салоном того времени, который именовался “Никитинские субботники” и был основан тоже в начале НЭПа Евдоксией Федоровной Никитиной, вдовой какого-то профессора Никитина. [...] Среди постоянных посетителей “Цеха поэтов” была Софья Яковлевна Парнок, с которой я очень быстро подружился. Кроме того, там бывали Клара Арсенева, Борис Михайлович Зубакин, несколько раз исполнявший импровизации в стихах на заданную тему. Бывали, но не регулярно, Вера Инбер, Илья Сельвинский и другие» (цит. по: *Романова Е. Опыт творческой биографии Софии Парнок*. СПб., 2005. С. 148). Ср. также: «Мне жалко обидеть хорошего человека, Анну Арнольдovну Антоновскую, но право, ее уютная квартира была иногда достойна перьев Ильфа и Петрова. Это был НЭП в его крайнем выражении» (*Антокольский П. Далеко это было где-то...: Стихи. Пьесы. Автобиографическая повесть*. М., 2010. С. 301). См. о ней: *Черный Б. Связь времен: Жизнь и творчество А. Антоновской*. Тбилиси, 1974.

⁷⁶ Михаил Прокофьевич Герасимов (1889–1937), Владимир Тимофеевич Кириллов (1890–1937), Петр Васильевич Орешин (1887–1938).

⁷⁷ Литературные вечера Всероссийского профессионального союза писателей в 1921 году проходили по понедельникам (кроме нескольких первых).

⁷⁸ «Пушкин в театральных креслах» — название книги (М., 1926) Леонида Петровича Гроссмана (1888–1965). Выступление Гроссмана на эту тему во Всероссийском союзе писателей нам неизвестно.

⁷⁹ И. Шмелев читал повесть «Неупиваемая чаша» на исполнительном собрании Всероссийского союза писателей 10 июля 1922 г. (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников*. Библиография. Т. 1. Ч. 2 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 460) и рассказ «Это было» на подобном заседании 4 сентября 1922 г. (Там же. С. 519); осенью того же года он уехал за границу. Выступления остальных перечисленных авторов были достаточно регулярны.

⁸⁰ Муратов многократно (до своего отъезда в Европу) выступал с чтением новелл, но в хронике запечатлено лишь одно название — «Вергилий в корзине» (рассказ читался 26 декабря 1921 г.); вряд ли речь идет о нем.

ка. Многие писатели и просто слушатели смотрели с восхищением на рослого веселого юношу Пильняка, «подававшего» им по-театральному умело свои произведения. Он выкристаллизовывался, по мнению многих тогдашних арбитров, в большого писателя, «писателя эпохи».

Дебютировал (в 1921 или 1922) с поэмой о Моцарте и Сальери поэт Георгий Шенгели⁸¹. Он как бы внес в пушкинский шедевр (т.е. пытался внести) новую главу — любовь Изоры к Сальери. Критик и искусствовед А. Эфрос — в прениях — не одобрил Шенгели и сказал (примерно, разумеется) так: «Шенгели затеял единоборство с Пушкиным, и, конечно, не могло произойти ничего другого: в этой борьбе Шенгели пал побежденный»⁸².

Читал свои рассказы талантливый писатель Пантелеймон Романов, и его вознаграждали аплодисменты и здоровый (не злопыхательский, отнюдь!) смех.

Читал он и отрывки из своего большого романа «Русь» (ныне забытого без всяких оснований, роман написан кристально русским языком, которым писали и Лесков и А.Н. Толстой, да и многие русские писатели, у которых иным современникам можно бы поучиться).

Деятельное участие в жизни Союза принимали тогда Львов-Рогачевский, Свирский, Новиков И.А., Лидин В.Г., Соболев Андрей, Вересаев В.В.⁸³

В период нэп'а при Союзе (в доме Герцена) открыли ресторан. Конечно, поесть и слегка подвыпить — это не унижает писателя, но, к сожалению, «угар нэп'а» заволакивал в те 2–3 года и этот ресторан-подвал, и не хочется вспоминать тут детали...

⁸¹ Драматическая поэма «Сальери» была прочитана автором на исполнительном собрании Всероссийского союза писателей 16 октября 1922 г. При жизни автора не публиковалась; текст: *Шенгели Г.* Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого; биогр. очерк В.Э. Молодякова. М., 2017. С. 311–329.

⁸² Отзыв Абрама Марковича Эфроса (1888–1954) нам неизвестен. В газетной хронике сообщалось: «На очередном исполнительном собрании (понедельник, 16 октября) читали поэт Шенгели и поэтесса [В.] Клюева. Драматическая поэма Шенгели носит название “Сальери”. Можно было ждать от автора, что он даст что-нибудь оригинальное, свое, раз он берет тему, которую когда-то [так!] разработал Пушкин в своей маленькой трагедии. В действительности получился риторический бесцветный перепев. При этом “Сальери” Шенгели раза в два больше “Моцарта и Сальери” Пушкина. После чтения были прения» (*Б.п.* Союз писателей // Правда. 1922. № 238, 21 окт. С. 8).

⁸³ Перечислены критик Василий Львович Львов-Рогачевский (наст. фам. Рогачевский; 1874–1930); писатели Алексей Иванович Свирский (наст. имя Шимон-Довид Вигдорович; 1865–1942), Владимир Германович Лидин (наст. фам. Гомберг; 1894–1979), Андрей Соболев (наст. имя Юлий Михайлович, вар. Израиль Моисеевич; 1887–1926), Викентий Викентьевич Вересаев (наст. фам. Смидович; 1867–1945). Об И.А. Новикове см. примеч. 69.

Я не был знаком с добрейшим Георгием Ивановичем Чулковым в период его увлечения «мистическим анархизмом», его споров с Андреем Белым, в период разных распрей в лагере символистов, акмеистов. Сказать должен между строк, о символистах, что, по моему глубокому убеждению, в русской литературе (поэзии) не угаснут огни (ну, пусть «огоньки»), зажженные Валерием Брюсовым, Андреем Белым, Ал. Блоком, Бальмонтом, Гумилевым. Но тысячи огоньков других (Гиппиус, Мережковских — поэтов, Адамовича, Г. Ивановых и... всех не перечислишь) давно погасли, не оставив следа.

Возвращаясь к Г.И. Чулкову, познакомился я с ним в 1921 году — седоволосым, внешне «маститым», словно просящимся на полотно Репина или Серова, но в жизни (скромной) очень скромным. В те годы был он по преимуществу литературовед, много работал в области пушкинианы и тютчевианы.

Мы жили в домах, неподалеку находившихся друг от друга, часто встречались на улице, и Г.И. неизменно говорил: «Живу, как апостол Павел — готовлюсь к смерти каждый день».

Г.И. был интересным многознающим собеседником и охотно говорил со мной о Пушкине, Тютчеве, Фете. Но вспоминать и говорить о себе 1908–1914 гг. (мистический анархизм его) не любил, как будто речь шла о другом Чулкове.

Большое участие принимал Г.И. в издательстве «Костры», как будто входил в редакцию. Когда «Костры» потухли, он опечален был немало.

Помню я (озорничая, дело было в молодости) сказал моему большому другу писателю Ауслендеру С., что, мол, Чулков хотя и «держит себя под апостола Павла» и похож на Шулетта из «Красной Лилии» Ан. Франса, а всё же он на самом-то деле по амурным делам... словом, не буду уж повторять те слова.

И что же? Ауслендер, за что я его выругал крепко, передал мои озорные слова Чулкову... и оба они долго хохотали.

В 1922 году я познакомился не то в издательстве «Костры», не то в Союзе писателей с человеком прекрасной широкой души, с интересным вдумчивым честным писателем Андреем Соболев. Детально я уже позабыл бег его жизни, но был путь примечателен и закончился внезапно трагически (в тридцатых годах, в 1931 или 1930 г. он отравился в состоянии депрессии⁸⁴).

⁸⁴ Андрей Соболев застрелился в 2 часа ночи 7 июня 1926 г. (см.: *Хазан В.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб., 2015. С. 614–616).

Царское правительство зашвырнуло юношу революционера А. Соболя на каторгу за участие в революционном движении. С каторги он бежал, скитался по другим странам, попал во Францию и был рядовым французской пехоты, воюющей против «бошей» в 1914–1918 г.г.⁸⁵

В 1918 г. он возвратился в Россию, жил в Москве⁸⁶. Сохранились в памяти его рассказы «Пыль», «Салон-вагон», «Сирокко»⁸⁷. «Сирокко» был переделан в пьесу и несколько лет не сходил со сцены Камерного театра.

В творчестве Соболя продолжал (и успешно) великие традиции больших умных русских писателей Чехова, Куприна. Он писал о том, что видел, знал, перечувствовал, а главным героем его рассказов была та «правда», о которой говорил Л.Н. Толстой в «Севастопольских рассказах»⁸⁸.

МОСКВА 1921–1928 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

В Москве на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина) в здании б. Поливановской гимназии с 1920–21 г. по 1929 или 30 г. существовала «Государственная Академия Художественных наук»⁸⁹.

Президентом ее был добрейший, весьма эрудированный, весьма скромный и доброжелательный человек профессор Петр Семенович Коган, над которым не раз в своих стихах (и, будем справедливы, без оснований) подтрунивал Маяковский⁹⁰, не пощадивший, впрочем, ни

⁸⁵ Мозалевский ошибается: Соболя действительно был в 1906 г. осужден и в 1908 г. бежал с каторги (Там же. С. 58, 73), но во французской армии он, по всей вероятности, не служил (см.: Там же. С. 176).

⁸⁶ В действительности Соболя вернулся в Россию в последние дни 1914 или первые — 1915 г. (до 3 января); см.: Там же. С. 177.

⁸⁷ Роман «Пыль» напечатан: Русская мысль. 1915. № 1–4. Отд. изд.: М., 1916. «Салон вагон» — впервые в составе отдельного издания (вместе с повестью «Бред»): М., 1922. Пьеса «Сирокко», поставленная в 1928 г., уже после смерти автора (инсценировка В. Зака и Ю. Данцигера), имела в основе «Рассказ о голубом покое» Соболя.

⁸⁸ Подразумеваются финальные строки рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в мае»: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

⁸⁹ Государственная Академия Художественных наук была организована летом 1921 г. и закончила свое существование весной 1931 г.

⁹⁰ Петр Семенович Коган (1872–1932) в неизменно юмористическом контексте упоминается в стихотворениях Маяковского «Пятый интернационал», «Протестую!», «Тамара и демон» и «Сергею Есенину».

Собинова⁹¹, ни... Льва Толстого⁹². Но П.С. Коган к этим ударам меча скорее картонного, чем железного, относился добродушно.

Вице-президентом был Густав Густавович Шпет, человек незаурядный, деятельный, шумный, сохранивший и к зрелым летам задорство буршей из гофманских рассказов, буршей, презирающих мешан-филистеров.

Я знал Густава Густавовича еще будучи студентом Университета (он был тогда приват-доцентом по кафедре философии). Знал и позже⁹³. Но мои воспоминания бледны, и я верю, что кто-то другой, знавший Г.Г. лучше и полнее, напишет и биографию, и воспоминания об этом человеке, об его философских опытах, об его заблуждениях, если они в нем были...

Членом Академии я не был, но в указателе писателей, литераторов, поэтов, изданных ГАХН в 1925 г., был помещен и я, правда, составитель напутал что-то с моей библиографией и биографией и сделал меня «польского происхождения», хотя следовало бы просто написать — «русский»⁹⁴.

Время от времени я получал из ГАХН приглашения на доклады, лекции, концерты. Впервые я познакомился там с музыкой Дмитрия Кабалевского (играл и сам композитор).

Умер в 1922 г. М. Гершензон, литературовед, автор интереснейшей книги «Грибоедовская Москва», и тело его покоилось в большом зале ГАХН, звучала “*lacrimosa*” из Реквиема Моцарта (хор и оркестр ГАХН)⁹⁵.

⁹¹ Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) упоминается в стихотворениях Маяковского «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» и «Сергею Есенину» (последнее значительно более известно).

⁹² Какое из весьма многочисленных упоминаний Толстого у Маяковского имеет в виду мемуарист — неясно; возможно, в стихотворении «Еще Петербург» («А с неба смотрела какая-то дрянь / величественно, как Лев Толстой»).

⁹³ Среди прочего, Мозалевский был знаком со Шпетом по редакции машинописного журнала «Гермес»; см., в частности, письмо Б.В. Горнунга к Г.Г. Шпету от 23 августа 1925 г.: *Горнунг Б. Поход времени: Статьи и эссе*. М., 2001. С. 325.

⁹⁴ Подразумевается биографическая справка, помещенная в справочнике: Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Ред. Б.П. Козьмина. М., 1928. С. 185–186. Автором этой заметки был Д.С. Усов, что следует из его недатированного (зима 1926) письма к Е. Архиппову (см.: *Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...»*) Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 372).

⁹⁵ Михаил Осипович Гершензон умер в четверг 19 февраля 1925 г. В пятницу и субботу тело его оставалось дома; в воскресенье, 22-го, состоялась панихида в ГАХН и сразу за ней похороны.

Какая-то полная старая дама истерически возвестила, что Гершензон был целомудренным борцом за настоящую литературную правду⁹⁶.

А бедный Гершензон в гробу — маленький, смиренный, так не напоминал «борца»!

В «кулурах» в 1923–24 г. шумел Андрей Белый, в сюжете черном, что-то кому-то доказывал. Я часто прислушивался к его речам, но язык Белого был непонятен: то была пора, когда он писал романы «Москва под ударом», «Московский чудак», а там попадались совершенно «непереводимые» на русский язык слова и фразы вроде «мизикало утро» и др.⁹⁷

Осенним «хрустальным» днем 1924 г. мимо здания ГАХН прошла многолюдная процессия: хоронили В.Я. Брюсова⁹⁸.

С балкона ГАХН кто-то дико крикнул.

Верный друг и бывший соратник Брюсова по боям символистов со всякими врагами Андрей Белый с тоской вспоминал о многом, о юности их, о Поливановской гимназии, которую оба так любили, и рыдающе крикнул в эфир одну из своих путанных фраз⁹⁹.

В 1928 г. я встретил в ГАХН'е Стефана Цвейга: красивый, черноокий, одетый в костюм цвета «наваринского дыма с пламенем»¹⁰⁰. Я был представлен ему, но не удался мне с ним разговор и в три слова, его осаждали «дамы». «Страх», «Амок», «Письмо незнакомки», — все эти милые женскому сердцу рассказы были в большой моде, и дамы наперебой гово-

⁹⁶ Этой дамой была Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925). Дочь Гершензона вспоминала, что ее выступление «носило совершенно ненормально-истерический характер» (*Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000. С. 263). Подробнее о нем рассказывал другой свидетель: «К гробу подошла А.Н. Чеботаревская. Ее глаза болезненно блуждали; в голосе слышался надрыв, в словах чувствовалась истерика. От пристального наблюдателя и внимательного слушателя уже тогда не могли ускользнуть в речи А.Н. намечающиеся признаки психического расстройства и явные симптомы приближающегося религиозного помешательства. Здесь говорили о том, — так начала свою речь А.Н., — чему служил покойный Михаил Осипович, кого он любил, каких поэтов он предпочитал. Я скажу, что он служил одному Богу, любил и предпочитал только Бога. И мы должны следовать его примеру. Так жить, как мы живем, нельзя, так жить нельзя» и т.д. (*Соболев А.Л.* Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. Ч. 1 // Литературный факт. 2017. № 4. С. 118–119).

⁹⁷ «Скупо мизикало утро» — фраза из романа «Москва» (*Белый А.* Москва: Роман. Часть первая. М., 1928. С. 59). Вопреки мнению мемуариста, это словоупотребление вполне легитимно: по Далю, «мизикать» на оренбургском диалекте означает «издавать слабый свет, мерцать».

⁹⁸ Похороны Брюсова состоялись 12 октября 1924 г.

⁹⁹ Об этом (в т.ч. и о нечаянном выкрике под балконом ГАХН) вспоминает сам Белый *Белый А.* Начало века. С. 517.

¹⁰⁰ О визите Цвейга в ГАХН в сентябре 1928 г. см.: *Либлинзон З.Е.* Классика и современность. Из литературного наследия: Избранные статьи. Нижний Новгород, 1993. С. 223–224.

рили с автором новелл и «эссе», прошедших, кстати сказать, испытание временем и годных для любого читателя и на много лет вперед.

В ГАХН нередко со всякими лекциями и докладами по вопросам литературы и поэзии выступал и участвовал в прениях человек с тютчевским лицом, с красивым голосом и получше многих артистов декламировавший стихи Пушкина, Фета, Тютчева, Лермонтова и (редко) свои, — Вячеслав Иванович Иванов (кстати, он по-детски обижался, когда его фамилию произносили «Иванóв», а не «Ивáнов») ¹⁰¹.

Я не знал В.И. Иванова эпохи им выпестованных «Ор» (Петроград 1906–1912 гг.) ¹⁰², мистагога, жреца дионисовых исканий, каким показывает его нам Андрей Белый в своем мемуарном «Начале века» ¹⁰³. В Киеве в нашем «клане» стихи его читались, кое-что нравилось, но большинство стихов просто мы не поняли и, следовательно, прошли мимо.

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ КАВАЛЕРИСТ — БОЛЬШАКОВ КОНСТАНТИН АРИСТАРХОВИЧ.

Тяжеловат был творческий (да и жизненный) путь писателя Константина Аристарховича Большакова, которого я хорошо знал. Начал он юношей с писания (и печатания) стихов в духе немалого количества тогдашних поэтов — смеси Тютчева, Фета, символистов с футуристическими вольностями ¹⁰⁴, шатался, как и я, до 1914 г. по литературным сборищам, диспутам, по «салонам», где слушал и читал стихи.

Войной был призван в кавалерию ¹⁰⁵. Кавалерия пришлась ему по сердцу, и, как то узнал я позднее, воюя, изучил он и историю кавале-

¹⁰¹ Мозалевский преувеличивает регулярность участия Иванова в делах ГАХН: находясь в Баку с 1920 по 1924 г., он впервые выступил там лишь 4 июня 1924 г., накануне окончательного отъезда в Италию, с докладом «Пушкин и формальный метод». См. также его личное дело в фонде ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 253) и автобиографию, написанную в 1926 г. для баллотировки в члены ГАХН (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 166–170; публ. Г.В. Обатнина).

¹⁰² Домашнее издательство, организованное Вяч. Ивановым и просуществовавшее с 1907 по 1912 г.

¹⁰³ См.: *Белый А.* Начало века. С. 338–361.

¹⁰⁴ Это любопытное замечание, вероятно, может служить доводом в старинном ученом споре о принадлежности К. Большакову книги «Мозаика» (М., 1911), поскольку данная Мозалевским характеристика его ювенилий лучше подходит именно к текстам, вобранным этой книгой: два следующих сборника, «Le futur» (М., 1913) и «Сердце в перчатке» (М., 1913), значительно более футуристичны.

¹⁰⁵ Как следует из автобиографии 1928 г., Большаков добровольно оставил университет и поступил в Николаевское кавалерийское училище, после чего в 1915 г. оказался в действующей армии (см.: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 309). См. также: *Богомолов Н.А.* Предисловие // *Большаков К.* Бегство

рийских полков, сражался по-настоящему, как сражались и художник Якулов Г.Б.¹⁰⁶, поэт Гумилев, был награжден орденами. С 1918 года он был в Красной Армии, снова в родной ему кавалерии, занимал командные должности.

В период, когда во главе «Красной Нови», журнала, печатавшего тогдашние шедевры, стал критик Воронский, К.А. Большаков в литературе и в печатании своих произведений преуспел — написал рассказ «Сгоночь» (из эпохи гражданской войны)¹⁰⁷, рассказ о Лермонтове (кстати сказать, в те годы 1924–28 было издано чуть ли не 20 рассказов о Лермонтове)¹⁰⁸, роман «Маршал 105-го дня»¹⁰⁹... Я не имел возможности сейчас перечитать рассказы К.А. Б-ва, а почти 30 лет — срок немалый, но смею утверждать, что рассказы правдивы, написаны хорошим русским языком, интересны по теме. Роман «Маршал 105-го дня» написан в нескольких планах, манера так писать признавалась «хорошим тоном», чему способствовали романы Б.А. Пильняка, который, хотел ли он или не хотел этого, чуточку законодательствовал по части формы, манеры и содержания литературно-художественных творений тех лет.

Я видел К.А. в его личной жизни — скромно он жил, в комнате главная мебель (далеко не «буль» или «чипендайль»), два стула, кровать, стол, рукописи, книги и маленькая пишущая машинка, на которой он «артистически играл».

пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М., 1991. С. 6–13.

¹⁰⁶ Георгий Богданович Якулов (1884–1928) был призван на фронт в самом начале войны и, за исключением периода реабилитации после ранения, оставался в действующей армии; см.: *Аладжалов С.И.* Георгий Якулов. С. 49–53.

¹⁰⁷ «Сгоночь» — не рассказ, а роман; впервые: Новые берега. Сб. 1. М., 1924. С. 89–196 (первая часть); отд. изд.: М., 1927.

¹⁰⁸ Рассказ Большакова о Лермонтове нам неизвестен; возможно, подразумевается его роман «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова» ([Харьков, 1929]). Описанная Мозалевским закономерность удивляла еще современников: «За последний литературный сезон появился у нас целый ряд повестей и романов о Лермонтове. Не считая вещей, застрявших в портфелях редакций и издательств, и исключая мелкие стихотворения, мы получили шесть беллетристических произведений из жизни поэта: за полгода больше, чем за предыдущие 90 лет, и больше, чем о каком-нибудь другом русском писателе вообще было написано в художественной форме» (*Фохт У.* Лермонтов в современной беллетристике // Печать и революция. 1929. № 9. С. 86).

¹⁰⁹ Вышла лишь первая часть задуманной трилогии под этим названием: Кн. 1. Построение фаланги. М., 1936.

МОСКВА 1922–26 гг.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК «ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА». М.А. БУЛГАКОВ.

В 1922–23 гг. в Москве под гостеприимной «зеленой» (абажур!) лампой журналистки Лидии Васильевны Кирьяковой (умерла 1943 г.)¹¹⁰ собрались как-то по ее приглашению несколько писателей на литературный «чай».

Читал свой рассказ Юрий Львович Слезкин «Столовая гора» (впоследствии был напечатан)¹¹¹.

Слушали Ю. Слезкина тогда в тот вечер Булгаков Мих. Афан., Ауслендер С.А., Стонов Д.А., книговед Е.И. Шамурин¹¹², я, еще кто, забыл, ну, разумеется, и «хозяйка салона» Лидия Васильевна. После чтения за «чаем» (весьма «расширенным») были обсуждение рассказа и разглаголы на литературно-театральные темы момента — Мейерхольд, Таиров, «Заговор императрицы»¹¹³, театр Революции — «Озеро Люль»¹¹⁴... Тут высказывались и надежды, что какие-то новые писатели создадут какие-то новые шедевры, тут скептически звучали фразы, что «нет пока ничего оригинального, примечательного, тут благоговейно глядели «назад», глядели на Пушкина, Толстого Л.Н. М.А. Булгаков ждал появления новой «Войны и мир».

В Москве, как говорил я, много было в ту пору литературных стихийно возникших кружков, и как-то все собеседники под З[еленой] Л[ампой] порешили собраться через недели две снова. Так загорелась «Зеленая лампа».

Какой-то остряк (из нас) называл сборища ее «радениями».

Никакой, разумеется, литературной платформы у «Лампы» и в начале не было. Читали свои произведения, обсуждали их. Слезкин читал «Столовую гору», «Шахматный ход»¹¹⁵, читал М.А. Булгаков свои рассказы и повесть о Турбиных, из которой впоследствии была создана

¹¹⁰ О журналистке и писательнице Л.В. Кирьяковой (1879–1943) см.: Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 171–172; Виноградов В.К. «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты» // Независимая газета. 1994. № 74 (750), 20 апр. С. 5; Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. 1. С. 72–75; Минаев Н. Нежнее неба. М., 2014. С. 265–266, 724–725; Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. И.Г. Девятьярова, В.В. Нехотин. Омск, 2019 (в печати).

¹¹¹ См. примеч. 54.

¹¹² Евгений Иванович Шамурин (1889–1962) — книговед, библиограф, филолог.

¹¹³ «Заговор императрицы» — пьеса А. Н. Толстого.

¹¹⁴ «Озеро Люль» — пьеса Алексея Михайловича Файко (1893 — 1978), поставленная В. Э. Мейерхольдом в Театре Революции (премьера 8 ноября 1923 г.).

¹¹⁵ См. примеч. 54.

пьеса «Дни Турбиных», читал рассказы Д.М. Стонов, Н.Я. Шестаков¹¹⁶, эссе о «Царском селе» (XVIII и XIX век), читал А.И. Венедиктов¹¹⁷, читала стихи Е.А. Галати¹¹⁸. Какой-то бесконечно длинный фантастический рассказ о сумасшедшем управдоме Шлепкине несколько вечеров читал писатель Гусятинский¹¹⁹.

В 1940 г. так безвременно в расцвете творческих сил умер яркий талант, остроумный, деятельный писатель М.А. Булгаков.

¹¹⁶ Шестаков Николай Яковлевич (1894–1974) — поэт и драматург. См. о нем: Советские детские писатели: Биобиблиографический словарь. 1917–1957. М., 1961. С. 404–405; Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919 / Сост. И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков. Тобольск, 2016. С. 288; *Нехотин В.* Свидетель страшных лет: Из ранних стихотворений Н.Я. Шестакова // Симбирск. 2017. № 12 (54). С. 14–21.

¹¹⁷ Венедиктов Александр Иванович (1896–1970) — поэт, переводчик, историк искусства, участник эзотерических обществ. См. о нем: Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг. / Публ., вступ. статьи, коммент., указатель А.Л. Никитина. М., 2005 (ук.); *Кузмин М.А.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005 (ук.); *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании. Рязань, 2006 (ук.); Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания. М., 2011 (ук.); Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919. С. 77. Упомянутое эссе — историко-литературный цикл «Царскоесельские ночи»; Венедиктов читал, в частности, отрывки из него в Русском обществе друзей книги (см.: *Карамурза С.Г.* Русское общество друзей книги. М., 2011. С. 164); Кирьякова упоминала декламацию «Царскоесельских ночей» в заседании «Зеленой лампы» в тексте своего ходатайства о помиловании (см.: *Минаев Н.* Нежная неба. С. 724). Эта рукопись на 97 страницах была отобрана у Венедиктова при обыске 10 июня 1927 г. По сообщению осведомителя СО ОГПУ от 13 мая 1929, «...известная мне и когда-то так мне понравившаяся рукопись его вещи “Царскоесельские вечера”, бывшая у него в единственном экземпляре (у него даже не имелось черновиков ее), была у него забрана ГПУ при его аресте и не возвращена ему; ему очень жаль ее потерять, и теперь он подумывает просить С.А. Ауслендера, с коим он очень дружит и который в свою очередь пользуется поддержкой т. В.Р. Менжинского (по их старому знакомству еще в 1900 гг., когда т. Менжинский был петербургским присяжным повер[енным], и вращаясь в тогдашних лит[ературных] кругах и сам выступал в качестве писателя), чтобы Ауслендер при случае рассказал т. Менжинскому про эту рукопись и ее задержание “в недрах ГПУ” и попросил т. Менжинского затребовать ее для личного просмотра, и если т. Менжинский не найдет в ней ничего предосудительного по просмотру, просить его дать распоряжение о ее возврате Венедиктову. Далее он сообщил мне, что на днях им встреченный М.А. Булгаков хвастался ему, что его “Белая Гвардия” вышла теперь полностью (с окончанием, неподпечатанным в России) в Париже, и восторженно встреченная тамашней публикой, пользуется большим успехом» (сведения из следственного дела, разысканного И.Г. Девятьяровой).

¹¹⁸ См. примеч. 55.

¹¹⁹ Александр Ильич Гусятинский (1893–?) — поэт и прозаик, участник нескольких альманахов 1920-х гг., заведующий редакционно-издательским отделом Московской Товарной Биржи, позже — заведующий редакцией журнала «За промышленные кадры», переживший в этом качестве допрос по делу В.Т. Шаламова (с которым поддерживал дружеские отношения и после освобождения последнего). См. о нем: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М., 2004. С. 152, 1036. Его текст об управдоме нам неизвестен.

Когда я познакомился с М.А. (в 1922 г.), было в нем (приехавшем с юга) что-то «провинциальное», что-то от Растиньяка, явившегося «завоевывать Париж», ворваться в толпу (в публику) подобно пушечному ядру.

Ему, как говорится, улыбнулось счастье: вскоре пьесы его шли в 3-х театрах — в Камерном — «Багровый остров», в Художественном — «Дни Турбиных», у Вахтангова — «Зойкина квартира». Издательство «Недра» печатал[о] его рассказы¹²⁰. По причинам, которых касаться в настоящих мемуарах моих негоже — его умные, хлесткие интересные пьесы «Мольер» и «Бег» не увидели сцены¹²¹.

Нет слов, которыми я мог бы выразить свое уважение к великому режиссеру и большому человеку Станиславскому, но я не мог поверить его доводам, что пьесу «Мольер» (кстати сказать, довлеченную им же, Станиславским до генеральной репетиции!) не надо было показывать зрителю...¹²²

Читал в «Лампе» свои задорные юмористические рассказы Н.Я. Шестаков, прозвучали романтические стихи поэтессы Екатерины Галати (умерла совсем молодой в 1935 г.) — остроумной, веселой, молодой души «Зеленой лампы».

Бывал на наших «радениях» профессор востоковед Борис Петрович Денике, принимавший огненное участие в спорах и диспутах под «Зеленой Лампой»¹²³.

(Смерть-случай подстерегла его в 1941 г. Отказавшись от эвакуации, он простудился в московском бомбоубежище, умер от пневмонии.)¹²⁴

¹²⁰ Под маркой московского издательства «Недра» вышли два издания сборника М.А. Булгакова «Дьяволиада» (1925, 1926).

¹²¹ Мозалевский не вполне точен: несмотря на обильные цензурные препоны, пьеса «Мольер» (авторское название «Кабала святош») была поставлена 16 февраля 1936 г. в Художественном театре и окончательно запрещена только в марте. Пьеса «Бег» поставлена так и не была.

¹²² Подробности работы Станиславского над пьесой (в т.ч. стенограммы части репетиций) см.: Станиславский репетирует: Записи и стенограммы репетиций / Сост., ред. и авт. вступ. статей И. Виноградская. М., 1987. С. 333–470.

¹²³ Борис Петрович Денике (1885–1941) — историк искусства, археолог, востоковед. В «автобиографической канве» он отмечал под 1922 г.: «1. X. Переезд на Таганку (Б. Алексеевская). “Зеленая лампа” (продолжение вечеров у Кирьяковых). Участники: С.А. Ауслендер, супруги Кирьяковы, Гладенко [?], В. И. Мозалевский [sic!], Ю.Л. Слезкин, А.И. Венедиктов, Галати, Стонов, Н.Я. Шестаков, Булгаков, был поэт Рождественский» («Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: Автобиографический дневник и воспоминания друзей / Сост., вступ. ст., справочный аппарат, подбор иллюстративного ряда Т.Г. Алпаткиной. М., 2006. С. 38).

¹²⁴ Согласно воспоминаниям П.Е. Корнилова, смерть Денике наступила от последствий травмы, полученной в экспедиции в Дагестане. Последние дни он провел на даче в Раменском, пока в городской квартире шел ремонт (см.: Там же. С. 135–136; ср. с. 138–139).

В 1938 г. я встречался с Б.П. Денике в Ялте¹²⁵. Он — культурный и эрудированный собеседник, был несколько дней моим чичероне по Крыму разных веков, говорили мы, бродя по ливадийскому парку, о Востоке, о Саади, об истории Крыма и много о Пушкине, о полуфантастической поэтессе Омер де Гелль, о Лермонтове, который по легендам приезжал в Крым на свидание с ней¹²⁶.

Собрания «Зеленой лампы» затягивались «далеко за полночь». Домой мы (я, Шестаков, Ауслендер, Б.П. Денике, Слезкин и еще кто-то, конечно) шли пешком. У памятника Пушкину делали «привал», и споры, загоревшиеся и потухшие там, в салоне «З[еленой] Л[ампы]», разгорались порою снова, но тут уж «народ» вел себя повольнее, услышанное на вечере критиковали не злобно, конечно, но с позиции эпиграмм, иронии, насмешки, шаржа... Иногда после прочтения кем-нибудь рассказа кружковцы не сразу начинали обсуждать прочитанное, а крепко и долго молчали. И Б.П. Денике тогда утешал: «Ну, ладно, об этом поговорим у памятника Пушкину».

Никакого литературного «направления» у «Зеленой лампы» не было. Возникла она случайно и примерно в 1926 году распалась, вероятно, тоже случайно¹²⁷.

Любили русскую литературу — Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского. Большинство неизменно читало и почитало Блока (зачитывались поэмой «Возмездие»).

¹²⁵ Судя по дневнику Денике, в 1938 г. он в Крыму не был. Вероятно, имеется в виду встреча 1937 г., когда Денике был в Крыму с 1 июля до 21 августа, или 1939 г., когда он находился там с 6 июля по 23 августа (см.: «Он никогда никому не сделал зла...». С. 103). Мозалевского в этой серии записей он не упоминает.

¹²⁶ Подразумевается знаменитая мистификация П.П. Вяземского, фальсифицировавшего письма и записки реально существовавшей французской писательницы и путешественницы А. Омер де Гелль (1819–1883).

¹²⁷ Мозалевский вынужденно лукавит: значительная часть кружковцев (Денике, Шамурин, Шестаков, Ауслендер, Венедиктов и сама Кирьякова) были знакомы еще по колчаковскому Омску 1918–1919 гг., в т.ч. по безыменному литературно-художественному кружку, деятельность которого подробно отражалась в местной прессе; вероятно, это общее прошлое удостоилось внимания репрессивных органов, которые нанесли по «Зеленой лампе» ряд чувствительных ударов — в частности, двое последних были арестованы в 1927 г.; см.: *Виноградов В.К.* «Зеленая лампа». Продолжение темы «Михаил Булгаков и чекисты». С. 5. Родственница С. Ауслендера прямо называет аресты причиной закрытия кружка (путая, впрочем, дату): «Собрания продолжались недолго. В 1923 г. одного из членов кружка арестовали. Какое-то время еще продолжали собираться, но в следующем году арестовали его жену Лидию Васильевну [Кирьякову]. И после этого всё прекратилось» (*Минакина Н.Н.* Воспоминания о Сергее Ауслендере и Михаиле Кузмине // *Филологические науки.* 1998. № 5. С. 110); нельзя в принципе исключить, что кружок закрылся независимо, до начала преследований. При этом известно, что следователей в обоих случаях преимущественно интересовала именно деятельность «Зеленой лампы».

Сдержанно относились к романам, писавшимся, как решали мы, «по заказу». Тогдашняя литературная общественность и читатели считали произведения Пильняка Б.А. новым, значительным, откровением.

О нем шли в «З[еленой] Л[ампе]» споры, но к П-ку всё же отнеслись сдержанно. Помню наши аплодисменты Н.Я. Шестакову, прочитавшему свои стихи о Симбирске (Ульяновске), о Карамзине, о летящих над городом «симбирских гусях»¹²⁸... Любили слушать рассказы Булгакова (чтец он был превосходный) и особенно его роман (или повесть) о «днях Турбиных».

В 1924 г. в «Зеленую Лампу» кто-то, кажется Б.П. Денике, принес роман Пруста Марселья “A la recherche...”

Марсель Пруст впоследствии был немало изруган, поэт Павел Антокольский особенно унизил автора «Поисков...»¹²⁹

М. Пруст не нуждается в моей апологии, но я очень благодарен был Илье Эренбургу, который в одной из своих статей (в журнале «Знамя») смело и темпераментно восстановил венок лауреата на челе писателя¹³⁰, чьи произведения, как и произведения Стендаля, Бальзака, Флобера или выдуманного Прустом писателя Бергота¹³¹, горят как неугасимые светочи, в витринах книжных магазинов и на полках библиотек.

Не всех посетителей «З.Л.» Пруст пленил. Но многие зачитывались романом, восхищались новой формой писания, когда «утраченное время» то, как феникс, возрождалось, то пролегало в астральные пространства. Пред нами взмахом магической палочки Пруста прошли картины жизни Франции конца XIX и начала XX века, эпоха Золя, Франса, галерея снобов аристократов, развратных и промотавшихся потомков королевского дома, продающих всё, что у них осталось, т.е. клички «величеств»,

¹²⁸ Имеется в виду стихотворение «Гуси» («Веселый звон застольного стекла...») из цикла «Симбирские звери», опубликованное в машинописном журнале «Гермес» (1924, № 4. С. 68; указано В.В. Нехотиным).

¹²⁹ Вероятно, имеется в виду статья П. Антокольского «Сим победиши», третья глава которой почти полностью посвящена М. Прусту: «Огромная кладовая прустовской памяти завалена пыльным и слежавшимся мусором. Пресыщенный и смертельно больной француз отсиживался в ней без света и без притока свежего воздуха. Отсиживался в памяти, как в бомбоубежище: от истории, от общества себе подобных. Вся его душевная жизнь свелась к поискам утраченного времени, и в этом деле он стал виртуозом и визионером. Марсель Пруст — человек антисоциальный до последней мозговой извилины» и т.д. (Антокольский П. Испытание временем: Статьи. М., 1945. С. 12).

¹³⁰ В библиографии Эренбурга до конца 1950-х гг. значатся всего три статьи в «Знамени» (см.: Русские советские писатели. Прозаики: Библиографический указатель. Т. 6. Ч. 2. М., 1969. С. 273–279); ни в одной из них Пруст не упоминается. Нег его (как, впрочем, и Антокольского) в представительном сборнике «Марсель Пруст в русской литературе» (М., 2000). Собственно, до 1960-х гг. нам известны лишь единичные упоминания Эренбурга о Прусте.

¹³¹ Бергот — один из персонажей цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени».

«высочеств», добившей их вдрызг буржуазии, образ человека из народа, из крестьян верной служанки Франсуазы, перекликающийся с образом прислуги Самгиных Анфимьевны («Жизнь Клима Самгина»).

1939–1956

г. Москва

Литература

Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания / Сост., предисл., археографическая работа и коммент. О.С. Северцевой; вступ. ст., очерки к разд. В.И. Мильдон. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с.

Белый А. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 770 с.

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

Богомолов Н.А. Предисловие // Большаков К. Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста Н.А. Богомолова; Послесл. А.С. Немзера. М.: Художественная литература, 1991. С. 6–13.

Виноградов С. Прежняя Москва: Воспоминания / Авт.-сост. Н. Лапидус. Рига: Multi Centrs, 2001. 216 с.

Гельперин Ю.М. Большаков Константин Аристархович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 308–309.

Дроздов В.А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче и не только: Статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей, 2014. 799 с.

Из переписки А.М. Горького и И.Е. Вольнова / Публ. архива А.М. Горького. Подгот. текста и примеч. И.И. Вольнова // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 78–82.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 р.

Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 862 с.

Либинзон З.Е. Классика и современность. Из литературного наследия: Избранные статьи. Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 1993. 244 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1–2 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 764, 704 с.

Маслов Г. Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / Сост. И.Г. Девятьярова, В.В. Нехотин. Омск: Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, 2019 (в печати).

Минаев Н. Нежнее неба: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста, биогр. очерк и коммент. А.Л. Соболева. М.: Водолей, 2014. 848 с.

Нехотин В. Свидетель страшных лет: Из ранних стихотворений Н.Я. Шестакова // Симбирскъ. 2017. № 12 (54). С. 14–21.

«Он никогда никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: Автобиографический дневник и воспоминания друзей / Сост., вступ. ст., справочный аппарат, подбор иллюстративного ряда Т.Г. Алпаткиной. М.: Гос. музей искусства народов Востока, 2006. 173 с.

Поэзия белой столицы: Стихи поэтов Омска. 1918–1919 / Сост. И.Г. Девятьярова, В.И. Хомяков. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2016. 351 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. Ч. 1 // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–123.

Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. 1–2. М.: Трутень, 2013. 489, 441 с.

Степанов Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. 847 с.

Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...» Т. 2: Письма / Сост., подгот. текста, коммент. и вступ. ст. Т.Ф. Нешумовой. М.: Эллис Лак, 2011. 767 с.

Фельдман Д.М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. 222 с.

Хазан В. Жизнь и творчество Андрея Соболя, или Повесть о том, как всё вышло наоборот. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. 912 с.

Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М.: Эксмо, 2004. 1072 с.

Шаргородский С.М. Крыса в лабиринте (О названии одного футуристического альманаха) // Другое полушарие. 2010. № 13. С. 95–101.

Шенгели Г. Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Сост., подгот. текста и коммент. В.А. Резвого; биогр. очерк В.Э. Молодякова. М.: Водолей, 2017. 672 с.

Шрубя М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

References

Aleksandr Georgievich Gabrichevskii: Biografiia i kul'tura: dokumenty, pis'ma, vospominaniia [Alexander Georgievich Gabrichevsky: Biography and culture: documents, letters, memoirs], comp., intro., archaeographic work and comment. O.S. Severtseva, intro., essays V.I. Mildon. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 775 p. (In Russ.)

Belyi A. *Mezhdv dvukh revoliutsii* [Between two revolutions], ed. and comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 770 p. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka* [Turn of the century], ed. and comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 687 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Predislovie [Preface]. Bol'shakov K. *Begstvo plennykh, ili Istoriiia stradanii i gibeli poruchika Tenginskogo pekhotnogo polka Mikhaila Lermontova: Roman. Stikhotvoreniia* [The flight of prisoners, or the History of suffering and death of the Tenginsky Infantry Regiment Lieutenant Mikhail Lermontov: Novel. Poems], intro., ed. N.A. Bogomolov, afterword A.S. Nemzer. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991, pp. 6–13. (In Russ.)

Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 672 p. (In Russ.)

Drozdov V.A. *Dum spiro spero. O Vadime Shersheneviche i ne tol'ko: Stat'i, razyskaniia, publikatsii* [Dum spiro spero. About Vadim Shershenevich and otherwise: Essays, research, publications]. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 799 p. (In Russ.)

Fel'dman D.M. *Salon-predpriiatie: Pisatel'skoe ob"edinenie i kooperativnoe izdatel'stvo "Nikitinskie subbotniki" v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [Salon-enterprise: Literary association and cooperative publishing house "Nikitinskie subbotniki" in the context of the 1920–1930s literary process]. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 1998. 222 p. (In Russ.)

Gel'perin Iu.M. Bol'shakov Konstantin Aristarkhovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1: A–G* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 308–309. (In Russ.)

Iz perepiski A.M. Gor'kogo i I.E. Vol'nova [From the correspondence between A.M. Gorky and I.E. Volnov], publ. by Gorky Archive, ed. and notes I.I. Volnov. *Gor'kii i ego epokha: Issledovaniia i materialy* [Gorky and his era: Research and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1989, iss. 1, pp. 78–82. (In Russ.)

Khazan V. *Zhizn' i tvorchestvo Andreia Sobolia, ili Povest' o tom, kak vse vyshlo naoborot* [The life and work of Andrei Sobol, or the Tale of how everything turned out the other way around]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., 2015. 912 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard. 1907– 1932: Istoricheskii obzor. T. 1: Boevoe desiatiletie. Kn. 1* [Russian avant-garde. 1907–1932: Historical review. Vol. 1: Fighting decade. Book 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Dnevnik 1908–1915* [Diary 1908–1915], intro., ed. and notes N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 862 p. (In Russ.)

Libinon Z.E. *Klassika i sovremennost'. Iz literaturnogo naslediia: Izbrannye stat'i* [Classics and modernity. From literary heritage: Selected essays]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Pedagogical University Publ., 1993. 244 p. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 1–2 [The literary life of Russia in the 1920s: Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1. Part 1–2], ed. A.Yu. Galushkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2005. 764, 704 p. (In Russ.)

Maslov G. *Sochineniia v stikhakh i proze. Materialy k biografii* [Poetical and prose works. Materials for biography], comp. I.G. Devyatyarova, V.V. Nekhotin. Omsk, Omsk Regional Museum of Fine Arts Publ., 2019 (in print). (In Russ.)

Minaev N. *Nezhnee neba: Sbranie stikhotvorenii* [Tenderer than heaven: Collection of poems], comp., ed., biogr. essay and comment. A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2014. 848 p. (In Russ.)

Nekhotin V. *Svidetel' strashnykh let: Iz rannikh stikhotvorenii N.Ia. Shestakova* [The witness of terrible years: From N.Ya. Shestakov's early poems]. *Sibirsk*, 2017, no. 12 (54), pp. 14–21. (In Russ.)

"On nikogda nikomu ne sdelal zla...". *Pamiati Borisa Petrovicha Denike: Avtobiograficheskii dnevnik i vospominaniia друзей* ["He never did harm to anyone...". In memory of Boris Petrovich Denike: Autobiographical diary and memoirs of his friends], comp., intro., preliminary, selection of illustrations T.G. Alpatkina. Moscow, State Museum of Oriental Art Publ., 2006. 173 p. (In Russ.)

Poeziia beloi stolitsy: Stikhi poetov Omska. 1918–1919 [Poetry of the White Guard capital: Poems by Omsk poets. 1918–1919], comp. I.G. Devyatyarova, V.I. Khomyakov. Tobolsk: Vozrozhdenie Tobolska Publ., 2016. 351 p. (In Russ.)

Schruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 440 p. (In Russ.)

Shalamov V. *Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennyye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigation files], comp. I.P. Sirotinskaya. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 1072 p. (In Russ.)

Shargorodskii S.M. *Krysa v labirinte (O nazvanii odnogo futuristicheskogo al'manakha)* [Rat in a labyrinth (On the title of a futuristic almanac)]. *Drugoe polusharie*, 2010, no. 13, pp. 95–101. (In Russ.)

Shengeli G. *Stikhotvoreniiia i poemy. T. 2* [Lyrics and poems. Vol. 2], comp., ed. and comment. V.A. Rezvy, biogr. essay V.E. Molodyakov. Moscow, Vodolei Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy. Ch. 1* [From the memories by S.G. Kara-Murza. Part 1]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 68–123. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka. T. 1–2* [The Lethean library. Vol. 1–2]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 489, 441 p. (In Russ.)

Stepanov E. *Poet na voine. Nikolai Gumilev. 1914–1918* [Poet at war. Nikolay Gumilev. 1914–1918]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2014. 847 p. (In Russ.)

Usov D.S. "My svedeny pochti na net..." *T. 2: Pis'ma* ["We are reduced to almost nothing..." Vol. 2: Letters], comp., ed., comment. and intro. T.F. Nesumova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 767 p. (In Russ.)

Vinogradov S. *Prezhniaia Moskva: Vospominaniia* [Moscow of the past: Memoirs], comp. N. Lapidus. Riga, Multi Centrs, 2001. 216 p. (In Russ.)

Viktor Mozalevsky

**Paths, ways, encounters
(conclusion)**

© 2019, Alexander Sobolev

Abstract: Memoirs of the writer Viktor Ivanovich Mozalevsky (1889–1970) are for the first time published in full and with detailed commentary. Being an unobtrusive, but active participant of literary life since the mid-1900s, Mozalevsky left vivid literary portraits of V. Bryusov, B. Sadovskoy, Yu. Slezkin, S. Auslender, E. Nagrodsкая, M. Bulgakov and many others.

Keywords: V. Mozalevsky, literary life, memoirs.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Mozalevsky Viktor. Paths, ways, encounters (conclusion), ed. and comment. A. Sobolev. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 71–108. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-71-108

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-109-123
УДК 821.161.1

«Не продается вдохновенье...»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве

© 2019, А.В. Лавров

Аннотация: Впервые публикуются сохранившиеся письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве, отражающие обстоятельства сотрудничества писателя с периодическими изданиями, руководимыми Струве, — журналами «Полярная Звезда» и «Русская Мысль». В предисловии обозначены общие контуры взаимоотношений двух крупнейших представителей литературы и общественной мысли конца XIX — первой половины XX в.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, П.Б. Струве, история русской журналистики, переписка, «Полярная Звезда», «Русская Мысль».

Информация об авторе: Александр Васильевич Лавров, д.ф.н., академик РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Лавров А.В.* «Не продается вдохновенье...»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 109–123. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-109-123

В истории русской литературы и общественной мысли имеется немало примеров того, как личные взаимоотношения двух крупных личностей — Л.Н. Толстого и Н.Н. Стрехова, М. Горького и Л.Н. Андреева, В.В. Розанова и П.П. Перцова и т.д. — находят наиболее полное и многостороннее воплощение в их переписке. Продолжительная, затянувшаяся на много десятилетий история контактов Д.С. Мережковского и П.Б. Струве, начавшихся в Петербурге в 1890-е гг. и завершившихся в революционной парижской эмиграции, не нашла отражения в их переписке даже в минимальной мере. Переписывались они редко и по сугубо деловым поводам, большинство писем или не выявлено, или не сохранилось: письма Струве к Мережковскому нам неизвестны, а в малой части архива Струве, хранящейся в Петербурге, имеются лишь 5 писем Мережковского.

Эти письма затрагивают обстоятельства публикации произведений Мережковского в изданиях, руководимых Струве: частные детали литературного процесса, незримым фоном которых оказывается союз и противостояние двух крупнейших исторических индивидуальностей. При этом на всех этапах идейной эволюции Струве и Мережковского в их взаимоотношениях преобладало идейное противостояние, что не мешало сотрудничеству в литературных и общественных начинаниях. Это сотрудничество началось еще в ту пору, когда Струве оставался приверженцем марксизма, — хотя не был марксистом-ортодоксом и уже эволюционировал в том направлении, которым последовали многие мыслящие российские марксисты 1890-х гг. и которое лаконичнее всего обозначено заглавием сборника философско-публицистических работ С.Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903), — а Мережковский находился на подступах к оформлению своей «неохристианской» доктрины, апокалипсического Третьего Завета. В январе 1899 г. Струве совместно с М.И. Туган-Барановским приступил к изданию ежемесячного «научно-литературного и политического» журнала «Начало»; первый (сдвоенный) выпуск его открывался новым романом Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Печатание романа в журнале не было завершено: «Начало» после выхода № 5 было запрещено властями, — но знаменательный союз публициста на социал-демократической платформе и представителя «нового» искусства с «декадентским» уклоном состоялся.

Первое из сохранившихся писем Мережковского к Струве относится к более позднему времени — к тому непродолжительному периоду (декабрь 1905 — март 1906), когда последний издавал и редактировал общественно-политический еженедельный журнал «Полярная Звезда», ставший трибуной незадолго до того образованной конституционно-демократической партии. На страницах этого журнала увидели свет статьи Мережковского «Мещанство и русская интеллигенция» (№ 1, 15 декабря 1905) и «Грядущий Хам» (№ 3, 30 декабря 1905)¹ — пророчество о тех надвигающихся актуальных угрозах, которые способны воспрепятствовать общественному обновлению России. Третью статью Мережковского, предложенную «Полярной Звезде», Струве, однако, забраковал: право-либеральным убеждениям, которые он стремился

¹ Собственно, эти первоначально самостоятельные статьи представляют собой, соответственно, главы III–V и VI–VIII статьи «Грядущий Хам» (гл. I опубликована в 1905 г. в «Русском Слове» под названием «Китай в Европе»), вышедшей в свет в феврале 1906 г. в составе книги: *Мережковский Д. И. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький.* СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. См.: *Холиков А.А. Прижизненное Полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология. История литературы. Поэтика.* М.; СПб., 2014. С. 57.

последовательно проводить в своем печатном органе, не соответствовал тот мистический революционаризм и максималистский антимионархизм, которыми была насыщена статья «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского».

Два года спустя Струве подробно обосновал свою позицию в печатной полемике с Мережковским на страницах газеты «Речь» (февраль — март 1908 г.). В статье «Красная Шапочка» — отклике на статью Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (Русская Мысль. 1908. № 1) — Мережковский решительно выступил против апологии «государственной мощи», исходя из идеи приоритета свободной личности: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит “банальный радикализм”, — я хочу быть банальным»; «Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России, как “путеводной звезде” для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, — не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку»². Отвергая выдвинутые писателем против него обвинения в «зоологическом патриотизме», Струве в очередной раз поставил во главу угла проблему государственности в собственном обосновании: «Отрицание государства Мережковским апокалипсично и максималистично; мое признание государства исторично и органично»; «В споре Мережковского со мною апокалипсическое и отвлеченное понимание противостоит пониманию историческому и живому»³. В «религиозной общественности» Мережковского Струве усматривает частное проявление антигосударственного начала, царящего в умах российской интеллигенции: «В этой враждебности, приравнивающей “государство” к “начальству” и отечество к “его превосходительству”, “государственное начало” к “старому” или “существующему порядку”, сказывается рабья психология, образовавшаяся в невольной отчужденности от государства, которая стала привычным, нормальным, единственным “приличным” к нему отношением. [...] Отрицание государства есть программа либо “неделания”, либо разрушения, но не культурного творчества»⁴. Наиболее адекватным видел Струве воплощение идеи государственности по британскому образцу и никаких иллюзий не питал в отношении властвующего в его отечестве

² Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 54, 56.

³ Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 77, 78.

⁴ Там же. С. 73.

монархического режима, надеясь, однако, на его превращение, посредством конституционных преобразований, в могущественную Великую Россию.

В споре с Мережковским по вопросу о государственности и «великой России» Струве вплотную подошел к проблеме интеллигенции, которую обосновал в статье «Интеллигенция и революция», напечатанной во всколыхнувшем всю мыслящую Россию сборнике «Вехи»⁵. По убеждению Струве, «безрелигиозное отщепенство от государства», обусловившее «моральное легкомыслие» русской интеллигенции и ее «неделовитость в политике», предопределило многие ошибки в ходе революции и наступившее «отвратительное торжество реакции»⁶. Мережковский обрушился на «Вехи» статьей «Семь смиренных», опубликованной в «Речи» 26 апреля 1909 г. Писатель утверждал, что «восстановление и укрепление современной русской государственности», за которое ратует «смиренный» Струве, «есть, прежде всего, восстановление и укрепление самодержавия»: «...неужели не видит он, что будущий русский империализм на современной русской конституции — мыльный пузырь на соломинке?»⁷

При этом необходимо подчеркнуть, что, будучи по общему складу мировидения, по пониманию и оценкам многих, больших и малых, явлений и событий общественной жизни идейными антиподами, Струве — идеалист-прагматик — и Мережковский — иррационалист-метафизик — неизменно ощущали под собой общую платформу, помогавшую им при необходимости достигать взаимопонимания и согласия. Эта общность — в пафосе служения культуре и в отстаивании идеалов свободы как высших ценностей бытия. В конкретном приложении к обстоятельствам литературной жизни сказывалась и высокая оценка Мережковского как писателя, которая в глазах Струве, в целом достаточно толерантно относившегося к чужим и даже чуждым ему воззрениям, не могла быть скорректирована неприятием тех или иных идейных постулатов. Близо знавший его С.Л. Франк в «Воспоминаниях о П.Б. Струве» отмечал: «П.Б. ценил Мережковского как литературного критика, ценил и общую религиозную направленность идей Мережковского, но относился резко отрицательно к их [Мережковского и З.Н. Гиппиус. — *Ред.*]

⁵ Сам Струве указал на эту преемственную связь в письме к М.О. Гершензону от 8 февраля 1909 г., высылая статью для сборника: «Вышли у меня размышления о роли интеллигенции в политическом развитии России, центральной мыслью которых является одно положение, высказанное мною в полемике с Мережковским в “Речи” о “Великой России”» (К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Адлая // Минувшее: Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992. С. 263).

⁶ Струве П.Б. *Patriotica*. С. 199, 198.

⁷ Мережковский Д. *Большая Россия*. М., 2011. С. 53.

религиозно-философскому фантазерству, а тем более к их запоздалому эстетически-религиозному увлечению революционными идеями»⁸.

Когда в 1907 г. Струве стал редактором одного из наиболее влиятельных «толстых» ежемесячников либерального направления, «Русской Мысли», — сначала совместно с А.А. Кизеветтером, а с 1910 г. единоличным, — Мережковский вошел в круг ближайших сотрудников журнала. Проповедуемые им идеи «религиозной общественности» во многом дисгармонировали с общими публицистическими установками «Русской Мысли», отражавшими главным образом общественно-политическую платформу кадетской партии, однако он имел возможность беспрепятственно излагать их на страницах журнала, руководимого Струве⁹. В «Русской Мысли» были напечатаны программная статья Мережковского «Революция и религия» (1907. № 2, 3), его статьи о Серафиме Саровском — «Последний святой» (1907. № 8, 9) и о творчестве Л. Андреева — «В обезьяньих лапах» (1908. № 1), один из аналитических этюдов о русских классиках — «Поэт сверхчеловечества. Лермонтов» (1909. № 3), а также пьеса Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова «Маков цвет» (1907. № 11) — драма, насыщенная злободневной общественно-политической проблематикой. В «Русской Мысли» была помещена и историческая драма Мережковского «Павел I» (1908. № 2. С. 1–70); дерзкая по тем временам тема произведения (убийство императора) вызвала репрессивную меру: из поступившего к читателям тиража пьеса была изъята (беллетристический отдел номера начинается с 71-й страницы). С ноября 1908 г. Струве даже доверил Мережковскому руководство литературно-критическим отделом «Русской Мысли». Этот союз, впрочем, оказался непрочным и непродолжительным¹⁰ (главной причиной разрыва послужил отказ Струве от публикации статьи А. Блока «Россия и интеллигенция»¹¹). Самым заметным свидетельством кратковременной причастности Мережковских к руководству «Русской

⁸ Франк С. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 444.

⁹ Подробнее см.: Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг.: Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004. С. 67–79.

¹⁰ Уже в декабре 1908 г. З.Н. Гиппиус сообщала Б.В. Савинкову: «Резкая ссора с “Русск[ой] Мыслью”... [...] Если бы резкостью сначала не стал говорить Дм[итрий] С[ергеевич], я, м[ожет] б[ыть], еще как-нибудь сдержалась бы во имя “святости компромисса”, но тут уж всё равно всё выяснилось сразу. [...] Пока — мы остались завед[ова]ть беллетристикой, но не критикой; через 2–3 месяца уйдем совсем» («Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 145).

¹¹ Об этом Гиппиус написала Блоку 3 декабря 1908 г.: «Предлог, т.е. повод, который выявил нашу полную несходимость [...], — была ваша статья» (Мицц З.Г. Блок в полемике с Мережковскими // Мицц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 577).

Мыслью» стала публикация в журнале романа В. Ропшина (Б.В. Савинкова) «Конь бледный» (1909. № 1), который был подготовлен к печати при рачительном содействии З. Гиппиус, — литературного дебюта знаменитого эсера-террориста.

Большинство сохранившихся писем Мережковского к Струве затрагивает обстоятельства печатания в «Русской Мысли» его исторического романа «Александр I». Когда Мережковский в 1910 г. объявил о готовности предоставить для публикации в журнале это произведение, к написанию которого он тогда только приступил, Струве выказал полную готовность не только принять роман, но и начать печатание немедленно по получении первых глав и оплатить по высшей гонорарной ставке (решение нетривиальное, если учесть, что обычно в вопросе об оплате авторского труда он отличался прижимистостью и что принятые к печати произведения нередко дожидались своего срока месяцами и даже годами). Струве, конечно, считался с тем, что у Мережковского сложилась к тому времени высокая литературная репутация, в особенности за пределами России: он был самым известным и почитаемым из современных русских писателей модернистского лагеря, ни одного из представителей русского символизма не переводили на основные западноевропейские языки столь активно; да и в России его известность приближалась тогда к популярности М. Горького и Л. Андреева. Но и Мережковский в затрагиваемом плане хорошо знал себе цену и старался не упустить возможности отдать в печать свою литературную продукцию с максимальной выгодой для себя и по максимально допустимой ставке, в данном случае параллельно печатая «Александра I» в полном объеме в «Русской Мысли» за высокий гонорар и отдельные главы из романа в «Русском Слове» по еще более высоким тарифам. В этом отношении отвлеченный метафизик и пафосный визионер, когда ему доводилось погружаться в «мелочи жизни», оказывался расчетливым практиком и упорным переговорщиком, отстаивающим свои сугубо материальные интересы. Письма к Струве дают возможность конкретно воспринять и оценить эту особенность личности Мережковского — конечно, не самую значимую, но неотделимую от ее многосоставной целостности.

Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве печатаются по автографам, хранящимся в архиве П.Б. Струве (Ф. 753. Ед. хр. 66) в Доме Плеханова (Филиал Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург).

30 / I [19]06.

Литейная 24, кв. 10.

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,

из прилагаемого письма Брюсова¹ Вы усмотрите, что мне надо получить от Вас решительный ответ поскорее. А между тем С.Л. Франк не исполнил своего обещания и не пришел ко мне ни вчера, ни сегодня².

Посылаю с этим письмом последнюю главу³. Прочтите ее и дайте окончательный ответ *не позже, чем завтрашний вечер*, так как, ежели Вы статьи мое[й] не возьмете, то я пошлю ее в среду⁴ утром в Москву. Попросите С.Л. Франка зайти ко мне завтра или днем между 3–4 ч.ч. (но не позже, а то уйду), или вечером между 8–9 ч.ч.

Мне желательно поместить статью у Вас, а не в «Весакх»⁵. Ввиду того, если уплата гонорара до напечатания Вас затрудняет, я готов подождать. Но вот условие для меня неизбежное: *я должен иметь право на отдельное издание моей статьи, хотя бы и через месяц после ее напечатания у Вас*. Весьма вероятно, что я этим правом *не воспользуюсь раньше, чем через 2–3 м[есяца] или даже через ½ года⁶*. Но мне очень важно пристроить это издание теперь же, до моего отъезда⁷.

К Вашей квартире в Париже очень склоняемся, но должны видеть ее собственными глазами⁸.

Искренне Ваш Д. Мережковский.

¹ В неизвестном нам письме В.Я. Брюсова к Мережковскому, безусловно, содержался запрос о его статье «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» для ее последующей публикации в «Весакх».

² Философ и публицист Семен Людвигович Франк (1877–1950) в это время выполнял секретарские обязанности в еженедельном общественно-политическом и культурно-философском журнале «Полярная Звезда», выходившем с 15 декабря 1905 г. по 19 марта 1906 г. под редакцией П.Б. Струве. См.: *Колеров М.А.* Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М., 2018. С. 106.

³ Имеется в виду глава IV упомянутой статьи Мережковского, предлагавшейся для опубликования в «Полярной Звезде».

⁴ Среда — 1 февраля.

⁵ 2 февраля 1906 г. Мережковский сообщал Брюсову: «...за мою статью так ухватился П. Струве, что пришлось бы обидеть его, чтобы вырвать ее из “Полярной Звезды”. Да статья и по своей слишком яркой политической и, главное, религиозной, до фанатизма, окраске едва ли подходила бы к “Весам”, которые по существу своему в этой области научно-объективны — или по апокалипсической терминологии “холодны” [...]. Разумеется, статья еще больше будет детонировать с умеренной к.д. серостью и теплотой “Полярной Звезды”. [...] Итак, не сердитесь на меня, погодите и увидите мое искреннее желание послужить “Весам” [...]» (Переписка З.Н. Гиппиус,

Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 215–216).

⁶ Публикация «Пророка русской революции» в «Полярной Звезде» не состоялась. 12 февраля 1906 г. Мережковский вновь оповещал Брюсова: «...я могу, оказывается, освободить мою статью о Достоевском из “Полярной Звезды”, так как в последнюю минуту Струве, испугавшись моей мистики, потребовал некоторых исключений, на которые соглашаться у меня особенной охоты нет. Ввиду этого я опять предлагаю статью “Весам”. Но не поздно ли? Согласен ли будет С.А. Поляков [издатель «Весов». — *Ред.*] выслать мне деньги (250 р.) *немедленно?* Телеграфируйте. Как только что получу от вас телеграмму, что деньги высланы, — вышлю вам статью заказной бандеролью» (Там же. С. 218). Видимо, затребованное условие было соблюдено, поскольку Мережковский отправил статью в «Весы» 15 февраля, в сопроводительном письме к Брюсову прося теперь же опубликовать в газетах объявления о предстоящем ее выходе: «Это было бы выгодно для подписки и для меня важно, так как среди моих читателей есть множество малосведущих людей, которые не подозревают о существовании “Весов”» (Там же. С. 219). Статья Мережковского опубликована в двух номерах «Весов» (1906. № 2. С. 27–45; № 3/4. С. 19–47). Отдельное ее издание — «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» (СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. Тираж 6000 экз.) вышло в свет в апреле 1906 г.

⁷ Мережковский и З.Н. Гиппиус выехали из Петербурга в Париж 25 февраля 1906 г.

⁸ По приезде в Париж Мережковские и Д.В. Философов отправились в городок Сен-Рафаэль на побережье Средиземного моря, затем в Канны и другие города французской провинции, после чего сняли в Париже собственную квартиру на улице Теофила Готье (д. 15 bis). См.: *Соболев А.И.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 340–345.

2

2 сентября 1910 г.

Никол[аевская] ж.д., ст[анция] *Лыкошино* (Валдайка), *имение Сменцево*.

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,

спасибо [за] возоб[нов]ленное предложение работать в Р[усской] М[ысли] от меня, З[инаиды] Н[иколаевны] и Дм[итрия] Вл[адимировича]¹. Мы все готовы охотно сделать всё, что можем. Я уже послал стихи Брюсову и просил его поговорить с Рус[ским] Словом, не уступят ли они одной там лежащей моей статье². Из этого Вы видите, что моя готовность не платоническая. Будет у меня роман о декабристах и Алекс[андре] I — первые главы к январю. Но с этим труднее, потому что гонорарный вопрос, я знаю, для Вас не легкий... и для меня тоже, увы! Но всё же поговорим...³

У Зин[аиды] Ник[олаевны] будет большая и очень интересная повесть из современной жизни — о ней она уже списывается с Брюсовым. *Повесть почти готова*⁴.

Хотелось бы Вас повидать, чтобы *лично* обо всем переговорить. В Петербурге (Литейная 24, кв. 10) мы будем око[ло] 10 сентября, но *ненадолго* — оттуда можем легко уехать куда-нибудь за границу (впрочем, это еще *не наверно*)⁵. Хорошо бы условиться о свидании. Еще раз спасибо. Желаю Вам всего хорошего.

Искренне Ваш Д. Мережковский.

Помета Струве: «Дан ответ 6 IX 910».

¹ В конце августа 1910 г. Струве обратился к Мережковскому с предложением возобновить сотрудничество в «Русской Мысли» — в связи с тем, что с сентября 1910 г. заведующим литературно-критическим отделом в журнале стал Брюсов; последний также написал Мережковскому, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова о желательности их интенсивного участия в «Русской Мысли» (см. письмо Брюсова к Д.В. Философова от 22 августа 1910 г. в кн.: «Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша. М., 2019. С. 376–377). В письмах к Брюсову Гиппиус (30 августа), Мережковский (31 августа) и Философов (31 августа) выразили готовность активно сотрудничать с «Русской Мыслью» (см.: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Д.В. Философова с В. Брюсовым (1910–1919) / Публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 167–169, 171–173).

² Вместе с письмом к Брюсову от 31 августа Мережковский отправил автограф стихотворения «На те холмы, в леса сосновые...» (см.: Там же. С. 169), опубликованного в № 10 «Русской Мысли» за 1910 г. (С. 54). В письме от 1 сентября Мережковский извещал Брюсова: «...пишу в “Русское Слово”, чтобы они передали вам мою статью “Восток или Запад” (о Вяч. Иванове и Ал. Блоке) *в том случае, если не хотят печатать*» (Там же. С. 173). Мережковский в данном случае, безусловно, подразумевает статью «Балаган и трагедия», полемическую по отношению к программным, опубликованным в «Аполлоне» (1910. № 8), статьям «Заветы символизма» Вяч. Иванова и «О современном состоянии русского символизма» А. Блока; статья напечатана в «Русском Слове» — московской газете либерального направления, издававшейся И.Д. Сытиным и пользовавшейся широчайшей популярностью, — 14 сентября 1910 г. (№ 211). Статья Мережковского «Восток или Запад», появившаяся в той же газете 2 ноября 1910 г. (№ 217), посвящена анализу романа Андрея Белого «Серебряный голубь».

³ Более откровенно Мережковский затрагивал ту же тему в письме к Брюсову от 31 августа: «Я теперь пишу “Александр I и декабристов”; план уже готов, и есть наброски. Через полгода будут уже, надеюсь, первые главы. С каким бы наслаждением я отдал этот роман вам! Но тут бесчисленные матерьяльные затруднения. Сытин просит отрывки из него в “Русское Слово”, и за эти отрывки он мне заплатит вдвое, втрое больше, чем “Р[усская] М[ысль]” может заплатить за весь роман. Но надо все-таки подумать о том, нельзя ли как-нибудь устроить. М[ожет] б[ыть], например, Сытин и “Русская Мысль” войдут в соглашение, чтобы отрывки печатать в “Русском Слове”, а целиком в “Русской Мысли”. Разумеется, и при этом многое остается невыясненным, что требует личных переговоров. Надеюсь увидеть Струве в Петербурге, да и вы, конечно, приедете в Петербург?» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В. Брюсовым (1910–1919). С. 168–169).

⁴ 31 августа Гиппиус писала Брюсову: «...меня сейчас заедает “Чертова кукла”, которую я хочу кончить. Она будет максимум листов в 10, а то и меньше [...]. Я ее кончу месяца через полтора, да еще возни будет много с исправлением, так что до

будущего года вряд ли стоит ее пускать» (Там же. С. 170). Роман Гиппиус «Чертова кукла. Жизнеописание в 33-х главах» опубликован в № № 1–3 «Русской Мысли» за 1911 г.

⁵ Мережковские прожили в Петербурге до конца ноября 1910 г., после чего отбыли во Францию.

3

12 / IV 1911.

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,
в нашем последнем разговоре осталось кое-что невыясненным в отношении издательском¹.

Вы осенью хотели заключить со мною договор письменный, но не успели этого сделать до моего отъезда², потому что не решили, пойдет ли роман *целиком* или только в *отрывках*. Вы, конечно, помните, что сообразно с этими двумя возможностями предполагалось и два договора: 1) если будут напечатаны только отрывки, то по 400 р. за лист, 2) если роман пойдет целиком, то 300 р. за лист³.

В объявлениях Р[усской] М[ысли] сказано, что будут напечатаны «*избранные главы*»⁴; и в последнее наше свидание Вы сказали мне, что я буду получать по 400 р. за лист того текста, который в Рус[ском] Слове *не напечатан*⁵. Из этого я могу заключить, что Вы предполагаете остановиться на *первом* проекте договора, т.е. сохраняющем за мною право печатать в Рус[ской] Мысли *не весь* роман, а лишь «*избранные главы*». Это для меня очень важно, так как, при этом, роман до отдельного издания книгой нигде не появится *целиком* и сохранит всю свою новизну. Правда, первые главы я отдал Вам целиком, но в дальнейшем я сохраняю за собою право отдавать лишь отрывки, не напечатанные в Рус[ском] Слове. *Но так ли я Вас понял?* Если не так и если Вы предпочитаете, чтобы роман появился в Р[усской] М[ысли] *целиком*, то следовало бы, как мы условились осенью (о чем Вы, конечно, не забыли), принять *второй* проект договора — т.е. я получаю по 300 р. за лист безразлично, как за напечатанное, так и за ненапечатанное в Рус[ском] Слове.

Мне хотелось бы всё это окончательно выяснить и заключить с Вами теперь же, до появления первой части романа в Р[усской] М[ысли]⁶, *письменный договор*.

Назначьте по телефону день и час для свидания.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

¹ Мережковский возвратился из Парижа 4 апреля 1911 г.; 6 апреля он сообщил Брюсову: «У меня был П.Б. Струве» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского,

Д.В. Философова с В. Брюсовым (1910–1919). С. 201). Речь идет об условиях печатания в «Русской Мысли» романа Мережковского, первоначально объявленного под заглавием «Александр I и декабристы». Пять начальных глав романа Мережковский отправил Брюсову из Парижа 15/28 марта 1911 г. (см.: Там же. С. 200–201).

² См. примеч. 5 к п. 2.

³ Договариваясь осенью 1910 г. об условиях параллельного печатания еще не написанного романа в «Русской Мысли» и «Русском Слове», Мережковский и Струве с трудом приходили к устраивающим их обоим обязательствам. В письме к Брюсову от 18 сентября 1910 г. Мережковский подробно излагал свои претензии: «Я веду деятельные переговоры со Струве. Он согласился на 400 р. за лист — т.е. 8.000–10.000 за роман. Значит, гонорар уравнили с “Русским Словом”. Но тут есть другое, важнее гонорара. Он предложил мне проект договора. В параграфе первом — условие, чтобы до 1 декабря были готовы первые главы. А я не знаю и *не хочу знать*, будут ли они готовы 1 января или 1 февраля, о чем его много раз предупреждал. Он сейчас же согласился изменить, — но тенденция, тайное стремление стеснить меня все-таки я почувствовал. Далее, в каком-то параграфе: “в случае прекращения печатания романа, *по желанию* М-ского, — М-ский обязуется возратить *все деньги* обратно”. Вы, Валерий Яковлевич, сами — художник и понимаете, что, пока последняя строка не дописана, нельзя знать, прекратишь или не прекратишь писание. И вот я должен не прекращать под угрозой положить 9999 р. Это просто чудовищно! [...] Ничего подобного в “Русском Слове” нет — там я *ничего* не обещал и ничем не связан, важнее всего, что морально, внутренне не связан. А вы опять-таки как художник поймете, до чего это необходимо, чтобы не изгадить работы. Словом, договор со Струве — узкий сапог, который надо разносить, а договор с “Р[усским] Сл[овом]” — туфли-шлепанцы! А я не могу работать в сапогах, а непременно, непременно в туфлях, и именно в шлепанцах... Не сердитесь, что я шучу — иначе не умею передать моей *психологии*, а тут всё дело в психологии, чего Струве не хочет и не может понять» (Там же. С. 179–180).

⁴ В печатном анонсе предполагаемого содержания «Русской Мысли» в 1911 г. было указано: «Д.С. Мережковский: отдельные главы из нового исторического романа “Александр I и декабристы”» (Русская Мысль. 1910. № 12. С. 1).

⁵ Первая публикация фрагментов из романа Мережковского (главы «Концерт», «Ночанка») состоялась в «Русском Слове» в пасхальном номере (1911. № 82, 10 апр. С. 4–5): «Александр I. Картины из нового исторического романа Д.С. Мережковского»; с указанием под заглавием: «Роман этот будет печататься в “Русской Мысли” в 1911 году». Вторая публикация состоялась через неделю: главы «Любимый и возлюбленный», «Фотий» (№ 86, 16 апр. С. 2).

⁶ Начальные главы романа «Александр I» опубликованы в № 5 «Русской Мысли» за 1911 г. (С. 5–53).

4

[Июнь — первая половина июля 1911 г.]

Дорогой Петр Бернгардович,
 обещать *навверное* на Сентябрь не могу, но постараюсь¹. Неудобно, что мог бы дать лишь небольшой (л[иста] 2) и не совсем законченный отрывок. И еще боюсь, что в Октябре тогда перерыв придется делать. Вам что как лучше? С перерывом или без него?

Но, во всяком случае, постараюсь.

Неудобство и в том, что могут получиться (при небольшом размере материала на Сентябрь) слишком большие совпадения с Рус[ским] Сл[овом]² — хотя *полного* совпадения никогда не будет — всегда в Р[усской] М[ысли] будут если не целые главы, то места, части глав — не напечатанные в Р[усском] С[лове].

Ваш Д. Мережковский.

¹ В неизвестном нам письме Струве, вероятно, запрашивал Мережковского, может ли он представить продолжение романа «Александр I» для сентябрьского номера. Начальные главы романа напечатаны в №№ 5 и 6 за 1911 г., в последующих номерах публикация не возобновилась.

² За публикацией глав из романа в апрельских номерах «Русского Слова» (см. примеч. 4 к п. 3) последовали публикации в летних номерах газеты (с подзаголовком: «Картины из нового исторического романа Д. С. Мережковского»): № 134, 12 июня («Александр и Аракчеев»); № 140, 19 июня («Рылеев и Пестель»); № 146, 26 июня («Страшные сны»); № 152, 3 июля («С ними или против него?»).

5

23 июля 1911 г.

Ник[олаевская] ж.д. Веребье. Подгорное.

Дорогой Петр Бернгардович,

посылаю Вам роман для Сентября заказной бандеролью — о получении известите и корректуру пришлите *сюда* до 15 авг[уста], а то я могу уехать¹.

Насчет примечания я *езде* его ставил, но Р[усское] Сл[ово] исключало². Так как они исполнили условие, поместили примечание раз, то я не настаивал, тем более, что и Вы об этом не просили. Не знаю, захотят ли они возобновлять примечания, но попрошу о том. Если же они не согласятся, то у меня нет средств заставить их.

Письмо Брюсова Зин[аиде] Ник[олаевне] на меня тоже произвело такое впечатление, что он романа ее не хочет, да и вообще не слишком дорожит ее сотрудничеством: была нужда, а теперь миновала³. Вообще письмо не возбуждает усердия, а расхолаживает. З.Н. так неохотно печатает, что такое письмо может только оправдать и укрепить ее неохоту. Она, кажется, и отчеты свои решила прекратить⁴, если не навсегда, то на время, пока опять будет в ней нужда. Продолжение романа моего теперь уже будет не на Октябрь, а на Ноябрь.

Сердечно Ваш Д. Мережковский.

Помета Струве: «Дан ответ».

¹ Печатание романа «Александр I» возобновилось не с сентябрьского, а с октябрьского номера «Русской Мысли» (№ 10–12); публикация продолжалась и была завершена в течение 1912 г., также с перерывами (№ 1, 3, 4, 10–12).

² Имеется в виду примечание, сообщающее о публикации «Александра I» в полном объеме в «Русской Мысли» (см. примеч. 5 к п. 3).

³ Это письмо Брюсова нам неизвестно. В письме к нему от 12 июня 1912 г. Гиппиус сообщила о работе над новым романом — продолжением опубликованной в «Русской Мысли» «Чертовой куклы»: «Я занята вторым романом, продолжающим мою столь борзо (и утешительно) изруганную “Куклу”» (Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В. Брюсовым (1910–1919). С. 203); раздосадованность Брюсовым ответом явно сказывается в ее следующем письме к нему, от 24 июня 1911 г.: «Роман мой не готов, на просмотр вам я прислать его не могу, а потому не рассчитывайте на него в будущем году» (Там же. С. 204). Новый роман Гиппиус «Роман-царевич (История одного начинания)» опубликован в «Русской Мысли» в 1912 г. (№ 9–12).

⁴ Речь идет об обзорных статьях, посвященных в основном разбору и оценке новинок русской беллетристики, которые Гиппиус (под псевдонимом Антон Крайний) регулярно печатала в «Русской Мысли» начиная с осени 1910 г.

Литература

Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг.: Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 228 с.

К истории создания «Вех» / Публ. В. Проскуриной и В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. 11. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1992. С. 249–291.

Колеров М.А. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М.: Изд. кн. маг. «Циолковский», 2018. 256 с.

Мицц З.Г. Блок в полемике с Мережковскими // Мицц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство–СПб, 2000. С. 537–620.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 200–226.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В. Брюсовым (1910–1919) / Публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 165–257.

«Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб.: Пушкинский Дом, 2009. 480 с.

«Сложная целостность» литературы: Исследования и публикации. К юбилею В.А. Келдыша / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-сост. В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 528 с.

Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 319–371.

Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова; Вступ. ст. и примеч. В.Н. Жукова. М.: Республика, 1997. 527 с.

Франк С. Непрочитанное...: Статьи, письма, воспоминания / Сост. и предисл. А.А. Гапоненкова, Ю.П. Сенокосова. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 592 с.

Холиков А.А. Прижизненное Полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология. История литературы. Поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

References

Frank S. *Neprochitannoe...: Stat'i, pis'ma, vospominaniia* [Unread...: Essays, letters, memoirs], comp. and intro. A.A. Gaponenkov, Yu.P. Senokosov. Moscow, Moscow School of Political Research Publ., 2001. 592 p. (In Russ.)

Gaponenkov A.A. *Zhurnal "Russkaia Mysl'" 1907–1918 gg.: Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst* ["Russkaya Mysl'" magazine, 1907–1918: Editorial program, literary and philosophical context]. Saratov: Saratov University Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)

K istorii sozdaniia "Vekh" [On the origins of the "Vekhi" collection], publ. V. Proskurina and V. Alloy. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. II* [The past: Historical almanac. 11]. Moscow, St. Petetrsburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1992, pp. 249–291. (In Russ.)

Kholikov A.A. *Prizhiznennoe Polnoe sobranie sochinenii Dmitriia Merezhkovskogo: Tekstologiya. Istoriiia literatury. Poetika* [Dmitry Merezhkovsky's intravital Complete Works: Textology. History of literature. Poetics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)

Kolero M.A. *Znutri: Pis'ma Berdiaeva, Bulgakova, Novgorodtseva i Franka k Struve. Perepiska Franka i Struve (1898–1905 / 1921–1925)* [From within: Letters from Berdyayev, Bulgakov, Novgorodtsev and Frank to Struve. Correspondence of Frank and Struve (1898–1905 / 1921–1925)]. Moscow, Tsiolkovskiy Bookshop Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)

Mints Z.G. *Blok v polemike s Merezhkovskimi* [Blok in a polemic with the Merezhkovskys]. Mints Z.G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb, 2000, pp. 537–620. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1904–1906) [Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ia. Bryusov (1904–1906)], publ. M.V. Tolmachev, comment. T.V. Vorontsova. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1996, no. 7, pp. 200–226. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V. Briusovym (1910–1919) [Correspondence of Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, D.V. Filosofov with V.Ia. Bryusov (1910–1919)], publ. M.V. Tolmachev, comment. T.V. Vorontsova. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2005, no. 19, pp. 165–257. (In Russ.)

"*Revolutsionnoe khristovstvo*": *Pis'ma Merezhkovskikh k Borisu Savinkovu* ["Revolutionary Christianity": The Merezhkovskys' letters to Boris Savinkov], intro., comp., ed. and comment. E.I. Goncharova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009. 480 p. (In Russ.)

"*Slozhnaia tselostnost'*" *literatury: Issledovaniia i publikatsii. K iubileiu V.A. Keldysha* [The "complex integrity" of literature: Research and publications. To the

anniversary of V.A. Keldysh], ed. V.V. Polonsky, comp. V.M. Vvedenskaya, E.V. Glukhova, M.V. Kozmenko. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2019. 528 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908)* [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 1* [Faces: Biographical almanac. 1]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 319–371. (In Russ.)

Struve P.B. *Patriotica: Politika, kul'tura, religiia, sotsializm* [Patriotica: Politics, culture, religion, socialism], comp. V.N. Zhukov and A.P. Polyakov, intro. and notes V.N. Zhukov. Moscow, Respublika Publ., 1997. 527 p. (In Russ.)

“Inspiration is not for sale...”: Dmitry Merezhkovsky’s letters to Petr Struve

© 2019, Alexander Lavrov

Abstract: The article presents Dmitry Merezhkovsky’s survived letters to Petr Struve, reflecting the circumstances of Merezhkovsky’s cooperation with periodicals edited by Struve — the magazines “Polyarnaya Zvezda” (Polar Star) and “Russkaya Mysl” (Russian Thought). The preface outlines general contours of the relationship between two major representatives of literature and social thought of the late 19th — first half of the 20th century.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Petr Struve, history of Russian journalism, correspondence, “Polyarnaya Zvezda”, “Russkaya Mysl”.

Information about the author: Alexander Lavrov, Doctor Hab., Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), St. Petersburg, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lavrov Alexander. “Inspiration is not for sale...”: Dmitry Merezhkovsky’s letters to Petr Struve. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 109–123. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-109-123

«В Россию — ветром — строчки занесет...»: К 110-летию со дня рождения Игоря Чиннова

© 2019, О.Ф. Кузнецова

Аннотация: Русский поэт «первой волны» эмиграции Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996), чей юбилей отмечается в этом году, был известен не только как автор восьми книг стихов, вышедших на Западе. Он участвовал и в издательской деятельности эмигрантского сообщества. В послевоенном Париже он сотрудничал в издательстве «Рифма». Позже, в Мюнхене, работая в русской редакции радиостанции «Свобода», он делал передачи о писателях «русского Парижа». Уехав в США, где он стал профессором русской литературы, он включился в кампанию по созданию эмигрантского журнала при университете, вел обширную переписку с писателями и поэтами эмиграции. Он постоянно поддерживал контакты и с русскими изданиями, выходящими на Западе. Наиболее тесные контакты его связывали со старейшим изданием «первой волны» — «Новым журналом». Там он не только постоянно публиковал свои стихи, но и принимал большое участие в судьбе журнала, стал членом редколлегии. В письмах Чиннова к писателям и литературоведам, в переписке с главным редактором «Нового журнала» Романом Гулем и его соредктором Г. Андреевым (Хомяковым) речь идет о редакционных проблемах, о материалах «Нового журнала», о вышедшей в Мюнхене в 1979 г. антологии эмигрантской поэзии. Чиннов отмечает печальный факт постепенного ухода из литературы писателей «первой» эмиграции, к которой принадлежал и он сам. Публикуемые письма хранятся в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова, созданном на основе его личного архива и библиотеки, которые он завещал Институту мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

Ключевые слова: Игорь Чиннов, эмиграция, «первая волна», «вторая волна», литература, литературный журнал, редколлегия, читатели, послевоенный Париж, «Новый журнал», американский университет, архивные письма.

Информация об авторе: Ольга Феликсовна Кузнецова, к.ф.н, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: oliaol.555@gmail.com

Цитирование: *Кузнецова О.Ф.* «В Россию — ветром — строчки занесет...»: К 110-летию со дня рождения Игоря Чиннова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 124–160. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-124-160

В этом году исполняется 110 лет со дня рождения Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996), русского поэта, всю жизнь прожившего в эмиграции. В кругах русского зарубежья он был хорошо известен уже в 1950-е гг., когда в Париже появилась его первая книга стихов. Потом вышло еще семь книг. Читатель в СССР начал знакомиться с его стихами только в конце 1980-х — в годы перестройки, когда в Советском Союзе стали появляться журнальные публикации русских эмигрантов. Позже, в 2000–2002 гг., в России было издано двухтомное собрание сочинений Игоря Чиннова¹, в 2003 г. выпущена книга по материалам его архива². Так что стихи Чиннова теперь достаточно хорошо известны и российскому читателю.

В публикациях шла речь и о его богатой событиями биографии: родился Чиннов в Туккуме, на территории нынешней Латвии; в 1944 г. оказался в трудовом лагере — немцы вывозили из Риги на работы в Германию трудоспособную молодежь. Затем были Париж, Мюнхен, США.

В собрание сочинений вошли и воспоминания о детстве, где Чиннов пишет о своих предках со стороны матери, принадлежавшей к древнему дворянскому роду Корвин-Косаговских: среди них были и декабристы, и народовольцы, посвятившие свои жизни служению отечеству. Чиннову было два года, когда умер его двоюродный дядя по матери Петр Филиппович Якубович (1860–1911), поэт и известный народоволец, который много лет провел в заключении в Акатуйской тюрьме. От матери, очень любившей своего двоюродного брата, Чиннов слышал много рассказов о нем. У Петра Филипповича был псевдоним по революционному подполью: Александр Иванович. Это имя он взял, чтобы подчеркнуть свою связь с предком-декабристом, Александром Ивановичем Якубовичем (1792–1845), за полвека до того отбывавшим срок на каторге, в Нерчинских рудниках.

От своих предков Чиннов, видимо, и унаследовал общественный темперамент, в его случае направленный не на борьбу с режимами, а на служение русской литературе, и не только творчеством: по мере сил он участвовал в развитии издательского дела в эмиграции. Эта сторона его деятельности практически неизвестна.

Впервые он принял участие в журнально-издательской деятельности и получил первый опыт редакторства, когда помогал Сергею Маковскому (1877–1962), бывшему главному редактору знаменитого петербургского журнала «Аполлон», готовить к печати поэтические сборники для издательства «Рифма». Там выходили именно книги стихов. Русских

¹ Чиннов И. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. О.Ф. Кузнецова, А.Н. Богословский. Т. 1: М., 2000. 576 с. Т. 2: М., 2002. 352 с.

² Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980 годы. По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. М., 2003. 832 с.

издательств, тем более готовых печатать стихи, в эмиграции катастрофически не хватало. Появление в Париже «Рифмы» было событием. Позже Чиннов подготовил посмертный сборник стихотворений «Жатва» своего знакомого по Риге Николая Белоцветова (1892–1950)³.

Тогда же, в 1950-е гг., Чиннову пришлось косвенно участвовать в другом издании. В США с 1955 по 1958 г. ближайший друг Чиннова поэт Юрий Иваск (1907–1986) был главным редактором литературного журнала «Опыты» (1953–1958). В это время Чиннов уже уехал из Парижа и писал Иваску из Мюнхена. Переписка двух друзей за те годы посвящена проблемам журнала, и видно, насколько они озабочены поддержанием высокого литературного уровня публикаций.

Переезд Чиннова в Мюнхен был связан с тем, что в 1953 г. там открылась радиостанция «Свобода» (в то время — «Освобождение»), где он получил место редактора отдела новостей в русской редакции — составлял информационные тексты о культурной жизни на Западе. Служба не оставляла свободного времени, но зато можно было рассказывать советским слушателям и об эмигрантской литературе, о русских парижанах. Чиннов и по себе знал, насколько нужны эмигрантам контакты с читателями в России и насколько они мизерны:

В Россию — ветром — строчки занесет.
Эх, эмигрантские поэты!
Не ветром, а песком нас — занесет.
И стаю строчек у глухих ворот
Засыплет временем — бесчувственным, как лед,
Как злые зимние рассветы...⁴

Радиожурналистике было отдано почти десять лет. А в 1962 г. Чиннов переехал в США по приглашению Канзасского университета. Ему было предложено место профессора русского языка и литературы. Он осваивал новую страну, новый язык, новую профессию, появились новые стихи.

И вдруг, учтя, видимо, его редакторский опыт в «Рифме» и на радио «Свобода», Чиннову предлагают возглавить новое издание, которое планировалось создать при университете. В начале 1963 г. стало известно, что прекращается субсидирование альманаха «Мосты» (1958–1970), выходившего при Центральном объединении политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), поскольку ЦОПЭ закрывалось. И у профессора Канзасского

³ Чиннов участвовал в подготовке книги по просьбе вдовы поэта.

⁴ Первые строки стихотворения из книги Чиннова «Антитеза» (1979). См.: Чиннов И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 373.

университета Освальда Бакуса⁵ возникла идея продолжить это издание при университете, выпускать эмигрантский журнал, рассчитанный в то же время (что важно) и на советского читателя. И он предложил делать этот журнал Чиннову. Но продолжать «Мосты», да и вообще делать журнал по образцу этого альманаха, Чиннов не хотел. Предыдущий главный редактор «Мостов» Г.А. Хомяков (Г. Андреев; 1906–1984) делал свой литературно-художественный и общественно-политический альманах как «витрину», «форум» для обсуждения мнений, а не как издание, ориентированное на определенного читателя. При этом, подчеркивал Хомяков, «общее направление у нас есть, и без него мы, эмигранты, теряем всякое свое значение — это направление антикоммунистическое»⁶. Для Чиннова была важна не столько политическая составляющая журнала, сколько высокий культурный, художественный уровень издания и публикуемых там текстов. Он хотел обращаться прежде всего к интеллектуальному читателю.

Чиннов писал Иваску в апреле 1963 г.: «Идея выпускать продолжение “Мостов” едва ли удачна — *нужно новое издание, с великолепным списком сотрудников*, в редколлегию взять Вейдле, Адамовича и наших — *Штаммлера*⁷, Бакуса, Иваска и Чиннова, вот и всё. Жду ответа. Спешно!»⁸ Также Чиннов интересовался в письме, сколько стоило напечатать один номер «Опытов» и не мала ли сумма, которую Бакус пытается получить на журнал, — 2000 или 3000 долларов в год.

Ответ не замедлил. В письме Чиннову от 22 апреля 1963 г. Иваск, безусловно одобряя идею, согласился, что прежде всего надо определиться, для кого журнал: «1) для культурной советской интеллигенции, 2) для всяких иностранцев, русоведов и только, 3) для эмиграции, которой почти уже не существует?» Он писал:

Журнал, конечно, белый, *абсолютно белый*, но без злопыхательства.

Худ[ожественной] прозы не нужно, потому что ее нет. Я не против Ржевского⁹, но ведь от него ни тепло, ни холодно.

⁵ Освальд Бакус (Osvald P. Backus, 1921–1972) — американский историк, профессор Канзасского университета в Лоренсе (с 1950 г.), специалист по истории Литвы и России времен феодализма. Автор книги «Причины отъезда западнорусских аристократов из Литвы в Москву, 1377–1514» (США, 1957) и др.

⁶ Андреев Г. [Г.А. Хомяков]. В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 313.

⁷ Андрей Владимирович Штаммлер (Heinrich A. Stammeler, 1912–2006) — профессор Канзасского университета, глава (chairman) отделения славянских языков и литератур, преподавал философию. Ученик и личный секретарь Ф.А. Степуна. Автор научных трудов о В.В. Розанове, Ф.А. Степуне и др.

⁸ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 39.

⁹ Леонид Ржевский (наст. имя Леонид Денисович Суражевский; 1905–1986) — прозаик, драматург, литературный критик второй волны эмиграции, член редколлегии «Нового журнала», один из редакторов журнала «Грани».

Много статей и стихов.

В каждом номере симпозиум, дискуссия, например, можно было бы начать с литературы эпохи оттепели (которая окончилась заморозками!). Оценка этой литературы по худ[ожественному] критерию. Солженицын — хорошо, Виктор Некрасов — неплохо, Эренбург — плохо, но иногда прав[ильные] мысли и т.д.

[В конце страницы приписано от руки чернилами: Я готов помогать, но — в границах.]

[На полях добавлено от руки чернилами: Если у Хомякова не выйдет с “Мостами”, то его пригласить.]¹⁰

По ходу развития событий выяснилось, что идея с продолжением «Мостов» неудачна не только из-за нежелания Чиннова продолжать такой тип издания, а, как ни странно, из-за «антикоммунистического направления» альманаха. Ситуация в мире изменилась. После Карибского кризиса в октябре 1962 г., когда мир реально оказался на грани ядерной войны, антикоммунизм не приветствовался. В Америке предпочитали не обострять отношения с СССР.

Заговорили о каком-нибудь «аполитичном» издании типа «Опытов». Чиннов и Иваск как будущие соредакторы активно обсуждали в переписке состав редколлегии. И тут выяснилось, что к редактору «Мостов» Хомякову «на верхах», в Вашингтоне, относятся негативно именно из-за «черного пятна» «активного антикоммунизма», которым отмечен альманах. Чиннову пришлось отправить Хомякову письмо с извинениями, что в новый журнал взять его не смогут. В письме Чиннов рассказал о результатах визита Бакуса в Вашингтон:

Не исключено, что американские правительственные круги в конце концов отпустят средства на издание журнала — но журнала, ничем не связанного с ЦОПЭ, как связаны с ЦОПЭ были «Мосты». Совсем нового журнала — полностью нового, вплоть до состава редакции.

Если не ошибаюсь, «несчастье» «Мостов» (а, может быть, и черное пятно на Вашей биографии, пятно, дисквалифицирующее Вас? Не знаю) — несчастье в былой связи с ЦОПЭ.

Насколько понимаю, «на верхах» не хотят, чтобы на новое издание лег тот “odium”¹¹ «политиканства», активного антикоммунизма, который из-за ЦОПЭ ложится, якобы, на «Мосты» (?). Но еще раз: возможно, что это мое толкование и неверно¹².

¹⁰ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 8.

¹¹ Позор (англ.).

¹² ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 100, 101.

Письмо было отправлено 7 ноября 1963 г. А всего две недели спустя стало ясно, что хлопоты вообще были напрасными. Стало уже не до разговоров о новом эмигрантском журнале — 22 ноября был убит президент Кеннеди. Политический вектор изменился. В этот день Чиннов писал Иваску огорченно:

Вот хлопотал бедняга Кеннеди ради президентского кресла, мотался по предвыборным собраниям, из последних сил улыбался и жал руки бесчисленному сброду — и все это оказалось для того, чтобы на 46-м году жизни хлопнули его, как тетерева.

И добавлял, сожалея об утраченных надеждах на журнал:

Редакторский сей Sessel¹³ оказался вроде шкуры неубитого медведя — зря велась о нем переписка, напрасно, и не надо было мне заражаться оптимизмом Осв[альда] Осв[альдовича] [Бакуса] — попал в положение соблазненной белошвейки, невинность как ветром сдуло, а от соблазнителя, О[освльда] О[свальдовича], даже слова сожаления не слышу (но это между нами). Говоря же просто — поставлен в положение очень незавидное, и более ни с кем связываться не стану, и ни к каким прожектам меня пристегивать не позволю¹⁴.

И действительно, несмотря на призывы к активности и «общественно-культурной сознательности» в ответном письме Иваска от 27 ноября, Чиннов долгое время даже не помышлял о редакторской деятельности.

Взывая к Чиннову, 27 ноября 1963 г. Иваск писал:

Теперь я понимаю, почему большевики так легко свергнули Керенского с интеллигенцией! Слабо у нас общественное сознание! Нет чувства — представительства; или рабство, или — сентиментальный анархизм. Бакус добивался субсидий для русского журнала. Ему сказали: если дадим, то не «Мостам», не людям из ЦОПЭ. Оч[ень] жаль, но, следовательно, Хомяков должен быть *устранен*; единственный кандидат в ред[акто]ры в Канзасе — Чиннов; и если деньги дадут — он *будет редактором*.

Хотя в том же письме Иваск сам пишет об уже произошедших, далеко не благоприятных переменах:

¹³ Кресло (нем.).

¹⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр. 21. Л. 98, 99.

Кеннеди был солнечен, архангеличен и нашего поля ягода, интеллектуал. А теперь воцарился обыватель¹⁵ — м[ожет] б[ыть,] и неплохой человек, но обыватель, серая личность¹⁶.

Задуманный журнал в Канзасском университете не состоялся. Зато «Мосты» после закрытия ЦОПЭ были продолжены Хомяковым «на частные пожертвования», в том числе и от Чиннова. Удалось выпустить еще четыре номера (один сдвоенный). Последний вышел в 1970 г. Так что, по крайней мере, Хомякова Иваск не смог бы обвинить в «слабом общественном сознании». Говоря о назначении эмигрантской прессы в пору, когда старшая эмиграция сходит со сцены, Хомяков в 1972 г. писал: «Не сохранение и развитие русской культуры, а посильное содействие сохранению и развитию ее, помощь трудной работе по восстановлению ее на родине — вот реальная задача, решению которой мы можем помогать, без ненужной гордыни, заносчивости и хвастовства»¹⁷.

В начале 1970-х гг. у Чиннова появился новый соблазн заняться редакторской работой: он получил письмо от главного редактора «Нового журнала» Романа Гуля (1896–1986) с предложением о соредакторстве. В письме от 7 ноября 1973 г. Гуль писал:

Я, как Вы знаете, хочу кончать свое редакторство, ибо у меня нет никаких сил тащить и дальше эту колесницу. Это чистые каторжные работы. Я думаю, нет и не было такого «явления», чтобы *один* человек заменял собой «оркестр» и тащил бы, один, толстый журнал. [...] Я бы себе оставил публицистическую часть (политика, экономика, вопросы культуры — статьи по этим вопросам, рецензии, воспоминания). А всё иное пусть бы редактировал другой человек. При этом я бы оставил за собой — работу по экспедиции, т.е. — ежедневные (как сейчас) встречи, разговоры с секретаршей и распоряжения о высылке гонораров, об ответах на письма по конторе, о том, о сем, тут пропасть мелких дел. И оставил бы также всю возню с бухгалтером — чеки в сошэл секюрити, в анемплоймент¹⁸ и пр., все разговоры с типографией, технические. А другой бы человек — редактировал бы полностью указанные материалы, вел бы корреспонденцию с авторами по поводу них, читал бы корректуру всю свою, вообще был бы полновластен во всей части НЖ, кроме публицистики. [...] журнал надо держать на том «высоком»

¹⁵ Джонсон Линдон Бэйнс (1908–1973) — 36-й президент США в 1963–1969 гг.

¹⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.4. Ед. хр. 9. Л. 37, 37об.

¹⁷ Андреев Г. [Хомяков Г.А.]. В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия. С. 313.

¹⁸ Отчисления в страховую компанию и фонд для безработных.

уровне, на котором он есть, ибо спустить его до уровня «Граней» или «Мостов» можно в один миг¹⁹.

Гулю как редактору приходилось доводить до «высокого литературного уровня» множество статей. И при этом редактор должен был учитывать, что это «русский толстый журнал» и при работе «надо быть либеральным (и в ту, и в другую сторону). Нельзя печатать только то, что *мне* нравится. Вот так вел “Опыты” Ю. Иваск, и это совсем не подходяще для НЖ»²⁰.

Взвесив все за и против, Чиннов всё же от предложенного соредакторства отказался — из-за удаленности от журнала, как он написал Гулю. Журнал выходил в Нью-Йорке, а Чиннов жил тогда в Нашвилле — преподавал в Вандербилтском университете.

Позже, 28 января 1974 г., Гуль написал Чиннову, что от поиска помощника он и сам отказался: «С редакторством вышло так: поддерживающая нас фаундейшен сообщила, что будет оказывать поддержку еще только год. Поэтому я решил не делать никаких перестроек в редакции, а этот год протащить самому. А что будет дальше, Бог знает»²¹. Издание продолжилось. Но в 1975 г. Гулю всё же понадобились помощники. Его соредакторами стали Г.А. Хомяков (Г. Андреев), бывший редактор прекратившихся уже «Мостов», и писатель Леонид Ржевский.

К 1977 г. ситуация с соредакторами в журнале изменилась. Чиннов, который внимательно следил за деятельностью издания, в письме от 21 января спросил Хомякова, что происходит в редакции. Хомяков отвечал:

Какой сорочий хвост успел сообщить Вам об уходе Ржевского? Мы вернулись позавчера, говорил я по телефону и с Гулем, и с Ржевским, и у меня создалось впечатление, что случилось это совсем недавно. Правда, Ржевский давно уже говорил об этом, он не хотел лишь числиться в редакции, в сущности, не работая и не имея реальной возможности оказывать влияние на дела журнала. Характерец нашего шефа Вы знаете лучше, чем мы. Мне, между прочим, сразу сказали, что я выдержу один, максимум два номера совместной работы и уйду, но я решил этого не делать. Меценаты, нет, ворчать не будут (Гуль, между прочим, изображает дело так, что меценаты поддерживают журнал только потому, что он остается во главе): Гуля они знают. Но вообще ни к чему, и Л.Д. [Ржевский] соглашался со мной, что уходить не следует, но всё же ушел.

¹⁹ Письма запрещенных людей. С. 490–493.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 494.

Причина всё та же: в дрянности и гнусности Вашей паршивой старой эмиграции, которая до могилы решила доказывать, что только она что-то значит, а мы, вторые, в подметки им не годимся. Гуль например до сих пор говорит, что «Мосты» были как бы не заслуживающей внимания ерундой. Посему они никак не хотят пускать нас «вперед» (этим было много пакостей наделано, на той же станции²²). Но, по-моему, надо еще потерпеть, и мне всё же удастся малость принимать участие в работе. Но мало, и с диктаторством шефа сделать ничего нельзя²³.

Мартовский журнал за 1977 г. (№ 126) вышел уже без фамилии Ржевского в числе редакторов.

Возмущение вновь прибывших из СССР старшей эмиграцией (к которой принадлежали Гуль и Чиннов, но не Хомяков и Ржевский, «новые», послевоенные эмигранты, эмигранты «второй волны») — очень характерная проблема того времени. Основные разногласия двух первых волн ограничивались главным образом идейными вопросами, например отношением к покинутой родине, ее истории: послевоенные эмигранты чаще всего относились к России куда более критично, что для «первой волны» было неприемлемо. А «третья волна» плюс к этому стала еще и серьезным конкурентом двум предыдущим. «Новейшие» (т.е. эмигранты третьей волны) — более молодые, сильные, энергичные, а главное, порой более стоворчивые, готовые выполнять актуальный «соцзаказ» — занимали места в редакциях, университетах, на страницах изданий.

Чиннов видел эту проблему. В ответном письме Хомякову он писал:

Что ж до эмиграции, то — *не на ту* Вы «обижаетесь», не на ту. От той скоро рожки да ножки останутся. А вот новейшая волна — эта может и смыть кое-кого: так подмыть почву под ногами, что прямо в тартарары человек провалится. Вот ушел Л.Д. [Ржевский], Шаховская «ушла» из «К[онтинента]»²⁴, Жекулин — из «Современника»²⁵... А на смену кто? Первые? Вторые? Черта с два. «Грани» — ди-пийские, из дипийских писателей, — поэтов годами никого не пускают, только

²² Имеется в виду радиостанция «Свобода».

²³ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр. 28. Л. 43.

²⁴ Княжна З.А. Шаховская с 1974 г. входила в редколлегию «Континента», журнала «третьей волны», который в 1974–1992 гг. выходил в Париже, затем, до 2013 г., — в Москве.

²⁵ В 1972–1976 гг. Г.Н. Жекулин был соредактором журнала «Современник» (Торонто, 1960–1980).

юбилея ради²⁶ тиснули. А тут люди хлопают дверьми... после чего порой удивляются, что двери-то закрылись²⁷.

Защищая Гуля, написавшего очень резкую статью «Прогулки хама с Пушкиным»²⁸ о книге Абрама Терца (А.Д. Синаевского), Чиннов в этом же письме спрашивал:

«Прогулки хама». Ну и что? Журнал — салон графини Лидии Ивановны? Ах, какие все нервические, враз на кушетку в обморок и флакончик с солью нюхательной им подавай! Верно, что Гуль вместо рыцарской шпаги — оглоблей, но ведь свалил с ног или нет? Тот же — вверх тормашками! А тут — ахи — он сказал: «стакан воняет!» Надо же было: «Стакан нехорошо ведет себя!» О, Гоголь! А стакан — да, воняет. И я — за точное слово²⁹.

Впрочем, относительно «третьей волны» у Хомякова уже было свое мнение. Еще в 1975 г. он рассказывал Чиннову об одном из «новейших» журналистов, который «обо всем может написать восторженно, о чем нужно ему и кому-то еще». «А тут лучше “сотворять благо”, — добавляет Хомяков. — По-моему, нам надо твердо держаться добрых эмигрантских традиций, что есть наше задание и наш удел»³⁰.

В 1977 г. Гулю и Хомякову совместно удалось выпустить всё же не два (как писал Хомяков), а три номера «Нового журнала». Потом почти год Гуль работал без Хомякова. А в начале 1978 г. два редактора опять смогли договориться. Хомяков — Чиннову:

Гуль зондировал почву, как я отнесусь, ежели обратится он ко мне. Я сказал, что на хамство хамством отвечать не собираюсь, но что и инициативы проявлять никак не буду. Так он ее проявил: вчера позвонил с предложением восстановления бывшего состояния. Послезавтра поеду. Будем «наново» договариваться. Особо, впрочем, не о чем: работать надо, а ему не с кем. Новейших, говорит, брать невозможно: это, говорит, не русские, и не евреи, а советские, генерации еще неиз-

²⁶ Журнал «Грани» в 1946–1991 гг. выходил в Германии, с 1991 г. — в Москве. В 1964 г. у Чиннова был юбилей (55 лет), и в «Гранях» (№ 55) были опубликованы три его стихотворения, позже вошедшие в авторскую книгу «Метафоры» (Нью-Йорк, 1968).

²⁷ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 3. Л. 10–11.

²⁸ Статья Р. Гуля о книге «Прогулки с Пушкиным» (Лондон, 1975) опубликована в «Новом журнале» (1976. № 124).

²⁹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 3. Л. 10–11.

³⁰ Из письма Чиннову от 12 апреля 1975 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр. 28. Л. 38.

вестной и невозможной. Постепенно, кажется, к такому заключению приходят и американцы³¹.

В результате договора «наново» в 1978–1979 гг. два редактора выпустили в соавторстве еще четыре номера. Но уже июньский номер за 1979 г. вышел только под фамилией Гуля. Чиннов писал Хомякову: «Получил Новжур и вижу, что Вы опять ушли. Грустно. Вполне понимаю, что порой может стать невтерпез, но... Как бы то ни было, надеюсь, что в скором времени страсти улягутся и Вы вернетесь»³². Не вернулся. В августе 1979 г. Хомяков отвечал:

Нет, в НЖ я больше не вернусь. В последний раз я решил еще попробовать, но закаялся, только корил себя за новую попытку как-то «задержать» журнал «за нами». Нет, судьба его ясна: Гуль будет пытаться вести его или до полного своего изнеможения, либо до смерти. [...] Он не признает ни малейшей критики или несогласия, требует угадывать его желания, — зачем мне этим заниматься? А сделать всё равно ничего нельзя. Кое-как, например, удалось протащить мне в последних номерах Кругового³³, затем Поплююку о Достоевском³⁴, — не Бог весть что, но всё же о литературе и оригинальное, а не перепечатку, на чем он стал специализироваться. Он никого не приглашает в журнал, сотрудников не ищет. Кое-кто из порядочных новейших присылал рукописи, — куда там, он выше этого. [...]

Ваше «альманашко»... и как там прочее, — полагаю, сейчас тоже не может получиться. Нашей (и Вашей) публики осталось слишком мало [...], а у новейших совсем другие задания и стремления. Может быть, на мой взгляд, лишь одно: какое-либо «целевое задание», например, издание определенной книги, или книг, не надеясь на периодичность³⁵.

Эти баталии за качество журнала между двумя крупнейшими редакторами эмиграции, от успешного сотрудничества которых во многом зависела судьба эмигрантской литературы, ее пополнение именами писателей и «новой», и «новойшей» эмиграции, велась не зря. Главным было то, что «Новый журнал» делался по-прежнему на высоком уровне, оставался интересным и нужным читателям. Чиннов прочитывал его от

³¹ Письма запрещенных людей. С. 543.

³² Из письма Чиннова от 26 июля 1979 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 3. Л. 12.

³³ Статья Г. Кругового «Гностический роман М. Булгакова» (Новый журнал. 1979. № 134).

³⁴ Статья Н.А. Поплююко-Наговой (за подписью Н. Нагова) «Проблема свободного выбора у Достоевского» (Новый журнал. 1979. № 135).

³⁵ Из письма Хомякова от 5 августа 1979 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 3.1. Ед. хр. 28. Л. 47.

корки до корки, судя по загнутым страничкам и множеству отметок на полях в номерах из его личной библиотеки. Копья ломались не напрасно.

Про «альманашко», о котором упоминает Хомяков, Чиннов написал ему в предыдущем письме. В 1978 г. у Чиннова возникла было идея поддержать русскую литературу за рубежом и выпустить альманах. Чиннов, видимо, забыл об обещании, данном самому себе, — больше не затевать никаких изданий, «не связываться». И чуть было не «связался». Но его планы расстроил неудачно прошедший поэтический вечер. 30 декабря 1978 г. они выступали вдвоем с Иваском в зале им. Рахманинова при Свято-Серафимовском фонде в Нью-Йорке. В этот предновогодний день пришло слишком мало народу, и Чиннов всерьез обиделся: до того все его вечера проходили очень успешно. Он писал Хомякову: «Мои прожекты, издательски-редакторски-альманашные, тоже после моей горе-гастроли в Н[ью]-Й[орке] замерзли: не увлекает идея тратить мои “капиталы” на печатание литераторов, коим на меня “начхать”, судя по проявленному ими “интересу” к одному злополучному “поэзовечеру”»³⁶.

После окончательного разрыва с Хомяковым Гуль пару лет возглавлял журнал сам. Ему было уже далеко за восемьдесят, опять появились соредакторы. С мартовского номера за 1984 г. в состав редакции журнала вошел Ю.Д. Кашкаров (1940–1994), писатель из «новой» эмиграции, вскоре возглавивший журнал. Роман Гуль оставался главным редактором вплоть до 1986 г., до самой смерти в возрасте девяноста лет.

С Чинновым у Кашкарова, судя по всему, сложились хорошие отношения. Проза его Чиннову понравилась. В письме от 3 сентября 1985 г. Чиннов благодарит Кашкарова за добрые слова о своей книге стихов «Автограф» (США, 1984), пишет, что проза Кашкарова его «заинтересовала», и добавляет: «Слышал, что Вы, как и я, из породы “недорезанных, привилегированного сословия”. Это тоже сблизило»³⁷. А в письме от 8 ноября 1986 г. Чиннов, разбирая начало опубликованного в «Новом журнале» (№ 164) романа Кашкарова “East-West”, называет удачные и неудачные эпизоды, комментирует их. Так, переписав в письме заинтересовавшие его строки из романа: «всякое отвлеченное умственное усилие вызывает у наших друзей-американцев приступ самой обыкновенной паники», — Чиннов соглашается с Кашкаровым: «Да... увы»³⁸.

С июня 1986 г., весь первый год «без Гуля», единственным редактором журнала оставался Кашкаров. С июня 1987 г. журнал возглавила редколлегия, состоявшая из «первой» и «новой» эмиграции. Все

³⁶ Из письма Чиннова от 26 июля 1979 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 3. Л. 13.

³⁷ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 33. Л. 1.

³⁸ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 33. Л. 5.

члены новой редколлегии были названы в начале журнала в алфавитном порядке: Ю.Д. Кашкаров, В.П. Крейд³⁹, М.И. Раев⁴⁰, В.М. Сечкарев⁴¹, И.В. Чиннов, З.О. Юрьева⁴². Решению создать редколлегию и частично вернуть журналу контроль со стороны «старой» эмиграции предшествовало собрание Корпорации «Нового журнала». Об этом пишет Чиннов в публикуемых ниже январских письмах 1987 г. к Юрьевой и Кашкарову⁴³. Чиннов был приглашен на это собрание и выбран в члены редколлегии.

К новой должности Чиннов подошел не формально — он включился в работу. Сохранилось, например, его письмо в редакцию журнала от 30 апреля 1988 г.⁴⁴ с рекомендациями о том, какие из заявленных в номер стихов следует печатать, и с предложением рассказа Н. Терлецкого⁴⁵. С его подачи появились в журнале и другие материалы. Сохранилось его письмо к поэту (тоже из «привилегированного сословия») Валерию Перелешину (1913–1992):

Могли бы Вы дать какие-то воспоминания, стихи, рассказ (кrome «ариельских» мотивов: однополая любовь по-прежнему табу⁴⁶) в «Новый Журнал»? Я член новообразованной редколлегии и в этом качестве прошу нотаблей первых двух волн помочь своим сотрудничеством сохранить, хоть отчасти, «белогвардейский» облик журнала. В него, в журнал этот, уже вливаются представители третьей и надо бы сохранить равновесие, как то было в Ноевом ковчеге. А то первые две как-то уже вовсе безмолвно сходят со сцены. Шлите материал мне, пожалуйста!⁴⁷

Стихи В. Перелешина достаточно регулярно появлялись в журнале.

³⁹ Вадим Прокопьевич Крейд (Крейденок; р. 1936) — поэт, литературовед, профессор американского университета в Айове. В 1995–2005 гг. — главный редактор «Нового журнала».

⁴⁰ Марк Исаевич Раев (1923–2008) — историк, профессор Колумбийского университета, автор трудов по истории России на русском и английском языках. С 1931 г. жил в Германии, с 1941 г. — в США.

⁴¹ Всеволод Михайлович Сечкарев (1914–1998) — литературовед, профессор Гарвардского университета, автор научных работ о Пушкине, Гоголе, Гончарове на английском и немецком языках. С 1925 г. жил в Германии, в 1956 г. переехал в США.

⁴² Зоя Осиповна (Иосифовна) Юрьева (1923–2000) — профессор Нью-Йоркского университета на кафедре славянских языков и литератур. В 1960–1980-е гг. секретарь, затем член редколлегии «Нового журнала».

⁴³ См. письма 6 и 7 наст. публикации.

⁴⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.4. Ед. хр. 3.

⁴⁵ Рассказ Николая Николаевича Терлецкого (1903–1994) «Маттео Моро» опубликован «Новом журнале» (1988. № 172–173).

⁴⁶ Чиннов имеет в виду книгу обращенных к мужчине сонетов Перелешина «Ариэль» (Франкфурт-на-Майне, 1976).

⁴⁷ Из письма от 24 августа 1987 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 608. Оп. 2.2. Ед. хр. 56. Л. 18.

Работой Кашкарова, который фактически исполнял обязанности главного редактора, редколлегия осталась довольна. На собрании Корпорации журнала, которое проходило почти три года спустя, в ноябре 1989 г., Кашкаров отчитался перед присутствовавшими о работе издания и сообщил, что налаживает связи с библиотеками и журналами в Советском Союзе (это стало возможным в перестроечное время). На собрании обсудили вопрос о создании специального «Комитета по подготовке празднования 50-летия “Нового журнала”». Главное — в протоколе собрания было зафиксировано, что все восемь присутствующих членов Корпорации «согласны с продолжением издания журнала, способствующего некоторым изменениям в советской культурной политике», что «журнал представляет русскую независимую мысль за рубежом, публикуя не только эмигрантских писателей, но и советских, в том числе и тех, кто не смог напечататься в СССР, и делает очень важный вклад, представляя архивные материалы, недоступные в СССР»⁴⁸, при этом издание поддерживает высокий культурный и художественный уровень публикуемых текстов. Чиннов был выбран в члены Корпорации. После собрания, начиная с июньского номера журнала за 1990 г., Юрий Кашкаров стал указываться как главный редактор.

Запланированное празднование 50-летия «Нового журнала» состоялось, и его даже удалось провести в России — в «новой России». Не прошло и двух месяцев после памятного 19 августа, после падения коммунистического режима, как в октябре 1991 г. редколлегия «Нового журнала» оказалась в Москве.

Презентация издания прошла широко. Пушкинским домом в Ленинграде и Фондом культуры в Москве были организованы встречи с сотрудниками журнала в Доме литераторов, Доме журналистов, Фонде культуры и пр. Чиннов тогда оказался в России впервые за семьдесят лет. «Всю жизнь мечтал», — говорил он. Об этой поездке он опубликовал потом эссе с символическим названием «И невозможное возможно...», где писал:

Не чудо ли? Да, разве не чудо, что пригласили русские люди «недорезанного буржуя» ступить на подсоветскую еще русскую землю? Что в России читал он при полных залах свои стихи? Что мог он, приглашенный, не турист, лоб перекрестить в дивных кремлевских соборах, всматриваться восторженно в поистине божественную рублевскую «Троицу»? Что мог восхищенно глядеть на блеск и величие былой славы российской в Оружейной палате? Не чудо, разве, что [...]

⁴⁸ Протокол ежегодного собрания членов Корпорации «Нового Журнала» // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.4. Ед. хр. 5. Л. 4.

мог поковылять по граду Петра и Пушкина, поклониться прекрасному Смольному собору⁴⁹.

Московская публика в переполненном зале Дома литераторов, где я тогда оказалась, вполне разделяла это восторженное удивление перед случившимися событиями и была полна энтузиазма и радужных надежд. Появление в Москве целой делегации старых русских эмигрантов было знаковым событием для новой России. Главный редактор журнала, который вел вечер, объявил, что сейчас выступит старейший сотрудник и член редколлегии, поэт Игорь Владимирович Чиннов: «Несмотря на свой возраст, он по-прежнему балует нас своими стихами». К микрофону мелкими старческими шажками подошел невысокий, довольно полный господин в белоснежном джемпере, летнем костюме и сандалях. В снежно-слякотном октябре это выглядело очень празднично и неожиданно. Выяснилось, что он приехал из Дейтоны-Бич, флоридского городка на побережье Атлантики, где живет уже 20 лет, выйдя в отставку. Чиннов рассказывал, что в первые годы эмиграции, в Париже, он познакомился со всеми поэтами, бывал у Бердяева⁵⁰, знал Бунина⁵¹, Ремизова⁵², дружил с Владимиром Вейдле⁵³ — «умнейший человек», с Адамовичем — «блистательный был критик, и какой необыкновенный оратор, всегда говорил без бумажки. Он был несправедлив к Цветаевой. Критиковал ее стихи». Нет, Цветаеву⁵⁴ Чиннов не знал, но его друг Юрий Иваск встречался с ней в 1938 г. в Париже перед ее отъездом в СССР и заметил, что «у нее были некрасивые рабочие руки в массивных кольцах»⁵⁵. Нет, книги Чиннова в СССР не печатают. Хотя непонятно, почему — «там нет ничего антисоветского».

⁴⁹ Новый журнал. 1992. № 187. С. 364–365.

⁵⁰ Чиннов вспоминал, что, живя в Париже, на вторники к Бердяеву приходил с Г. Адамовичем.

⁵¹ В архиве Чиннова сохранилась книга стихов И. Бунина «Избранные стихи» (Париж, 1929) с дарственной надписью от 1950 г.: «Молодому стихотворцу от старого».

⁵² В архиве Чиннова сохранились письма Ремизова к нему.

⁵³ Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) — историк искусства, специалист по теории литературы и стихосложения, литературный критик, поэт. С 1953 г. — директор Русских программ на радиостанции «Свобода». В том же году он предложил Чиннову место редактора русских программ на этой радиостанции в Мюнхене. После отъезда Чиннова из Мюнхена они много лет переписывались.

⁵⁴ О М.И. Цветаевой Чиннов писал в 1934 г. Иваску из Риги, где тогда жил: «Цветаева поденщица во Франции (попы моет у чужих, полойка, Цветаева полойка!)» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.2. Ед. хр.1. Л. 19).

⁵⁵ В 1930 г. Иваск выпустил в Ревеле один номер журнала «Русский магазин», который послал Цветаевой и предложил ей сотрудничество. Но второй номер так и не вышел.

Чиннов читал стихи, открывая один номер «Нового журнала» за другим. И мир в его стихах был щемяще прекрасен, будь то наш родной мир «среди ежевики, синики, черники», где «голос души, словно тень Евридики»⁵⁶, или далекий, незнакомый еще нам, советским, «не очень красивый Салерно»:

Ну что же — не хочешь, не надо.
Прощай, уезжай, не жалей.
Не сердце, а гроздь винограда
В руке загорелой твоей.

Ну что же — не любо, не слушай.
Любовь — полуяд, полумед.
Прощальней, грустнее и глуше
Закат итальянский цветет.

Ну что же — что верно, то верно:
Я слишком красиво сказал.
В не очень красивом Салерно
Не очень красивый вокзал.

Ну что же — что было, то сплыло.
Инерция встреч и разлук.
Не скучно, Земное Светило,
Привычный описывать круг?

Ну что же — чем хуже, тем лучше.
Я тоже уеду — в Турин.
В отеле синьоры Петруччи
Никто не ночует один⁵⁷.

Публика просила читать еще и еще. Я взяла у Чиннова интервью для журнала «Огонек»⁵⁸ — самого читаемого тогда в СССР. Он рассказал о своей жизни. Рядом с интервью была напечатана и подборка его стихов.

На следующий год Чиннов опять приезжал в Россию — пожить «на даче» в Подмосковье. Написал там несколько новых стихотворений, со-

⁵⁶ Строки из стихотворения «То то, то другое, то то, то другое...», впервые опубликованном в «Новом журнале» (1978. № 133. С. 46). См.: Чиннов И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 457.

⁵⁷ Впервые опубликовано в «Новом журнале» (1975. № 120. С. 108). См.: Чиннов И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 334.

⁵⁸ Чиннов И. Я сам с собою говорю по-русски / Записала О. Кузнецова // Огонек. 1992. № 9, февр. С. 14–15.

ставил новый сборник «Гротескиада», который вышел в России в 1996 г. Собирался и на следующий год «на дачу»:

Весной на подмосковную дорогу
(Всю в лужах, листьях, мокрых воробьях)

Я выйду с палкой. Здравствуйте, березы!
Скучал без вас. Ах, радостные слезы!
Еще я жив, я не холодный прах⁵⁹.

Но не получилось. В конце 1992 г. сломал плечо — упал по дороге в кинотеатр. А потом у него обнаружили рак. Врачи пообещали два года жизни, может быть — три. Началось лечение.

Примерно тогда же заболел, а в 1994 г. умер Юрий Кашкаров — в аэропорту, ожидая самолет из США в Россию. У него был рак легких, он хотел умереть на родине.

«Новый журнал» пережил настоящий кризис, когда исполняющим обязанности главного редактора в июне 1994 г. (с № 195) стал А. Сумеркин⁶⁰. Он планировал изменить журнал, сделать его «более современным». Но редколлегия считала, что тексты, связанные с прошлым, с «первой волной» эмиграции, интересны и журналу необходимы. Составленный Сумеркиным декабрьский номер (№ 197 за 1994 г., который готовился в набор с опозданием — только в 1995 г.) не был одобрен членами редколлегии. Чиннов, например, счел публикацию рассказа Эдуарда Лимонова «Дешевка никогда не станет прачкой» неприличной, потому что это просто «порнография». Номер не пошел в набор. Заговорили о закрытии журнала.

В начале декабря 1995 г. Чиннов позвонил из Дейтоны-Бич мне в Москву и сказал, что нужно срочно спасать «Новый журнал». Я удивилась его звонку, потому что знала — Чиннов очень болен, он практически не вставал с кровати. То, что он включился в кампанию по защите журнала, говорило о серьезности ситуации. Возможно, он звонил и другим москвичам, с которыми познакомился за четыре года до этого, в 1991 г., когда приезжал в Москву. Он прислал мне письмо, подписанное редколлегией журнала, чтобы я его размножила и отнесла в разные «культурные

⁵⁹ Строки стихотворения «Из цикла “Больничная сюита”» (Чиннов И. Собрание сочинений. Т. 2. С. 65).

⁶⁰ Александр Евгеньевич Сумеркин (1943–2006) — переводчик, редактор, журналист. Эмигрировал в 1978 г. Был главным редактором издательства «Руссика», а также литературного альманаха «Руссика-81». Составил и опубликовал собрание сочинений М. Цветаевой, ряд других книг. В 1990-е гг. — литературный секретарь Иосифа Бродского, в 1994–1995 гг. — главный редактор «Нового журнала».

организации» — нужна была поддержка общественности. Сказал, что по зарубежным адресам они эти письма рассылают сами, а в Москве лучше отнести, потому что времени мало — собрание Корпорации, на котором будет решаться судьба издания, пройдет 20 декабря 1995 г.

Вот текст этого письма, датированного 1 декабря 1995 г.:

Существует реальная угроза закрытия «Нового журнала». Этот журнал, наследник «Современных записок», просуществовавший 53 года в русском зарубежье, совершенно уникален и должен издаваться.

Обращаемся к Вам с просьбой сделать всё возможное в защиту этого журнала. Действительный шаг в этом направлении — написать письмо в поддержку «Нового журнала», высказать свое мнение о необходимости этого единственного в своем роде издания и послать письмо:

Mr. Thomas P. Whitney

[далее следовал адрес]

Так как собрание Совета попечителей, редакционной коллегии и корпорации назначено на 20 декабря, письмо должно прийти заблаговременно. Благодарим Вас за поддержку. Редакционная коллегия⁶¹.

Письма нужно было направлять именно Томасу Уитни⁶², потому что он много лет материально поддерживал журнал и был бессменным председателем Корпорации издания. От его решения и спонсорской помощи зависело — быть журналу или нет.

Я отнесла письмо в несколько журналов, в Дом литераторов, в МГУ, даже в Государственную Думу. Люди, с которыми я говорила, о «Новом журнале» знали, сочувствовали и обещали поддержку. Эмигрантская литература уже появилась в Москве, ее читали, искали, делали перепечатки.

Неизвестно, многие ли собрались и всё же написали письма в поддержку. Значительно позже в архиве Чиннова я нашла копии нескольких писем, отправленных в Корпорацию: от Андрея Вознесенского (с припиской: передано по телефону), зав. отделом критики из «Нового мира» Инны Роднянской, тогдашнего главного редактора «Семи дней» Владимира Чернова, директора ИМЛИ РАН Феликса Кузнецова.

⁶¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.4. Ед. хр. 13. Л. 4.

⁶² Томас Портер Уитни (Витни; T.P. Whitney; 1917–2007) — американский дипломат, журналист, переводчик. В 1944–1947 гг. — атташе в посольстве США в Москве. Жил в Москве до 1953 г., был корреспондентом американского новостного агентства. В США перевел ряд книг А.И. Солженицына. Владелец сети книжных магазинов. Почти сорок лет был спонсором «Нового журнала» — возглавлял Корпорацию, возникшую в 1953 г. В 1991 г. передал свой архив и библиотеку в Амхерст-колледж, на их основе создан Центр русской культуры, где хранится и архив «Нового журнала».

Написал Томасу Уитни и сам Чиннов⁶³ — изложил свои идеи по поводу сохранения журнала и предложил назначить на место главного редактора Вадима Крейда, уже несколько лет работавшего в редколлегии. Уитни поблагодарил Чиннова за рекомендацию и заверил, что кандидатура Крейда будет рассмотрена самым серьезным образом⁶⁴. Кризис разрешился. Издание возобновилось. Главным редактором стал Вадим Крейд.

В 1996 г. появился наконец долгожданный 197-й номер, составленный заново. В нем появилась статья московского автора И. Большева с символичным названием — «Игорь Чиннов: “Последний парижский поэт”». Так Чиннов говорил о себе, когда приезжал в 1991 г. в Москву на торжества «Нового журнала» и выступал на сцене Дома литераторов.

В мае 1996 г. Игорь Владимирович Чиннов умер. Последний парижский поэт сошел со сцены. Журнал, который «русские парижане» считали своим, продолжал и продолжает выходить.

Письма И.В. Чиннова писателям и литературоведам 1970–1980-е гг.

Публикуемые письма Игоря Чиннова проливают свет на его причастность к истории не только русской литературы, но и русской журналистики в зарубежье. Все письма печатаются по ксерокопиям, сделанным Чинновым перед отправкой оригиналов адресатам.

Письма Роману Гулю

Роман Борисович Гуль (1896–1986) — писатель, журналист, редактор. Эмигрировал в 1919 г. В 1950 г. поселился в Нью-Йорке. Автор известного трехтомника мемуаров «Я унес Россию» (Нью-Йорк, 1978–1984), сборников критических статей «Одвуконь» (Нью-Йорк, 1973), «Одвуконь-2» (Нью-Йорк, 1982), нескольких романов. В 1966–1986 гг. — главный редактор «Нового журнала».

Чиннов и Гуль поддерживали переписку многие годы. В основном это деловые письма, связанные с редакционными делами, с публикациями Чиннова — свои новые стихи он часто печатал именно в «Новом журнале». Гуль всегда тщательно следил за тем, чтобы в «Новом журна-

⁶³ Письмо от 5 декабря 1995 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.4. Ед. хр. 14. Л. 3.

⁶⁴ Письмо от 10 декабря 1995 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 4.4. Ед. хр. 15. Л. 1.

ле» не печатались стихи, уже появившиеся в других изданиях. Об этом речь во втором из публикуемых писем.

Первое письмо связано с выходом в 1975 г. в Лондоне книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным». Абрам Терц — псевдоним Андрея Донатовича Синявского (1925–1997), советского писателя, литературоведа, печатавшего свои произведения под этим псевдонимом за рубежом с конца 1950-х гг. В 1966 г. он был осужден за «антисоветскую деятельность» и приговорен к семи годам колонии. В 1973 г., после освобождения, эмигрировал во Францию, где выпустил несколько книг.

Книга «Прогулки с Пушкиным» Синявского, писателя, пострадавшего от советского режима, стала сенсацией, многими она воспринималась как новое свободное слово в литературоведении, разрушавшее советские традиции. Гуль предложил другую оценку книги Синявского. В статье «Прогулки хама с Пушкиным»⁶⁵ он дал автору книги жесткую отповедь. Он цитирует статью Д. Мережковского «Грядущий Хам», где говорится: бойся «худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из всех мещанств — хамства»⁶⁶. Гуль пишет, что для него имя Пушкина свято. Чиннов с этим согласен и в письме благодарит Гуля за эту статью в «Новом журнале».

Копии писем хранятся: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 20.

1.

1977

Дорогой Роман Борисович!

Прежде всего — аплодисменты. Долгие аплодисменты. Ибо — какую звонкую оплеуху закатили Вы этому хулигану! Вот молодец! Благодарю и даже — Вас обнимаю: присоединяюсь к тому «спасибу сердечному», которое *должен* сказать Вам русский народ.

Статья прямо-таки *блистательна*. С нетерпением ждал НЖ; наконец — с наслаждением прочел: «Прогулки хама». Вот именно! Три цитаты¹ из П[ушкина] в подтверждение слов Ваших — и *как* убедительно! А концовка²!! Молодец Роман Борисович, есть еще порох в пороховницах!

А еще скажу, что и вообще 124-й очень хорош. Хорошо, что в «Политике и культуре» статья из Геннадия³: нельзя же, чтоб мысли были «только в “Вестнике”»⁴, как уверяет эта сволочь Коряков⁵. Интересные письма М[арины] Ц[ветаевой] и А[ндрея] Б[елого]⁶ — интересное для

⁶⁵ Новый журнал. 1976. № 124. С. 117–129.

⁶⁶ Там же. С. 119.

этого раздела, ведь, доставать нелегко. Таня Розанова, увы, простодушна была: *об отце-то* и мало!⁷ Но что поделать?! И писать ее отец не научил.

«Четыре дня»⁸: да, но конец у Бунина вышел бы сильней (см. рассказ «Ида»). От Вейдле ждешь «эссеев» (эссеи), эссэ, *статьи* — зачем ему состязаться с «беллетристами»? Их легион, а *статьи* на его темы и на его уровне — этого «днем с огнем не».

Но: помню прекрасные статьи Горбачевского [?], Голлербаха⁹: эдаким материалом бы «покрыть» Никиту Стр[уве]¹⁰ с его Коряковым!

Спасибо, что тиснули меня «в первую очередь». Коробка сардинок¹¹ — именно в пространстве таких размеров живет эмигрантский поэт, играет под сурдинку один: прочие сардинки, поэты парижской ноты, уже «в нирване». Если устройю свой вечер у Киселева¹² — «наглядно станет», что аудитория эмигрантского поэта — именно коробка, вышеупомянутая, увы.

Виват Новжур! Грустно, что отощал, но, слава Богу, что жив! И вот — 125-й «номер» на очереди! Ура! Возьмете ли для него стишки из Вашего запаса, из пачки «И.Ч.»¹³?

Который И.Ч. еще раз благодарит Вас, еще раз аплодирует долго.

¹ Строки из произведений А.С. Пушкина — стихотворения «Я вас любил...», поэмы «Цыганы» («И всюду страсти роковые...»), стихотворения «Воспоминание» («И, с отвращением читая жизнь мою...»).

² «Концовка» статьи звучит так: «Мне неприятно было писать об этой грязной, хулигано-хамской и, в сущности своей, ничтожной книжке. Общее впечатление от “Прогулок” точнее всего можно выразить словами самого же Терца. Правда, словами совершенно омерзительными. Но, да простит мне читатель, из песни слова не выкинешь. В своей повестушке “Любимов” он в стиле “ультра модерн” пишет: “Пердит, интриган, в рот”. Именно этот смрад ощутит каждый читатель, если осилит “Прогулки” Абрама Терца» (Новый журнал. 1976, № 124. С.129).

³ Статья игумена Геннадия «О метафизических предпосылках утопизма».

⁴ Журнал «Вестник русского христианского движения».

⁵ В 1950-х гг. писатель, критик и журналист Михаил Михайлович Коряков (1911–1977) был, как и Чиннов, сотрудником радиостанции «Свобода». Причины неприязни Чиннова к Корякову не прояснены.

⁶ В номере опубликованы письма Марины Цветаевой к художнице Л.Е. Чириковой и Андрея Белого к его родственнице Е.Н. Кезельман.

⁷ Публикация Т.В. Розановой «Воспоминания об отце В.В. Розанове».

⁸ Рассказ В. Вейдле.

⁹ О каких статьях идет речь, неясно. Идентифицировать автора с фамилией Горбачевский не удалось. Голлербах — возможно, Сергей Львович (р. 1923), художник, писатель, журналист, действительный Член американской Национальной Академии Художеств. В архиве Чиннова сохранился его сборник очерков и эссе «Жаркие тени города» (Париж, 1990) с дарственной надписью, на страницах которого много помет Чиннова, свидетельствующих о согласии с автором.

¹⁰ Никита Алексеевич Струве (1931–2016) с 1970 г. до конца жизни был главным редактором «Вестника русского христианского движения».

¹¹ На первой странице № 124 «Нового журнала» напечатано стихотворение Чиннова:

Я недавно коробку сардинок открыл.
В ней лежал человек и мирно курил.

«Ну, а где же сардинки?» — спросил его я
Он ответил: «Они в полноте бытия.

Да, в плероме, а может, в нирване они
И над ними горят золотые огни,

Отражаясь в оливковом масле вот здесь,
И огнем золотым пропитался я весь».

Я метафору эту не мог разгадать.
Серебрила луна золотистую гладь.

И на скрипке играл голубой господин,
Под сурдинку играл он в коробке сардин,
Под сардинку играл — совершенно один.

¹² О совместном поэтическом вечере Чиннова и Иваска 30 декабря 1978 г. см. во вступительной статье (с. 135).

¹³ В № 125 «Нового журнала» опубликованы стихи Чиннова «Работал бедный и устал...» и второе, продолжающее тему «аудитории эмигрантского поэта»:

Милый друг, спасибо за молчание,
Сладко слушать тишину.
В нереальной, неземной компании
Я от шума отдохну...

2.

20 сент. [1984]
Берег Дуная

Дорогой наш Роман Борисович!

Дорогой — но и крутой же! Как разгневается — спасайся, кто может!
Страсти какие! У меня аж сердце зашло! Впал у Городничего в немилость, ах ты, батюшки!

«Прозевал я, проворонил, промигал» — говоря строкой из чинновской «Партитуры»¹... Плохо у меня всегда было с отчетностью, «бухгалтерией...». Поэт и профессор — ему бы от Вас двойную индульгенцию, ан, заместо индульгенции, великий инквизитор шлет Чиннова на костер со всеми стихами! А стихов у Вас должно быть шесть, но раз я в опале, подвергнут остракизму и самое имя мое, как Лаврентия Берия, предастся забвению, то все их забираю обратно: всё равно «Автограф»² мой выходит на днях...

Восемь стихов в «Континент» Коржавин вызвался передать, переслать Максимову³ в июле прошлого года, на симпозиуме в Вермонте — и затерял. Вдруг нашел, переслал... А я за год с лишним позабыл, что именно у Наума — и вот: и там, и здесь...

Mea culpa⁴. Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет. Плачу и рыдаю. А всё из-за книги: хотелось, чтобы стихи до нее стали знакомы читателю, а то читатель до моих книг не столь уже жаден... Хотя в России кое-кто жаден. Вот недавно в Риге друзья устроили мой вечер «приватно», разумеется, но с чтением и 19-ти стихов, и отрывков из Адамовича, Вейдле⁵ и пр., и пр., и пр. — по случаю юбилея: мне 25-го сентября стукнуло 75! Несколько поздравлений по телефону, четыре — письменных — и это всё, плюс — «чествование» у Зеньковских⁶... (Кстати, он не может написать об Ульянове⁷...).

Поздравляю с двумя томами «Унес»! И прошу принять чек на 27 долларов⁸. Как «Меншиков в Березове», буду читать — и ждать (перевранный Мих. Кузмин)⁹.

Еще раз простите.

Игорь Чиннов, растяпа.

¹ Цитируется стихотворение «Прозевал я, проворонил, промигал...» из четвертой книги стихов Чиннова «Партитура» (США, 1970). См.: Чиннов И. Собрание сочинений. Т. 1. С. 208.

² Восьмая книга стихов И. Чиннова (США, 1984).

³ Владимир Максимов (1930–1995), главный редактор журнала «Континент», напечатал в № 40 стихи Чиннова, которые передал ему поэт Наум Коржавин (1925–2018), после эмиграции вошедший в редколлегия «Континента». Некоторые из стихов совпали с опубликованными в «Новом журнале» (1984. № 155).

⁴ Моя вина (*итал.*).

⁵ Г. Адамович и В. Вейдле не раз писали статьи о поэзии Чиннова.

⁶ Сергей Александрович Зеньковский (1907–1990) — славист, историк. В 1967–1977 гг. — профессор отделения славянской культуры в Вандербилтском университете (Нэшвилл, Теннесси), где в то время преподавал и Чиннов. С 1977 г. — на пенсии, поселился с женой Бетти (Элизабет) в курортном городке Дейтона-Бич, где они с Чинновым стали соседями.

⁷ Николай Иванович Ульянов (1904–1985) — писатель, историк, философ, литературный критик, профессор Йельского университета в США.

⁸ Мемуары Р. Гуля «Я унес Россию»; первый том вышел в 1981 г., второй — в 1984 г. Гуль подарил книгу Чиннову с надписью: «Дорогому Игорю Чиннову дружески», а чек отослал обратно.

⁹ Имеется в виду первая строфа из стихотворения Михаила Кузмина 1920 г.:

Декабрь морозит в небе розовом,
 Нетопленный мрачнеет дом.
 А мы, как Меншиков в Березове,
 Читаем Библию и ждем...

Письмо Николаю Андрееву

Николай Ефремович Андреев (1908–1982) — историк, публицист, литературный критик. После революции жил в Праге, где окончил Карлов университет, получив докторскую степень. В 1945 г., с приходом в Прагу советских войск, был схвачен «Смершем» и освобожден только через два с лишним года. С 1948 г. стал преподавателем кафедры славистики Кембриджского университета и оставшиеся годы жил в Англии. Специалист в области иконографии, автор многих научных работ по истории России допетровского времени.

В эмиграции Андреев был известен и как литературный критик. В 1952–1956 гг. газета «Русская мысль» регулярно публиковала его «Заметки о журналах». В 1953 г. он написал и о стихах Чиннова, которые высоко ценил. Критические статьи Андреева печатались и во многих других эмигрантских изданиях.

Поводом для публикуемого письма Чиннова стала статья Андреева об антологии эмигрантской поэзии, в подготовке которой деятельное участие принимал Ю. Иваск. Чиннов дает здесь оценку многим эмигрантским поэтам. Кроме того, он пользуется случаем, чтобы поздравить Андреева с юбилеем. Речь идет, видимо, о юбилее научной деятельности: пятидесятилетия со дня защиты докторской диссертации.

Копия письма хранится: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1 . Ед. хр. 3.

3.

12 сент. 81

Дорогой Николай Ефремович,
друг и собрат маститый и заслуженный! Простите, что не отозвался раньше: ждал «Граней» 119, а журнал-то и по сей день не то в пути, не то у них на складе!

Так что благодарю Вас за добрые слова в отзыве о «Вне России»¹ — вслепую, но — уверенно.

И поздравляю юбиляра сердечнейше! Рад, что ученики Ваши позаботились о том, чтоб было Вам воздано по заслугам. Еще более рад, что возможностью отправиться к праотцам в нежном возрасте или немного позже Вы пренебрегли и вместо того написали «кучу» разного существительного, разумного, доброго, вечного. Это получилось преотлично, и надеюсь, эту линию (хотя бы «касательную») будете вести и дальше.

Крепко жму десницу, обнимаю, милой Джил и чадам сердечный hi!
Ваш Игорь Ч.

PS. Сейчас пришел № 119! Ух! Ах!

18.9.81

Да, досточтимый и маститейший собрат мой, Николай Ефремович, получил давно заказанный № 119 с блистательно-хлесткой статьей Вашей... Шаркаю ножкой за признание «неизменной талантливости» нижеподписавшегося; но шарканье, увы, не слышно: заглушает его «Души отчаянной протест».

Во-первых: к эмигрантской поэзии почему отнесен Цыпленок²?! Стихи о терроре³?

Во-вторых: почему обязан был редактор включить в букет не 100 даже цветов, а 1000? В частности, неужели включены должны были быть графоманы вроде Ирины Яссен, Вен. Левина, Юрия Софиева, Амари⁴? И 20 миллионов бездарностей из числа *tutti quanti*⁵? Почему необходим (из числа талантливых) Эренбург? Какая мерещится Вам книга, на сколько пудов? Fink и этот-то объем антологии считал «преувеличенным» — и 3 года «сумлевался», решиться ли на расход.

Слава Богу, что хоть на неполных страничек 200 отвалил, наконец, деньги. «Антология» ждала выхода 6 лет: три года Иваск с Чалзмой (Tjalsma) спорили. Ю.П. [Иваск] предлагал еще 10 кандидатов, Чалзма их отвергал. Американские молодые слависты любого осла упрямей...

Кое-кто из перечисленных Вами отсутствующих и впрямь «досадный пробел»: не раздутый Одарченко⁶, автор 39-ти стихотворений, «короче воробьиного носа» (слова Адамовича), идущих от немца Joachim'a Ringelnatz'a и чуть-чуть Christian'a Morgenstern'a⁷ («до-антропософского») + еще кое-кто, и не милый Мамченко⁸, а Закович, Божнев, Гронский, Лебедев (но не третьесортная «поэзия» Тэффи!), Буркин, да, Гомолицкий, Нарциссов⁹, конечно, — но многие другие из помянутых Вами никакой антологии не достойны...

Dixi et salvavi animam meam...¹⁰ Милый друг, много у «Вне России» недочетов, но гораздо меньше, чем выходит по Вашим подсчетам! А главное: каждый сборник, где эмигрантские поэмы, должен нам быть welcome!

Ах, да, отсутствие Бальмонта... Изъян, но «В.Р.» ведь не единственный источник сведений об эмигрантской поэзии.

И еще: роль Юрия Павловича¹¹. Боюсь, он отнесся к делу рассеянно, не вдумываясь в то, каков будет резонанс... Но стихи его там — конечно, примиряют меня с отсутствием Е. Таубер (сообщающей в «Р[усском] Альманахе» читателю: «Я отвыкла совсем от стихов»¹², на что читатель отвечает: «А мне до лампочки, отвыкла или не отвыкла — дура ты»), или с «не показом» Ал. Кондратьева или Морковина¹³.

Николай Ефремыч, дорогой и очень, очень ценимый, в громокипящей статье Вашей все-таки уж слишком Вы строги. А наличие стихов «серого превосходительства» — так ведь в немецких антологиях, например Egon'a Holthusen'a¹⁴, часто редактор-поэт представлен (выборкой, сделанной другими), но — представлен... «и вообще»...

Жму руку сердечнейше!

Ваш Чиннов

¹ В журнале «Грани» (1981. № 119) появилась статья Н. Андреева об антологии эмигрантской поэзии за 1917–1975 гг. «Вне России» (München: Wilhelm Fink Verlag, 1979), составленной Биллом Чалзмой (H.W. Tjalsma). В ее издании участвовал Ю. Иваск. Там были напечатаны и стихи Чиннова.

² «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...» — анонимное стихотворение, которое Н. Андреев приводит в статье и предлагает включить в антологию.

³ Название сборника стихотворений М. Волошина (Берлин, 1923).

⁴ Ирина Яссен (псевд. Рахили Самойловны Чеквер, 1893–1957) — владелица парижского издательства «Рифма», выпустила несколько сборников стихов. Вениамин Михайлович Левин (1892–1953) — литератор, левый эсер, с 1922 г. живший в США. Юрий Борисович Софиев (Бек-Софиев, 1899–1976) — поэт; после войны вернулся в СССР. Амари — псевдоним Михаила Осиповича Цетлина (1882–1945), поэта, литературного критика, одного из основателей «Нового журнала».

⁵ Всяких прочих (*итал.*).

⁶ Юрий Павлович Одарченко (1903–1960) — поэт; его единственный прижизненный сборник стихов — «Денек» (1949).

⁷ Иоахим Рингельнац (1883–1934) — немецкий поэт-сатирик. Кристиан Моргенштерн (1871–1914) — немецкий поэт; до обращения к антропософии писал в абсурдистском ключе.

⁸ Иваск также считал стихи Виктора Андреевича Мамченко (1901–1982) довольно слабыми.

⁹ Перечислены поэты Борис Григорьевич Закович (1907–1995), Борис Борисович Божнев (1898–1969), Николай Павлович Гронский (1909–1934), Вячеслав Михайлович Лебедев (1896–1969), Иван Афанасьевич Буркин (1919–2011), Лев Николаевич Гомолицкий (1903–1988), Борис Анатольевич Нарциссов (1906–1982). Тэффи (Надежду Александровну Бучинскую, 1872–1952) Чиннов очень ценил как писателя-сатирика, но не как поэта.

¹⁰ Я сказал и тем облегчил свою душу... (*лат.*).

¹¹ Ю. Иваск написал предисловие к антологии «Вне России». Н. Андреев возражает против того, что Иваск как один из авторов антологии включил в книгу и свои стихи.

¹² Первая строка стихотворения Екатерины Леонидовны Таубер (1903–1987), помещенного в «Русском альманахе» (Париж, 1981. С. 118).

¹³ Александр Александрович Кондратьев (1876–1967) печатал стихи и прозу еще до революции, в эмиграции интересовался историей славян, выпустил книгу сонетов «Славянский боги». Вадим Владимирович Морковин (1906–1973) был участником пражского объединения «Скит».

¹⁴ Ханс Эгон Хольтхузен (Holthusen, 1913–1997) — немецкий поэт, исследователь литературы, автор работ о Р.М. Рильке, книги «Авангардизм и завтрашний день современного искусства» (1964) и др.

Письма Борису Плюханову

Борис Владимирович Плюханов (1911–1993) — литератор, член РСХД, автор воспоминаний о матери Марии, статей в Блоковских сборниках, печатался в журналах «Радуга», «Даугава», «Таллин». Жил в Риге. Близкий друг Чиннова — они учились в Риге в одной гимназии, а потом всю жизнь поддерживали переписку. Чиннов посвятил Плюханову стихотворение «О вечер, темный друг, мы так устали...» (из книги «Партитура»).

В настоящей публикации некоторые детали личного характера купированы.

Копии писем хранятся: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1. Ед. хр. 53.

4.

1 сент. 80

Бэ-Вэ, дорогой и милый,
спасибо, что пишете, прощаете мою «эпистолярную» нерадивость. Всегда был лентяй, теперь обленился вовсе (да и устаю от всего, поездки прямо-таки измочалили). Но хоть и не пишу, а Вы у меня всегда — и в сознание, и в сердце. Спасибо за виды родного города, памятники с большим вкусом! Шлю в ответ 6 открыток из разных мест.

Письмо от Ладыженского¹ меня не застало. Он спрашивал о людях в Риме и Бостоне. Римские мои полужнакомые «интересные» умерли: Ольга Александровна Шор, «муза» Вяч. Иванова² — энтузиастка, карлица, умница, помогавшая мне на Форуме искать «камушек на память» (страшно волновалась, что площадь Капитолия без «мистической розы», как хотел Микеланджело!!). Затем кн[яжна] Долгорукая, урожд[енная] гр[афиня] Кочубей, русская няня! Фрейлина двух императриц... Еще барон Леммерман, отчасти жулик, завладевший половиной архива Зинаиды Волконской³... Все три мои налета на Рим были короткие, людей я встречал «мимолетно». — Но в Бостоне, в близком Harvard University, в Н-Й — укажу Льву Алек[сандровичу Ладыженскому] несколько человек.

Вам привет, сердечнейший, от Тамары (Межак-Шмелинг) и Юрия Иваска⁴. Увы! Она просто развалина! Еле ходит, [...] он скряга: поехал опять в Европу, но собирается «железно экономить». А при «страшной дороговизне там» (оттуда едут в США: даже Н-Й дешевле Парижа-Лондона и дешевле Мадрида!!!) — экономия означает *жалкое существование!* Меж тем, мог бы себе позволить жить прилично...

Я в Европу — нет. Мог бы себе позволить, но: сил мало, и даже 10 дней в Н-Й (из Норвича и Amherst'a) сбили с ног! Правда, в Городе Желтого Дьявола многие часы бродил по музеям, где не всюду присядешь, и бродил иногда по улицам... «Железный Миргород» (Есенинское словечко!)⁵ потрясающ — и сногшибателен, в точном смысле слова тоже! Боялся дать дуба — и боюсь дать дуба в Европах! Норволню в Гватемалу — в январе...

Симпозиум по Блоку⁶. Доклады были так себе... Наум Коржавин⁷, «милейший энтузиаст», разбирал «К Музе», говорил о демонизме — этой музе Блока и демонизме символизма; и то, и другое Вам известно... Иваск утверждал, что «Ночь, улица, фонарь» будит в нем жажду жизни!! (Художественной ценностью). Я читал «торжественно» дивные «Шаги командора» и комментировал... На чтении своих стихов выделился Дм[итрий] Бобышев⁸, «ученик» Ахматовой, эмигрант, недавний христианин, серьезный — и хороший, в отличие от Иос[ифа] Бродского, противного. Было много «третьей волны», почти одни евреи; разные, как в Ноевом ковчеге, с преобладанием нечистых. Меня «третьи» печатают раз в год: в «Континенте»⁹ вдруг появилась подборка, в «Новой газете»¹⁰, нью-йоркской, с портретом. Каждый второй из них — «поэт». Все пишут приемлемо в смысле «мастерства»...

Я же — в миноре: слабею, 25 сент[ября] — 71 год! Умер Юрий Терапиано, автор шести рецензий о моих книгах и бесчисленных откликов на мои «стихи в журналах и антологиях». Нет Вейдле. Одоевцева полтора года болела, плохо. Александр Бахрах, друг Бунина, Белого, Ремизова, Андрэ Жида и пр., пишет мне: «Возраст, дорогой Игрушка, самое большое свинство!» Именно. Обнимаю Вас крепко.

Ваш Игорь

[Приложены 6 музейных открыток.]

¹ Лев Александрович Ладыженский — инженер, эмигрировавший в США, корреспондент Чиннова и Плюханова.

² Ольга Александровна Шор (Дешарт, 1894–1978) с конца 1920-х гг. стала близким другом семьи Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949), жившего в Риме, а после смерти поэта вела работу по изданию его книг.

³ Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) — писательница, певица, композитор, хозяйка литературно-музыкального салона в Москве. Часть ее архива в Риме была куплена у наследников бароном В.С. Леммерманом, который в 1967 г. продал архив американскому коллекционеру Б.Л. Килгуру для библиотеки Гарвардского университета.

⁴ В 1980 г. Чиннов был в гостях у своего старинного друга Иваска и его жены Тамары в Амхерсте. Поездкой и встречей с другом Чиннов остался недоволен: у 70-летних друзей постепенно появлялось всё больше разногласий. Это видно и из писем, и из стихов Чиннова, например, обращенное к Иваску стихотворение «Вместе дошли до седьмого круга...» из книги «Автограф» (США, 1984): «Вместе

дошли до седьмого круга — / А теперь — какой разговор? / Обуревают лучшего друга / Старческий злобный задор» (*Чиннов И.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 508).

⁵ «Железный Миргород» — очерк С. Есенина 1923 г.

⁶ Симпозиум, посвященный творчеству А. Блока, прошел 5 июля 1980 г. в Русской школе Норвичского университета (Вермонт).

⁷ Наум Моисеевич Коржавин (наст. фам. Мандель; 1925–2018) — поэт третьей волны, эмигрировал в США в 1973 г., член редколлегии журнала «Континент», автор нескольких книг стихов. Чиннов всегда с большой теплотой говорил о Коржавине и как о поэте, и как о человеке.

⁸ Дмитрий Васильевич Бобышев (р.1936) — поэт третьей волны эмиграции. С 1979 г. — в США. Чиннов познакомился с ним через Иваска, очень ценившего Бобышева.

⁹ Видимо, имеется в виду подборка стихов Чиннова в журнале «Континент» (1980. № 23).

¹⁰ Стихи Чиннова напечатаны в «Новой газете» (1980, 9–14 авг.).

5.

26 дек. 82

Милый Бэ-Вэ, спасибо за память, и Вас с праздниками — и пусть будет 1983-й для нас благополучным! — Встретив сочельник у Зеньковских¹ (он кланяется доктору наук, как и я), поехали вчера к Черновым. Они бодрятся, была дочка, уже не княгиня, и внук — по-русски едва-едва, «хиппи» отказавшийся от титула, «без образования» (!). Была внучка Толстого Вера, бриджистка (пела романсы) и Ваня Пертс.

В 1982 было немало потерь. Умерла Тамара Межак, «жена» Иваска: внезапно открылся рак, запущенный — и в 3 недели... Я летал на похороны, он тоскует, хотя она очень мешала: всё время обиды на всех, жалобы, «скулеж». Жила она скучно, бездарно; никаких интересов. «Вне книг, стихов, земной красоты», в непривлекательном доме... Он очень скупился — а могли жить вполне прилично и приятно.

Умер поэт Борис Нарциссов² — после долгого, мучительного лечения. Был и критиком; написал 3 статьи о моих стихах, одну в 18 стр. в «Новом журнале». Был из Эстонии, участник «Нови», милый. Жаль.

Умер поэт Анатолий Величковский³, которого я знал годами в Париже. Неровный, но стоящий. На моем вечере в Консерватории читали его статью обо мне, незаконченную. Очень чистой души, все его любили.

Рак легкого и метастаза в ногу у о. Александра Шмемана⁴. Ровно год назад в Н.-Й. я его три раза видел, говорили: какой замечательный и блистательный человек! В Париже, лет 45 назад, бродили с ним по Булонскому лесу, я читал стихи (каждый раз только 2 — иначе он «не мог освоить на слух»). Он прекрасно написал о «Монолог».

Умер Ник. Андреев⁵ (в Кембридже), тоже большой мой друг и «рецензент», автор первой рецензии о «Монологе». (П. Тверской в «Гранях»). Яркий собеседник, умница... В последний мой приезд в Англию я к нему не заехал, напрасно! Мы виделись в Париже в 1971 г., говорили в кафе — очень интересно он говорил! Все его отзывы — в журналах и газетах — берегу.

Ослеп Глеб Струве⁶. Жаль, но какой он противный, злой, гадкий! Лет 30 назад «прославил» меня в своей книге, после начал ворчать: за «модернизм»!

Завтра и до 30-го — съезд славистов в Чикаго. Не еду, стихи читать отказался, ибо набрались графоманы; — и холод, и ветер... Там Темира Пахмусс, автор книги о р[усской] литературе в Прибалтике до 39-го г., где нелепым образом много обо мне, хотя меня тогда в лит[ерату]ре не было вовсе⁷. На книгу вдруг — рецензия в парижской газете — Н. Синайская⁸. Она в Брюсселе! Знай я, повидал бы. (В Чикаго неск[олько] лет назад вдруг подходит поблекшая дама: Аллочка Азолина!).

От Ваших вестей о Ник. Истомине⁹ разволновался. Какое упорство! Почувствовал уважение. И сколько было работы, чтоб написать такую книгу о языке! Но что же с романом «Жажда»? А стихи... увы, похвалить не могу. Да, «владение стихом» удовлетворительно, но не больше того; скучная назидательность, неинтересно — и смешное: «О, человек!». Об упорстве корней* общеизвестно — и он никак не оживил... Но беды его жизни искупают неудачу в искусстве. И нельзя отнестись неуважительно к такой цепкости, настойчивости, к такой силе воли.

Недавно вернулся из Канзаса, где в 1962 году началось мое профессорство. Читал стихи с переводами, больше старые. Один докладчик (был съезд славистов) говорил о русской литературе в Париже. Заставили меня «поделиться воспоминаниями». А мой английский хуже моих «европейских» языков. Ничего — рассказывал.

Вернувшись живым из Европы, размахнулся на Перу! Куско — 11,800 футов! Мачу-Пичу! И моя «грудная лягушка» — О.К.! Кечуа, потомки инков, вроде мексиканцев, домишки бурые (а в Мексике разноцветные, как в Португалии), бедность. Но Лима столична, мы жили в шикарной гостинице. Природа — огромные горы, отвесные скалы, эвкалипты. А Nasco — пустыня, величье!

Обнимаю Бэ-Вэ, поклон «обоим поколениям»! Ваш И-Вэ.

* «Умей, как корни» — невозможно! [*Примеч. И. Чиннова*]

¹ С.А. Зеньковский — сосед Чиннова; см. примеч. 6 к п. 2. Упоминаемые лица — также соседи Чиннова. Внучка Толстого — Вера Ильинична Толстая

(1903–1999). Черновы — рижанка Зинаида Петровна Чернова (Якоби, 1908–1995) и ее дочь Л.С. Оболенская-Флам, сотрудница «Голоса Америки». Чиннов пишет «уже не княгиня», потому что она снова вышла замуж после смерти мужа, князя В. Оболенского. «Доктором наук» Чиннов называет дочь Плюханова, которая получила звание кандидата филологических наук.

² Борис Анатольевич Нарциссов (1906–1982) — поэт. Многие годы переписывался с Чинновым.

³ Анатолий Евгеньевич Величковский (1901–1981) — поэт, писатель. В 1920 г. оказался в Польше, затем во Франции. Автор нескольких книг стихов.

⁴ Александр Дмитриевич Шмеман (1921–1983) — священник Русской Православной Церкви в США, автор статей о русских писателях и поэтах, в том числе об А. Ахматовой и А. Солженицыне. В составленной Чинновым библиографии статей о своих стихах рецензия Шмемана на книгу «Монолог» (Париж, 1950) не указана. Где Шмеман писал о «Монологе», выяснить не удалось.

⁵ Николай Андреев умер в 1982 г. Его статья о первой книге стихов Чиннова «Монолог» «Стихи раздумья и поиска» (Грани. 1950. № 14) появилась под псевдонимом П. Тверской.

⁶ Глеб Петрович Струве (1898–1985) — историк литературы первой волны эмиграции, критик, поэт. Струве говорит о Чиннове в книге «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956. С. 368–369).

⁷ Темира Андреевна Пахмусс (1927–2007) — литературовед, профессор Иллинойского университета в Урбана (США). Чиннов был с ней в переписке с 1968 г. Ее книга «Русское культурное возрождение. Критическая антология эмигрантской литературы до 1939 года» вышла в 1981 г. на английском языке. В 1930-е гг., живя в Риге, Чиннов печатался в рижском журнале «Мансарда» и парижском «Числа», но к этим юношеским опытам всерьез не относился.

⁸ Статья Н.В. Синайской, с которой Чиннов несколько раз встречался в довоенной Риге, появилась в «Русской мысли» 28 октября 1982 г.

⁹ В письме Чиннову от 21 ноября 1982 г. Плюханов рассказывает о бывшем рижанине Н.П. Истомине (псевд. Эрмар Сводост, ум. в 1971 г. в Москве), авторе стихотворения, опубликованного 11 ноября 1926 г. в рижской газете «Сегодня», которое называлось «Памяти Блока». Чиннов разбирает стихи Истомина, которые Плюханов приводит в письме. Истомин выпустил книгу «Как возникнет всеобщий язык» (М., 1968), написал автобиографическую повесть «Как я работал над книгой о языке коммунизма». Его роман «Жажда» не был опубликован.

Письмо Зое Юрьевой

Зоя Осиповна (Иосифовна) Юрьева (в замуж. Микуловская; 1923–2000) — специалист по польской литературе и русскому символизму. Автор нескольких книг и ряда статей. В 1956 г. защитила докторскую диссертацию в Гарвардском университете, с 1959 г. преподавала в Нью-Йоркском университете на кафедре славянских языков и литератур. В 1960–1980-е гг. была секретарем, затем членом редколлегии «Нового журнала». Публикуемое письмо связано с реорганизацией работы редакции «Нового журнала» после смерти в 1986 г. Романа Гуля, многолетнего (с 1966 г.) редактора издания. Чиннова очень волновала судьба старейшего и, по его словам, лучшего журнала зарубежья. В письме речь идет о собрании Корпорации «Нового журнала» в начале 1987 г. в Нью-Йорк-

ке. На этом собрании Чиннов был избран членом редколлегии журнала и оставался им до своей смерти. В мартовской (№ 166) книжке за 1987 г. сообщается, что журнал переходит в ведение Редакционной коллегии, состав которой публиковался на первой странице во всех последующих номерах. В 1990 г. руководство официально перешло от редколлегии к главному редактору, которым стал Ю.Д. Кашкаров, члены редколлегии по-прежнему указывались.

Копия письма хранится: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1 . Ед. хр. 83.

6.

25 января 87

Дорогая Зоя Иосифовна,
спасибо за Вежинского¹. Поэт интересный, перевод звучит хорошо, поздравляю!

Приглашение на собрание Н[ового] Ж[урнала] тоже приятно было получить. Но едва ли приеду: более 400 долл[аров] расходов, весьма вероятные часы ожидания в аэропортах из-за метелей и гололедицы²... На случай, если меня выберут и я получу право голоса: *передаю мой голос Вам*.

Совет директоров или редколлегия: да, если это гласно. Во всех журналах — и славистов и не славистов, в «Континенте» и «всюду» — Advisory Committee, редколлегия, Board of Directors — все имена всегда перечислены в каждом номере. И *только так* это имеет смысл: заметки в хронике Н[ового] Р[усского] Сл[ова] или в следующем № журнала *мало*.

При РБ [Гуле] «совет» был анонимный — и кому это нужно? Проф. В.М. Сечкарев³ (Гарвард), проф. З.И. Юрьева (Н-Й университет) и т.д. — такое «имеет вид». И только *имена*, а не *анонимы* «повысят престиж журнала». Проф. Б.А. Филиппов⁴... — всех профессоров следует титуловать, по-моему⁵.

А что *все имена** должны быть названы, в *каждой* книге — в этом и сомнения быть не может.

Думаю, и В.М. Сечкарев, и я поможем журналу освободиться от ошибок в немецких словах (а я и во французских) — что совершенно необходимо. «Континент» не допускает ни одной ошибки в иностранщине. Почему «Нов[ый] Жур[нал]», наследник «Сов[ременных] Записок», допускает? Я за этим следил бы тщательно.

А если бы получил право голоса касательно отдела поэзии, то помешал бы появлению там графоман-ок и ...ов.

Целую Вашу ручку.

Сердечно Ваш Игорь Чиннов

* и, конечно, имена должны идти в алфавитном порядке, как Вы понимаете [*примеч. И. Чиннова*].

¹ Казимеж Вежинский (1894–1969) — польский поэт. З. Юрьева перевела его книгу «Избранное» (Нью-Йорк, 1985), которую подарила Чиннову.

² Чиннов должен был ехать из города Дейтона-Бич во Флориде, где он жил.

³ Всеволод Михайлович Сечкарев (1914–1998) — литературовед. С 1925 г. жил в Германии, в США переехал в 1956 г. Профессор Гарвардского университета. Вошел в новую редколлегию.

⁴ Борис Андреевич Филиппов (наст. фам. Филистинский, 1905–1991) — писатель, литературовед, поэт. С 1950 г. поселился в Нью-Йорке, а с 1954 г. в Вашингтоне. Профессор Американского университета в Вашингтоне. В списке членов новой редколлегии журнала не указан.

⁵ Идею «титловать» всех профессоров на собрании, видимо, не поддержали, но список членов редколлегии всегда печатался.

Письмо Юрию Кашкарову

Юрий Данилович Кашкаров (псевд. Д. Скалон; 1940–1994) — писатель «третьей волны» эмиграции, журналист, автор сборника прозы «Словеса царей и дней» (Нью-Йорк, 1991), рассказов, опубликованных в прессе. С 1986 г., после смерти Романа Гуля, исполнял обязанности главного редактора «Нового журнала». Чиннов как старейший сотрудник издания, представитель «первой» эмиграции, высказывает в публикуемом письме свое мнение о первом после смерти Гуля номере журнала (1986. № 164), выпущенном Кашкаровым самостоятельно. По сути, он дает отзыв практически на каждый материал. На упомянутом в письме собрании Корпорации журнала Кашкаров, как и Чиннов, был избран в состав редколлегии. С 1987 г. на первой странице журнала печатался список редколлегии, где первым указан Кашкаров, но не как главный редактор. В 1990–1994 гг. Ю.Д. Кашкаров уже указывался как главный редактор. Возглавляя журнал, он стремился наладить связи издания с российским читателем. В конце 1980-х гг. приезжал в СССР и вел переговоры с советскими издательствами и редакциями о публикации материалов «Нового журнала» в Советском Союзе. В 1991 г., по приглашению Фонда Культуры, Кашкаров и другие члены редколлегии журнала, среди которых был и Чиннов, приезжали в Россию для празднования 50-летия «Нового журнала». Кашкаров, рассказывая о поездке, писал: «Московский успех вечеров-презентаций “Нового Журнала” свидетельствует о том, что у журнала в метрополии есть широкая читательская аудитория, знающая и любящая наш журнал, который важен и ценен для нее тем, что он занимает позицию “над схваткой”...» (Новый журнал. 1991. № 184–185. С. 618).

Копия письма хранится: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614. Оп. 2.1 . Ед. хр. 33.

7.

25 / 1 / 87

Дорогой Юрий Данилович,
спасибо, что приглашаете на собрание корпорации. Но едва ли прилечу: 400 долл[аров] из кармана, часы в аэропортах из-за гололедицы, тумана, метели... Если меня выберут и я получу право голоса, то: передаю свой голос З.И. Юрьевой.

Совет директоров или редколлегия? Согласен на оба варианта, но только, если «Совет директоров», Advisory board — будут названы «по именам» в каждом №, как это принято, как делают решительно все американские журналы, «Континент» и пр. При Р.Б. [Гуле] Совет был анонимным — кому это интересно? Мы не «звездная палата». Только имена, например, [1 стр. утрачена]

PS. Не знаю, как Вы относитесь к идее редколлегии. По-моему, на «единоличного» всех собак вешают, один отдувайся за всё. Всегда удобней и легче жить, если часть ответственности можно переложить, говоря в рифму.

Сегодня пришел 164 [номер «Нового журнала»], ура! Поздравляю и Вас, и всех нас, и русскую лит[ерату]ру. Но — вижу опечатки, описки, ошибки, даже и в русском тексте (оглавление «Р[усской] *Мосли*», например), и в английском, и в западноевропейских. Очень нужны корректоры! Люди артистического темперамента, как Вы, часто невнимательны к мелочам, за что их «поносят»...

Я — очень за безукоризненность старейшего журнала эмиграции: нет смысла давать повод к ухмылкам.

Ваш отрывок¹ очень, очень хорош, очень интересен. Зрительность всего — прямо-таки бунинская, плюс игра ума, фантазия. «Отрочество»² РБ этого лишено, но все-таки хорошая проза. И «бескрылый реализм» бывает удачен. Ровнер своеобразный человек, написал любопытно, но первая фраза «В то *время...*»³ и т.д. плоха. Эйкалович — очень значительная личность, и хотя статья⁴ на десяток читателей, не больше, но подымает престиж... Письма Аллилуевой⁵ весьма даже интересны и к ней располагают! (Белинков⁶ был претенциозный злюка, неумный истерик и говнюк). Фельштинский⁷: кому это интересно?? «Что дали большевики...»⁸ — общеизвестно, увы... Лебедев⁹ должен был объяснить, кто Р. Штейнер... Фесенко — мило о Белавиной, но

Каждый миг несет с собою чудо!

Жду его, по улице идя...¹⁰ —

глупо.

У Петруниса «отбивает пах»: я бы ему отбил пах за его стишки¹¹... Митин не хочет «быть никаким поэтом»: напрасно отказывается: он и не может!. И он не «ужасно взрослый»¹², а просто дурак.

Таубер — милая старушка, из белобандитов, пила народную кровь. Наивная: ночь — превозмочь!!! Но стишок благообразен¹³, только таланта Бог не дал.

А Перелеший¹⁴, конечно, относится к литературе. Правда, он «стихоплет» (на коих идет войной), стихи безблагодатные, в них чувствуется труд, усилие — но это все-таки на уровне, не дамское мяуканье.

Сообщение Шифрина¹⁵ неудобно было отвергнуть, конечно...

Понимаю, дорогой Юрий Данилович, как трудно теперь доставать хорошие материалы, особенно — работать в одиночку. Пожалуйста, не подумайте, будто мои критические замечания направлены против Вас. Я очень Вас ценю!

С искренним, большим уважением
Игорь Чиннов

¹ Отрывок из неоконченного романа Ю. Кашкарова «East-West». В своем экземпляре номера журнала, который сохранился в его архиве, Чиннов отметил ручкой, например, такой абзац: «Галицийские городки в чавкающей грязи. Ядовитых цветов украинские торты. Грезящие на погостах стеснительные вурдалаки. Рыба натотения в мясных отделах. Пахнущее тухлой бочкой жидкое пиво после бани. Алкоголики на общественных работах. Пустые, сиротские ночные электрички. Молодцеватые милиционеры в жирно начищенных сапогах. Посиделки диссидентов на кухнях» (с. 107). Много в этой публикации и других помет Чиннова.

² По случаю смерти Р.Б. Гуля в номере опубликовано много его материалов, в том числе и фрагмент «Отрочество» рассказывающий о дедовском доме в Керенске, уездном городе Пензенской губернии (с. 33–43).

³ Эссе Аркадия Ровнера «Посмертие» начинается фразой: «В то время как в древности эту реку переплывали на плотах, в наше время ее перелетают на самолетах» (с. 94).

⁴ Статья игумена Геннадия Эйкаловича «Родословная Софии» (с. 196–229); имеется в виду София, Премудрость Божья.

⁵ Публикация «Переписка Светланы Аллилуевой и Ольги и Романа Гуля» (с. 167–195).

⁶ Имеется в виду Аркадий Белинков (1921–1970), прозаик, литературовед, диссидент. В письме к Св. Аллилуевой от 15 сентября 1969 г. Гуль писал: «Белинков был странный человек (больной, по-моему) ...у него какая-то патологическая русофобия. Он прислал мне большую статью “Декабристы”, в которой доказывает, что декабристы были прохвосты и трусы, что Пушкин, Некрасов, Тютчев и др. были тоже прохвосты ... Я развел руками и вернул ему статью» (с. 185).

⁷ Статья Юрия Фельштинского «Политика советского правительства по отношению к югославским интернационалистам. 1917–1918» (с. 230–255).

⁸ «Что дали большевики народу». Публикация, с небольшими сокращениями, брошюры партии эсеров, изданной в 1921 г. (с. 143–160).

⁹ Воспоминания антропософа Алексея Дмитриевича Лебедева (1888–1974) «Мои встречи с Рудольфом Штейнером» (с. 264–268).

¹⁰ Татьяна Фесенко в рецензии на книгу Нонны Белавиной «Стихи» (Нью-Йорк, 1985) цитирует стихотворение «Земное счастье» (с. 284).

¹¹ В стихотворении Сергея Петруниса «Страх» есть строки: «На качелях века — отбивает пах, / Однако — амплитуда, бешеный размах...» (с. 91).

¹² Начало стихотворения В. Митина: «Не хочу быть никаким поэтом...». Другое стихотворение в подборке начинается: «Ну бросьте мне упрек, что я ужасно взрослый...» (с. 93).

¹³ Стихотворение Екатерины Таубер «Ты медленно росла, дорогой ошибаясь...» (с. 139).

¹⁴ Стихотворение Валерия Перелешина «Еще о красоте» (с. 89).

¹⁵ Статья Авраама Шифрина «Об ухудшении положения заключенных в СССР и об усилении преследования инакомыслящих» (с. 256–264).

Литература

Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980 годы. По материалам архива И.В. Чиннова / Сост. О.Ф. Кузнецова. Москва: ИМЛИ РАН, 2003. 832 с.

Чиннов И. «И невозможное возможно...» // Новый журнал. 1992. № 187. С. 364–365.

Чиннов И. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. О.Ф. Кузнецова, А.Н. Богословский. М.: Сogласие, 2000–2002. 576, 352 с.

References

Pis'ma zaprescchennykh ludei. Literatura i zhizn' emigratsii. 1950–1980 gody. Po materialam arkhiva I.V. Chinnova [Letters of forbidden people. Literature and life of Russia abroad. 1950–1980s. Based on materials from Igor Chinnov's archive], comp. O.F. Kuznetsova. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 832 p. (In Russ.)

Chinnov I. "I nevozmozhnoe vozmozhno..." ["And the impossible is possible..."]. *Novyi zhurnal*, 1992, no. 187, pp. 364–365. (In Russ.)

Chinnov I. *Sobranie sochinenii: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.], comp. O.F. Kuznetsova, A.N. Bogoslovsky. Moscow, Soglasie Publ., 2000–2002. 576, 352 p. (In Russ.)

“To Russia — with the wind — the lines will come...”: To the 110th anniversary of Igor Chinnov

© 2019, Olga Kuznetsova

Abstract: Russian émigré poet of the “first wave” Igor Chinnov (1909–1996), whose anniversary we celebrate this year, was known in exile not only as the author of eight poetry collections published in the West. He participated in the publishing activities of the émigré community. In post-war Paris, he worked in the book publishing house “Rifma”. Later, while working in the Russian department of the “Svoboda”

radio station in Munich, he made broadcasts about writers of the “Russian Paris”. When he went to the USA and became a professor of Russian literature, he joined the campaign of creating an émigré magazine at the university. Chinnov led extensive correspondence with writers and poets whom he knew in emigration. He constantly maintained contacts with Russian publications in the West. His closest contacts were with the oldest émigré magazine of the “first wave”, “The New Review”. There he not only constantly published his poems, but also took a large part in magazine’s fate and became a member of the editorial board. In Chinnov’s letters to writers and literary critics, in correspondence with the editor-in-chief of “The New Review” Roman Gul and his co-editor G. Andreev (Homyakov) he writes about editorial issues, materials from “The New Review” and an anthology of émigré poetry, published in Munich in 1979. Chinnov notes the sad fact of the gradual departure from literature of the writers of the “first” emigration, to which he belonged himself. The published letters are kept in the Cabinet of archival funds of emigrant literature named after I.V. Chinnov, created on the basis of his personal archive and library, which he bequeathed to the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Igor Chinnov, emigration, “first wave”, “second wave”, literature, literary magazine, editorial board, readers, post-war Paris, “The New Review”, American University, archival letters.

Information about the author: Olga Kuznetsova, PhD in Philology, leading researcher, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: oliol.555@gmail.com

Citation: Kuznetsova Olga. “To Russia — with the wind — the lines will come...”: To the 110th anniversary of Igor Chinnov. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 124–160. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-124-160

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182
УДК 821.161.1

К социологии литературного скандала

© 2019, А.И. Рейтблат

Аннотация: В реальной литературной жизни скандал — элемент если не повседневный, то достаточно привычный, а наука о литературе ни анализировать его, ни включать термин «скандал» в свой категориальный аппарат не стремится. В статье сделана попытка продемонстрировать, что скандал — нормальный элемент литературной системы, выполняющий важную стабилизирующую роль. Нормы литературной этики — неписанные и некодифицированные, но подавляющее большинство литераторов их знает (усвоив в ходе практической деятельности) и соблюдает. Для скандала нужны следующие основные условия: нарушение принятых в литературе норм; публичность этого нарушения, т.е. наличие наблюдателя, свидетеля; наличие публики, т.е. возможность довести до общества информацию о проступке. Проблематизировав норму и вызвав ответную реакцию, скандал укрепляет норму.

Ключевые слова: литературный скандал, литературная этика, нормы поведения литераторов.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И.* К социологии литературного скандала // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 161–182. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182

1. Значение термина «литературный скандал»

Термином «литературный скандал» в средствах массовой коммуникации пользуются очень широко. Набрал его в поисковике, можно получить массу ссылок в русскоязычном секторе интернета. Правда, в основном это ссылки на материалы, опубликованные не сейчас, а ряд лет назад (свои соображения о причинах этого я выскажу далее). Так, в 2009 г. одна из телепередач цикла «Апокриф» называлась «Литера-

турный скандал: причины и следствия», в 2011 г. на книжной ярмарке «Нон фикшн» прошел круглый стол «Литературные скандалы как двигатель прогресса»¹, в 2006–2012 гг. существовал даже livejournal некоего «Сообщества литературных скандалов» под названием «Литературные скандалы's Journal».

Но подавляющее большинство подобных публикаций — это газетные и журнальные заметки, а отнюдь не серьезные научные работы. Число книг и статей исследовательского характера на эту тему очень невелико, причем не только в России, но и за рубежом. Основное внимание уделяется политическим скандалам², можно найти обобщающие книги о скандалах в науке и спорте, а книг с анализом функций и механики литературного скандала нет. Особенно бедна работами о литературных скандалах отечественная наука. Содержательная книга Олега Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи» (М., 2000) не соответствует своему названию: почти все вошедшие в нее статьи посвящены острым журнальным полемикам того времени, в которых ничего скандального не было. Вышли ряд сборников и даже авторская монография, посвященные феномену скандала³, но собственно литературные скандалы там или не затрагиваются, или речь идет об отдельных скандалах. Кроме того, есть несколько статей, в которых рассмотрены конкретные скандалы, но сам феномен литературного скандала не анализируется⁴. Термина «литературный скандал» нет ни в «Краткой литературной энци-

¹ См.: Научите русских писателей скандалу! // Литературная Россия. 2011. № 49, 9 сент.

² См., например: Scandals in past and contemporary politics / Ed. by J. Garrard, J.L. Newell. Manchester, UK; N.Y., 2006; *Cockburn A.* A colossal wreck: a road trip through political scandal, corruption, and American culture. Brooklyn, N.Y., 2013; *Dewberry D.R.* The American political scandal: free speech, public discourse, and democracy. Lanham, Maryland, 2015; *Demirhan K., Çakır-Demirhan D.* Political scandal, corruption, and legitimacy in the age of social media. Hershey, Pennsylvania, 2017; *Political scandal and American pop culture.* N.Y., 2018; Skandale: Strukturen und Strategien öffentlicher Aufmerksamkeitserzeugung / Hrsg. K. Bulkow, Ch. Petersen. Wiesbaden, 2011.

³ См.: Семиотика скандала: [сб. ст.]. Париж; М., 2008; Скандал как форма коммуникации: Сб. науч. ст. М., 2012; Скандал: сферы воздействия: Сб. науч. ст. М., 2013; *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Скандал: социофилософские очерки. М., 2014.

⁴ См.: *Кобринский А.* «Литературная драка» как феномен литературно-художественного быта начала XX века (скандал 8 ноября 1913 года в «Бродячей собаке») // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года. Киров, 2003. С. 46–53; *Степанов Б.Е.* Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексоген» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 89–104; *Богомолов Н.А.* История одного литературного скандала // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 239–254; *Шабалина Н.Н.* Литературный скандал в критике В.П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154. № 2. С. 145–151; *Фельдман Д.М.* Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2012. № 13 (93). С. 79–106, и др.

клопедии», ни в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), ни в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001). В литературно-критическом словаре С. Чуприна «Русская литература сегодня: жизнь по понятиям» (М., 2007), не претендующем на научность, статья «Скандалы литературные» есть, но определения этого термина автор не дает. Таким образом, в реальной литературной жизни скандал — элемент если не повседневный, то достаточно привычный, а наука о литературе ни анализировать его, ни включать термин «скандал» в свой категориальный аппарат не стремится.

Академический словарь русского языка так определяет это слово: «1. Случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников. 2. Ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т.п.; дебош»⁵. Применительно к литературе могут использоваться оба значения, хотя чаще встречается первое.

Обычно литературный скандал рассматривается как явление дисфункциональное, лишь мешающее нормальному ходу литературной жизни. Например, В.А. Миловидов и А.С. Соловьева полагают, что «фактор скандальности [...] в высшей степени неблагоприятно сказывается на социуме и на личности»⁶. Нора Букс считает, что «современное определение феномена [скандала] можно свести к следующему: скандал — умышленное нарушение принятой системы значений или также заданная неприличность поведения или текста. [...] Скандал, как правило, стремится обеспечить собой системы». «Главная его цель — разрушение или хотя бы нарушение принятых в обществе норм или функционирующих ритуалов [...]»⁷. В лучшем случае отношение к скандалам амбивалентное. Так, А.В. Дмитриев и А.А. Сычев пишут, что «скандал выполняет двойственные функции в обществе. С одной стороны, он приковывает внимание публики к какому-нибудь сбою в социальной системе и тем самым способствует выработке мер по его ликвидации. [...] С другой стороны, если общество постоянно сотрясают скандалы, это свидетельствует о серьезных социальных проблемах. В больших количествах скандалы наносят серьезный ущерб репутации властей и снижают уровень доверия к существующим социальным институтам и практикам»⁸.

В своей статье я попытаюсь продемонстрировать, что скандалы — нормальный элемент литературной системы, выполняющий важную конструктивную стабилизирующую роль, которого нет в системе еще не

⁵ Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 4. С. 103.

⁶ Миловидов В.А., Соловьева А.С. Семиотика скандала // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 187.

⁷ Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. С. 8, 9.

⁸ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: Социофилософские очерки. С. 50–51.

развитой или действующей в условиях жесткого политического контроля над средствами коммуникации.

2. Литературная этика

Но для начала отмечу, что наша работа выполнена в рамках социологии литературы. Это значит, что каждое событие в мире литературы, каждое действие литератора рассматривается не как нечто изолированное, самостоятельное, а как социальное взаимодействие, т.е. взаимодействие автора, публики, цензуры и других властных инстанций, критики, книгоиздателей и т.д.

Уже задумывая произведение, автор ориентируется на некоторого воображаемого читателя, который во многом зависит от читателя эмпирического: автор знает отклики на свои произведения знакомых, иногда «рядовых читателей»; знает читательские вкусы по тому, как раскупаются и воспринимаются произведения других авторов; знает требования формальной или неформальной цензуры (ср. нынешнюю ситуацию с ненормативной лексикой); знает запросы книгоиздателей, критиков и т.п. Он может или подлаживаться под них, или, напротив, провокативно идти против них. Так или иначе, читатель выступает со-творцом произведения.

Это же касается явлений литературного быта. Какое-либо действие литератора может быть совершено в узком дружеском кругу и не стать общественным событием, а может стать публичным и в этом случае меняет свое значение, в результате действий публики и прессы становясь общественно значимым поступком.

Попробуем же с этих позиций подойти к литературному скандалу.

В приведенных мной определениях скандала ничего не говорится о нарушении закона. И действительно, когда говорят о скандале, а тем более литературном, речь идет обычно о нарушении моральных, а не юридических норм (хотя дебош может быть квалифицирован и как хулиганство, т.е. нарушение закона, пусть и не очень серьезное). А.Г. Вольтинская справедливо отмечает, что «практики скандала происходят именно в ценностно-моральной сфере и придают значение общественным нормам, бытованию морали в обществе и ценностным понятиям вроде нормального и ненормального, дозволенного и недозволенного, правильного и неправильного»⁹. Весьма редко действия, которые расцениваются

⁹ Вольтинская А.Г. Скандал как субверсивная практика: препринт WP20/2014/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 9.

обществом как литературный скандал, влекут за собой судебные иски и процессы.

Мораль — это комплекс неписаных норм, регулирующих взаимоотношения людей. Есть моральные нормы, единые для какого-то общества, а есть такие, которые присущи определенному слою, определенной возрастной среде, определенному социальному институту. В этом смысле можно говорить и о литературной морали. Нередко в качестве синонима употребляют выражение «литературная этика». Слово «этика» лучше использовать для обозначения науки о морали, но поскольку выражение «литературная этика» стало привычным, буду пользоваться им в своей работе и я.

Сразу же отмечу, что речь далее пойдет главным образом о собственно литературном скандале, а не о скандале с участием литераторов. В первом случае речь идет о нарушении норм литературной морали, во втором — о нарушении литераторами общих моральных норм (например, в случае драки Куприна с Л. Андреевым 2 ноября 1911 г. на квартире актера Н.Н. Ходотова¹⁰ или в случае писателей-кошкодавов¹¹). Однако если в обществе начинают подчеркивать, что подобные поступки особенно нехороши для писателей, которые должны давать образец высокоморального поведения, то подобный скандал становится и литературным.

Литературная этика представляет собой комплекс норм, регулирующих социальное взаимодействие в сфере литературы как социального института (т.е. отношения писателей, издателей, книгопродавцев, читателей, критиков и журналистов, редакторов и т.д.). В основе его — представление о высокой социальной ценности литературы, важной ее миссии в обществе. Соответственно предполагается, что деятели института литературы, прежде всего авторы, должны вести себя порядочно и достойно.

Эти нормы направлены на то, чтобы участники процесса создания, тиражирования, распространения и восприятия литературных текстов взаимно уважали чужие права, в частности не обманывали и не оскорбляли друг друга, не клеветали, не заимствовали чужую собственность. Нормы эти неписанные и некодифицированные, тем не менее в нормальной литературной системе подавляющее большинство участников их знает (усвоив в ходе практической деятельности) и соблюдает.

¹⁰ См.: *Гарина Н.* Воспоминания о Леониде Андрееве / Публ. Л.Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 427–429.

¹¹ См.: *Литературное наследство.* Т. 95. М., 1988. С. 117; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 176.

Литературная этика возникает не одновременно с возникновением института литературы¹², она складывается в ходе его становления, дифференциации и усложнения, с одной стороны, и формирования тесных связей между его элементами, с другой.

Важнейшей предпосылкой существования и эффективного функционирования литературной этики является наличие публики, к которой можно апеллировать в случае нарушения соответствующих норм, и прессы (газет, журналов, позднее — радио, телевидения, интернета), с помощью которых можно информировать о случаях нарушения литературных норм.

Другой важной предпосылкой является наличие представления о важности личности автора и о его праве (в том числе юридическом) на свои тексты. На ранних стадиях развития литературы личность автора текста не была важна, автор говорил от лица некоей божественной истины или, позднее, образованного сообщества, поэтому многие тексты циркулировали без обозначения автора. В России даже в конце XVIII — первой половине XIX вв. значительная часть прозаических и стихотворных произведений печаталась в журналах и даже отдельными книгами анонимно или под псевдонимами. Но постепенно (особенно важен был в этом плане этап романтизма, придававшего огромное значение авторской субъективности) формируется представление о важности автора текста, в том числе его биографии и литературной репутации; вычленяется корпус образцовых авторов¹³. Соответственно, растет внимание к поведению писателей как в литературе, так и в жизни. Формируются представления о литературной этике, что создает почву для возникновения скандалов в случае ее нарушения. Важную роль в осуществлении контроля за поведением писателей играют в России со второй половины XIX в. профессиональные объединения писателей: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд; 1859–1922), Общество деятелей периодической печати и литературы (1907–1918), Санкт-Петербургское литературное общество (1907–1911), Всероссийское литературное общество (1912–1914) и др.¹⁴

Теперь рассмотрим, какие нормы входят в понятие литературной этики.

¹² О нем см.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Литература как социальный институт. М., 1994.

¹³ См. нашу статью «Кто, как, когда и зачем сделал русскую классику» (в печати).

¹⁴ См. о них: *Шрубба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917. М., 2004. С. 40–41, 143–147, 192–195.

Отношение авторов к обществу. Публикуя свои произведения, автор вступает в диалог с публикой. В ходе формирования института литературы возник ряд конвенций, негласных договоренностей, которые регулируют подобную коммуникацию.

Во-первых, существует конвенция осмысленности. Понимается, что автор предлагает для прочтения текст, имеющий смысл. Публикация бессмысленного набора слов или даже букв нарушает данную конвенцию и может быть воспринята читателем как насмешка или даже издевательство над ним. Так относились многие читатели к «Дыл бур щыл» А.Е. Крученых и к «Заклятию смехом», «Кузнечнику» В. Хлебникова.

Во-вторых, в публикуемых текстах нельзя нарушать общие базовые нормы: оскорблять религиозные чувства, чувство патриотизма, выходить за рамки дозволенного (во время публикации текста) в описании сексуальных отношений (как это происходило, например, в «Госпоже Бовари» Г. Флобера, «Санине» М.П. Арцыбашева, «Лолите» В. Набокова и романах Г. Миллера), физиологических отправлениях, насилия.

Кроме того, в-третьих, считается недопустимым брать в качестве прототипов и «выводить» в своих произведениях в негативном виде реальных лиц, являющихся современниками (например, в выпущенной анонимно книге К.Н. Лебедева «О Царе Горохе» (1834) были выведены Н.А. Полевой, О.И. Сенковский, Ф.В. Булгарин, П.А. Вяземский; в романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) изображены А.И. Левитов, В.А. Слепцов, Евгения Тур; в романе И.И. Ясинского «Лицемеры» (1893) выведен Лесков, и т.д.), или конкретные современные учреждения (научные институты, заводы, школы, спортивные команды, редакции журналов и т.д.). Вот, например, что писал о подобных произведениях П.И. Вейнберг в статье с выразительным названием «Литература скандалов»: «Это совсем не сочинения. Это то, что, пока не напечатано, называется слухами, новостями, сплетнями. Напечатанное, оно имеет свое место и значение в другой литературе — литературе скандалов. [...] в этой литературе не требуется творчества, потому что берется голый факт, как его дает жизнь; факт этот иногда передается верно, иногда искажается, в угоду своему взгляду, своему интересу и желанию произвести эффект в публике. Факт может быть очень глуп, но лицо, о котором идет речь, всем известно, и писатель рассчитывает поэтому на успех. Следовательно, в этом роде литературы не нужен даже ум, который требуется на то, чтоб написать простое письмо: нужна некоторая злость и знание всех вестей и слухов»¹⁵. Столь же предосудительным считается изображать в негативном виде покойных деятелей, являющихся национальными героями и предметом почита-

¹⁵ *Непризнанный поэт [Вейнберг П.И.]*. Литература скандалов // Отечественные записки. 1960. № 10. Пар. 3. С. 36–37.

ния; в качестве примера назову выпущенную М. Армалинским книгу «А.С. Пушкин. Тайные записки. 1836–1837» (1986).

Вопросы, связанные с авторством. Со становлением литературной системы формируется понятие об авторском праве, т.е. о праве автора распоряжаться своими текстами и недопустимости другим лицам публиковать, перепечатывать или изменять их без его разрешения. Подобное право закрепляется юридически (в России — в Положении о правах сочинителей 1828 г.), но помимо правовой ответственности человек, осуществивший контрафакцию, подвергается и моральному осуждению (как «литературный вор»).

Спорным долгое время оставался вопрос об этичности публикации частной переписки литераторов. И.А. Гончаров, например, написал статью «Нарушение воли» (1889), в которой яростно протестовал против подобных публикаций¹⁶.

Но автору принадлежат не только его тексты, но и его литературное имя, т.е. то, как он подписывает свои тексты (это может быть и псевдоним). Оно должно воспроизводиться в печати в той форме, как его пишет автор. Например, И. Грекова и Р. Облонская протестовали против расшифровки инициала¹⁷.

Кроме того, считается недопустимым приписывать свои сочинения авторству другого человека (чаще всего это происходит с классиками¹⁸). Например, Е.И. Вашков опубликовал подделки стихотворений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и В.В. Маяковского¹⁹.

Но не только в этом выражается принадлежность литературного имени автору. Действующие в литературе лица не должны использовать его даже под своими оригинальными произведениями, если имя и фамилия у них тождественны имени и фамилии уже публикующегося литератора; вступив в литературу позднее, они должны взять псевдоним или добавить к своей фамилии какой-нибудь дополнительный элемент, например указание на место своего происхождения (так поступили В.А. Иванов-Тоганский, В.А. Иванов-Тверской, С.И. Иванов-Волгарь и др.). В качестве скандала, вызванного нарушением этой нормы, упомянем случай, когда Н.С. Лескову не понравилось, что этнограф и прозаик Николай Феофилактович Лесков стал в журнале «Истори-

¹⁶ О проблеме посмертной публикации переписки см.: *Правилова Е.* Наследники, эксперты и проблема «авторской воли». URL: <http://gefter.ru/archive/15044> (дата обращения: 08.07.2019).

¹⁷ См.: *Кузьмин Д.* Угловатая роза и трудности ее прочтения // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 305–306.

¹⁸ См.: *Ефремов П.А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903; *Дубровский А.В.* Стихотворная псевдопушкиниана: (Исследование текстов, приписываемых А.С. Пушкину). Автореф. дис. [...] канд. филол. наук. СПб., 2007.

¹⁹ См.: *Русские писатели 1800–1917: Биограф. словарь.* Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 399.

ческий вестник», в котором часто печатался Н.С. Лесков, подписывать свои публикации «Н. Лесков». Н.С. Лесков поместил в газете заметку по этому поводу, ему ответил редактор «Исторического вестника», что породило обсуждение этого вопроса в прессе и литературных кругах²⁰.

Если автор использует псевдоним, считается недопустимым, пока он жив, раскрывать этот псевдоним без его разрешения.

Принадлежат автору и его герои. Если другой литератор вставит их в свои произведения или, тем более, решит продолжать его произведения (как это сделали Д.П. Зуев, опубликовавший окончание «Русалки» Пушкина (1897), А.Е. Ващенко-Захарченко в книге «Мертвые души». Окончание поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова» (1857) и И.П. Рапоф, выпустивший «продолжения» «Ключей счастья» А.А. Вербицкой, «Санина» М.П. Арцыбашева и «Ямы» А.И. Куприна), это может вызвать скандал.

Взаимоотношения между авторами тоже регулируются литературной этикой. Нельзя оскорблять других авторов, осуществлять по отношению к ним нетактичные действия, вторгаться в их личную жизнь, неверно цитировать или приписывать другому автору мысли и выводы, которых у него нет. Не принято публиковать негативные некрологи (публикация подобных текстов — чрезвычайно редкое явление; в русской литературе я могу назвать в качестве примера только два памфлетных текста, напечатанных после смерти О.И. Сенковского²¹). Нельзя заниматься саморекламой и т.п.

Взаимоотношения авторов с издателями. Авторы должны в срок предоставлять издателям обещанные тексты, особенно кончать произведения, которые начаты публикацией с завершением в последующих номерах. Во второй половине XIX в. публикация романа растягивалась на год и более, причем нередко журнал начинал печатать незавершенное произведение, а автор надолго прерывал публикацию, что порождало недовольство читателей, которые обращались с упреками к издателю журнала. Случалось, что автору приходилось публиковать письмо с пояснением, что вина лежит на нем. Издатели же должны печатать принятые произведения в срок, точно расплачиваться с авторами и т.д. Характерным примером того, как и автор, и издатель не соблюдали свои обязательства, является публикация «Анны Карениной» в журнале «Русский вестник» (1875. № 1–4; 1876. № 1–12; 1877. № 1–4). Как

²⁰ См.: Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018. С. 643–644, 706 (примеч. Л.И. Соболева).

²¹ См.: Дудышкин С. Сенковский — дилетант русской словесности // Отечественные записки. 1859. № 2. Отд. I. С. 451–458; Лонгинов М. Сенковский — журналист и повествователь // Русский вестник. 1859. Июль. Кн. 1. Современная летопись. С. 17–26.

видим, Толстой прервал публикацию романа на восемь месяцев, за что извинялся в журнале перед читателями. Со своей стороны, редактор журнала М.Н. Катков, подходивший к литературным произведениям с жесткими идеологическими требованиями, отказался печатать последнюю часть романа, после чего Толстой разорвал с ним отношения. Катков, добавим, при публикации романа Достоевского «Бесы» в том же «Русском вестнике» опустил главу «У Тихона».

Отношение авторов к читателям. Следует уважительно обращаться к читателям, не оскорблять их при встречах и в прессе, в том числе и представителей читательской публики: интервьюеров, критиков и т.д. Так, грубые слова М. Горького, обращенные к зрителям 28 октября 1900 г. в фойе Московского художественного театра, вызвали скандал и обсуждение в прессе²².

Всё, что я перечислил, — это общелитературные нормы, но бывают еще нормы групповые. Например, во второй половине XIX — начале XX вв. считалось, что нельзя печататься в журналах и газетах противоположного направления. Когда выяснилось, что В.В. Розанов одновременно печатается в либеральной газете «Русское слово» и в считавшемся реакционным «Новом времени», это вызвало большой скандал. После публикации в 1910 г. статьи П.Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком»²³ ряд литераторов порвал отношения с Розановым²⁴. Существовал и негласный запрет на критику почитаемых представителей своего лагеря. Так, печатавшиеся в «Северном вестнике» в 1890–1895 гг. и объединенные в его книге «Русские критики» (СПб., 1896) статьи либерального литератора А.Л. Волынского, в которых были подвергнуты критике эстетические взгляды Добролюбова, Чернышевского и Писарева, вызвали скандал в либерально-демократическом лагере.

3. Механизм литературного скандала

Теперь проанализируем, как возникает, развивается и завершается литературный скандал. В качестве примера рассмотрим скандал,

²² См., например: Пэк [Ашкинази В.А.] Кстати // Новости дня. 1900. № 6268, 1 нояб.; Дорошевич В. Таланты и поклонники // Россия. 1900. № 560, 14 нояб.; Рок [Ракианин Н.О.] Из Москвы. Очерки и снимки // Новости. 1900. № 327, 25 нояб., и др. Объяснения Горького см. в его открытом письме по этому поводу, опубликованном в газете «Северный курьер» 18 ноября 1900 г. Подробнее см.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. М., 1980. С. 422–424 (примеч. А.М. Малаховой).

²³ Русская мысль. 1910. № 11. С. 132–146.

²⁴ См.: Измайлов А.А. Переписка с современниками / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова и др. СПб., 2017. С. 445.

произошедший в 1861 г. с журналом «Век». Это был еженедельный либеральный журнал, имевший довольно широкую известность. Там был опубликован фельетон, в котором упоминавшийся выше П.И. Вейнберг, подписавшийся псевдонимом Камень Виногоров, саркастически повествовал о том, как в Перми на музыкально-литературном вечере жена статского советника Е. Толмачева прочла стихи из «Египетских ночей» Пушкина, где речь идет о Клеопатре и ее любовниках, и как отнеслась к этому газета «Санкт-Петербургские ведомости». В частности, он писал: «Русская дама, статская советница, явилась перед публикой в виде Клеопатры, произнесла предложение “купить ценою жизни ночь ее”, и как произнесла! К вам, мои прекрасные читательницы, обращаюсь я, к вам взываю! Долой всякую стыдливость, долой женственность, долой светские приличия — вас приглашает к этому г-жа Толмачева и почтенный панегирист ее, возгласивший миру о невероятном событии устами “Петербургских ведомостей”». Через неделю в распространенной либеральной газете «Санкт-Петербургские ведомости» была помещена статья известного литератора М.И. Михайлова, ранее нередко выступавшего со статьями о важности эмансипации женщин, в которой автор фельетона и журнал «Век» обвинялись в том, что сегодня назвали бы мужским шовинизмом. Михайлов писал, что слова автора фельетона «свидетельствуют о совершенном отсутствии в нем всякого нравственного чувства, всякого сознания обязанностей относительно общества, в котором он живет, всякого уважения к человеческому достоинству и в себе самом, и в других, и суд общественного мнения должен навсегда заклеить его. [...] Нет человека с живым сердцем в груди, который, зная настоящие общественные условия и положение женщин, решился бы публично оскорблять женщину и выдавать ее на посмеяние и обиды глупцам и невеждам. И за что же? За то, что она смело заявила свое пренебрежение к невежественным предрассудкам»²⁵. И хотя и редакция журнала «Век», и автор фельетона публично оправдывались, но и в газетах, и в сатирическом журнале «Искра» появилась масса публикаций, в которых фельетон Вейнберга квалифицировали как безобразный поступок. Всё это привело к тому, что на следующий год подписка на журнал резко упала и он закрылся²⁶, а Вейнбергу в поисках заработка пришлось поступить на государственную службу.

²⁵ Михайлов М. Безобразный поступок «Века» // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 51, 3 марта.

²⁶ См.: Вейнберг П.И. Безобразный поступок «Века» (Из моих литературных воспоминаний) // Исторический вестник. 1900. № 5. С. 472–489. Цит. по этому источнику.

Что мы видим в данном случае? Сначала литератор в своей публикации нарушил этическую норму. Это могло произойти или от незнания нормы, или по оплошности, необдуманно, или намеренно. Поскольку информацию об этом опубликовало распространенное печатное издание, она широко распространилась. Если бы подобное нарушение литературной этики произошло в беседе, в кулуарной обстановке и осталось известным очень узкому кругу лиц, то говорить о наличии литературного скандала было бы нельзя. Но тут другой литератор публично сообщает о проступке и осуждает его, а затем его публично поддерживают другие. В результате действия нарушителя получают общественную оценку (осуждение), что служит укреплению нормы и предостерегает других от нарушения ее. Иногда этим всё и ограничивается, а иногда, в случае очень серьезного проступка, «нарушителя» изгоняют из литературы: перестают печатать, приглашать, здороваться и т.д. Таким образом, скандал выводит на свет скрытые проступки и пороки. Проблематизировав норму, поставив ее под вопрос и вызвав ответную реакцию, скандал укрепляет норму. При этом необходимо, чтобы «нарушитель» обладал хотя бы некоторой известностью. Если этот человек мало кому знаком, то его поступок особо не взволнует публику. Кроме того, повод для скандала должен быть неожиданным. Если этот человек нередко поступает подобным образом, то новый такой поступок не вызывает резонанса. Отметим также, что обычно в случае скандала значимость проступка преувеличивают.

Итак, для скандала нужны следующие основные условия: 1) нарушение принятых в литературе норм; 2) публичность этого нарушения (т.е. наличие наблюдателя, свидетеля); 3) наличие публики, т.е. возможность довести до общества информацию о проступке. Существование публики — важнейшая предпосылка возникновения и функционирования скандала. Можно согласиться с А.В. Дмитриевым и А.А. Сычевым, которые отмечают, что «именно публичная сфера является важнейшей предпосылкой существования скандала: он может полностью реализовать свой преобразовательный потенциал только в рамках демократического государственного устройства и развитого гражданского общества»²⁷.

В России далеко не всегда существовали эти условия. При наличии предварительной цензуры подобные нарушения пресекались на стадии рукописи и не попадали в печать. Даже если что-то по недосмотру цензо-

²⁷ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Указ. соч. С. 173. Правда, авторы весьма непоследовательны. У них можно встретить утверждение, что «скандал возник вместе с обществом и всегда сопровождал историю человечества. Первым скандалом можно считать изгнание Адама и Евы из рая» (Там же. С. 49). Интересно, кто тогда составлял публику? Творец мира и Змей-искуситель?

ра и печаталось, информацию об этом цензура не позволяла публиковать, и только в редких случаях публика узнавала об этом из слухов.

Это вполне закономерно. Ведь в самодержавном государстве скандалов не должно было быть. Скандал показывал бы, что в стране есть сферы, не контролируемые властью, и мог вывести наружу проступки самой власти. Поэтому лишь в редких случаях, когда имели место ошибки цензуры или вольные толкования опубликованных текстов, случалось нечто похожее на скандал. Но публичного резонанса эти случаи не вызывали. Напомню о двух таких случаях. Первый — публикация «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе» в 1836 г., после чего журнал был закрыт, а Чаадаев по воле Николая I объявлен сумасшедшим. Менее известен второй случай. В 1846 г. в газете «Северная пчела» была анонимно опубликована баллада Е. Ростопчиной «Насильный брак». В балладе Николай I и Польша были представлены как старый барон и сетующая на его притеснения молодая жена. Через несколько недель власти поняли подлинный смысл стихотворения, и у редакторов газеты Н. Греча и Ф. Булгарина были крупные неприятности (Греч, в частности, был вызван в III отделение). Номер со стихами передавали из рук в руки, балладу переписывали, но это затронуло только элитные слои столиц, а подавляющее большинство читателей газеты, не говоря уже о более широких слоях населения, об этом не узнало, и полноценного скандала не случилось²⁸.

В указанных случаях текст был опубликован и имел, к тому же, политический обертон. В случае же чисто литературных происшествий имели место только микроскандалы, поскольку они носили кружковый характер и не имели резонанса в прессе.

Вот характерный пример. Когда в 1812 г. графа Хвостова, имевшего репутацию графомана, избирали в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, Д.В. Дашков произнес якобы похвальную, а на деле издевательскую речь. В частности, он сказал следующее: «Нынешний день пребудет всегда незабвенным в летописях нашего общества: ныне в первый раз восседает с нами краса и честь российского Парнаса, счастливейший любимец Аонид и Феба, гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. [...] Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина. [...] Всей Европе, что

²⁸ История публикации баллады и ее последствия освещены в статьях: Киселев В.С. Поэтесса и царь (Страница истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156; Киселев-Сергенин В.С. По старому следу (О балладе Е. Ростопчиной «Насильный брак») // Русская литература. 1995. № 3. С. 137–152.

говорю я, всей вселенной известны его заслуги [...]»²⁹. За это Дашкова исключили из общества, но на его репутацию в свете и в литературе и на его карьере это никак не повлияло, впоследствии он даже стал министром юстиции.

Вот другой случай. В 1847 г. в Санкт-Петербургском университете по случаю завершения учебного года должна была быть зачитана прощальная диссертация профессора О.И. Сенковского «О древности имени руссов». На акте было много известных лиц, в том числе министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов, попечитель учебного округа, члены Академии наук, известные писатели и ученые. Вместо Сенковского, который якобы был болен и отсутствовал, текст объявленной работы прочел его адъюнкт. В диссертации говорилось, что «славянская нация, и во главе ее русское племя, есть первенствующее между народами, как самое древнее; что вся Европа и большая часть Азии в отдаленной древности была скифская, главное же из племен скифских есть славяне, у древних прозванные *скифами-хвастунами* потому, что с незапамятных времен привыкли превозносить и славить сами себя. Что касается собственно имени русского, то, по словам автора, рукописи, заключающие самые убедительные доводы древности этого имени, находятся в Испании и заперты в одной башне известного мавританского дворца, *Альямбры*, куда автор и посылает желающих проверить его сказание (!)»³⁰. Во время чтения диссертации в зале стоял смех. Все почетные гости покинули акт до его завершения, но в печати упоминаний об этом не было, для Сенковского эта эскапада последствий не имела, и скандал опять-таки не случился.

Предпосылкой появления скандалов служат развитие прессы и ослабление цензурного контроля над ней. В Николаевскую эпоху в стране выходило всего лишь несколько газет и журналов, в которых освещалась литературная жизнь, причем они находились под жестким цензурным контролем. Конечно, не следует забывать такой канал распространения информации, как слухи. Характер их функционирования и масштаб действия в России в XIX — начале XX вв. исследованы очень плохо, причем изучались главным образом слухи политического характера³¹. На наш

²⁹ Д.В. Дашков и граф Хвостов в Обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. / Сообщил Н.С. Тихонравов // Русская старина. 1884. № 7. С. 106.

³⁰ *Пржецлавский* О.А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О.А. Пржецлавского и коммент. А.И. Федуты. М., 2010. С. 155.

³¹ См., например: *Побережников И.В.* Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII–XIX вв.). Екатеринбург, 1995; *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне

взгляд, игнорировать слухи нельзя, но нельзя и преувеличивать степень их распространения в первой половине XIX в. Они охватывали светское общество и научно-литературную среду, высшие слои чиновничества, причем только в столицах и в какой-то степени в немногочисленных в то время университетских городах. До большей части читательской аудитории они не доходили.

Ситуация изменилась лишь в конце 1850-х гг. И сразу же в большом числе стали возникать скандалы. Характерно выразительное программное стихотворение В.С. Курочкина «Литературный скандал» (1861), в котором воспевался скандал как форма социальной критики:

[...] Друзья мои, господь свидетель:
Одну любовь и добродетель,
Одни высокие мечты,
Из лучших в наилучшем мире,
Я б воспевал на скромной лире,
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!» —
Всю жизнь я пел бы в триолете;
Когда же злость ее узнал
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —
Прищелкнув языком по нёбу,
Друзья мои, пою *Скандал!* [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что ты перепугал
Дремавших долго сном блаженным, —
И тех, кто на руку нечист,
И тех, кому полезен свист,
Особам якобы почтенным. [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
С тех пор как ты в печать попал,
С чутьем добра, с змеиным жалом,
Ты стал общественной грозой,
Волной морской, мирской молвой
И перестал уж быть Скандалом. [...]

Хвала, хвала тебе, Скандал!
Твоя волна — девятый вал —
Пусть хлынет в мир литературы!
Пусть суждено увидеть нам
Скандал свободных эпиграмм
И ясной всем карикатуры!³²

Скандал с журналом «Век» был описан выше. Вот еще один пример. В 1862 г. в Петербурге произошел очень сильный пожар, и в народе стали циркулировать слухи, что его устроили студенты. Н.С. Лесков в либеральной газете «Северная пчела» поместил статью, в которой требовал, чтобы власти или представили доказательства участия студентов в поджогах, или опровергли клевету на них. Однако многие трактовали статью как обвинение в адрес студентов. Лесков не раз пытался прояснить свою позицию и отвергал обвинения, но всё безрезультатно. В прессе было немало откликов, в разговорах выдвигалось предположение, что Лесков — сотрудник III отделения. Не выдержав травли, Лесков уехал за границу и несколько месяцев находился там. После возвращения он продолжил литературную деятельность, но его репутация была уже испорчена. Как видим, случается и так, что исходная информация неверна, но механизм скандала всё равно срабатывает и, таким образом (пусть и несправедливо ломая человеческую судьбу), укрепляет этическую норму.

Но подобные скандалы имеют описанные последствия только в случае существования довольно жестких этических норм. Иной становится ситуация, если обязательность этических норм снижается, к тому же они дифференцируются и временами даже становятся противоположными у различных социокультурных групп (возрастных, классовых, профессиональных и т.д.): то, что резко осуждается в одной, становится допустимым или даже оцениваемым положительно в другой. В подобной ситуации безвременья, перехода скандал может быть использован не для укрепления нормы, а для дальнейшего ее расшатывания и подрыва. Тогда, проблематизировав норму, показав ее условность и невсеобщность, скандал дает возможность укрепиться другой моральной нормой.

Один из активных участников сатирической журналистики 1860-х гг., критик и пародист В.П. Буренин в последней четверти XIX и в начале XX вв. своими еженедельными литературно-критическими фельетонами в газете «Новое время» нередко вызывал скандал, преследуя при этом в основном цели автопиара и борьбы с неугодными ему литературными деятелями, в частности с модернистами. Но по иронии судьбы модер-

³² Искра. 1861. № 4. С. 45–46; цит. по: Поэты «Искры». Л., 1955. Т. 1. С. 166–168.

нисты заимствовали у него это средство и начали использовать скандал для привлечения к себе внимания и пропаганды новых эстетических и этических норм.

Первыми были символисты, особенно В.Я. Брюсов. 4 марта 1893 г. он записал в дневнике: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!»³³ В 1894–1895 гг. он выпустил три тонкие брошюры под заглавием «Русские символисты», содержащие немало эпатажирующих читателей текстов. На выход этих книжечек откликнулись почти все распространенные газеты и журналы. Н.К. Гудзий писал: «Цель Брюсова была достигнута. Своим шумным выступлением он во всеуслышание заявил о том, что пришло новое поэтическое направление. Обильные нападки критиков лишь усилили позицию смелых новаторов, создав им известность и своеобразную популярность. Когда это было достигнуто, и голос был услышан, наступила пора вдумчивой работы и серьезного труда. Символисты победили и преодолели инертность читательских вкусов. Символизм был широко признан, и три тощих московских сборника в этом признании сыграли бесспорную историческую роль»³⁴.

Сознательно шли на провокацию публики лишь немногие символисты. Но наследовавшие им футуристы (Маяковский, Давид Бурлюк и др.) специально устраивали скандалы. Они не только предлагали другой идеал красоты, воспевая город, индустрию, безобразное и т.д., не только программно отвергали классику, призывая «бросить ее с парохода современности», но и скандально вели себя, используя эпатажную одежду и раскраску лица, грубость по отношению к публике; характерно название одного из их сборников — «Пошечина общественному вкусу» (1912).

В модернистской среде скандал часто разыгрывался сознательно для подрыва господствующей нормы, а порой и для самораскрутки³⁵. Но это не значит, что скандал в старом понимании слова в литературной

³³ Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910 / Пригот. к печ. И.М. Брюсова. М., 1927. С. 12.

³⁴ Гудзий Н.К. Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты» // Искусство. 1927. Кн. 4. С. 218.

³⁵ Исходя из такой трактовки скандала, Вероника Зусева пишет: «...очевидным спутником успеха почти всегда оказывается сочетание скандала, нарушения общепринятых норм и в жизни, и в творчестве, с одной стороны, и публичного одобрения литературными и общественными авторитетами, с другой (можно и только скандал, но успех предприятия будет меньше и есть опасность превратиться

среде совсем исчез (таковым был, например, случай, связанный с порчей Эллисом книг в Румянцевском музее в 1909 г.³⁶).

В советский период литературные скандалы возникали только на ранней стадии, когда еще существовала (впрочем, весьма относительная) свобода печати и когда выходило немало эмигрантских периодических изданий, пристально следивших за российской литературной жизнью. Так было с публикацией «Повести непогашенной луны» (1926) Б. Пильняка, в которой изложена история смерти Фрунзе, выведенного под другим именем. Публикация повести была признана политической ошибкой, номер «Нового мира» с ней не был выпущен в свет, и при его перепечатке повесть была заменена другим материалом³⁷.

В более поздний период (1930-е — первая половина 1980-х) из-за жесткой цензуры почвы для возникновения литературных скандалов почти не было. Поскольку действовали тамиздат, самиздат и западные «голоса», скандалы время от времени случались, но их порождали действия не столько литераторов, сколько самой власти. В ситуации всеобщих запретов любое действие, само по себе не противоречащее законам и не скандальное (публикация за рубежом, получение Нобелевской премии, написание романа), вызывало неадекватную реакцию властей, которые сами информировали публику (правда, тенденциозно освещая произошедшее). В результате возникал скандал.

С «эпохой гласности» (в конце 1980-х) вновь наступило время скандалов. Но позднее произошло резкое падение престижа литературы. В результате не только уменьшилась доля населения, читающего книги. Книга теперь перестала быть «учебником жизни», а литература — пророком и учителем. Поэтому интерес к писателям стал существенно ниже, и происходящее в литературной жизни интересует преимущественно литераторов, а не широкие слои публики. Разумеется, в такой атмосфере не может возникнуть настоящий скандал.

в маргинала)» (Зусева В. Шум времени и шумная известность // Арион. 2018. № 2. С. 20).

³⁶ См.: Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

³⁷ См.: Фельдман Д.М. Грани скандала...

Литература

Богомолов Н.А. История одного литературного скандала // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 239–254.

Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. Париж; М.: Европа, 2008. С. 6–12.

Гарина Н. Воспоминания о Леониде Андрееве / Публ. Л.Н. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 413–447.

Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.

Зусева В. Шум времени и шумная известность // Арион. 2018. № 2. С. 18–26.

Измайлов А.А. Переписка с современниками / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 738 с.

Киселев В.С. Поэтесса и царь (Страница истории русской поэзии 40-х годов) // Русская литература. 1965. № 1. С. 144–156.

Киселев-Сергенин В.С. По старому следу (О балладе Е. Ростопчиной «Насильный брак») // Русская литература. 1995. № 3. С. 137–152.

Кобринский А. «Литературная драка» как феномен литературно-художественного быта начала XX века (скандал 8 ноября 1913 года в «Бродячей собаке») // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года: Материалы межрегионального научно-теоретического семинара «Культурологические штудии». Киров: ВятГУ, 2003. С. 46–53.

Колоницкий Б.И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 362–378.

Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. 1079 с.

Миловидов В.А., Соловьева А.С. Семиотика скандала // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 186–191.

Правилова Е. Наследники, эксперты и проблема «авторской воли». URL: <http://gefter.ru/archive/15044> (дата обращения: 08.07.2019).

Пржецлавский О.А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О.А. Пржецлавского и коммент. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 29–475.

Рейтблат А.И. Кто, как, когда и зачем сделал русскую классику (в печати).

- Скандал как форма коммуникации: Сб. науч. ст. М.: Изд-во СГУ, 2012. 247 с.
- Скандал: сферы воздействия: Сб. науч. ст. М.: Изд-во СГУ, 2013. 241 с.
- Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2011. 362 с.
- Степанов Б.Е. Литературный скандал и политическое воображение: А. Проханов и его «Господин Гексоген» // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 89–104.
- Фельдман Д.М. Грани скандала: «Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка в газетно-журнальном контексте 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика». 2012. № 13 (93). С. 79–106.
- Шабалина Н.Н. Литературный скандал в критике В.П. Буренина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154. № 2. С. 145–151.

References

- Bogomolov N.A. Istoriiia odnogo literaturnogo skandala [The history of a literary scandal]. Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian literature of the early 20th century and occultism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, pp. 239–254. (In Russ.)
- Buks N. Skandal kak mekhanizm kul'tury [Scandal as a cultural mechanism]. *Semiotika skandala* [Semiotics of scandal]. Paris, Moscow, Evropa Publ., 2008, pp. 6–12. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Skandal: sotsiofilosofskie ocherki* [Scandal: sociological and philosophical essays]. Moscow, TsSP i M Publ., 2014. 323 p. (In Russ.)
- Fel'dman D.M. Grani skandala: «Povest' nepogashennoi lunny» B.A. Pil'niaka v gazetno-zhurnal'nom kontekste 1920-kh gg. [Facets of scandal: “The Tale of the Unextinguished Moon” by B.A. Pilnyak in the newspaper and magazine context of the 1920s]. *Vestnik RGGU. Seriiia “Filologicheskie nauki. Zhurnalistika. Literaturnaia kritika”*, 2012, no. 13 (93), pp. 79–106. (In Russ.)
- Garina N. Vospominaniia o Leonide Andreeve [Memoirs of Leonid Andreev], publ. L.N. Ivanova. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2000 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2000]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 413–447. (In Russ.)
- Glukhovskaia E.A. Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simvolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala [The incident with Ellis in the context of Russian symbolism: on the history of a (pseudo)literary scandal]. *Russkaia literatura*, 2012, no. 1, pp. 137–148. (In Russ.)
- Gudkov L.D., Dubin B.V. *Literatura kak sotsial'nyi institut* [Literature as a social institution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1994. 352 p. (In Russ.)
- Izmailov A.A. *Perepiska s sovremennikami* [Correspondence with contemporaries], comp., intro., ed. and notes A.S. Aleksandrov, E.K. Aleksandrova, N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2017. 738 p. (In Russ.)

Kiselev V.S. Poetessa i tsar' (Stranitsa istorii russkoi poezii 40-kh godov) [A poetess and the Tsar (A page from the history of Russian poetry of the 1840s)]. *Russkaia literatura*, 1965, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.)

Kiselev-Sergenin V.S. Po staromu sledu (O ballade E. Rostopchinosi "Nasil'nyi brak") [Following the old trail (On the E. Rostopchina's ballad "Forced Marriage")]. *Russkaia literatura*, 1995, no. 3, pp. 137–152. (In Russ.)

Kobrinskii A. "Literaturnaia draka" kak fenomen literaturno-khudozhestvennogo byta nachala XX veka (skandal 8 noiabria 1913 goda v "Brodiachei sobake") ["Literary scuffle" as a phenomenon of literary and artistic life of the early 20th century (scandal in the "Stray Dog" cafe on November 8, 1913)]. *Russkaia kul'tura v tekstakh, obrazakh, znakakh 1913 goda: Materialy mezhhregional'nogo nauchno-teoreticheskogo seminar "Kul'turologicheskie shchudii"* [Russian culture in texts, images, signs of 1913: Materials of the interregional scientific and theoretical seminar "Cultural studies"]. Kirov, Viatka State University Publ., 2003, pp. 46–53. (In Russ.)

Kolonitskii B.I. Slukhi ob imperatritse Aleksandre Fedorovne i massovaia kul'tura (1914–1917) [Rumors about Empress Alexandra Fedorovna and popular culture (1914–1917)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 1* [Bulletin of history, literature, art. Vol. 1]. Moscow, Sobranie Publ., Nauka Publ., 2005, pp. 362–378. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 95: Gor'kii i russkaia zhurnalistika nachala XX veka: Neizdannaiia perepiska [Literary heritage. Vol. 95: Gorky and Russian journalism of the early 20th century: Unpublished correspondence]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 1079 p. (In Russ.)

Milovidov V.A., Solov'eva A.S. Semiotika skandala [Semiotics of scandal]. *Kritika i semiotika*, 2006, no. 10, pp. 186–191. (In Russ.)

Pravilova E. *Nasledniki, eksperty i problema "avtorskoi voli"* [Heirs, experts and the problem of "author's will"]. Available at: <http://gefter.ru/archive/15044> (accessed: 08.07.2019). (In Russ.)

Przhetslavskii O.A. Kaleidoskop vospominanii [A kaleidoscope of memories]. *Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka* [Poles in St. Petersburg in the first half of the 19th century], comp., intro., ed. of O.A. Przhetslavskii memoirs and comment. A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 29–475. (In Russ.)

Reitblat A.I. *Kto, kak, kogda i zachem sdelał russkuiu klassiku* [Who, how, when and why made the Russian classics] (in print). (In Russ.)

Shabalina N.N. Literaturnyi skandal v kritike V.P. Burenina [Literary scandal in V.P. Burenin's critical works]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, 2012, vol. 154, no 2, pp. 145–151. (In Russ.)

Skandal kak forma kommunikatsii: Sb. nauch. st. [Scandal as a form of communication: A collection of scientific essays]. Moscow, Modern University for the Humanities Publ., 2012. 247 p. (In Russ.)

Skandal: sfery vozdeistviia: Sb. nauch. st. [Scandal: spheres of influence: A collection of scientific essays]. Moscow, Modern University for the Humanities Publ., 2013. 241 p. (In Russ.)

Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naia kommunikatsiia i "krutyie povoroty" rossiiskoi istorii: Sb. st. [Rumors in Russia of the 19–20th centuries. Unofficial communication and "sharp turns" of Russian history: A collection of essays]. Cheliabinsk, Kamennyi poias Publ., 2011. 362 p. (In Russ.)

Stepanov B.E. Literaturnyi skandal i politicheskoe voobrazhenie: A. Prokhanov i ego "Gospodin Geksogen" [Literary scandal and political imagination: A. Prokhanov and his "Mr. Hexogen"]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2008, no. 3, pp. 89–104. (In Russ.)

Zuseva V. Shum vremeni i shumnaia izvestnost' [Time noise and noisy fame]. *Arion*, 2018, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.)

On the sociology of literary scandal

© 2019, Abram Reitblat

Abstract: In real literary life, a scandal is a quite familiar, if not an everyday, element, but the literary science neither analyzes it nor includes the term "scandal" in its categorical apparatus. The article attempts to demonstrate that scandal is a normal element of the literary system that plays an important stabilizing role. The norms of literary ethics are unwritten and uncoded, but, having acquired them in the course of practical activity, the vast majority of writers knows and follows them. The following basic conditions are needed for a scandal: violation of the norms accepted in literature; the publicity of this violation, i.e. presence of an observer, witness; the presence of the public, i.e. the opportunity to make the information about the misconduct public. By problematizing the norm and provoking a response, the scandal strengthens the norm.

Keywords: literary scandal, literary ethics, norms of writers' behavior.

Information about the author: Abram Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Russian State Art Library, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Citation: Reitblat Abram. On the sociology of literary scandal. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 161–182. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-161-182

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222
УДК 821.161.1

Поэтика дружеских посланий Н.А. Львова

© 2019, К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: Николай Александрович Львов (1753–1803) в последнее десятилетие своей жизни создал тринадцать дружеских посланий, предназначенных для узкой аудитории — для своих близких друзей и родственников, к которым принадлежали такие поэты, как Гавриил Державин, Василий Капнист, Федор Львов, Аполлос Мусин-Пушкин, Иван Муравьев-Апостол. Эта дружеская атмосфера определила поэтику посланий Львова, обратив их в поле для смелых экспериментов. Поэт использовал в своих посланиях различные размеры (большой частью вольные ямбы и хореи; также и пентоны, как в народных песнях), смешивал высокую лексику с разговорными оборотами и диалектизмами, создавал мини-циклы и сочетал «несовместимые» темы. В первой группе посланий доминирует дружеская экспрессия в чистом виде, так что они часто балансируют на грани бессмыслицы. Вторая группа провозглашает идеалы национально окрашенного горацанства и содержит оригинальные описания сельской русской жизни.

Статья также рассматривает жанр дружеских посланий в русской поэзии XVIII в. в целом, его историю и роль в ней таких поэтов, как М.М. Херасков, М.Н. Муравьев, Г.Р. Державин. Особенное внимание уделено поэтике и метрике русской эпистолярной лирики.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтическая поэзия, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, история русского стиха, поэзия и поэтика, рецепция античности в России

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Поэтика дружеских посланий Н.А. Львова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 183–222. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222

1. Дружеское послание в русской литературе XVIII века

Жанр стихотворного послания, введенный в европейскую литературу двумя книгами эпистол Горация, и в силу произвольности его тематики, и в силу допустимости использования в нем различных метров на протяжении его многовековой истории представляет немалые сложности как при выработке его определения, так и при попытках очертить корпус составляющих его произведений. Основной «формальный признак» послания, как его определяет М.Л. Гаспаров и ряд других исследователей, — «наличие обращения к конкретному адресату»¹, — оказывается весьма зыбок: на деле адресат может быть фиктивным или же неназванным и в лучшем случае «вычитываться» из текста. Осложняет дело и то, что указание в заглавии на принадлежность к жанру может делаться по-разному (так, в отечественной традиции XVIII в. это и «эпистола», и «послание», и просто «письмо»); впрочем, подобное указание подчас и вовсе отсутствует, в других же случаях автор ограничивается именем адресата или посвящением. При этом безоговорочно причисление посланий к лирическому роду порой затруднительно, ибо они могут содержать элементы наррации, т. е. это гибридные, лиро-эпические произведения². Послания — это нередко трактаты в стихах, и тогда их уже сложно причислить к художественной литературе.

Подробное рассмотрение разнообразных русских посланий XVII–XVIII вв. (как прозаических, так и поэтических), предпринятое не так давно в работах М.Ю. Люстрова³, позволяет принять за точку отсчета произведения, написанные силлабо-тоническим стихом и сосредоточиться на проблеме генезиса жанра именно *дружеского послания* в русской литературе, чтобы затем обратиться к произведениям, созданным Н.А. Львовым.

¹ Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. Стлб. 905. Ср.: Kemper D. Epistel // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte / Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Berlin; New York, 1997. Bd. 1: A–G. S. 473–474.

² Односторонним представляется поэтому следующее определение: «Послание стихотворное — лирический жанр, в котором воплощается ситуация письменного (реже — устного) диалога с условным или реальным адресатом» (Артемова С.Ю. Послание стихотворное // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 177–178).

³ Люстров М.Ю. 1) Послание в русской поэзии XVIII века: Истоки и становление жанра: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996 (на правах рукописи); 2) Старинные русские послания (XVII–XVIII век). М., 2000; 3) Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 407–470; и др.

Количество метатекстов, в которых литераторы XVIII в. поясняли свое понимание жанра посланий и которые оказали непосредственное влияние на его формирование, невелико. Одним из первых, высказался на эту тему В.К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735). Поначалу пояснив общие особенности письменной коммуникации, Тредиаковский устанавливает общее разделение между эпистолами «простыми» (т.е. прозаическими) и «поэтическими» (т.е. стихотворными). О вторых, впрочем, сказано весьма общо и даны лишь следующие рекомендации к стилю: «Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполлиноватый и весьма с парнасским не разглашающийся»⁴. Тредиаковский вскользь упоминает нескольких предшественников: Горация как автора пиитических эпистол «многих родов», Овидия как сочинителя «эпистолах от героинь» (т.е. героид), Буало как создателя таких эпистол, «что уже лучше его, кажется, написать и нельзя». Все эти размышления — лишь предуведомление к его «панегирической» «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину», помещенной здесь же; она написана парно зарифмованными семистопными хореем с предцезурным усечением слога в четвертой стопе.

В «Способе к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленном и дополненном» об эпистолярной поэзии говорится более сжато и по существу; намечено четыре вида эпистол соответственно их тематике: «Эпистола изображает все то в стихах пиитическим духом и образом, что пишется в письмах прозою от отсутствующих к отсутствующим. Находятся они дидактические, любовные, нравоучительные и похвальные. Сей род принадлежит к гексаметрам и к строфам. Гораций и Овидий на латинском; а на французском Боало за образец в них служить могут»⁵.

Во второй из «Двух эпистол» Сумарокова, посвященной стихотворству, вскользь дано лишь несколько самых общих рекомендаций, касающихся композиции и слога, из которых можно заключить, пожалуй, только о допустимости различных стилистических регистров в жанре, лишь бы стиль в каждом конкретном случае сообразовался с темой эпистолы:

⁴ Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., 1735. С. 36.

⁵ Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 1. С. 147.

В эпистолы творцы те речи избирают,
 Какие свойственны тому, что составляют,
 И самая в стихах сих главна красота,
 Чтоб был порядок в них и в слоге чистота⁶.

Среди русских посланий 1740–1760-х гг. центральное место несомненно занимают классицистические эпистолы дидактического, сатирического или же панегирического содержания; под влиянием французских образцов они почти всегда писались александрийским стихом. Из этих обычно довольно объемных произведений здесь стоит упомянуть: «Две эпистолы (В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве)» (1747;⁷ также сокр. перераб. версия: «Наставление хотящим быти писателями», 1774) А.П. Сумарокова; «Письмо к ... И.И. Шувалову» (1750), «Письмо о пользе стекла» (1752) и «Его сиятельству милостивому государю графу Григорию Григорьевичу Орлову ... на благополучное возвращение Ея величества из Лифляндии поздравительное письмо...» (1764) М.В. Ломоносова; «Письмо» («Когда я вообразу парнасских муз собор...», 1760), «К сатирической музе» (1760), «Эпистола Господину Н<артову>» (1760), «Эпистола» («Нет ни единого на свете человека...») и др. М.М. Хераскова; «Эпистола» («Сын! Начинаешь ты, мне кажется, мотать...», 1760), «Эпистола» («Разумной тварью мы себя на свете чтим...», 1760) и др. И.Ф. Богдановича; «Письмо» («Родимся, Р<жевский>, с тем, чтоб правды мы искали...», 1760) и «Письмо к господину Р<жевскому>» (1760) С.В. Нарышкина; «Письмо А<лексею> Р<жевскому>» (1761) А.В. Нарышкина; пять «Писем» к А.В. Нарыш-

⁶ Сумароков А.П. Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. [СПб., 1748]. С. 17; Люстров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. С. 407–470.

⁷ Как справедливо отмечал В.М. Живов, «четкая дихотомия оды и эпистолы разрушается в 60-е годы поэтами Сумароковской школы» (Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 650). Исследователь указывал при этом на такие произведения М.М. Хераскова, как «Эпистола. На день высокаторжественного коронования ее имп<ераторского> величества...» (Свободные часы. 1763. Сент. С. 540–544) и «Эпистола. На день Рождения Его императорского высочества Павла Петровича» (Свободные часы. 1763. Сент. С. 545–547), когда послание брало на себя панегирическую функцию, уготованную торжественным одам. Прибавим к ним также «Эпистолу ко всепресветлейшей ... имп<ератрице> Екатерине Алексеевне ... которую в день ... коронования ... приносит ... Михайла Херасков» (М., 1763). Думается, что в данном случае именно метрический аспект, чуждость к которому участников херасковского кружка общеизвестна, стал причиной зачисления этих произведений в разряд эпистол — все они написаны александрийским стихом. О взаимодействии эпистол с другими жанрами см. также: Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М., 2003. С. 661–718 (глава «О стихотворном "письме" и смежных жанрах в русской поэзии XVIII века»).

кину (1761–1763) и «Цыдулка ко клеветникам» (1763) А.А. Ржевского; «Эпистола» («К чему, о Муза, днесь меня ты принуждаешь?..») А.Н. Карина (1761); «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина (1769); «Письмо В.И. Бибикову» (1770); «Письмо графу З.Г. Чернышеву» (1770), «<К Гавриилу, архиепископу санктпетербургскому и ревельскому>» (конец 1760-х или нач. 1770-х) В.И. Майкова.

Исследователи справедливо отмечают особый стиль перечисленных выше произведений М.М. Хераскова, А.А. Ржевского, А.В. и С.В. Нарышкиных, в которых нередки дружеские интонации, апелляция к общим воспоминаниям, биографическому фону. Всё же историю русского дружеского послания вряд ли можно начинать именно с них, как это делает Г.А. Давыдов⁸, ибо в целом они вполне дидактичны по содержанию и по большей части посвящены проповеди масонских ценностей; существенно и то, что все они написаны александрийским стихом, т.е. не порывают с формой традиционных классицистических эпистол. Вместе с тем именно в этом кругу возникает стихотворение, которое, на мой взгляд, можно признать первым дружеским посланием в русской литературе, — «К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>» М.М. Хераскова⁹ («В свирели мы с тобою...», 1769; ЯЗжм; клаузула рег.: жмжм; рифма перекрестн.: жмжм; строфика 4; стихов 40; катрены графически не разделены)¹⁰. В нем на первый план выходит свободное выражение дружеских чувств к биографически конкретному адресату; при этом Херасков отказывается от александрийского стиха в пользу трехстопного ямба с перекрестной рифмовкой — одного из наиболее характерных размеров русской анакреонтики, в это время как раз набиравшей популярность; тем самым он предугадывает метрические метаморфозы жанра, которые тому предстояло пережить в 1790–1800-е гг. (об этом далее).

Как яркий пример поливалентности жанра послания следует упомянуть «Письмо ко приятелю в Москву» (1774) А.П. Сумарокова; приведу его зачин:

Знать хочешь ты, где я в Петрополе живу —
О улице я сей еще не известился
И разнo для того поднесь ее зову,
А точно то узнать не много я и льстилсь.

⁸ Давыдов Г.А. Жанр дружеского послания в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1997. № 1. С. 92–100.

⁹ Философические оды или песни Михайла Хераскова. [М.], 1769. С. 12–14.

¹⁰ Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, употребляемая в Корпусе поэтических текстов Национального корпуса русского языка.

Но должно знать тебе, писать ко мне куда:
 Туда.
 По окончании его незлобна века,
 Сего живу я в доме человека,
 Которого мне смерть
 Слез токи извлекала,
 И, вспомня коего, нельзя мне их отерть.
 Ты знаешь то, чья смерть
 В Москве сразить меня ударом сим алкала.
 Владеет домом сим его любезный брат,
 Толико ж, как и он, не зол и добронравен¹¹.

Крайне сложно, за неимением каких-либо других сведений, однозначно решить, имеем мы дело с дружеским посланием к конкретному лицу, которое не было названо, когда Сумароков решился его напечатать, или же это обращение было изначально фиктивно. В любом случае, как справедливо указал П.Н. Берков, комментируя «Письмо»¹², Сумароков задавал читателям загадку: они должны были угадать, что он остановился в Петербурге в Аничковом дворце у К.Г. Разумовского, брата его покровителя А.Г. Разумовского, умершего в 1771 г. «Письмо ко приятелю в Москву» важно в нескольких отношениях: в нем отчетливо различимы дружеские разговорные интонации; содержание его сугубо партикулярно; написано оно вольными ямбами, открывавшими для жанра новые перспективы¹³.

II. Послания М.Н. Муравьева 1770-х — нач. 1780-х гг. и их значение для истории жанра

В течение довольно продолжительного времени ряд исследователей датировал появление дружеских посланий в русской поэзии концом 1770-х гг. и связывал первое из них с именем М.Н. Муравьева¹⁴. При

¹¹ Сумароков А.П. Письмо ко приятелю в Москву. [СПб., 1774]. С. 1–2.

¹² Сумароков А.П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. Л., 1957. С. 564.

¹³ Вольными ямбами («с опорой» на наиболее частотные в них шестистопные) написано и несколько других поздних посланий Сумарокова, которые, впрочем, вряд ли можно отнести к дружеским: незавершенное «Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну, сыну князя Михаила Васильевича» (после 1769) и «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» (1774).

¹⁴ Лазарчук Р.М. К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение: Сб. науч. докладов. Л., 1973. С. 11–16; Люстров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. С. 407–470; Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86;

этом большинство его произведений этого жанра было опубликовано лишь посмертно, а в 1770-е — нач. 1780-х он напечатал четыре вполне традиционные эпистолы, написанные александрийским стихом: «Письмо к А.М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны», «Эпистола к Н.Р.Р***», «Учение природы. Письмо к В.В. Ханькову», «Письмо к ***»¹⁵. Еще три, частью незавершенные, были опубликованы уже посмертно — «Эпистола. К его превосходительству И.П. Тургеневу» (1774), «Опыт о стихотворстве» (1770-е), «Письмо к Феоне» (1781).

Р.М. Лазарчук, стремясь охарактеризовать сущность дружеского послания и его генезис, избрала исходным пунктом своих размышлений теоретические соображения А.Ф. Мерзлякова, представив, впрочем, ход его мысли крайне бегло. Не давая определения дружескому посланию как жанру, она подчеркнула значение для его формирования таких «основных конструктивных особенностей письма», как «мозаичность структуры, раскованность и свобода, непреднамеренность переходов от одной темы к другой, перебои в развитии темы, недоговоренность, намеки и “домашняя” семантика», установка на непринужденный разговор и «необыкновенно острое ощущение адресата». Все же один из основных выводов исследовательницы вызывает несогласие: «Муравьев превратил свое частное письмо в явление литературы, он же создал и первые образцы дружеского послания в России»¹⁶. Первую часть этого суждения невозможно принять без пояснения о том, что понимается под «явлением литературы», да и вообще под литературой; вторую — если учесть, что яркий образец дружеского послания имеется уже у М.М. Хераскова (упомянутое выше стихотворение К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>», 1769).

Обратимся вслед за Лазарчук к «Краткому начертанию теории изящной словесности» Мерзлякова, важному опыту осмысления жанровых изменений, произошедших в русской литературе в конце XVIII — нач. XIX вв., и в то же время свидетельству современника происходивших в ней процессов. Избирая способ повествования в качестве основного критерия выделения родов литературы, Мерзляков говорит о двух «раз-

Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 32–48.

¹⁵ Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева 1775 года. СПб., 1775. С. 29–30; Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М., 1778. Ч. 4. С. 292–295; Учение природы. Письмо к В.В. Ханькову // Утренний свет. 1780. Ч. 9. С. 236–238; Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 157–159.

¹⁶ *Лазарчук Р.М.* К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы. С. 11–15.

рядах» — эпическом и драматическом¹⁷. К первому из них, обращая внимание и на близкородственные явления в современной ему литературе, поэт-теоретик причисляет «эпистолу»:

Поэтическая эпистола, по содержанию своему, подходит близко и к сатире, и к поучительному стихотворению; различается от них свободою и легкостью своего изложения. Впрочем, есть стихотворные письма, которые не имеют ни дидактического, ни сатирического содержания; в них представляются только или предметы и случаи, встречающиеся в жизни, или нежное приятное излияние мыслей и чувствований¹⁸.

Для «стихотворных писем» (т.е. как раз для интересующих нас посланий), отмечает Мерзляков, новейшие русские литераторы «избирают стихи неравной меры или четверостопные ямбы», в то время как в римской литературе использовались гекзаметры или элегические дистихи, во французской — александрийские стихи, в английской — десятистопные рифмованные ямбы¹⁹. Из того, что лучшими среди сочинителей посланий Мерзляков называет «Муравьева, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Воейкова», нетрудно заключить, что в свете новейших достижений в этом жанре более ранние русские эпистолы для него эстетически неактуальны. Но то, что уже утвердилось в литературе начала XIX в., в 1770–1780-е гг. лишь пролагало себе дорогу. Видимо, именно поэтому Муравьев не печатал своих посланий, написанных четырехстопными, пятистопными или же вольными ямбами: «К Феоне» (1778 или 1779; обращено к сестре Ф.Н. Муравьевой, в замужестве Луниной), «Успех твой первый возвещая...» (1779; обращено к Д.И. Хвостову); «Итак, опять убежище готово...» (1780; обращено к Ф.Н. Муравьевой), «К И.Ф. Богдановичу» (1782), «Послание о легком стихотворении. К А.М. Бр<янчанинову» (1783).

Справедливости ради стоит отметить, что метрический репертуар посланий М.Н. Муравьева не исчерпывается четырехстопными, пятистопными и вольными ямбами. Так, одно из немногих опубликованных

¹⁷ «Те роды, в которых стихотворец сам говорит, рассказывает, живописует, учит, обличает, или вообще выражает свои чувствования, называются эпическими или повествовательными, а те, в которых заставляет он говорить и действовать другие лица, именуются драматическими» (*Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. I. С. 96).

¹⁸ *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. С. 168. Ср. также суждения другого авторитетного теоретика этого времени о том, что в эпистоле «все роды смешиваются вместе» (*Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. I. С. 401).

¹⁹ *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. I. С. 169.

при жизни поэта дружеских посланий «К А.М. Брянчанинову» («Сколько крат ни вспоминаю...», 1775; Х4жм; клаузула рег.: жмжмжжмжжм; рифма сложн.: абабввггдд; строфика 10; стихов 50)²⁰, состоящее из пяти десятистрочных одических строф, написано четырехстопным хореем; та же строфа и тот же размер применены в оставшемся в рукописи «Прискорбии стихотворца К*** в 1777 году» (1777; обращено к Н.А. Львову). Трехстопными ямбами с перекрестной рифмовкой — форма, утвердившаяся в первую очередь в анакреонтике XVIII в., — написано послание «К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину» (ЯЗжм; клаузула рег.: жмжм; рифма прекрест.: абаб; строфика 4; стихов 48). Образцы более сложных строф находим в «Твоею возбужден хвалою...» (1775; обращено к И.А. Дмитревскому; Ябж+ЯЗм; клаузула рег.: жмжм; рифма перекрестн.: абаб; строфика 4; стихов 32), «К Хемницеру» (1776; Ябжж+ЯЗм; клаузула рег.: жмжжжм; рифма сложн.: аабвбб; строфика 4; стихов 48).

Особняком среди посланий Муравьева этого времени стоит «Успех британской музы. К В.П. Петрову» (1778; Ябмж+ЯЗм; клаузула рег.: мжмжмм; рифма сложн.: абабвв; строфика 6; стихов 36). Дидактическое содержание (восхищение английской поэзией и размышления о выдающихся ее творцах) и отсутствие близких дружеских отношений сближает его, скорее, с эпистолами; при этом в нем применена строфа усложненной структуры. В то же время вычитывающееся из текста дарение собственных сочинений Петрову (воображаемое или же имевшее место в действительности?) может стать аргументом в пользу рассмотрения этого стихотворения и в ряду посвящений.

Сделанный экскурс важен потому, что послания Муравьева запечатлели общие тенденции модификации жанра в 1770-е гг., во многом предвосхитив его дальнейшие изменения, и потому, что во второй половине этого десятилетия он был хорошо знаком почти со всеми участниками львовско-державинского кружка, хотя и не принадлежал к его ядру. В то же время Львов занимал центральное положение в этом творческом содружестве, что необходимо учитывать при анализе его дружеских посланий, впервые рассмотренным также Лазарчук²¹, в силу чего здесь стоит вкратце изложить точку зрения исследовательницы на них. Резонно возражая против объяснения особенностей художественной манеры поэта «отсутствием большого таланта» (Я.К. Грот, Н. Строев), исследовательница не только соглашается с З.В. Артамоновой в том, что

²⁰ Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева 1775 года. СПб., 1775. С. 4–6.

²¹ Лазарчук Р.М. Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. // Филологический сборник. Статьи и исследования: Уч. зап. ЛГПИ им А.И. Герцена. 1970. Т. 460. С. 29–45.

Львов — «интереснейший и своеобразнейший поэт» и что он намеренно избрал «позу дилетанта», но и поясняет, почему: послания Львова были «одной из форм литературной борьбы» против сентиментализма²². В соответствии с этим «основными принципами» его посланий признаются «снижение поэтического, пародийность, трагести»²³.

Если с наблюдением Р.М. Лазарчук о том, что дружеские письма Львова сыграли важную роль при формировании поэтики его посланий, трудно не согласиться, то другие ее утверждения не могут не вызвать серьезных возражений. Так, исследовательница полагает, что «Львов завел процесс со всюю литературою сентиментализма, и прежде всего с Карамзиным», что в стихотворениях 1790-х гг., обращенных к друзьям, поэт пародировал Ф.П. Львова, И.И. Дмитриева и даже В.А. Жуковского²⁴. В то же время Лазарчук не приводит сколько-либо убедительных примеров пародирования Львовым сочинений этих поэтов, ограничиваясь общими заявлениями, которым противоречит и благожелательное отношение Н.А. Львова к Н.М. Карамзину, в чьих журналах он печатался вместе со своим кузеном Ф.П. Львовым²⁵. То, что материал для полемических доводов нередко черпается Лазарчук из «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» Н.А. Львова, вряд ли допустимо, ибо это в основе своей эпическое, хотя и написанное в эпистолярной форме, произведение дружеским посланием отнюдь не является.

III. Послания Н.А. Львова 1790-х — нач. 1800-х гг.

Но обратимся наконец к одиннадцати дружеским посланиям Львова. Они насчитывают в общей сложности 932 стиха и в количественном отношении составляют наиболее обширную часть его поэтического наследия. Все они созданы в течение последних тринадцати лет жизни поэта, начиная с 1790 г. Они обращены к следующим современникам

²² В другой своей работе исследовательница прямо называет Львова «полюемистом в маске дилетанта» (*Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо. С. 17).

²³ *Лазарчук Р.М.* Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. С. 34.

²⁴ Там же. С. 38, 35, 39.

²⁵ См. подробнее: *Ланно-Данилевский К.Ю.* Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // *Литературный факт.* 2017. № 3. С. 211. Ценность наблюдений исследовательницы снижает тот факт, что одно из стихотворных посланий Ф.П. Львова приписано ею Н.А. Львову (об этом: *Агамаян Л.Г.* Н.А. Львов — А.Н. Оленину: послания в прозе и стихах // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования / Науч. ред. М.В. Строганов. Сб. 3.* Тверь, 2003. С. 207, 213).

и позволяют с большей или меньшей степенью полноты представить глубину и характер отношений поэта с ними²⁶:

1) к В. В. Капнисту обращено послание «И я тебе, уроду...»²⁷, возникшее в связи с полемикой вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (17 января 1790; Х2,Х4,Я2,Я3ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 28; стихи 1 и 22 ямбические);

2–3) Г.Р. Державину адресовано два стихотворения: «Гав<риле> Романовичу ответ» («Домашний зодчий ваш...», 1792; Х1м,Я1,Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 52; стих 4 односложный; ИС, 61–62) и «Державину» («О друг отечества и мой...», нач. 1790-х; Я4ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 47; стих 2: Я3м; ИС, 64–65);

4) о популярности посланий и других стихов в среде ближайших родственников поэта можно составить мнение по «Горячке», обращенной к Е.М. и А.Н. Олениным («Двадцать градусов морозу...», 29 ноября 1793; Х4ж,м # Я3,Я4,Я6,Я8ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 49: 37 # 12; полиметрия; ИС, 62–63);

5) послание «Его сиятельству графу Александру Андр<еевичу> Безбородке» («С тех пор парнасские уроды...», 1795; Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн., ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 25; ИС, 81);

6–8) наиболее «объемен» поэтический диалог с А.М. Бакуниным; его составляют:

«Отрывок из письма к А.М. Б<акунину>, который к сочинителю прислал из деревни стихи на зависть, на скуку, на воображение, на праздность» («...И лист еще не распустился...», 1796²⁸; Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 69; ИС, 65–66);

двухчастная «Эпистола к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»: часть I: «Фортуна» («Слепой очима, духом зрячий...»; Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 166; ИС, 69–73); часть II: «Счастье и Фортуна» («Когда-то

²⁶ Большинство посланий поэта цитируется далее с указанием в круглых скобках страницы после аббревиатуры ИС по следующему изданию: *Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н.А. Львова подгот. А.В. Татаринным. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.*

²⁷ Впервые: XVIII век. Сб. 26. СПб., 2011. С. 219–220.

²⁸ Единственное из посланий Львова, напечатанное при его жизни (Муза. 1796. Ч. II. Июнь. С. 193–195, без подп; атрибутировано З.В. Гуковской в 1933 г.). При этом несомненно сыграло роль близкое знакомство Львова с издателем журнала И.И. Мартыновым, поэтому в данном случае может вестись речь о вторжении «литературы домашней» на страницы печатного органа.

с Счастьем жить Фортуна согласилась...»; Я1,Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,м; вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 57; ИС, 73–75);

«Три “Нет”, у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. <Бакунину> 1801 октября 1-го» («Слуга твой хвилой Львов...», 1801; Я1,Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,мХ1м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 127; стихи 15 и 30 одноложные; между стихами 107 и 108 прозаическая строка; ИС, 77–80);

9) откликом на отъезд друга, вызванный дипломатическим назначением, стало послание «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797» («Пусть крутят в крючки темно-русые...» 1797; Х2д~Х2д # Я1,Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула д # вольн. ж,м; стихов 96: 81 # 15; пентон, вольн. графич. строфика; полиметрия; ИС, 67–69)²⁹;

10–11) по-видимому, посланий, обращенных к А.А. Мусину-Пушкину, было больше двух, дошедших до нас: «Помилуй, граф...» (1790-е или нач. 1800-х; Я2,Я3,Я4ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 21; ИС, 76) и «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неименитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С. Петербург» («Пронесся к нам петуший глас...», 1801³⁰; Я1,2,3,4,6ж,мХ2жАн2д # Я1,2,4,6ж,мХ2,4,7ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 142: 55 # 87; первая часть, стихи 1–55, преимущественно вольные ямбы с вкраплением следующих двух иноразмерных стихов — стих 46: Х2ж; стих 54: Ан2д; во второй части стихи 56–126 — хорейческие³¹, также с отдельными ямбами, а стихи 127–142 — ямбические)³²;

12) в стихах написано приглашение посетить его, обращенное Львовым к художнику А.Е. Егорову, «Иже во благих тому же отцу Егорову»

²⁹ Послание в рукописи замыкают двенадцать итальянских стихов, которые в данном подсчете мною не учитываются (опubl.: Гений вкуса. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 97–98; здесь же перевод А.О. Демина на русский язык). После них имеется прозаическая приписка: «А после того мне и титул графа Никольского. Аминь» (РНБ. Ф. 247. Ед. хр. 37. Л. 4 об.; ИС, 399).

³⁰ Впервые частично в статье: *Артамонова З. [Гуковская З.В.]* Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. Кн. 9/10. М.; Л., 1933. С. 273–274. Полностью напечатано Р.А. Бакировым в кн.: Михаил Муравьев и его время: Сб. статей и материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 5–8. Единственное выявленное к настоящему времени ответное послание А.А. Мусина-Пушкина к Н.А. Львову, «Вы слышали, я чай, что еду я в Кавказ...» (1799), впервые опубликовано в статье: *Ланно-Данилевский К.Ю.* Литературные досуги графа А.А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 194–213.

³¹ Из них стихи 88–105 — четырехстопные хорей с вольной рифмовкой.

³² Стихи 127–142 — четырехстопные ямбы с вольной рифмовкой; лишь стих 140 — ямб трехстопный.

(«С другого света я пришел на костылях...»), нач. 1800-х; Я3, Я4, Я6ж, м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 18; ИС, 76–77);

13) неясен адресат лишь одного послания, «Любезный друг! нас сани...» (1790-е или нач. 1800-х; Я1, Я2, Я3, Я4, Я5, Я6ж, м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 35; стих 2: X5; ИС, 75–76).

Как уже сказано выше, главной характерной чертой именно дружеского послания следует вполне логичным образом признать *установку на выражение дружеских чувств*, что предполагает и широкий разброс тем, и разнообразие художественных средств. Поводы к их созданию несопоставимы по значимости — это и пустяки (например, отсутствие дома одного из приятелей Львова), и осмысление опыта крайне тяжелой болезни (длилась с сентября 1800 по апрель 1801 г.), которая побудила его из иной перспективы задуматься о смысле жизни, об итогах пройденного земного пути.

Конечно же, личность адресата и характер сложившихся с ним отношений, конкретные жизненные обстоятельства оказывали значительное влияние на выбор тематики посланий Львова. Неизменно дружеским при этом был тон, предполагавший определенное духовное сродство и дружественность отношений, позволявшие Львову игнорировать различия в общественном положении и возрасте и обратиться как к равному и к художнику А.Е. Егорову, находившемуся под его началом, и к А.А. Безбородко, бывшему в течение многих лет покровителем поэта.

Важное свойство литературных произведений Львова — их *приватная окказиональность*. Толчок к возникновению каждого из них давало определенное событие частной жизни автора или его близких друзей: сообщение Капнисту о рождении сына у Е.М. и А.Н. Олениных («Горячка»), получение писем и посланий от Г.Р. Державина и А.М. Бакунина, отъезд И.М. Муравьева за границу, а А.А. Мусина-Пушкина на Кавказ, отсутствие дома приятеля-графа, желание увидеться с А.Е. Егоровым, плачевное состояние дорог около Рязани, препятствующее дальнейшему путешествию, и проч. Реальные события и ситуации, становясь импульсами к сочинительству, будят творческую фантазию поэта, уводящую его в мир вымысла и побуждающую разворачивать перед читателем фикциональные картины, нередко впечатляющие своей масштабностью. В этом отличие посланий Львова от его дружеских литературных писем, в которых мир фактуальный, по большей части доминируя, соседствует с миром фикциональным, а некоторое реальное, вполне прозаическое сообщение лишь дополнено стихотворными пассажами, призванными «разрядить» ситуацию, выразить дружеские чувства и проч. Внешняя коммуникация, доминирующая в письмах, в посланиях уступает свою

роль внутренней «сообщенной коммуникации», а реальный адресант — посредствующей инстанции, повествователю, охотно надевающему разнообразные маски³³.

При этом послания Львова и его дружеские письма многое роднит. В первую очередь это усиленность в тех и в других экспрессивной и фатической функции, в силу чего выражение эмоций, а также установление и поддержание дружеского контакта нередко играют бóльшую роль, чем собственно сообщаемое. Послания должны производить *впечатление максимальной искренности и спонтанности*, тщательность литературной отделки им противопоказана, что в значительной степени определяет их поэтику и структурно-композиционные особенности.

Один из важнейших ключей к пониманию поэтики львовских посланий — *учет их потенциальной аудитории*, ибо всё художественное наследие Львова распадается на две группы произведений: анонимно опубликованные при жизни и те, что имели хождение в кругу его родственников и друзей. Эти последние (а среди них послания особенно многочисленны), со всей очевидностью, не соответствовали господствующим представлениям эпохи о литературности; в то же время у них была своя, сознательно суженная аудитория, охотно их читавшая. В «Горячке», послании к Е.М. и А.Н. Лениным, Львов оставил свидетельство о популярности этих «домашних стихков» у его друзей и родных (их явно не смущало отсутствие тщательной литературной отделки) и о том, что они порой «заказывались» автору:

Когда я был здоров,
Ты, Лизанька, меня просила
Прислать тебе смешных стихков <...>
(ИС, 63)

Установка на создание впечатления спонтанности написания посланий дает о себе знать и *в значительных колебаниях объема посланий*³⁴, и *в непредсказуемости их композиции* — то предельно усложненной,

³³ См. в связи с этим подробнее: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. СПб., 2013. С. 121–153. При анализе дружеских писем и посланий мы опираемся на учение о шести функциях речевой коммуникации, сформулированное в статье Р.О. Яковсона «Поэтика и лингвистика» (1960), и размышления Д. Яника о коммуникативной структуре повествовательных произведений (*Janik D.* *Literatursemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen.* Tübingen, 1985. S. 9–74).

³⁴ В вышеперечисленных произведениях Львова число стихов колеблется от 18 в послании А.Е. Егорову до 235 в двухчастной «Эпистоле к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797».

полиструктурной, то крайне простой. Она может проявляться и интра-, и экстратекстуально, т.е. при образовании *разножанровых композитов*: так, послание «Его сиятельству графу Александру Андреевичу» Безбородке» неотторжимо от следующей за ней пародии на сервильные оды, а вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797», басня «Счастье и Фортуна», иллюстрирует (абстрактно, в повествовательной форме) размышления первой части «Эпистолы».

Разрастание объемов ряда посланий Львова приводит, с одной стороны, к их сближению с эпосом (и в плане тематики, в связи с постановкой общих вопросов личного и национального существования, и в плане введения в них нарративов)³⁵, с другой, побуждает Львова использовать широкий арсенал художественных приемов и средств, чтобы удержать внимание читателя, ибо основная тематика большинства посланий Львова — философско-этическая (об этом подробнее ниже), а она способна наскучить читателю скорее всего.

По тем же причинам *диалогизм*, одно из наиболее типичных, «врожденных» свойств посланий, оказывается интенсифицирован Львовым. Его послания полны откликов на события различного масштаба, цитат, аллюзий (отнюдь не всегда ясных) на суждения друзей и вообще современников, интертекстуальных отсылок большей или меньшей явности к художественным произведениям³⁶. Весьма органичны и многочисленны пародийные пассажи в посланиях Львова; приведу лишь один пример — начальные десять стихов первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797», имеющих, как верно отметил А.М. Виноградов, структуру одической строфы³⁷:

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истине и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты
Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропюю
Лишаешь нужной слепоты,

³⁵ Это и интратекстуальное введение нарративных пассажей, и объединение разноприродных частей в составных посланиях. Так, вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797» — басня, т.е. произведение эпическое, а не лирическое.

³⁶ В том числе и к произведениям самого Львова. См., например, отсылку к «Ямщикам на подставе» в стихе 18 послания «Любезный друг! нас сани...»: «Везде ямские на подставе» (ИС, 75).

³⁷ Виноградов А.М. Проблема нравственного идеала предромантизма в диалогическом цикле Н.А. Львова «Фортуна» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вопросы метода и стиля. Вып. 6. Л., 1984. С. 62.

В которой леший слух прельщает,
 Червяк дорогу освещает
 До самой поприща меты?
 (ИС, 69).

Патетические интонации и строфометрические особенности роднят это десятистишие с похвальными одами, с высоким стилем которых диссонируют такие лексемы, как «леший» и «червяк». Из последующих строк становится ясно, что Бакунин, опрыснув друга кастальской влагой³⁸, открыл автору, что движение его по «тропе мечты» было отнюдь не прямым и устремленным ввысь (т.е. восхождением на Парнас; как известно, это один из основных одических топосов), но блужданием ослепленного Фортуной — «долом и горой», «в чаду, в тумане». Дальнейшие сатирические картины изменчивости Фортуны и погони за ней, чреватой внезапным падением, несомненно отсылают к знаменитой оде Г.Р. Державина «На счастье» (1789); в строфоидах, следующих за первым десятистишием, Львов, сохраняя метр (одический четырехстопный ямб), вводит вольную рифмовку, чтобы затем, сменив тему, живописать картины сельской идиллии в Никольском, тверском поместье Львовых, вольными ямбами (стих 68 и далее).

Несмотря на крайнюю пестроту и несхожесть посланий Львова между собой, есть и нечто, что их объединяет: это *автобиографический лирический герой*, через призму речи и зрения которого мы воспринимаем изображаемый мир посланий как целостность и единство. Этот мир вполне сообразуется с христианскими представлениями, а для его постижения ключевым оказывается послание «Три “Нет”», у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. <Бакунину> 1801 октября 1-го³⁹, в котором поэтом осмысляется отсрочка смерти и грядущая неминуемая «чистая отставка». Поводом к его написанию стало посещение обширного земельного участка в устье Яузы, 27 апреля 1797 года дарованного Павлом I канцлеру А.А. Безбородко. На нем предполагалось строительство московского дворца Безбородко (проект Д. Кваренги) и создание сада и парковых павильонов (проект Львова); начатые работы прервала внезапная смерть вельможи 6 апреля 1799 г., бывшего в течение многих лет покровителем поэта.

³⁸ Из стихотворения выясняется, что «кастальская» влага зачерпнута из Тальджи, речки в имении Бакунина.

³⁹ В названии упоминается несохранившаяся барочная Церковь Николая Чудотворца (освящена в 1693 г., разрушена в 1931 г.) в устье Яузы в селе Воробине, названном в честь стрелецкого головы Данилы Воробина. Нынешнее местоположение в Москве на улице Воронцово Поле.

Идея вечной жизни, посмертного воссоединения с Христом воплощена в этом стихотворении оригинально и ярко. Из него вычитывается *религиозная этика Львова*, этика деятельной жизни и любви — любви, которая в ином мире будет продолжена «в век века». Земной путь оканчивается, когда силы, отпущенные свыше и употребленные во благо ближних, исчерпаны, т.е. и предназначение исполнено. Горизонтальное движение тогда сменяется вертикальным — воспарением, в финале которого должно состояться воссоединение с Христом. Это слияние с Богом для Львова — событие веселое, отнюдь не смиренное, а живое и деятельное, имеющее мало общего с расхожими о том представлениями его православных единомыслителей. Под стать ему и смелая метафора, избираемая Львовым, — он уподобляет свою душу пряной булочке-витушке, которая должна прийти по вкусу там, наверху:

А там, как делом надорвуся,
Устану.. вдоволь налюблюся,
Поставлю жизни я чертой:
«Как скучно будет мне и дома,
Тогда мне этот свет худой».
Постой,
Дорога и в другой
Знакома.
Вечернею порой
Я в путь расположуся,
Сберусь и с силой и с умом,
Да к командиру всех челом
И в чистую отсель отставку попрошу
Потом
Раненько пробудяся,
Оденусь налегке и, Богу помоляся,
С любимыми прошусь
И только что с одной
Женой
Не разлучусь,
Но узел проглочу сердечной...
«Ребятюшки, и здесь уж не гожусь!» —
Скажу, да сам и ушлетусь,
Встряхнуся, встрепещусь,
К Любви превыспренней и вечной
На крыльях радостных взвьюсь
И, легок тем, что не боюсь,
Повыше, чем летал, пушусь,

С талантом повидаться
Для слабых ног коса! для головы обух!
(ИЗ, 76–77).

Ирония (как и *авторская самоирония*, ее неотторжимая составляющая) возникает в посланиях Львова также за счет разнообразных *масок* лирического героя: «парнасский трубочист» в послании к В.В. Капнисту «И я тебе, уроду...»; «лежащий в растяжку» больной, обуянный «вральской силой» и диктующий спонтанно рождающиеся стихи («Горячка»; «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неименитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С. Петербург»); мыслящий фольклорными категориями носитель некоего «исконного» сознания («Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797»). Общему ироничному настрою, позволяющему в «смешных стихках» затрагивать и крайне серьезные темы, способствуют гетерогенные композиции, скачки в изложении, обнажение приемов, введение фантастических элементов, в том числе в духе фольклорного гиперболизма, видений, а порой нарушение когерентности текста. Львов показывает себя, помимо прочего, и *мастером пространственной точки зрения*. Так, например, в послании И.М. Муравьеву Львов направляет свой и читателя взор вслед за адресатом, скрывшимся, подобно соколу за облаками, в чужих строках, что позволяет ему сделать обобщенные сатирические зарисовки западноевропейской жизни. Ясно, что она не пойдет на пользу его другу-адресату, которому присвоен облик былинного богатыря. Сочувствие к оторванному от родной почвы соотечественнику исторгает слезу из глаз адресанта, который роняет ее на «грамотку», и теперь читатель с ним вместе следит за тем, как она бежит, растворяя ореховые чернила, как разрастается ее «безмерный шлейф». Лирического героя «пронимает смех такой», и он устремляется «с двора долой», вспомнив о неисполненных делах и обрывая послание.

Общему ироничному настрою способствует и пестрая языковая ткань львовских посланий, уникальная для русской литературы в XVIII столетии: ее основа — разговорный язык образованных кругов общества, в который оказываются вживлены и лексика высокого стиля (по большей части пародийно), и городское просторечье (порой грубоватое), и фольклорные формулы, и диалектизмы, и макаронизмы. Сходные процессы обогащения лексики исследователи отмечают в связи с поэзией Державина⁴⁰, для которого, впрочем, несвойственно введение в стихи

⁴⁰ Грот Я.К. Язык Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1883. Т. IX. С. 333–355; Виноградов В.В. Очерки по

иноязычных речений, а областные слова не имеют отчетливой местной окраски (у Львова это преимущественно тверские словечки).

С коммуникативной точки зрения послания Львова распадаются на две группы. В первой из них доминирует *экспрессивная функция*. Содержательный аспект этих произведений размыт, их содержание поддается пересказу лишь в самом общем виде, словесная ткань избыточна по отношению к тому, что собственно сообщается. Так, беря на себя роль «парнасского трубочиста» в послании «И я тебе, уроду...», Львов стремился потоком дружеской экспрессии угасить разгоравшийся конфликт между Державиным и Капнистом и побудить второго принять поправки к стихам, сделанные Львовым. В двух посланиях на первом плане фрустрация по поводу несостоявшейся встречи («Помилуй, граф...»; «Иже во благих тому же отцу Егорову»). А в связи с отъездом А.А. Мусина-Пушкина на Кавказ Львов дает волю своей буйной фантазии, воодушевляемой надеждами на успехи поиска драгоценных металлов в Грузии, в силу чего когерентность изложения в послании оказывается особенно явно нарушена: обращение к другу сменяется ирреальной картиной движения экспедиционного каравана, за которой следует внезапное рассуждение о продажности красоты и проч.; многие намеки и окказиональные выражения должны были быть вняты лишь адресату, хотя и в этом нельзя быть полностью уверенным.

Во второй группе посланий доминирует *коммуникативная (референтивная) функция*; в них на первый план выдвинута эвдемоническая проблематика, к разработке которой поэта подтолкнул Державин стихотворением «К Н.А. Львову» («Стократ благословен тот смертный...», 1792)⁴¹. В нем Державин в горацианском духе воспел деревенскую жизнь своего друга, удалившегося от двора:

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят со двора.

истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М., 1982. С. 154–158 (главка «Внедрение просторечия в средний и высокий слог. Язык Державина»).

⁴¹ Впервые с заглавием державинская «Ода к Н.А. Л<ьвову>» без указания имени автора опубликована: Московский журнал. 1792. Ч. VII. Кн. II. Авг. С. 105–108. О посланиях Г.Р. Державина и их взаимодействии с другими жанрами см. подробнее: Ларкович Д.В. Послание в системе лирических жанров Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. Н.П. Морозовой. СПб., 2015. С. 5–16.

Сокрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят <...>.

Но ты умен: ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви⁴².

На белые стихи своего друга Львов отвечает рифмованными вольными ямбами, в которых оставляет без внимания державинскую аллюзию на знаменитый стих Горация (“*Beatus ille qui procul negotiis...*”, *Hor. Ep. II, 1*)⁴³ и описывает свой идеал приближения к крестьянской жизни. Русский мужик в посланиях Львова — это в известной степени «естественный человек», которому близость к природе позволила сохранить здоровые начала, и дворянину не стыдно поднабраться у него ума, уравновешенности, семейного духа⁴⁴:

Для должности мне день всегда казался мал,
А если я его не проводил с друзьями,
Для счастья моего я день тот потерял.
А здесь меж мужиками,
Не знаю отчего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал равен,
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
Благословляючи на встречу стократ
Станицу шумную троих моих ребят,
Которые растут здоровы, сильны, стройны;
Но были ль бы и здесь так дни мои спокойны,
Когда бы не был я на счастья женат?

(ИС, 62)

⁴² Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 512–514, 515–516.

⁴³ И Державин, и Львов (см. ниже) игнорируют иронические коннотации этого стиха и всей апологии деревенской жизни, вложенной Горацием в уста ростовщика Альфия, так и не покинувшего его город из-за своих делишек.

⁴⁴ В этом отношении посланиям Львова оказываются наиболее близки некоторые из его автоэпиграмм, созданных в 1790-е гг., в которых вырисовывается тот же образ помещика, усвоившего формы народной жизни; ср.: Сам на себя и на ребят моих («Всегда был мал...»; ИС, 94).

Вырисовывающаяся картина благоденствия далека от позднейшего народнического восхищения крестьянской общиной как моделью справедливого общественного устройства. Это скорее *национально окрашенная монархическая утопия* (подобная той, что мы видим и в львовских «Ямшиках на подставе», и в ряде его автоэпиграмм 1790-х гг.), где дворяне гармонически, вполне в духе эпохи Просвещения, сосуществуют с крестьянами «на земле», вдали от соблазнов больших городов и от цивилизации, «оторванной от почвы». Сатирическое и по большей части довольно абстрактное обличение этих уклонений от чаемого «естественного» состояния в столице и при дворе занимает поэтому в посланиях Львова немало места, и это сближает их с поэзией Державина, где, впрочем, разработка этих тем происходит иными художественными средствами. В то же время в посланиях Львова весьма заметное место занимают выпады против авторов сервильных од, массово создававшихся в карьерных и корыстных целях. Имен этих щелкоперов поэт, впрочем, не называет, это частный, хотя и особенно досадный для него как для представителя иных литературных ценностей случай искательства «фортуны» при дворе⁴⁵. Чужеродность столичной жизни — во многом результат ее вестернизации, как становится ясно из послания И.М. Муравьеву, в которое введена шутливая сатира на западноевропейскую цивилизацию⁴⁶.

Наиболее яркие и объемные картины семейной гармонии в Черенчицах-Никольском, поместье Львова, находим в первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797». Они далеки от народнического служения народу, как и от толстовского трудового слияния с ним, — дворянская семья, кончив именно свое, не крестьянское дело, собирается летним вечером за усадебным столом. Горацианская аллюзия из стихотворения Державина, звучащая здесь («как они блаженны»), призвана подчеркнуть вечность и незыблемость этих ценностей:

Я истинно, мой друг, уверен,
Что ежели на нас Фортуны фаворит
(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)

⁴⁵ Здесь Львов продолжил традицию «Сатир первой и последней» Капниста, первая публикация которой в 1780 г. содержала перечень имен восьми бездарных литераторов. Державин, как известно, воздерживался от прямых выпадов против сервильных писателей, рано сформировав негативное отношение к ним (*Западов В.А.* Проблема литературного сервильизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 56–75).

⁴⁶ Тема эта отнюдь не случайна для творчества Львова; решается она неизменно в ироническом ключе, обращение к ней — скорее повод задуматься, чем требование отвергнуть всё западное (ср. в первую очередь его поэму «Добрыня», 1796).

В Никольском поглядит,
Как, песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
 Под липку на лужок,
 Домашним бытом окруженны,
 Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей,
 Он скажет: «Как они блаженны,
 А их удача не кружит!
Мое вертится всё, их счастье лежит.

(ИС, 71–72)⁴⁷

Следующий пассаж из того же послания важен как определенное философское кредо Львова (его лирический герой здесь — несомненно рупор идей автора). С одной стороны, поэта в высшей степени занимают вопросы, волновавшие эпоху Просвещения, — он убежден, что человек от природы добр, что путь к счастью зависит от самого человека и пролегает через возвращение к некоему «естественному» состоянию («Но добрым я рожден и счастливым быть стою»), через «примирение» с природой. С другой стороны, для Львова, спроектировавшего и воздвигнувшего не один православный храм, важна конфессиональная общность двух основных сословий в России; поиски некой универсальной религии его никогда не увлекали. Конечно же, и национальный аспект играет для поэта важнейшую роль (и это роднит Львова с позднейшей, романтической эпохой); его крестьянин — это не философская абстракция, импортированная с Запада, а хотя и идеализированный, но всё же именно русский простолудин:

Что был мой век?
Туман. Что счастье? Мечта.
Что должность первая из важных? Суета.
Она опасностью мой разум обуяла
И радости прямой к душе не допускала;
Восторг ни каплей слез любви не оросил,
Ни искрой дружба кровь мою не согрела,
Меня всё на всё, я сердце износил,

⁴⁷ К этим строкам отсылают стихи Ф.П. Львова в послании к его кузену Н.А. Львову «Другу моему», написанном в том же 1797 г.: «Где ж счастье? Где оно летает? / Не в сердце ли гнездо свивает / Сие чудесно существо? / Не там ли я видал его, / Где человек обогащенный / Здоровой кучкою детей, / Трудями красит век почтенный / И не касается путей, на коих призраки прелестны / В темницу к роскоши ведут?..» (*Львов Ф.П.* Часы свободы в молодости / Изд. подгот. Е.Ю. Жаровой и М.В. Строгановым. Тверь, 2006. С. 44–45, 350).

характеризует себя лирический герой и во фразе, замыкающей послание А.А. Мусину-Пушкину: «Вот первый бред вышедшего из горячки, но не совсем в рассудок вошедшего слуги вашего»⁵⁰.

Снизу листа, на котором записано послание «Его сиятельству графу Александру Андреевичу Безбородке», читаем: «Продиктовал ее Федору Петр овичу» (т.е. Ф.П. Львову. — К.Л.-Д.) так, как есть»⁵¹.

Заботливо сохранена в том же томе и последующая мини-переписка Львова в заключение «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»:

Пришли, пожалуйста, назад. Я, как написал, так к тебе и послал, у меня помарочки не осталось.

Ответ

Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и перепишет, а оригинала не отдам, потому что хочу я его когда-нибудь употребить, как в освобожденном Иерусалиме Убальд употребил алмазный щит в садах Армидиных.

А. Бакунин»⁵².

Частям то даются отдельные названия, то их вводят прозаические замечания, как то: «Вот тебе, мой друг», *de la galimathia double*» (грамматически верно было бы: «*du galimathias*»).

Ну и, наконец, Львов порой сам поясняет собственный текст, для чего вводит в него сноски. В одной из них Львов цитирует обращение, содержащееся в письме к нему И.М. Муравьева (««Ангел мой титулярный» вместо обыкновенного титула в письме было написано»), чтобы пояснить собственную строку в письме к другу: «Каково же мне титулярному»⁵³. Чуть далее, депатетизируя довольно выпященный пассаж в основном тексте послания о слезе, пророненной лирическим героем на «милые слова», он замечает: «А просто сказать, расплылись чернила орешковые» (ИС, 69).

и о последующем бытовании текста в дружеском кругу, когда многое уже стиралось из семейной памяти: 1) РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 621. Л. 1–2; 2) Там же. Ед. хр. 758. Л. 11–11 об. В них имеются позднейшие и не во всем достоверные пояснения, автором которых была, видимо, Варвара Алексеевна Оленина (1802–1877), дочь Е.М. и А.Н. Олениных; так, об авторе «Горячки» читаем: «Николай Александрович Львов замечателен был во время Екатерины II, был ею отличен. Умер сумасшедшим» (РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 621. Л. 2; Там же. Ед. хр. 758. Л. 11 об.).

⁵⁰ Михаил Муравьев и его время. С. 8.

⁵¹ РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 9а.

⁵² Там же. Л. 69.

⁵³ Друзья обыгрывают следующее биографическое обстоятельство: Львов незадолго до того, в декабре 1796 г., получивший чин («титул») действительного статского советника, не имел определенного места службы.

Полиструктурность посланий Львова теснейшим образом связана с *полиметрией* в них: так, три из одиннадцати посланий Львова соединяют в себе разные размеры. Излюбленный метр поэта в интересующем нас жанре, активно комбинируемый им с другими, — вольный ямб, длина строк которого колеблется от двух до шести стоп, с вольной рифмовкой, со свободным чередованием женских и мужских клаузул. В эти пассажи порой вводятся равностопные отрывки, как в «одическом» зачине «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797». В общей сложности в посланиях насчитывается 652 вольных ямба; велик и удельный вес вольного хоря — 115 стихов. Равностопные двусложники — в заведомом меньшинстве: 37 четырехстопных хореев и 47 четырехстопных ямбов (применение его во втором послании к Державину, сохраняющем связь с поэтикой похвальной оды, в высшей степени оправдано). Особенно следует отметить новаторское обращение Львова к двустопному пентону третьему, одному из песенных размеров русского фольклора (81 стих в первой части послания «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797»), названному позднее кольцовским пятисложником, хотя справедливости ради его следовало бы назвать пятисложником львовским⁵⁴. Рифмуя, в отличие от Державина, обыкновенно весьма точно, Львов лишь в послании Муравьеву отказывается от рифм.

Для достижения ярких художественных эффектов Львов умело использует метрические девиации. Так, в зачине послания Державину он во втором стихе опускает одну из стоп, привлекая тем особенное внимание к характеристике своего друга, содержащейся здесь:

О друг отечества и мой,
 Друг истины святой,
 Глагол полуночных колоссов
 Еще тебе, еще венец
 Доблественных, надежных россов,
 Внушенный силою певец!
 (ИС, 64)

Неоднократно поэт «играет» и с анакрусой, вводя в хорейческие стихотворения ямбические строки (см. выше строфометрические характеристики посланий), и, наоборот, в послании «Три “Нет”» ряд стихов состоит лишь из одного односложного слова «нет», столь существенного в контексте этого произведения.

⁵⁴ Этим размером также написана львовская песня «Как, бывало, ты в темной осени...» (1790-е; ИС, 55–56).

Близость языка посланий к разговорной и народной речи выражается уже на фонологическом и морфемном уровнях: так, активно используются парагогические формы глаголов и деепричастий (*пришлось, морщися, соглашуся, ускользнувшись, уйтить*), краткие формы прилагательных (в целях придания фольклорного колорита или как элемент высокого стиля, но большей частью для выдерживания размера), девиантные формы существительных (*рублёв, без зуб*) и глаголов (*остановлял, писнуть*), синкопированные и апокопированные варианты (*вытращил, несладимой, везть, лампад*).

Львов использует и прием искажения языкового кода: произвольно заменяя фонемы и «воспроизводя» ломаную «немецко-русскую» речь⁵⁵, он вводит в послание А.А. Мусину-Пушкину маловразумительный разговор двух немцев Германа и Фишера (видимо, подчиненных графа) в следующую фантастическую сцену движения каравана, отправляющегося за золотом на Кавказ:

С полуденных стран богатых
Подымается туман,
На чудовищах горбатых,
Трезвых, сильных и мохнатых,
От краев валит хлопчатых
С позвонками караван.
Бывший в легоньких транспортах
На скоте передовом,
Фишер, купидон в ботфортах
Меж ушей и с фонарем.
Золотом карман обширной,
Как желудок, начинен;
Герман, друг его умильной,
Удивленьем поражен.
Чинным ротиком и узким,
Языком немецко-русским
Говорит: «прафа нет он!
Фишер свой карман со пуста
Как буфал и не буфал!
Со богатой? Куда псал?
Золотой прад не капуста
На Ульяновку зарупал!»

⁵⁵ Тот же прием использован Львовым в «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», в котором речь хранительницы Дудергофских высот, явившейся рассказчику во сне, наделена ингерманландским акцентом. Ее реплики читаются намного лучше, ибо автором в сноске предложен ключ к фонетическим искажениям ее речи (ИС, 190).

Тучей пыльной солнце тмится,
 Слух брякушками глушится,
 Вслед за Фишером валится,
 Буря чуд, богатств сумы,
 Путь под ними золотится
 И разинулись умы⁵⁶.

Обильно представлена в посланиях Львова просторечная лексика: *вдругорядь*, *ералаи*, *подмоцаться* (льстить), *камурочка* (комната), *морочить*, *льзя*, *дескать*, *зелье* (зло), *приплыть* (прибыть), *срамить*, *шалной*, *уплестись* (уйти), *уруть* (уехать), *шайка* (при обозначении своих родных), *шиш*. Нередко это слова бранные и грубоватые: *урод*, *шпынь*⁵⁷, *ханжа*, *брюзга*, *хрыч*, а также поговорки и присловья, в которых они употреблены: *за что ни попадя ловить*, *не черт их нес*. К этим словам примыкает и заметная группа диалектизмов, большинство которых, как и в «Ямщиках на подставе», тверского происхождения: *встретенье* (встреча), *ерак* (эдак), *жадобный* (милый), *зде* (здесь), *кутить* (крутить), *обратать* (оседлать), *ошаломить* (или *ошеломить*, т.е. ударить по голове, помрачить сознание), *плесея* (или *плясея*, т.е. плясунья), *хвилой* (хилый), *станциа* (группа людей, стайка), *шемела* (метла, помело), *шеллаган* (пустой человек).

В послании И.М. Муравьеву в соответствии с задачей создания фольклорной стилизации Львов наиболее последовательно использует былинные синтаксические конструкции, образы и формулы народной поэзии: *млад ясен сокол* (для обозначения молодца), *грянуть песенку*, *коромыслом пыль*, а также фразеологизмы: *между рук горит*.

Львов и сам занимается словотворчеством, почему в его посланиях находим немало окказионализмов, значение которых обычно хорошо понятно благодаря контексту и родственным словам: *залюбиться* (отдаться чувству любви), *людство* (публичность, толпа), *неимущество* (бедность), *нелесь* (нелестные суждения).

Не удивительно, что при таком обилии лексических средств, работающих на снижение и депатетизацию посланий, количество славянизмов в них оказывается мизерно, но и они, конечно же, неотъемлемая часть этой словесной мозаики: *глагол*, *доблественный*, *коцун*, *облактился*,

⁵⁶ Михаил Муравьев и его время. С. 6–7.

⁵⁷ Для этого слова, конечно же, важен его контекст в «Нескольких вопросах, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание» Фонвизина, обращенных к Екатерине II: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» (Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. СПб., 1783. Ч. III. С. 165).

бессребренник. Последнее слово столь прочно вошло в русский язык, что уже не ощущалось как славянизм, что, кстати, доказывает его употребление в послании Мусину-Пушкину в связи с имитацией речи крестьян. Особенно следует отметить форму дуалиса в зачине первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»: «Слепой очима, духом зрячий...» Эта грамматическая форма (впрочем, свойственная не только старославянскому языку, но и русским говорам) способствует созданию особой, одической интонации, которая выдерживается лишь во втором послании Державину, в других же стихотворениях Львов последовательно стремится ее преодолеть и отмежеваться от высокого стиля.

Интерес Львова к коду, к фактуре художественного сообщения сказывается и в двух случаях макаронизма. В первом это несколько иноязычных слов в уже цитировавшемся перитексте: «Вот тебе, мой д<руг>, de la galimathia double» (ИС, 79); в другом — двенадцатистрочный сумбурный стишок на итальянском языке, замыкающий послание к И.М. Муравьеву; его веселый тон и «чужеземность» ярко контрастируют с основной, «русофильской» частью этого произведения.

Одна из наиболее типичных черт посланий Львова на семантическом уровне — их *повышенная метафорическая насыщенность*, а также яркость, смелость самих метафор и тесно связанных с ними сравнений. Метафора может быть развернута, как, например, в «Горячке», где она «спаяна» с таким риторическим приемом, как *figura ethymologica*. Подчеркивая происхождение фамилии Олениных от названия животного, Львов строит послание Е.М. и А.Н. Лениным на обыгрывании расхожей в языке 1790–1800-х гг. метафоры «олень» в значении «рогоносец».⁵⁸ Привычным пошлым ассоциациям и нравам при дворе, где браки редко заключались по любви, а случаи супружеской неверности были часты, Львов противопоставляет «безрогость Оленя», крепость семейного счастья Оленина и его друзей, построенного на взаимности и доверии супругов:

Двадцать градусов морозу...
Я в горячке третий день...
В ноябре живую розу
На Сенной родил Олень,
И безрогий, неказистой,
Доказать зверек сей мог

⁵⁸ Ср. у С.Н. Марина в «Письме Ар<сеньеву>» (нач. 1800-х): «Дела идут на лад — уж муж ее олень, / Я с нею вижуся тихонько через день» (Марин С.Н. Полное собрание сочинений. М., 1948. С. 82 (Летописи Государственного Литературного музея. Кн. X)); ср. его же «Письмо к Аргамажову» (Там же. С. 101. № 76).

То своей голубке чистой,
 Что он муж ей, хоть без рог.
 Но без рог! о друг, ты свету
 Станешь странный шиш казать,
 Мужнюю не зря примету,
 Кто нас мужем станет звать?

Что такое есть венчаться?
 Украшать венцом чело,
 Чем же мужу отличаться,
 Как чело у нас голо?

Как венец сей налагают
 Честна камня в страстный час,
 Тут под титлом намекают
 То, чем Бог обидел нас:
 Знаменитыми мужами
 Он нас быть не осудил,
 Но комольми скотами
 В угол счастья заключил,
 Дал свободу веселиться,
 Скромно и покойно жить,
 Целый круглый век любить,
 О пустом не суетиться,
 Да проходит уж и век,
 Где рогами в знать втесниться
 Может честный человек.

(ИС, 62–63)

Из процитированного пассажа видно, как метафорическое наименование Оленина «*безрогим оленем*», а затем и «*зверьком*», оказывается ключом к тропам по сходству, порой весьма индивидуально ощущаемому: *живая роза* (новорожденный Николай Оленин), *голубка* (Е.М. Оленина), *странный шиш* (вызывающий поступок, поведение), *рога*, также и *венец* (неверность жены, принимаемая мужем), *комолье скоты* (мужские представители львовско-державинского содружества, осчастливленные их верными женами).

Не будучи выстроены в столь затейливые ряды, как в «Горячке», в целом метафоры в посланиях ярки, свежи, тесно связаны с контекстом, биографическими событиями и атмосферой кружка. Приведу лишь некоторые примеры метафорической субституции: *вечна ночь* (смерть), *курноса, адска дочь* (смерть), *луч веселости* (веселость, которой оделяют других), *все по ниточке* (упорядочено), *на безмен слова* (немногословно), *на аршин шаги* (выверено), *бельмы вытращить* (изумиться), *мадам*

летучая, нагая (Фортуна), *суетиться жабой и ужом* (заискивать), *повести клином рот* (огорчить поведением наперекор), *кружиться колесом* (подслуживаться), *в обод загигать, улицу мостить кем-то* (принуждать, унижать), *износить сердце* (утратить былую чувствительность), *холодность, облегающая сердце* (огорчение), *травчатый паркет* (луга), *прийти на костылях с другого света* (выздороветь), *жить впопыхах* (стремиться многое успеть, быть деятельным), *коса для слабых ног* (препятствие из-за слабости сил), *обух для головы* (невыносимое ментальное напряжение), *разинулись умы* (многие пришли в изумление), *дух возлег* (установилась атмосфера), *ниточки ссучить* (дать отсрочку), *чистая отставка* (смерть), *проглотить сердечный узел* (подавить чувства), *пресных душ витушки* (смирненные, не мятежные души), *ревизские стаи* (предвзятые, недоброжелательные проверяющие), *путь скользкий* (жизнь) и др. Метафорично и употребление Львовым многих эпитетов — Москву он зовет «тетёхой», намекая на неупорядоченность ее пространств в отличие от «мужественного», более четко структурированного Петербурга. Говоря в другом месте о «тетёхах-студенях» и об их расхожих мнениях, он одним эпитетом создает образ их телесной и интеллектуальной рыхлости.

Метонимический ряд в посланиях Львова в сравнении с метафорическим оказывается весьма скудным; приведу примеры лишь двух антономазий: *домашний зодчий ваи* (самообозначение Львова), *командир всех* (Христос). Особо отмечу, что приверженность Львова к достижению художественных эффектов за счет семантических контрастов проявляется в охотном использовании оксиморонов: *мудрый безграмотный мир*, *одушевленный тлен*, а также катахрез: *ум и наг и бос, пустой набат*, *разинулись умы* (последняя одновременно и яркая метафора).

IV. Дружеские послания Н.А. Львова в жанровом контексте

Предпринятое выше рассмотрение нескольких аспектов львовских посланий, наиболее существенных для понимания их поэтики, утверждает в мнении об их высокой насыщенности художественными приемами и умелой «сделанности», а также о различной степени спонтанности возникновения этих произведений. Чтобы в полной мере оценить их оригинальность, следует в заключение бросить хотя бы беглый взгляд на русские послания 1780–1790-х гг.

На первый взгляд (но только на первый) из многообразной эпистолярной лирики конца XVIII столетия с посланиями Львова схожи только два стихотворных «письма» Ю.А. Нелединского-Мелецкого: «Письмо к А.В. Сал<тыкову>» (1783) и «Письмо к Д.И. Головиной из Витебска»

(между 1783 и 1785). Они были опубликованы через много лет после смерти автора, а потому также «оказались за бортом» литературы своего времени. Поводом к созданию первого стала экстравагантная выходка А.В. Салтыкова: он поначалу отправился в Курск на свадьбу В.В. Нащокина, которая была отложена на день и на которую он поэтому не остался, ибо иначе не успел бы в Москву на маскарад, где собирался продолжить ухаживание за очередной возлюбленной. Вторым посланием Нелединский-Мелецкий ответил на дружеские поддразнивания его давней приятельницы Д.И. Головиной по поводу его холостячества и, насмешливо описав страсть жениться, внезапно охватившую столичных дворян, принес ее будущему мужу заверения преданности⁵⁹. Оба послания написаны вольными ямбами, а их грубое просторечье, скорее, восходит к традиции скарроновского бурлеска (никаких более общих, этических проблем они, в отличие от посланий Львова, не ставят) — комический эффект достигается тем, что поэт о событиях в высшем светском кругу, к которому принадлежит, повествует языком крайне сниженным. Чего стоит первая фраза послания Головиной «Уж, matka, ты мне уши прожужжала!...» или его окончание, из которого выясняется, что юная аристократка «схватила молодца»:

Схватила, мать моя, себе ты молодца!
 Да как подкрáлася! И он, знать, вор, детина:
 Он Дарью поймал — ведь экой молодчина!
 Вели ему меня любить;
 А там мое уж будет дело
 Его к себе любовь и дружбу заслужить.
 За то ручаюсь смело,
 Что Дарьин муж всегда найдет во мне
 Слугу, каков я был и есмь его жене⁶⁰.

В целом же именно в 1780–1790-е гг. происходит существенное обогащение метрики и строфического репертуара посланий⁶¹. Наряду с alexandрийским стихом, еще довольно многочисленным⁶²,

⁵⁹ Супругом Головиной стал Семен Федорович Уваров (1743–1788); в этом браке родился С.С. Уваров (1786–1855), государственный деятель, министр народного просвещения в 1833–1849 гг.

⁶⁰ Сочинения Нелединского-Мелецкого. СПб., 1850. С. 112.

⁶¹ В этом русская литература, судя по всему, следовала в первую очередь за французской, в которой гегемония alexandрийского стиха в посланиях была давно поколеблена. Так, Вольтер для своих “*épîtres*” избирает различные размеры; он также комбинирует в них стихи различной длины.

⁶² Княжнин Я.Б. «Послание к российским питомцам свободных художеств» (1782); Козодавлев О.П. «Письмо к татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице» (1783); Бухарский А.И. «Письмо к другу» (1792); Козодавлев О.П. «Письмо

и близкородственным ему шестистопным ямбом вольной рифмовки⁶³, в посланиях начинается в высшей степени широко использоваться четырехстопный ямб⁶⁴, об экспансии которого в это время во все жанры справедливо писал М.Л. Гаспаров. Востребованы также трехстопный (не только рифмованный, но белый)⁶⁵ и вольный ямбы⁶⁶, четырехстопный⁶⁷ и даже пятистопный хорей⁶⁸. Столь же пестра строфика посланий в эти годы: это и катрены, и шестистишия, и восьмистишия различных видов, и одические десятистишия, и усложненные строфы⁶⁹, нередко и вольная рифмовка. Можно говорить о раскрепощении жанра, освободившегося в эти годы от гнета каких-либо формальных предписаний.

В 1790-е начинается также столь важный процесс, как горацанско-анакреонтический тематический синтез в дружеских посланиях⁷⁰, написанных анакреонтическими размерами (т.е. в первую очередь четырехстопным хореем и трехстопным ямбом, наряду с ямбом четы-

к Ломоносову 1784 года» (1784); Словцов П.А. «Послание к М.М. Сперанскому» (1794); Дмитриев И.И. «Послание к Н.М. Карамзину» (1795); Николев Н.П. «Послание к другу пиите и рыцарю <Д.П. Горчакову>» (<1791>); и др.

⁶³ Богданович И.Ф. «Письмо поселянина к военачальнику» (1789).

⁶⁴ Козодавлев О.П. «К другу моему ***» (1783); Княжнин Я.Б. «К княгине Дашковой. Письмо на случай открытия Академии российской» (1783); Николев Н.П. «Лирическое послание княгине Е.Р. Дашковой» (1791); Львов Ф.П. «Доброму человеку» (1792); Державин Г.Р. «Храповицкому» (1793); Капнист В.В. «Друзьям моим» (1793); Крылов И.А. «К другу моему. А.И. К<лушину>» (1793); Карамзин Н.М. «Послание к Дмитриеву» (1794); Карамзин Н.М. «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794); Державин Г.Р. «Другу» (1795); Магницкая А.Л. «К бессмертному творцу „Россиады“» (1797); Николев Н.П. «Послание к князю Н.М. Козловскому» (опубл. 1797); и др.

⁶⁵ Княжнин Я.Б. «Письмо к гг. Д. и А.» (<1786>); Карамзин Н.М. «Анакреонтические стихи А.А. Петрову» (<1786?>); Карамзин Н.М. «Мишеньке» (1790); Хованский Г.А. «Послание к Хлоину другу на случай помолвки» (1795); Херасков М.М. «От Т<ворца> Р<оссиады> Н-л...е и А-л...не М...цким» (1797); Голенищев-Кутузов П.И. «К сочинительнице Ручья, стихи тою же мерою писанные» (1799).

⁶⁶ Княжнин Я.Б. «Исповедание Жеманихи. Послание к сочинителю „Былей и небылиц“» (1783); Карамзин Н.М. «Послание к женщинам» (1795); Пушкин В.Л. «Письмо к И.И. Д<митриеву>» (1796); Нелединский-Мелецкий Ю.А. «К Темире» (1796).

⁶⁷ Дмитриев И.И. «К Ф.М. Дубенскому сочинившему музыку на песню „Голубок“» (1795); Карамзин Н.М. «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине» (1796); Магницкий М.Л. «Послание к другу моему Д.А.К.» (1797); Дмитриев И.И. «Послание к А.И. Толбугину» (вторая пол. 1790-х); Державин Г.Р. «Храповицкому» («Храповицкой! дружбы знаки...», 1797).

⁶⁸ Словцов П.А. «Полно, друг, с фортуною считаться...» (1796).

⁶⁹ См., например, «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы Царевны Киргизкайсацкой» (1783) Е.И. Кострова, строфы которого состоят из катрена и двух трехстиший; в них комбинируются шести- и четырехстопные ямбы.

⁷⁰ См. подробнее: *Маркин А.В.* Дружеское послание 1780–1820 гг. и традиции Анакреона и Горация в русской литературе // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск, 1990. С. 18–26. Ср. также: *Гинзбург Л.Я.* О лирике. 2-е доп. изд. Л., 1974. С. 198–201.

рехстопным, универсальным); этот процесс стал предпосылкой важных художественных достижений следующей эпохи⁷¹. Пространные дружеские послания, наряду с элегиями, получают в первой четверти XIX в. столь широкое распространение, что В.К. Кюхельбекер, как известно, избирает их мишенью критики, когда в 1824 г. выступает в печати в защиту ценностей романтической поэзии⁷².

Львову, хотя он и сам отдал дань восхищения анакреонтике, эта тенденция в литературе 1790-х гг. оказалась чужда. Несмотря на то, что горацианские мотивы присущи его посланиям, имеют они совершенно иную, национальную огласовку. В целом же изображенный мир дружеских посланий Львова и те средства, которыми он создается, вполне оригинальны. Внезапная смена фокуса авторского зрения и планов повествования, полеты причудливой фантазии, автобиографизм, различные маски лирического героя, повышенная экспрессивность, активная задействованность перитекстуального поля, композиционная непредсказуемость, пародирование различных стилистических систем, полиметрия, фонетические метаплазмы, объединение в одном ряду высокой, разговорной (при этом порой грубоватой), диалектной и иноязычной речи, а также фольклорных формул, яркая метафорика — всё это оказывается подчинено единой сверхзадаче, раскрытию темы творческой личности и ее счастья. Не случайно поэтому излюбленным размером посланий Львова становится вольный ямб, наиболее пригодный для создания впечатления спонтанности поэтической речи и в посланиях его друзей в эти годы не встречающийся⁷³.

⁷¹ Наиболее яркие и ранние тому примеры — следующие дружеские послания И.И. Дмитриева, написанные четырехстопными хореем, адресат последнего из них уподоблен Анакреонту: «Стансы к Н.М. Карамзину» (1793), «К приятелю (с дачи)» (1795), «К Ю.А. Нелединскому»-«Мелецкому»» (1795).

⁷² «Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для ней облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа, или просто письмо в стихах. Трудно не скучать, когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастьях; еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, слава Богу! здоровы и страх как жалеют, что так давно не выдальсь!» (*Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // *Мнемозина*. 1824. Ч. II. С. 33).

⁷³ Так как послания Львова были опубликованы по большей части в XX в., их место в истории русского вольного ямба не учтено в важнейших исследованиях, посвященных этому размеру: *Тимофеев Л.И.* Вольный стих XVIII в. // *Argis poetica*. Вып. 2. М., 1928. С. 73–115; *Матяш С.А.* Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. Отмечу, что Державин в своих сравнительно немногочисленных посланиях 1790-х гг. вольный ямб не применял, неизменно предпочитая строфическое построение стихотворений: «Ко второму соседу» (1793), «Храповицкому» («Товарищ давний, вновь сосед...» 1793), «Другу» (1795), «Храповицкому» («Храповицкой! дружбы знаки...» 1797). Капнитс создал в это десятилетие всего одно послание «Друзьям моим» (1793), состоящее из двух восьмистишных строф, написанных четырехстопным ямбом. Тот же размер находим

Впечатлению раскрепощенности творческой манеры, созданию в его посланиях обширного экспериментального поля способствовала прежде всего ориентация Львова на ближайших родственников и друзей, предполагавшая презумпцию благожелательности и большую, чем у широкой читательской аудитории, информированность, а следовательно, и повышенную восприимчивость к намекам, иносказанию, иронии, неожиданным, раскованным, а потому и рискованным художественным приемам⁷⁴. То, чему на исходе XVIII столетия господствующие вкусы отказывали в принадлежности к литературе, в «литературности», обрело эстетическую ценность в глазах читателей лишь в XX и XXI вв., когда представления о «допустимых» художественных средствах выражения кардинально изменились. Послания Львова, таким образом, — образцовый пример способности произведений, не воспринятых современниками, менять затем свое место на шкале культурных ценностей. Дав волю новаторским порывам и экспериментированию в своих посланиях, Львов создал произведения, оказавшиеся в куда большей степени эстетически релевантными для позднейших, а не ближайших к нему поколений. Опередив свое время, Львов тем самым несомненно сказал нам нечто важное, не сказанное другими поэтами об искусстве своей эпохи и его интенциях; публикация его посланий и ряда других произведений по истечении значительного времени после их создания усложнила и обогатила наши представления о русской литературе в XVIII столетии и ее эстетике.

в трех посланиях Ф.П. Львова этих лет: «Доброму человеку» (1792), «Другу моему» (1797), «Г.Р. Державину из Ревеля» (1798 или 1799); его послание А.Н. Оленину «Николаевичу от Петровича» (1800) написано четырехстопным хореем.

⁷⁴ Интересным примером усвоения этих приемов и одновременно бытования произведений Львова (и в первую очередь посланий) в его дружеском кругу следует признать стихи, написанные его родственником и почитателем А.М. Бакуниным в 1800-е гг. Они содержат парафразы и цитаты из следующих стихотворений Львова, а также варьируют их темы: «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три “Нет” у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. Б<акунину> 1801 октября 1-го» и «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неизменитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербург» (Стихи А.М. Бакунина, написанные в подражание Н.А. Львова / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 33–42).

Литература

Артемова С.Ю. Послание стихотворное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 177–178.

Виноградов А.М. Проблема нравственного идеала предромантизма в диалогическом цикле Н.А. Львова «Фортуна» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вопросы метода и стиля. Вып. 6. Л.: Изд-во Ленинградского пед. ин-та, 1984. С. 57–67.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Стлб. 905.

Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е доп. изд. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.

Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32–48.

Давыдов Г.А. Жанр дружеского послания в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1997. № 1. С. 92–100.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.

Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 56–75.

Лазарчук Р.М. К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение: Сб. науч. докладов. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 11–16.

Лазарчук Р.М. Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. // Филологический сборник. Статьи и исследования: Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1970. Т. 460. С. 29–45.

Лапто-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. СПб.: Наука, 2013. С. 121–153.

Лапто-Данилевский К.Ю. Литературные досуги графа А.А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 194–213.

Лапто-Данилевский К.Ю. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3. С. 201–214.

Ларкович Д.В. Послание в системе лирических жанров Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. Н.П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2015. С. 5–16.

Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лапто-Данилевского; перечень архитектурных работ Н.А. Львова подготовлен А.В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Бёлау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. 422 с.

Лютров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наследие, 1998. С. 407–470.

Лютров М.Ю. Старинные русские послания (XVII–XVIII век). М.: Изд-во Московского культурологического лицея, 2000. 156 с.

Маркин А.В. Дружеское послание 1780–1820 гг. и традиция Анакреона и Горация в русской литературе // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 18–26.

Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 496 с.

Михаил Муравьев и его время: Сб. статей и материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Казань: РИЦ, 2015. 116 с.

Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86.

Стихи А.М. Бакунина, написанные в подражание Н.А. Львову / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 33–42.

Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М.: Языки славянских культур, 2003. 929 с.

Janik D. Literatursemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen. Tübingen: G. Narr, 1985. 155 s.

Kemper D. Epistel // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Bd. 1: A–G. Berlin; New York, 1997. S. 473–474.

References

Artemova S.Yu. Poslanie stikhotvornoe [Poetic epistle]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: A dictionary of relevant terms and concepts], ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 177–178. (In Russ.)

Davydov G.A. Zhanr druzheskogo poslaniia v poezii M.M. Kheraskova i poetov ego kruga [The genre of friendly epistle in the poetry of M.M. Kheraskov and poets of his circle]. *Nauchnye doklady vysshei shkoły. Filologicheskie nauki*, 1997, no. 1, pp. 92–100. (In Russ.)

Gasparov M. L. Poslanie [Epistle]. *Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya. T. 5* [Brief literary encyclopedia. Vol. 5]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1968, col. 905. (In Russ.)

Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About lyrics], 2nd ed. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1974. 409 p. (In Russ.)

Grekhnov V.A. Druzheskoe poslanie pushkinskoi pory kak zhanr [Friendly epistle of the Pushkin era as a genre]. *Boldinskie chteniia* [Boldino proceedings]. Gorky, 1978, pp. 32–48. (In Russ.)

Janik D. *Literatursemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen*. Tübingen, G. Narr, 1985. 155 s.

Kemper D. *Epistel. Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte*. Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Bd. 1: A–G. Berlin, New York, 1997, s. 473–474.

Lappo-Danilevskii K. Yu. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki [Friendly literary letter: specifics, origins]. *XVIII vek. Sb. 27* [18th century. Iss. 27]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 121–153. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K. Yu. Literaturnye dosugi grafa A.A. Musina-Pushkina [Count A.A. Musin-Pushkin's literary leisure]. *Dar družhestva i muz: Sb. statei v chest' N.D. Kochetkovo* [A gift of friendship and muses: A collection of essays in honor of N.D. Kochetkova]. Moscow, St. Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2018, pp. 194–213. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K. Yu. Poet Aleksandr Slepetskoj. Literaturnaya mistifikatsiya v zhurnale “Muza” (1796) [Alexander Slepetskoj, the poet: A pseudograph in the journal “Muza” (1796)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 3, pp. 201–214. (In Russ.)

Larkovich D.V. Poslanie v sisteme liricheskikh zhanrov G.R. Derzhavina [Epistle in G.R. Derzhavin's system of lyrical genres]. *G.R. Derzhavin i ego vremia. Sb. nauch. statei. Yyp. 10* [G.R. Derzhavin and his time. A collection of scientific essays. Iss. 10], ed. N.M. Morozova. St. Petersburg, Pushkin National Museum Publ., 2015, pp. 5–16. (In Russ.)

Lazarchuk R.M. K probleme genezisa zhanra družheskogo poslaniia v russkoi poezii XVIII veka: tezisy [On the problem of friendly epistle genesis as a genre in Russian poetry of the 18th century: theses]. *XXVI Gertsenovskie chteniya. Literaturovedenie: sb. nauch. dokladov* [XXVI Herzen proceedings. Literary studies: a collection of scientific reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1973, pp. 11–16. (In Russ.)

Lazarchuk R.M. Poslanie N.A. L'vova i ego rol' v literaturnoi bor'be 1790-kh — 1800-kh gg. [N.A. Lvov's epistle and its role in the literary struggle of the 1790s — 1800s]. *Filologicheskii sbornik. Stat'i i issledovaniia: Uch. zap. LGPI im. A.I. Gertsena*, 1970, vol. 460, pp. 29–45. (In Russ.)

Liustrov M. Yu. Poslanie v russkoi poezii XVIII veka [Epistle in 18th-century Russian poetry]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sb. 9* [Hermeneutics of Old Russian literature. Iss. 9]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 407–470. (In Russ.)

Liustrov M. Yu. Starinnye russkie poslaniya (XVII–XVIII vek) [Old Russian epistles (17th–18th centuries)]. Moscow, Moscow Culturological Lyceum Publ., 2000. 156 p. (In Russ.)

Lvov N.A. *Izbrannye sochineniia* [Selected works], intro. D.S. Likhachev, intro., comp., ed. and comment. K. Yu. Lappo-Danilevskii, list of N.A. Lvov's architectural works by A.V. Tatarinov. Köln, Weimar, Vienna, St. Petersburg, Böhlau Verl., Pushkin House Publ., Russian Christian Institute for the Humanities Publ., Akropol' Publ., 1994. 422 p. (In Russ.)

Markin A.B. Druzheskoe poslanie 1780–1820 gg. i traditsiia Anakreona i Goratsiia v russkoi literature [Friendly epistle of 1780–1820 and the tradition of Anacreon and Horace in Russian literature]. *Modifikatsii khudozhestvennykh sistem v istoriko-literaturnom protsesse* [Modifications of artistic systems in the historical and literary process]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1990, pp. 18–26. (In Russ.)

Matiash S.A. Vol'nyi iamb russkoi poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh [Free iamb in Russian poetry of the 18th–19th centuries: genre, style, verse]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Faculty of Philology Publ., 2011. 496 p. (In Russ.)

Mikhail Murav'ev i ego vremia: Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Mikhail Muravyov and his time: Proc. 5th All-Russian Sci. and Prac. Conf.]. Kazan, RITS Publ., 2015. 116 p. (In Russ.)

Pastushenko L. Stanovlenie zhanra druzheskogo poslaniia v russkoi poezii kontsa XVIII veka (M.N. Murav'ev, N.M. Karamzin) [Formation of friendly epistle as a genre in Russian poetry in the late 18th century (M.N. Muravyov, N.M. Karamzin)]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 78–86. (In Russ.)

Stikhi A.M. Bakunina, napisannye v podrazhanie N.A. L'vovu [A.M. Bakunin's poetic imitations of N.A. Lvov], publ. K.Yu. Lappo-Danilevskii. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 33–42. (In Russ.)

Toporov V.N. *Iz istorii russkoi literatury. T. II: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniia, materialy, publikatsii; M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. II* [From the history of Russian literature. Vol. II: Russian literature of the 2nd half of the 18th century: Studies, materials, publications; M.N. Muravyov: An introduction to his literary heritage. Book II]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2003. 929 p. (In Russ.)

Vinogradov A.M. Problema nravstvennogo ideala predromantizma v dialogicheskom tsikle N. A. L'vova "Fortuna" [The problem of pre-romantic moral ideal in N.A. Lvov's dialogical cycle "Fortune"]. *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka. Voprosy metoda i stilia. Vyp. 6* [Problems of studying Russian literature of the 18th century. Issues of method and style. Iss. 6]. Leningrad, Leningrad Pedagogical Institute Publ., 1984, pp. 57–67. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of Russian literary language of the 17th–18th centuries], 3rd ed. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)

Zapadov V.A. Problema literaturnogo servilizma i diletantizma i poeticheskaiia pozitsiia G.R. Derzhavina [The problem of literary servilism and amateurism and G.R. Derzhavin's poetic standpoint]. *XVIII vek. Sb. 16: Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [18th century. Iss. 16: Results and problems of studying Russian literature of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 56–75. (In Russ.)

Zhivov V.M. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in history and prehistory of Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 758 p. (In Russ.)

Poetics of Nikolay Lvov's friendly epistles

© 2019, Konstantin Lappo-Danilevskii

Abstract: Nikolay Lvov (1753–1803) composed thirteen friendly epistles in the last decade of his life, but did not publish them. They were destined for a small audience — his close friends and relatives, including such poets as Gavriil Derzhavin, Vasily Kapnist, Fedor Lvov, Apollos Musin-Puskin, and Ivan Muravyev-Apostol. This friendly atmosphere determined the poetics of Lvov's epistles and made them an area of bold experimentation. The poet used various meters in his epistles (mostly free iambs and trochees; also pentons, as in folk songs), he mixed lofty lexicon with colloquial expressions and dialectisms, he created small cycles and combined “incompatible” themes. In the first group of Lvov's friendly epistles, the purest expression of friendship dominates, making them often border on the nonsensical. The second group proclaims the ideals of a nationally colored Horatianism and contains original descriptions of rural life in Russia.

The article also treats the genre of friendly epistles in 18th-century Russian poetry more broadly, its history and the role of poets like Mikhail Kheraskov, Mikhail Muravyev, Gavriil Derzhavin. Special attention is devoted to the poetics and prosody of the Russian epistolary lyric.

Keywords: Eighteenth-century Russian Literature, friendly epistles, Nikolay Lvov, Mikhail Muravyev, Gavriil Derzhavin, history of Russian verse, poetry and poetics.

Information about the author: Konstantin Lappo-Danilevskii, Doctor Hab. of Philology, senior researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lappo-Danilevskii Konstantin. The poetics of Nikolay Lvov's friendly epistles. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 183–222. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-223-249

УДК 821.161.1

**«Бог есть всё. Всё становится Богом»:
Религиозно-философское кредо
«раннего» Владимира Соловьева и его первые читатели**

© 2019, А.Л. Рычков

Аннотация: В статье обсуждается неизвестный текст Вл. Соловьева под условным названием «Бог есть всё. Всё становится Богом», кратко формулирующий религиозно-философское кредо мыслителя во второй половине 1870-х — 1880-х гг. Текст сохранился в черновой и чистой версиях, в связи с чем рассматриваются отражение и развитие в работах Соловьева середины 1870–1880-х гг. тезисов итоговой рукописи, приводятся необходимые комментарии. На ее примере ставится вопрос о возможной рецепции младосимволистами-соловьевцами идей Вл. Соловьева из неопубликованных рукописей философа, в особенности — периода его работы над трактатом “La Sophia”. На основе анализа мемуарных источников делается вывод, что московские младосимволисты были первыми читателями ряда этих рукописей. Выдвигается гипотеза, что многочисленные выписки софийной тематики «раннего» Соловьева из сочинений мыслителей западного эзотеризма могли повлиять на круг чтения Андрея Белого в первое десятилетие XX в. В целях сопоставления кругов чтения впервые публикуется неизвестный аналитический список вызвавших внимание Соловьева (и в большинстве своем цитируемых им) авторов эзотерических школ, а также направлений их развития, составленный молодым философом и озаглавленный им «Герметические книги. Каббала. Гнозис» (прилагается факсимиле рукописи). В приложении представлен фрагмент «софийных» триадных схем периода “La Sophia”.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, рукописи Вл. Соловьева, божественная София, младосимволизм, Андрей Белый, русская религиозная философия, западный эзотеризм.

Информация об авторе: Александр Леонидович Рычков, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: vp102243@list.ru

Цитирование: *Рычков А.Л.* «Бог есть всё. Всё становится Богом»: Религиозно-философское кредо «раннего» Владимира Соловьева и его первые читатели // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 223–249. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-223-249

**Папка неизданных рукописей Вл. Соловьева с условным названием
«Соловьев Владимир Сергеевич. “Бог есть всё”.**

**Черновая разработка
статьи об оккультизме. Б/г. 32 лл.».**

В настоящей статье обсуждаются неизвестные тезисы Вл. Соловьева, кратко формулирующие его религиозно-философское кредо во второй половине 1870-х — 1880-х гг., а также другие черновые материалы, включающие схематичный конспект о Вселенском человеке и составленный молодым философом аналитический список авторов эзотерических школ, озаглавленный «Герметические книги. Каббала. Гнозис», который публикуется впервые (с приложением факсимиле). Эти рукописи сохранились в папке под наименованием: «Соловьев Владимир Сергеевич. “Бог есть всё”. Черновая разработка статьи об оккультизме. Б/г. 32 лл.»¹. Подборка ранних соловьевских рукописей была получена С.А. Поляковым от С.М. Соловьева, душеприказчика наследия Вл. Соловьева после смерти М.С. Соловьева. По заключению А.П. Козырева: «Документы, хранящиеся в архиве Полякова, действительно представляют собой довольно искусственно выделенную часть архива, хранившегося у племянника. <...> Что сподвигло С.М. Соловьева расстаться с частью рукописей (главным образом, набросков незавершенных статей и планов нереализованных работ), мы пока не знаем. Можно предположить, что рукописи Соловьева были получены (выкуплены) им еще до 1917 года, в пору активного сотрудничества с племянником философа в “Скорпионе” и “Весах”»².

Листы 3–6 папки «Бог есть всё» опубликованы в составе второго тома «Полного собрания сочинений и писем» Вл.С. Соловьева (М., 2000; далее цитируется как ПССиП, с указанием тома и страницы). По заключению публикаторов, «к архивной единице № 159 приобщен конверт, на котором рукой С.М. Соловьева проставлена римская цифра X; в аналогичные конверты С.М. Соловьев помещал неразобранные бумаги своего дяди <...> все материалы, попавшие к Полякову, касаются раннего периода творчества философа: теософические наброски, схемы, конспекты сочинений мистиков, материалы к лекционным курсам, записи, сделанные медиумическим письмом, и др.»³. Поскольку анализ содержания папки производился составителями ПССиП выборочно,

¹ РО ИРЛИ. Ф. 240 (С.А. Поляков). Оп. 2. Ед. хр. 159.

² Козырев А.П. Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. М., 2018. С. 138.

³ Соловьев В.С. Примечания // ПССиП. Т. 2. М., 2000. С. 350–351.

без расшифровки всего состава рукописей, комментарий может быть дополнен.

Подборка начинается с черновика и заканчивается белой версией рукописи, по первому подзаголовку которой — «Бог есть всё» — получила название вся папка, кроме черновых набросков содержащая выписки Вл. Соловьева на латинском, французском и немецком языках из историко-философских источников его учения о Софии, а также ряд схем, включающих эти источники в контекст соловьевской религиозной философии и иллюстрирующих сотворческий синтез в ней идей Аристотеля, Плотина и неоплатоников, герметизма, каббалы, И. Рейхлина, Я. Бёме, И. Лихтенберга, Л.-К. де Сен-Мартена, Ж. Дюпота и др.⁴ В целом содержание папки убедительно демонстрирует, как учение о Софии становится для Соловьева конкретным выражением идеи всеединства, и тем возвращает внимание ее исследователей к давно уже поднятому В.В. Зеньковским, А.Ф. Лосевым, М.В. Максимовым и др. вопросу о софиологических основаниях историософии Вл. Соловьева⁵.

Поскольку часть находящихся в подборке рукописей Вл. Соловьева по содержанию соответствует тем или иным тезисам работы «Бог есть всё», можно предположить, что последовательное расположение в ней черновой и итоговой версий публикуемого текста, разделенных рядом тематически сходных рукописей, не случайно. Согласно нашей предварительной рабочей гипотезе, в конверт под римской цифрой «X» С.М. Соловьев мог поместить не только неразобранные материалы, но и рукописи, которые, по его мнению, имели временное и тематическое сходство с основным текстом, впоследствии давшим название папке. Действительно, кроме тематически сходных записей в состав папки с черновыми рукописями «раннего» Вл. Соловьева (середины 1870-х — начала 1880-х гг.) включены сделанные им во второй половине 1870-х гг. выписки из сочинений и список представителей западного эзотеризма,

⁴ Перечень имен, относящихся к традиции западного эзотеризма, выписки из трудов которых присутствуют в папке «Бог есть всё», представлен в работе: *Бурмистров К.Ю.* Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 2(50). С. 60–62. Из материалов папки «Бог есть всё» опубликованы также выписки из «Прогностики» И. Лихтенберга на л. 24; *Рычков А.Л.* Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт? // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 431–451; поэтические наброски на лл. 26–27 (частично); *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980. С. 20–21; отдельные автоматические записи на лл. 1, 9–10 и 19; *Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева. С. 155–156. Лл. 3об., 5–6об. и фрагменты лл. 4, 31об. опубл.: *Соловьев В.С.* ПССиП. Т. 2. С. 162–164, 350–353, 369–370, 381–382.

⁵ См. об этом: *Максимов М.В.* Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. № 1. С. 65–68.

наброски стихов того же периода, а также черновик лекции начала 1880-х гг., содержание которой на лл. 17–19 имеет обширные параллели с текстом «Бог есть всё»⁶. Полноценная расшифровка и интерпретация рукописей в папке «Бог есть всё» предполагаются к публикации журналом «Соловьевские исследования» в конце 2019 — начале 2020 гг. Тем не менее ключевой текст, давший название всей папке, представляет, на наш взгляд, особый исследовательский интерес. Его обсуждению, в том числе — возможному отражению в творчестве младосимволистов, посвящена настоящая предварительная публикация, анонсирующая проект.

Текст, который не вписывается в известные работы Вл. Соловьева

Ни черновая, ни итоговая версия публикуемого текста не имеют названия и помечены в рукописях знаком креста. Однако пп. 1 и 2 первоначальной версии имеют подзаголовки «Бог *есть* всё» и «Всё *становится* Богом» соответственно, на основании которых публикуемая нами итоговая версия текста также получила условное название «Бог есть всё. Всё становится Богом».

Из состава находящейся в папке на лл. 28–32 итоговой версии ранее опубликован заключительный 20-й пункт, включенный в примечания к изданию «Философских начал цельного знания» (далее — ФНЦЗ) в ПССиП, где назван заключением «одного из планов, близких по времени написания к ФНЦЗ»⁷. Разумеется, определение белой версии рукописи в качестве плана условно и, вероятно, вызвано наличием нумерации ее тезисов⁸. Возможно, более аутентично публикуемый ныне текст можно было бы назвать краткой формулировкой особого богословского мнения, или теологуменом (θεολογούμενον) Вл. Соловьева. Однако различие между догматическим богословием и теологуменом

⁶ В этом черновике лекции (см. примеч. 43) Соловьев подробно рассматривает силу, постепенно приводящую мировую множественность в форму всеединства, при этом повторяя и раскрывая целый ряд тезисов публикуемого текста «Бог есть всё...». Лекция также включает пересказ его исходной формулы: «...во-1-х, всё есть одно в Боге. Во 2-х, всё выступает из Бога в материальном начале как самоутверждение множественности, и *против* этого Бог является как самоутверждение единства в Логосе. Здесь Логос есть свет, который в но<чи светит (Ио. 1:5)>. В 3-х, всё стремится стать опять одним, войти снова в форму всеединства — в мировой душе» (РО ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 17об. Фрагмент опубли. без указания авт. сокращений. Здесь и далее подчеркивания Вл. Соловьева обозначены курсивом).

⁷ Соловьев В.С. Примечания. С. 370.

⁸ Ни одна из рукописных версий «Бог есть всё» не содержит ряда обязательных элементов планов работ у Вл. Соловьева, как, напр., планы «Вселенское христианство» и «Начало вселенского учения», см.: Соловьев В.С. Планы и черновики // ПССиП. Т. 2. М., 2000. С. 173–175.

было введено В.В. Болотовым и популяризировано А.А. Киреевым лишь в конце XIX — начале XX вв., а значит, понятие это вряд ли применимо для определения намерений автора. Столь же затруднительно соотнести этот текст со своеобразной пролегомены к разработывавшемуся «ранним» Соловьевым учению о «вселенском христианстве», в котором материал познания философских начал вселенского христианства «дается внутренним опытом»⁹. Свидетельства такого «внутреннего опыта» очевидны при обращении к первоначальной версии текста, который написан, что называется, «на одном дыхании» и осенен «софийным присутствием» (по его завершении София прощается с автором в автоматической записи на л. 2 об.), в связи с чем — с позиции Соловьева — мог включать «откровенные» элементы. Жанр пролегомены также нередко присутствует в планах и черновиках работ Вл. Соловьева¹⁰. Тем не менее текст не является каким-либо планом или вступлением, поскольку не формулирует схему построения или исходные понятия, дающие предварительные сведения о предмете, как свойственно пролегоменам, а излагает конечные выводы, религиозно-философские доказательства которых мы находим не только и не столько в параллельных по времени написания, сколько в последующих известных работах Вл. Соловьева, начиная с ФНЦЗ и, далее, в «Чтениях о Богочеловечестве». Эта особенность текста, вероятно, и привела к тому, что, хотя его конечные выводы и были соотнесены составителями «Полного собрания сочинений и писем» Вл. Соловьева с одним из тезисов ФНЦЗ¹¹, сам текст так и остался неопубликованным, поскольку объективно не вписывается в рамки отдельных работ и не может быть определен как набросок или часть известных произведений Вл. Соловьева.

Основной тезис текста «Бог есть всё» о сущем и становящемся всеедином Вл. Соловьев развил в своей диссертационной работе «Критика отвлеченных начал» (1877–1880), посвятив ему главу «Абсолютное сущее и абсолютное становящееся», в которой поясняет и развивает тезис, давший название первоначальному тексту:

⁹ Соловьев В.С. Планы и черновики. С. 173.

¹⁰ См., например, «План работы без названия» с пролегомены: Соловьев В.С. Планы и черновики. С. 173.

¹¹ Соловьев В.С. Примечания. С. 370. В этой работе раскрыты изложенные в п. 20 рукописи «Бог есть всё» понятия свободной теократии, свободной теософии и свободной теургии, а также включен тезис о том, что носителем новой, «цельной жизни» станет первоначально «более узкий союз, братство или общество в среде русского народа». О понятиях свободной теократии, свободной теософии и свободной теургии см.: Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // ПССиП. Т. 2. С. 214–216, 234.

...если быть субъектом абсолютного содержания в вечном и нераздельном акте свойственно единому истинному существу, или Богу, то другое существо может быть субъектом того же содержания в постоянном процессе; если первое есть всеединое, то второе становится всеединым, если первое вечно обладает всеединым, то второе прогрессивно им овладевает и постольку соединяется с первым. Это второе всеединое, этот «второй бог», говоря языком Платона, представляет, таким образом, два существенные элемента: во-первых, он имеет божественный элемент, всеединство, как свою вечную потенцию, постепенно переходящую в действительность, с другой стороны, он имеет в себе то небожественное, то частное, не всё, природный, или материальный, элемент, в силу которого он не есть всеединое, а только становится им; ибо он становится всеединым, поскольку это частное делается всем. Частное же по необходимости становится всем. Быть всем, т.е. быть в Боге, оно не может, так как тогда оно не было бы частным, но и быть исключительно частным, т.е. быть безусловно вне всеединства, вне Бога, оно также не может, ибо тогда оно не существовало бы совсем, так как вне Бога и вне всеединства ничего быть не может. Итак, оно может быть только относительно многим (частным) и относительно единым (всем), т.е. оно становится всем, вечно стремится быть всем¹².

В заключительной XLVI главе диссертации Соловьев определяет место свободной теософии и теургии во всеединой системе знания, вновь возвращаясь к итоговым выводам публикуемого нами текста.

Впоследствии Вл. Соловьев изложил ряд тезисов текста «Бог есть всё» в главе «Душа мира — основа творения, пространства, времени и механической причинности» книги 3-й «La Russie et l'Église universelle» [«Россия и вселенская церковь»] (1888):

Если в Своем могуществе и в Своей истине *Бог есть всё*, то в Своей любви Он хочет, чтобы *всё было Богом*. Он хочет, чтобы вне Его Самого была другая природа, которая постепенно становилась бы тем, что Он есть от века — абсолютным всем. Чтобы самой достигнуть до Божественной всеобщности, чтобы войти в свободное и взаимное отношение с Богом, эта природа должна быть отделенной от Бога и в то же время соединенной с Ним. Отделенной в своем реальном основании, которое есть земля, и соединенной в своей идеальной вершине, которая есть человек¹³.

¹² Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений В.С. Соловьева. СПб., 1911. Т. 2. С. 317.

¹³ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. М., 1911. С. 334.

В диссертацию Вл. Соловьева были включены лишь первые и последние пункты текста «Бог есть всё», в книгу — лишь первые, и потому мы не можем рассматривать его в качестве черновика этих сочинений. Тем более что в нашем тексте, по оценке публикуемой рукописи А.П. Козыревым, «ставится знак равенства между православием и всеединством, а проводниками-уровнителями являются какие-то загадочные члены тесного кружка, подобия православного братства...»¹⁴, тогда как написанная на французском языке книга Соловьева обращена к европейской аудитории. По заключению А.П. Козырева, этот текст отражает концепт «вселенского учения», проект которого вырабатывает молодой Соловьев, и «мыслится философом как обновленное, реформированное христианство», а на последнем листе рукописи А.П. Козырев находит «и некоторые наметки пути этой реформации»¹⁵. Очевидно, что Соловьев привлекает сформулированные ранее тезисы своих убеждений в третью книгу «России и вселенской церкви», включающую «теософические» и метафизические начала разрабатываемого им «вселенского учения», одним из оснований которого, как известно, служили религиозно-философские представления и софиологические интуиции философа о роли и судьбах Души мира. Это также означает, что за истекшее с момента их написания десятилетие обсуждаемые тезисы не потеряли для Соловьева своей актуальности.

«Бог есть всё...» — фрагмент ненаписанного сочинения?

Подзаголовок «Бог есть всё. Всё становится Богом» также находится в не воплощенном Соловьевым проекте обширной работы о вселенской науке, обретающей основание в вере: в плане двух работ, обнаруженном А.П. Козыревым на обороте последнего листа рукописи статьи «Когда был оставлен русский путь и как на него вернуться»¹⁶. План датирован 28 мая 1881 г. и, по заключению исследователя, напрямую не относится к содержанию статьи, а вписан на пустое место. Вторая работа плана имеет название «Теория всемирной жизни (т. 1) (Основания всеобщей науки). Часть первая: О Боге живом (основания первой философии)» и оканчивается на 3-й главе, озаглавленной «Бог есть всё. Всё становится Богом»¹⁷. Как отмечает А.П. Козырев: «Продолжение плана неиз-

¹⁴ Козырев А.П. Соловьев и гностики. М., 2007. С. 324. Автор ссылается на заключительный лист рукописи, см.: ОР ИРЛИ Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 31об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 25об.

¹⁷ См.: Козырев А.П. Наукоучение Владимира Соловьева: к истории неудавшегося замысла // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 16–17.

вестно, но до нас дошел один лист (РГАЛИ. Ф. 446. Оп. 2. Ед. хр. 18. Лл. 33–34об), который является тезисным развитием последнего пункта плана и начинается теми же двумя предложениями¹⁸. Козырев указывает на отраженную в плане двухчастность соловьевского замысла, характеризующуюся: 1) «перемещением акцента с вселенской религии, на создание которой Соловьев претендует в “Софии”, на поиск в самом христианстве некоего социально-религиозного идеала» и 2) попыткой создать «философскую концепцию науки, находящую основание в вере»¹⁹. Таким образом, исследователь относит черновую рукопись «Бог есть всё...» ко времени перемещения Вл. Соловьевым «акцента с вселенской религии» в начале 1880-х гг., а итоговую, беловую версию — ко второй половине 1870-х гг., как отражающую проект «вселенского учения». Это, очевидно, связано с тем, что обсуждаемые рукописи Соловьева до настоящей публикации оставались в целом нерасшифрованными и верифицированные исследователями фрагменты не позволяли провести полноценное сопоставление текстов, чтобы определить их взаимозависимость как версий одного и того же текста.

Очевидно также, что заключение А.П. Козырева о принадлежности публикуемой нами рукописи к намерениям Вл. Соловьева второй половины 1870-х гг. обобщить свою религиозно-философскую и метафизическую доктрину в сочинение с рабочим названием «Вселенское христианство» (или «Начала вселенского учения»)²⁰, в первую очередь должно быть отнесено к первой версии нашего текста, которую также следует датировать этим периодом времени.

Задуманное, но не написанное Соловьевым религиозно-философское сочинение о началах вселенского учения предполагалось к публикации на французском языке, о чем Вл. Соловьев сообщал отцу из Парижа в письме от 13 мая 1876 г.: «В Париже буду заниматься изданием своего малого по объему, но великого по значению сочинения “Principes de la religion universelle” <“Начала вселенской религии”>, язык оно отдам исправить аббату Гетте»²¹. Однако работа над ним, как известно, выросла в иное франкоязычное сочинение, “La Sophia”, а не вошедшие в нее тезисы были включены Соловьевым в ФНЦЗ. Понятийное сходство задач, решаемых в рамках общего религиозно-философского замысла, позволяет найти между нашим текстом, “La Sophia” и ФНЦЗ многочисленные параллели. Тем не менее прямого использования текста «Бог есть всё» в «Софии», «Критике отвлеченных начал» и ФНЦЗ нами не

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Планы сочинения о «вселенской религии» и «вселенском человеке см. Соловьев В.С. Планы и черновики. С. 173–175.

²¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева (в 3 т.). Т. II. СПб., 1909. С. 27.

выявлено. Последующие переработанные версии текста также не содержат каких-либо указаний на их подготовку к французской публикации. Остается предположить, что со временем данный текст приобретает для молодого философа некое самостоятельное значение.

«Бог есть всё...»: черновой план или проект философского кредо?

Вл. Соловьев дважды переделывает первоначальную версию «Бог есть всё». Наличие ряда вариантов одного текста указывает на его значимость для автора и может свидетельствовать о постепенном обособлении нашего текста от конкретных авторских замыслов. В таком случае подобное неоднократное переписывание обсуждаемого текста представляет отдельный интерес для исследователей и ценителей творчества Соловьева именно тем, что позволяет проследить становление не только конкретного авторского замысла, но религиозно-философской позиции автора в целом, оттачивание философом положений разрабатывавшейся им доктрины «вселенской» религии и метафизики²². В лаконичных тезисах «итоговой версии» обозначается оригинальное ядро этой доктрины, отраженной в последующих публикациях философа, в которой, по формулировке французских исследователей-славистов Л. Геллера и М. Никё, «Соловьев создал неоплатоническую картину Вселенной, отделенной от Бога и стремящейся к Нему в почти диалектическом восхождении: Бог — всё, и он хочет, чтобы всё стало Богом»²³.

В этой связи представляется уместным определить жанр публикуемого текста как проект программной формулировки убеждений и принципиального направления философской мысли «раннего» Соловьева, тезисов его философского кредо, изначально сопровождаемых медиумическим письмом. Для Соловьева таковое «присутствие Софии» несомненно означало проверку своего философского опыта опытом сокровенным, мистическим²⁴ и придавало (в его глазах) подобным текстам

²² Разночтения первой версии текста с итоговой приведены в сносках к пунктам публикуемой рукописи.

²³ Геллер Л., Никё М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 144–145. Неоплатонические коннотации представлений Вл. Соловьева о «вселенском учении» и «вселенском человеке» особенно очевидны в многочисленных схемах, находящихся в той же папке, напр., где Божество как начало идеальное сопоставляется с Ноўс, см. Приложение к публикуемому тексту.

²⁴ Ряд тезисов публикуемого текста, напр. о «множественности» на л. 24 об. и др., раскрыт в диалогах «La Sophia», где София излагает Философу «Вселенское учение, которое я тебе преподаю...» (Соловьев В.С. София // ПССиП, Т. 2. С. 107).

особую легитимность²⁵. Потому представляется, что публикуемый ныне итоговый документ рукописных версий «Бог есть всё» может быть также рассмотрен в качестве своеобразного краткого проекта религиозно-философского кредо, прообраза литературных манифестов Серебряного века, в котором, — как продемонстрировано ранее на примере публикаций этого периода, — собраны воедино темы дальнейшего творческого пути философа в последующее двадцатилетие. Так, излагаемые в рукописи основания учения Соловьева о втором, становящемся и стремящемся стать всеединым Абсолютном, в котором молодой философ определяет место и роль человека в мировом процессе, станут методологической базой дальнейшего метафизического обоснования соловьевской историософии, где им отведена определяющая роль, а человек оказывается необходимым Богу для завершения творения мира, и его единение с Богом реализуется в историческом процессе²⁶. В итоговую версию Соловьев вносит отсутствующие в черновом варианте пункты 7–8, согласно которым: «Это становящееся всеединое есть человек или душа мира во всех нас тайно присутствующая, страдающая и действующая <...> составляет посредствующее и связующее начало между двумя порядками бытия».

Несмотря на то, что сам проект «религиозно-философского кредо» остался не опубликован, разбросанная в многочисленных работах Вл. Соловьева интерпретация его положений, касающихся тринитарной метафизики, софийной эсхатологической историософии и философии истории в целом стала одним из фундирующих оснований русского младосимволизма и мощным интеллектуальным импульсом для становления русской религиозной философии Серебряного века.

Младосимволисты как первые читатели неопубликованных рукописей Вл. Соловьева: к постановке вопроса

Необходимо подчеркнуть, что нельзя исключить и прямого воздействия остающихся неизданными работ Вл. Соловьева, в т.ч. и публи-

²⁵ На необходимость учета этого обстоятельства исследователями рукописного наследия Вл. Соловьева ранее указал Н.В. Котрелев: «...подобных записей сохранилось достаточно много. <...> Иногда философский текст просто перетекает в текст медиумической записи и наоборот, так что законным оказалось бы предположение — а не она ли диктовала мистику и слова, предназначенные для обнародования, для публичной огласки? При изучении соловьевской мистики этот вопрос, по всей видимости, не бессмысленный» (*Котрелев Н.В.* «Благонамеренность не спасает от заблуждений...» Неизданные автографы Владимира Соловьева // Наше наследие. 2000. № 55. С. 64–73).

²⁶ См. об этом: *Максимов М.В.* Метафизические основания историософии Вл. Соловьева. С. 58–65.

куемой ныне, на становление русского младосимволизма, поскольку представители именно этого движения из московских «младосоловьевцев» были фактически первыми читателями рукописей философа периода “La Sophia”. Как известно, архив Вл. Соловьева на правах ближайшего родственника наследовал его брат, М.С. Соловьев. Однако он не успел уделить время для разбора и подготовки к возможной публикации изданных рукописей Вл. Соловьева. Как сообщал М.С. Соловьев в письме от 21 декабря 1902 г. (т.е. незадолго до своей кончины) А.А. Блоку в ответ на его вопрос об издании шуточных стихотворений Вл. Соловьева: «...я сейчас и думать об этом, как следует, не в состоянии, столько у меня разных подобных дум. Сначала нужно издать “Собрание сочинений” и выпустить III том Платона, на что уйдет ровно еще год, а тогда письма и шуточные стихи, если будет можно»²⁷. После смерти М.С. Соловьева в январе 1903 г. разбором рукописей философа многие годы был занят его сын, С.М. Соловьев. В частности, как отмечалось исследователями ранее, последнему принадлежит подборка листов в папке «Бог есть всё»²⁸. Из воспоминаний Андрея Белого, его товарища по кружку «аргонавтов» Эллиса-Кобылинского (в версии Н.В. Валентинова) и ряда близких к кругу «Мусагета» лиц известно также, что, по крайней мере, соответствующий эсхатологическим чаяниям аргонавтов и младосимволистов «софийный раздел» рукописей Вл. Соловьева был известен и обсуждался в их кругу. В первую очередь это относится к Андрею Белому, другу и соседу по дому С.М. Соловьева (квартира Бугаевых была выше, на 3-м этаже). «Казалось: милая квартира / Таила летописи мира», — вспоминал Белый в автобиографической поэме «Первое свидание»²⁹ впечатления о квартире, принадлежавшей М.С. Соловьеву, а впоследствии — С.М. Соловьеву, в «профессорском доме» на углу Арбата и Денежного переулка. Хилястические искания на рубеже веков, возвращенные на софийных интуициях и философских пророчествах Владимира Соловьева, сроднили С.М. Соловьева с А. Белым, а несколько позднее — и с его троюродным братом А. Блоком³⁰. В поэме «Первое свидание» Белый так обрисовал образ юного С.М. Соловьева: «Сережа Соловьев <...> провидец и поэт, / Ключарь небес, матерый мистик, / Голубоглазый гимназистик»³¹.

²⁷ Переписка Блока с С.М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. С. 411.

²⁸ См.: *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова. С. 20.

²⁹ См.: *Белый А.* Первое свидание: Поэма. Пб., 1921. С. 23.

³⁰ Подробнее об этом периоде см.: Переписка Блока с С.М. Соловьевым. С. 308–413.

³¹ *Белый А.* Первое свидание: Поэма. С. 23.

Выстроенные А. Белым по типу «мистериальной биографии» «Воспоминания о Блоке» сопоставляют эти стремления «молодежи соловьевского толка <...> осуществить “соловьевство” как жизненный путь» с интересом к рукописям философа периода написания “La Sophia”. Белый ознакомился с этими рукописями еще при жизни М.С. Соловьева и вспоминает про «материалы рукописи, испещренные заметками на полях, особенно занимавшими нас: в них рукою Владимира Соловьева (измененной) набросаны были письма за подписью “S” и “Sophie”; в ряде мест обрывался трактат вставками странного содержания: рукопись сопровождало медиумическое письмо с подписями “S” и “Sophie”, появляясь повсюду в черновиках творений Владимира Соловьева; <...> эта странная на полях переписка меж “S” и философом нас смущала, располагая к существенно иным толкованиям сравнительно с толкованиями почтенных профессоров философии»³². В мемуарах «Начало века» Белый также вспоминал о знакомстве молодых соловьевцев с неизданными рукописями Соловьева: «...философ Владимир Соловьев скончался: М.С. редактирует книги его, приобщая нас к черновикам, выволакивая из потертых портфелей пуки пожелтевшей бумаги, исписанной крупным, кривым, броским почерком; щурит глаза в перемарчивый текст; сомневается: стоит ли данный набросок печатать; указывает на два почерка: крупный и бисерный, мелкий; и говорит: — “Это — автоматическое письмо”. М.С. колебался печатать те из отрывков незаконченных статей философа-брата, которые связаны с темой поэмы покойного “Три свиданья”»³³.

Несколькими годами позже Белый и Блок совместно с разделявшим на тот момент их убеждения С. Соловьевым обсуждают создание «софийного» союза (братства), основанного на «единении в мистической идее Владимира Соловьева» как «последнем откровении христианства»³⁴, что отражено в их переписке и целом ряде публикаций. Так, статья Белого «О целесообразности» (1905), — между прочим, перекликающаяся по метафизическим вопросам с «Бог есть всё», — так же, как и текст Соловьева, заканчивается тезисом о создании духовного ордена: «Культе Вечной Жены вырастает из глубин познания. Он превращает познающих в рыцарей “Прекрасной Дамы”. Образуется новый рыцарский орден, не только верящий в утренность своей звезды, но и познающий Ее»³⁵. Вспоминая свои совместные с С.М. Со-

³² Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 25.

³³ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 135.

³⁴ См.: Переписка Блока с С.М. Соловьевым. С. 312.

³⁵ Белый А. О целесообразности // Арабески: Книга статей. М., 1911. С. 114.

ловьевым приезды к Блокам в Шахматово, Белый также вспоминает идею духовного ордена в связи с религиозно-философскими идеями Соловьева: «в “шахматовской” заре мне почуялась эра; и да, Теократия, — знал я, придет, будет; мы Ее — начинаем; <...> я указывал: “Образуется... рыцарский орден, не только верящий в утренность своей звезды, но и познающий Ее”. Предполагалось, что орден — сложился: три рыцаря ордена — я, А.А. Блок и С.М. Соловьев»³⁶. Возможно, что и в самой идее создания этого тройственного союза они следовали «заветам Соловьева», поскольку непосредственными участниками описываемых событий оказываются очевидец и читатель архива Соловьева Белый, а также его хранитель и распорядитель С.М. Соловьев, собравший в отдельную папку версии публикуемой нами религиозно-философской декларации с итоговым выводом мыслителя о необходимости сплочения тесного кружка сторонников его вселенского учения, который «впоследствии должен преобразоваться в более обширный духовный союз или братство».

История и перипетии литературно-сакральных братств, предполагавшихся к созданию в кругу бывших аргонавтов и младосимволистов и обращавшихся в большей или меньшей степени к «заветам Соловьева», подробно рассмотрены в целом ряде исследований, основной дискурс которых сосредоточен на влиянии А.Р. Минцловой и относится к более позднему времени³⁷. Однако вопрос о возможном влиянии рукописного наследия Вл. Соловьева (в особенности софиологического) на возникновение и идейные основания более раннего, «доминцловского» «эзотерического» союза молодых мистиков соловьевского толка — С. Соловьева, Блока и Белого — до настоящего времени не привлекал внимание исследователей, в связи с чем автор счел возможным его обсуждение на примере итогового тезиса публикуемого ниже текста. Разумеется, маловероятно установить, когда именно С.М. Соловьевым были отсортированы относящиеся к периоду написания “La Sophia” рукописи папки «Бог есть всё», а потому проводимые здесь сопоставления носят гипотетический характер и привлечены для постановки вопроса о младосимволистах как читателях соловьевского рукописного наследия.

³⁶ Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923). СПб., 2014. С. 19.

³⁷ См., напр.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 2000. С. 23–112, 186–203; Серков А.И. Предисловие // Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцтерства. СПб., 2005. С. 5–78; Рычков А.Л. Доклад А. Блока о русском символизме 1910 года как развитие «мысли о Софии» Вл. Соловьева // Шахматовский вестник. Вып. 12. М., 2011. С. 207–231.

«Я всегда считал моим долгом оберегать тайны покойного от постороннего взгляда...»

Следует учесть, что и брат, и племянник Вл. Соловьева строго охраняли от публичного доступа его письма и рукописи, которые, по их оценке, могли нанести вред репутации автора, включая выписки о «тайных науках» и рукописи софийной тематики, содержащие многочисленные медиумические записи молодого философа. Так, в начале 1920-х гг. С. Соловьев писал в неизданном предисловии к письмам Вл. Соловьева: «По независящим от меня обстоятельствам архив В.С. Соловьева стал за последнее время доступен государственным учреждениям и частным лицам. Я всегда считал моим долгом оберегать тайны покойного от постороннего взгляда...»³⁸ Вероятно, именно это обстоятельство привело к скудной мемуарной информации о роли рукописей Вл. Соловьева в становлении взглядов «младосоловьевцев», введшей в заблуждение исследователей³⁹.

Тем не менее факт знакомства и пристального внимания будущих младосимволистов к рукописям Соловьева периода “La Sophia” несомненен. Это внимание отразилось в воспоминаниях А. Белого и обширном корпусе относящихся к софийной проблематике сведений в публикациях и переписке начала XX в. участников братства. Они насыщены теософско-гностическими понятиями и реминисценциями, тематически общими с рукописями Соловьева, но не известными из изданий его работ. Как отмечают комментаторы ряда примыкающих к периоду создания “La Sophia” и опубликованных впервые в 2000 г. во 2-м томе ПССиП планов, набросков и черновиков Соловьева, «общность их тематики с черновиками кодекса “Софии”» была установлена ими «прежде всего по обилию теософско-гностических понятий и реминисценций, от явного употребления которых С<оловьев> в печатных работах отказывается» (такие «реминисценции» и прямые цитации поныне остаются неопубликованными)⁴⁰. Это означает, что рукописные работы «раннего»

³⁸ Цит. по: *Котрелев Н.В.* «Благонамеренность не спасает от заблуждений...» Незданные автографы Владимира Соловьева. С. 64–73.

³⁹ Боязнь душеприказчиков Вл. Соловьева скомпрометировать память философа очевидно влекла за собой некие обязательства о молчании допускаемых к рукописям периода «Софии» близких лиц, а также ограничения для более широкого кружка литературных единомышленников, собиравшегося в квартире у М.С., а затем и С.М. Соловьевых в начале XX в.

⁴⁰ *Соловьев В.С.* Примечания. С. 350. Согласно приведенному там же перечню архивных фондов Соловьева, до настоящего времени остаются неизданными (а частью и непрочитанными) сотни листов соловьевских рукописей, в т.ч. относящихся к раннему периоду его творчества. По оценке Н.В. Котрелева, «по объему неизданные рукописи Соловьева и неучтенные его публикации составляют, грубо говоря, ещё один том», — налицо «неполнота нашего знания о тексте

Соловьева, не только содержащие многочисленные экскурсы из «теософско-гностических» сочинений, но и комментирующие их, могли послужить одним из источников относящихся к софийной проблематике сведений как для самого Сергея Соловьева, так и для его ближайших друзей и единомышленников в первое десятилетие XX в.: Андрея Белого, краткое время — А.С. Петровского и Эллиса. Выписки из сочинений мыслителей западного эзотеризма и их соловьевское истолкование могли способствовать определению круга чтения молодых мистиков, например «гностических сочинений», штудировавших С. Соловьевым⁴¹. В особенности это относится к обширной выборке литературы, приводимой Белым в книгах «Луг зеленый» и «Символизм» (1910), содержащих более ранние критические и полемические статьи и включающих ссылки на большинство цитируемых Соловьевым в выписках авторов трудов по «тайным наукам»⁴² (в том числе, как и у Вл. Соловьева, в этих ссылках уделено специальное внимание каббалистическим источникам, не свойственное в знакомом Белому теософском кругу).

Аналитические списки таких авторов также присутствуют в рукописях Соловьева, например на л. 11 папки «Бог есть всё», озаглавленном «Герметические книги. Каббала. Гнозис». Приведем с комментариями фрагмент этого списка (см. Илл. 1), выполненного, вероятно, в начале 1880-х гг. как итог предшествующих выписок (широкая подборка которых присутствует и в папке «Бог есть всё») в качестве подготовительного материала к курсу лекций на Высших женских (Бестужевских) курсах в 1880–1882 гг.⁴³:

Соловьева», и эта неполнота источниковой базы ведет к тому, что выводы ее исследователей «основаны на неполном <...> знании соловьевских текстов. То есть, по большому счету, они недостоверны» (*Максимов М.В.* Интервью с Николаем Всеволодовичем Котрелевым // *Соловьевские исследования.* 2011. Вып. 1 (29). С. 82, 84–85). В особенности эта оценка может быть отнесена к источниковой базе многочисленных выписок и комментариев к ним «раннего» Соловьева, без полноценного анализа которых дебатированный более столетия среди историков философии вопрос о непосредственном или опосредованном, через немецкую идеалистическую философию Шеллинга и Гегеля, влиянии мыслителей западной эзотерической традиции на становление софиологической мысли Вл. Соловьева останется непроясненным, так же как и поставленный нами вопрос о влиянии «компендиума» софиологических цитат из его рукописей на круг чтения «младосоловьевцев».

⁴¹ См. письмо С. Соловьева к А. Блоку в октябре 1904 г. (Переписка Блока с С.М. Соловьевым. С. 379).

⁴² Определение круга интересов, данное самим Вл. Соловьевым в ироничном ответе середины 1880-х гг. на вопрос анкеты «Ваше любимое занятие»: «История религий и тайные науки» (см.: *Котрелев Н.В.* «Благонамеренность не спасает от заблуждений...» Неизданные автографы Владимира Соловьева. С. 73).

⁴³ См., например, подготовительные материалы и конспекты по каббале для лекций на Высших женских (Бестужевских) курсах: *Соловьев В.С.* ПССиП. Т. 4. М., 2011. С. 339, 462–464. В папке «Бог есть всё» на лл. 15–19 находится черновой конспект лекции, по содержанию перекликающейся с планами 1881 г. несостоявшейся

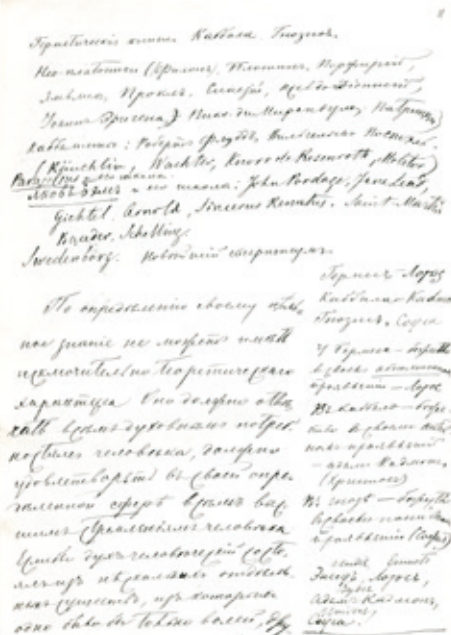
Нео-платоники ((Филон), Плотин, Порфирий, Ямвлих, Прокл, Синезий, псевдо-Дионисий, Иоанн Эригена []), Пико-де Мирандула, Патрици*).

Каббалисты: Роберт Флудд, Вильгельм Постэль (Räuchlin, Wachter, Knorr de Rosenroth, Molitor)**.

Paracelsus и его школа.

Яков Бэм и его школа: John Pordage, Jane Lead, Gichtel, Arnold, Sincerus Rhenatus. Saint-Martin<,> Baader, Schelling***.

Swedenborg. Новейший спиритизм.

	<p>Гермес — Λογος Каббала — Kadmon Гнозис — Соφία</p> <p>У Гермеса — божество в своем абсолютном проявлении — Λογος. В каббале — божество в своем активном проявлении — Адам Кадмон (Христос). В гнозе — божество в своем пассивном проявлении (София).</p> <p>Индия, Египет<,> Энсоф, Λογος. Иудея<,> Адам Кадмон, Univers<,> Соφία.</p>
	<p>Иллюстрация 1. РО ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. II (фрагмент). Список «Герметические книги». Каббала. Гнозис.</p>

* Написание «Пико-де-Мирандула» повторяет имя в латинской транскрипции (Pico [de] Mirandula), Патрици — Франческо Патрици (итал. Francesco Patrizzi, 1529–1597).

** Räuchlin — Иоганн Рейхлин (нем. Johann Reuchlin, 1455–1522), Wachter — Иоганн-Георг Вахтер (нем. Johann Georg Wächter, 1663–1757), Knorr de Rosenroth — Христиан Кнорр фон Розенрот (нем. Christian Knorr von Rosenroth, 1636–1689), Molitor — Франц Йозеф Молитор (нем. Franz Josef Molitor, 1779–1860). Большинство перечисленных имен Вл. Соловьев приводит (вместе с рядом ссылок на издания) в своей словарной статье «Каббала» для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона (1894): «С XV в. являются каббалисты и между христианами писателями: в Италии — Пико де Мирандола; в Германии — Рейхлин

работы о синтезе науки и религии (см. примеч. 17), а также развивающей тезисы рукописи «Бог есть всё...» (см. об этом примеч. 6). В том числе на л. 16 находятся утраченные страницы 15–16 наброска первой лекции Вл. Соловьева на ВЖБК, читанной в середине сентября 1880 г. (опубликован с этой купорой по автографу РГАЛИ в составе 4-го тома ПССиП).

(“De arte cabbalistica” и “De Verbo mirifico”), Корнелий Агриппа фон Неттесгейм (“De occulta philosophia”) и Парацельс; во Франции — Вильгельм Постель (XVI в.); в Англии — Роберт Флудд...» (Соловьев В.С. Каббала // Соловьев В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб., 1914. С. 340). «Ср. Knorr de Rosenroth, “Cabbala denudata” (1677–84; здесь же лат. перев. кн. Зогар); Molitor, “Die Tradition oder Philosophie der Geschichte” (анонимно, богатый материал и важные указания)» (Там же. С. 343).

*** John Pordage — Джон Пордедж (англ. John Pordage (1607–1681), Jane Lead — Джейн Лид (англ. Jane Leade (1624–1704), Gichtel — Иоганн Георг Гихтель (нем. Johann Georg Gichtel, (1638–1710), Arnold — Готфрид Арнольд (нем. Gottfried Arnold, 1666–1714), Sincerus Renatus, т.е. «Подлинно воскресший (обращенный)» (лат.) — псевдоним («мистическое имя») Самуила Рихтера (Samuel Richter, †1722), Saint-Martin — Луи Клод де Сен-Мартен (фр. Louis Claude de Saint-Martin, 1743–1803), Baader — Франц Ксавер фон Баадер (нем. Franz Xaver von Baader, 1765–1841), Schelling — Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (нем. Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling, 1775–1854).

Ниже списка и с левой стороны от представленной далее триадичной схемы становления эзотерических представлений находится текст, не относящийся напрямую, но осмысляющий обозначенные в ней подходы к «цельному знанию»: «По определению своему цельное знание не может иметь исключительно теоретического характера. Оно должно отвечать всем духовным потребностям человека, должно удовлетворять в своей определенной сфере всем высшим стремлениям человека...» Другие примеры триадических схем, относящихся к софийным аспектам разрабатывавшегося Вл. Соловьевым «вселенского учения», приведены в Приложении к настоящей публикации.

Представленная работа является своеобразным продолжением предшествующей публикации в журнале «Литературный факт»⁴⁴, где были показаны и обсуждены причины пристального внимания Ф.М. Достоевского, отразившегося в его статьях, к пророческим выпискам Вл. Соловьева (одна из которых, частично воспроизведенная Достоевским, сохранилась в папке «Бог есть всё»). Однако этот документально доказанный прецедент был, несомненно, не единичен. Представляется, что обозначенный выше круг московских «соловьевцев» — будущих младосимволистов — следует уверенно назвать в числе первых читателей, последователей и критиков софийно-эсхатологических рукописей, а также конспектов Вл. Соловьева середины 1870 — 1880-х гг. из сочинений западного эзотеризма⁴⁵, научная публикация которых запоздала на целое столетие и продолжается поныне.

⁴⁴ См.: Рычков А.Л. Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт? С. 431–451.

⁴⁵ Определение выделившейся в качестве самостоятельной дисциплины академической области исследования «западный эзотеризм», а также обзор ключевых фигур, трудов и исторических течений европейского эзотеризма в ракурсе их влияния на христианскую культуру см.: Ханеграф В. Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / Пер. с англ; науч. ред. и послесл. А.Л. Рычкова.

Владимир Соловьев
<БОГ ЕСТЬ ВСЁ. ВСЁ СТАНОВИТСЯ БОГОМ>⁴⁶

<Л. 28>

†⁴⁷

1. Всё от Бога идет и к Богу возвращается. Всякое частное бытие обнимается бытием всецелым, и всякое единичное существо содержится всеобщим существом Божиим, которое есть *единое и всё* или сущее всеединое.

2. Все единичные существа входят в полноту божественного бытия и потому вечны и безусловны⁴⁸.

3. Всё, [пребывая] по абсолютному существу своему пребывая в Боге, вместе с тем по особенному бытию своему находится вне Бога. Таким образом<, > для всего существующего являются два противоположных состояния: состояние внутреннего всеединства или безусловной любви, образующее порядок божественный — истинное пребывание существ в Боге⁴⁹ — и [пер] состояние <Л. 28об.> внешней разделенности, на котором основывается порядок природный или видимое бытие существ вне Бога.

4. В порядке божественном, выражающем прямую волю Всеединого, каждое существо ищет и находит всех в себе и себя во всех, т.е. все составляют внутреннюю необходимость для каждого и каждый для всех; в порядке природном, выражающем собственную исключительную волю частных существ, каждое существо ограничивается для себя своим особенным бытием и всё остальное является для него как внешняя необходимость или случайность.

М., 2016. Книга включает обзор основных тематических русскоязычных публикаций, см.: Рычков А.Л. «Западный эзотеризм в России: выборочное историко-библиографическое приложение» // Там же. С. 236–254.

⁴⁶ РО ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 159. Л. 28–31об. С этих подзаголовков над пп. 1 и 2 на первом листе папки «Соловьев Вл. С. “Бог есть всё”» (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 159) начинается черновой набросок (далее по тексту — 1-я версия) публикуемой итоговой версии текста, сохранившейся на лл. 28–31 указ. папки. Поскольку итоговая версия не имеет названия и обозначена крестом, текст условно озаглавлен согласно первоначальной версии. Дальнейшие отсылки к нумерации листов относятся исключительно к указ. папке с рукописями Вл. С. Соловьева. Различия 1-й версии с итоговой приводятся в примечаниях справочно, без указания авторских сокращений и вычеркнутых слов. Слова, зачеркнутые в итоговом тексте, взяты в квадратные скобки.

⁴⁷ В 1-й версии после креста имеется заголовок: «† (Бог *есть* всё)» (Л. 1).

⁴⁸ В 1-й версии перед п. 2 имеется подзаголовок: «† (Всё *становится* Богом)». Начало п. 2 изложено в сл. ред.: «Все единичные существа, имея место в вечном и безусловном Боге — вечны и безусловны» (Л. 1).

⁴⁹ В 1-й версии начало п. 3 изложено в сл. ред.: «Существуют два противоположных состояния, в которых могут находиться все живущие существа: состояние внутреннего всеединства, образующее порядок божественный, т.е. истинное бытие существ в Боге...» (Л. 1).

5. Поскольку существа находятся в природном порядке, постольку они непроницаемы друг для друга; эта непроницаемость есть основание вещества или вещественного мира⁵⁰, который таким образом имеет лишь условную действительность.

6. Порядок божественный или порядок всеединства есть безусловный и[ли] первоначальный, порядок <Л. 29> природный или вещественный есть производный и относительный; первый есть сущая истина, второй есть бывающее явление или факт.

7. Внутреннее единство и связь всего существующего, явно пребывающая в мире божественном, сокрыто присутствует [в скрытом виде] и в мире природном, при всей его видимой множественности и разделенности<,> и здесь есть нечто единое, стремящееся обнять собою всё и постепенно становящееся всем. Это становящееся всеединое есть человек или душа мира во всех нас тайно присутствующая, страдающая и действующая⁵¹.

8. Человек или душа мира заключает в себе и божественный и природный (материальный) элемент и [есть] составляет посредствующее и связующее начало между двумя порядками бытия.

9. Человек не определяется всецело фактом и постольку свободен. <Л. 29об.>

10. Поскольку мы действительно свободны от факта (природного), постольку мы имеем власть над ним и можем изменять его.

11. Свобода и власть над фактом природы обусловлены добровольным подчинением правде Божией⁵²; мы действительно возвышаемся над природным порядком лишь постольку даем в себе место порядку божественному.

12. Сознывая правду (т.е. порядок божественный) и имея власть над фактом (т.е. над порядком природным)<,> человек тем самым имеет способность, потребность и обязанность действовать так, чтобы правда ста-

⁵⁰ Соловьев особо рассматривает тему непроницаемости в одном из включенных в папку черновики: «Непроницаемость материи относительная. Однородные частицы материи непроницаемы друг для друга, но они проницаемы для высшего начала, а так как каждая частица материи (атом) кроме инерции или сопротивления (притяжения), составляющих собственно материальность, необходимо обладают еще силой движения центробежного и так как отношение этих двух элементов у различных атомов различно, то те, у которых сила движения преобладает над силой сопротивления, могут проникать другие атомы, у которых отношения от их сил обратные» (Л. 4).

⁵¹ Вопрос скрытого внутреннего единства всего существующего в природном мире и его видимой множественности как «состояния внешней разделенности» человека Соловьев рассматривает в отдельных заметках, сохранившихся в той же папке «Бог есть всё» на лл. 9–10. Посвященные этому вопросу тезисы пп. 7–8 итогового текста (раскрывающие пп. 3 и 4) в первоначальной версии отсутствуют.

⁵² Здесь и далее по тексту в 1-й версии: истине, истину и т.д.

нови́лась фактом и факт правдою, или чтобы порядок всеединства, вечно сущий в божественной сфере, через человека распространился <Л. 30> бы и на природное бытие и реализовался в нем, возводя всё фактически разрозненное к свободному согласию.

13. Постепенное исполнение этой задачи, т.е. постепенное через посредство человека нисхождение Божества в природу и восхождение природы к Богу составляет весь смысл мировой истории.

14. Эта история как постепенное обожествление природы в человеке или постепенный переход человечества природного состояния⁵³ и порядка в божественный, представляет в этом отношении три главных момента:

А) Человек, находясь по преимуществу в природном состоянии, только *стремится* к божественному началу как чему-то для себя внешнему.

15. В) Божественное начало открывается человеку в его собственной форме как Богочеловек Христос. <Л. 30об>

16. С) Явившееся божественное начало усваивается и осуществляется человеком.

17. Усвоение божественного начала человеком является тройкое:

во 1-х божественное начало усваивается как общий всем объективный факт, продолжающийся в предании — вера, [в Христа] основанная на [безусловном] подчинении внешнему авторитету, и спасение внешними делами — начало римско-католическое⁵⁴;

во 2-х божественное начало усваивается путем субъективного религиозного процесса [в] каждым лицом отдельно — начало протестантское⁵⁵.

И в 3-х божественное начало усваивается в свободном согласии всех, соединенных общим внутренним убеждением и любовью — начало истинного православия⁵⁶.

18. Истинное начало православия, не исключая, а согласуя собою другие начала, есть настоящее *вселенское* (универсальное) <Л. 31> начало. В скрытом виде оно всегда сохранялось в восточной католической церкви. Но как начало безусловное оно по существу своему не может

⁵³ В 1-й версии: «постепенное возвышение человека из природного состояния» (Л. 2).

⁵⁴ Соловьев расширяет и редактирует тезис, перенесенный из 1-й версии: «Во-1-х Божественное начало усваивается как факт — вера в Христа основывается на безусловном подчинении внешнему авторитету — спасение внешними делами (католицизм и иезуитство)» (Л. 2).

⁵⁵ В 1-й версии: «протестантизм и масонство» (Л. 2).

⁵⁶ В 1-й версии: «соединенных не слепой верой и подчинением внешнему авторитету, а свободным внутренним убеждением и общей любовью — православию» (Л. 2).

ограничиваться этим скрытым существованием⁵⁷, а должно быть проявлено и осуществлено.

19. Начало истинного православия или всеединства осуществляется тройко:

1) в каждом отдельном человеке оно должно гармонически объединить все его силы и способности как различные выражения единого божественного начала, затем воссоздать в нем образ и подобие Божие.

2) отдельных людей, — каждого по его индивидуальному характеру и призванию, — оно должно соединить⁵⁸ в одно целое как носителей различных сил и даров божиих<,> взаимно друг друга восполняющих и друг другу помогающих.

3) Наконец<,> все дела и деятельность человека на внешний мир направленные оно должно⁵⁹ организовать таким образом, <Л. 31об.> чтобы сделать материальную природу свободным орудием и выражением всеединой идеи — престолом Славы Божией.

20. Сознательное усвоение и свободное осуществление вселенской идеи православия (всеединства) является в настоящее время задачей для тесного кружка людей в среде православной Церкви, признающих эту идею. Такой кружок впоследствии должен преобразоваться в более обширный духовный союз или братство и затем постепенно распространиться на всю церковь, организуя вселенскую жизнь и деятельность в формах свободной теократии, свободной теософии и свободной теургии⁶⁰.

⁵⁷ В 1-й версии: «измерением» (Л. 2 об.).

⁵⁸ Вариант продолжения в 1-й версии: «соединить во внутреннем согласии любви и общих убеждений» (Л. 2 об.).

⁵⁹ В 1-й версии: «Наконец, все дела и деятельность человечества оно должно привести в гармоничное или всеединое взаимоотношение...» (Л. 2 об.).

⁶⁰ В 1-й версии заключительный пункт изложен в сл. ред.: «Наконец, все дела и деятельность человечества оно должно привести в гармоничное или всеединое взаимоотношение — которое в сфере практической выражается как свободная теократия, в сфере теоретической как свободная теософия, в сфере эстетической как свободная теургия» (Л. 2 об.). После завершения 1-й версии следует запись автоматическим письмом с сообщением от Софии: “Sophie. Je veux que tu dors. au revoir a demain Sophie” [«София. Хочу, чтобы ты поспал. До свидания, до завтра. София»] (фр.). Запись опубликована: *Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева. С. 155.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁶¹

<Цельное существо (Вселенский человек)>⁶²

<Л. 9> Божество есть сущность, неистощимое начало существования. В нем начало единства или сверхсущего и начало множественности или бытия. Бытие бывает трех родов:

1. Бытие потенциальное или существенное. Божество сверхсущее или чистый дух проявляет себя в множественности потенциальных или существенных единиц — чистых духов.

2. Бытие идеальное или воображаемое. Божество как начало идеальное или ум (Νοῦς) проявляет себя в множественности идеальных сущностей.

3. Бытие действительное или реальное (чувственное). Божество как душа проявляет себя в множественности действительных, реальных существ.

Во всех трех сферах Божество есть начало деятельное и начало единства; [материя] natura (хотение) есть начало пассивное<,> субстрат или непосредственная сила (potentia) действия<,> [и наконец<ц>] начало множественности<,> и наконец [человек конкретное] цельное существо. Конкретное существо есть [начало] сочетание единства и множества<,> деятельн<ого> и страд<ательного> нач<ала>,> (универсальный) индивидуум; итак<,> есть<:>

⁶¹ Публикуемые в наст. приложении фрагменты рукописи Соловьева находятся на л. 9–9об. папки «Бог есть всё» (ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 159). На листе присутствуют не относящиеся к данному тексту записи Соловьева, место которых обозначено купурой. Вычеркнутые Вл. Соловьевым слова указаны в квадратных скобках. Рукописи публикуемого текста и приложения расшифрованы совместно с К.Ю. Бурмистровым (л. 1–2, 9г).

⁶² В публикуемом фрагменте рукописи, условно названном нами «Цельное существо (Вселенский человек)», а также в ряде других листов папки Соловьев пишет о «Вселенском человеке» (Адаме Кадмоне) как единстве существенного (духовного), идеального и реального начал, т.е. Бога, Логоса и Софии, или, иначе, как о едином соборном организме Богочеловечества (в качестве антропоморфной модели мира), преобразование в который, по мысли философа, составляет «смысл истории» и глубинный вектор развития действительного мира. Уже в набросках к неоконченному «Началам Вселенского учения» Соловьев уподобляет «универсальное [создание] осуществление вселенского человека» «восстановлению Христа» (Соловьев В.С. Планы и черновики. С. 178). Однако Соловьев избегает употребления этого понятия в своих академических печатных работах, предпочитая говорить о Богочеловеке, идею которого он принимает в основания «Чтений о Богочеловечестве». Понятие «Вселенский человек», родственное философии космизма и предвещающее известный многолетний диалог Соловьева с Н.Ф. Федоровым, впервые появляется в печатной работе Соловьева лишь десятилетием позднее — во французскоязычной публикации «Россия и Вселенская Церковь».

1. духовное[ый человек] Божество, духовная природа, духовный индивидуум;
 2. идеальное божество, идеальная природа, идеальный индив<идуум>;
 3. реальное божество, реальная природа, реальный индивидуум.
- <Л. 9 об.>

Существо (целое)	Образ действия (бытия).	Материя.
1. Дух. Первая ипостась	Самосознание	воля (хотение потенциальное)
2. Ум. 2-я ипостась.	Мышление (воображение)	желание (хотение идеальное)
3. Душа. 3-я ипостась.	Чувство (ощущение)	любовь (хотение действительное).
v вселенский человек (1. Духовный человек. 2. Идеальный человек. 3. Душевный человек)		

Дух	Ум	Душа	Человек
ἀρχὴ τῆς κινήσεως*	εἶδος (οὐσία)	ὑλὴ (δύναμις ὑποκείμενον)	οὐ ἔνεκα τέλος
ἐκ	διὰ	ἐν ᾧ	εἰς ὅ**

1-е состояние Вселенский человек имеет бытие субстанц<иальное>. 2-<е> сост<ояние> Всел<енский> чел<овек> им<еет> быт<ие> идеальное. 3-е сост<ояние> Всел<енский> челов<е>к имеет бытие реальное. Вселенский человек субстанциальный — Отец. Вселенский человек идеальный — Сын или Лоуос. Вселенский человек действительный (чувственный) — Дух Святой.

Admiratio τὸν Λόγον. Adoratio τῆς Σοφίας.⁶³ <...>⁶⁴

1. Вселенский человек существенный — Бог.	Бог
2. Вселенский человек идеальный — Лоуос.	муж
3. Вселенский человек реальный — Соφία.	женщина] ⁶⁵

⁶³ Соловьев обращается к высказанному Платоном и общему для поздней античности убеждению в том, что познание высшего и наука начинаются с удивления (Admiratio), как писал об этом Плотин: «сколько ни дивна эта многоцветная красота, необходимо подняться еще выше ее /к верховному началу/, ибо не столько наш чувственный, сколько этот сверхчувственный мир возбуждает в нас удивление и заставляет спрашивать, кто его произвел и каким образом?» (см.: Плотин. Энн. VI 7, 16). Adoratio (лат.) — обожание, богопоклонение (богосл.). Таким образом, эту двязычную фразу можно перевести как: «Удивление — Логоса, обожание, богопоклонение — Софии».

⁶⁴ Далее следуют схемы сопоставления форм материи и страстей с алхимическим символизмом, не относящиеся к публ. фрагменту.

⁶⁵ Последняя схема находится в начале лицевой части л. 9, предваряя публикуемый текст, однако по содержанию и смыслу является итоговой (возможно, она была вписана в оставшееся свободным место листа, либо, напротив, весь

* Соловьев рассматривает в ракурсе христианской метафизики изложенное Аристотелем в первой книге «Метафизики» учение о 4-х причинах всего, о котором позднее напишет в словарной статье «Причина» для энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Аристотель в первой книге “Метафизики” дал свое учение о 4-х причинах, или началах, усвоенное средневековой схоластикой, но доселе еще не исчерпанное философским мышлением. Ища причину вещей или явлений, наш ум ставит не один, а четыре различных вопроса, и только при определенном ответе на все четыре мы получаем полное понятие искомой причины, могущее окончательно удовлетворить требования мысли по данному предмету. Во-1-х, мы спрашиваем, из чего происходит данный факт, составляется данный предмет; это есть вопрос о материи или материальной причине того, что дано (ὄλη, *causa materialis*). Во-2-х, спрашивается, от чего или чьим действием произведена данная действительность; это есть вопрос о производящей причине, или о «начале движения» (ἀρχὴ τῆς κινήσεως, *causa efficiens*). В-3-х, спрашивается, почему, или сообразно чему данный предмет есть то, что он есть; это вопрос о специфической идее, образующей формы, или формальной причине (εἶδος, *causa formalis*). В-4-х, спрашивается, к чему, для или ради чего нечто происходит или существует — вопрос о цели или конечной причине (τέλος, οὐ ἔνεκα, *causa finalis*)» (*Соловьев В.С. Причина // Соловьев В.С. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 10. СПб., 1914. С. 264–265*). δὴναμις ὑλοκείμενον (*др.-греч.*) — подлежащее (лежащее в основе), субстрат или субъект способности (потенции) к движению, см., напр.: *Arist. Met. V 12*; ср. комментирующую внебожественное, космическое становление мира запись на полях «Второго диалога» рукописи “*La Sophia*” (Сорренто, март 1876 г.): «Материальное начало (*causa materialis*, ὄλη, ὑλοκείμενον) четвертого мира или разделенного состояния миров, состояния внебожественного, есть Душа и души» (*Соловьев В.С. София. С. 117*). О применении в работах Соловьева (в частности — при каузальном определении абсолютного начала) учения о четырех причинах Аристотеля, в т.ч. понятий ὑλοκείμενον и δὴναμις, см.: *Соловьев В.С. Примечания. С. 329–330*.

** В контексте табл.: ἐκ (*др.-греч.*) — «из», предлог, обозначающий происхождение (точку, откуда происходит действие или движение); διὰ — «через, из-за»; ἐν ᾧ — «в котором», εἰς ὃ, здесь — единый (субъект), ср. библ.: «εἰς ὃ θεός» — «Един (один) Бог».

Литература

Белый А. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.

Белый А. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. 1064 с.

Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке / Под ред. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 510 с.

Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 550 с.

Бурмистров К.Ю. Владимир Соловьев и европейский эзотеризм: проблема источников // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 2 (50). С. 47–65.

Геллер Л., Никё М. Утопия в России / Пер. с фр. СПб.: Гиперион, 2003. 312 с.

Гречишкин С.С. Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л.: Наука, 1980. С. 3–22.

приводимый в Приложении текст является раскрытием этой схемы), в связи с чем отнесена нами в его заключение.

Козырев А.П. Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М.: Водолей, 2018. С. 117–156.

Козырев А.П. Наукоучение Владимира Соловьева: к истории неудавшегося замысла // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 5–68.

Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: С.А. Савин, 2007. 544 с.

Котрелев Н.В. «Благонамеренность не спасает от заблуждений...»: Неизданные автографы Владимира Соловьева // Наше наследие. 2000. № 55. С. 64–73.

Максимов М.В. Метафизические основания историософии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. № 1. С. 47 — 75.

Максимов М.В., Котрелев Н.В. Интервью с Николаем Всеволодовичем Котрелевым // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 1 (29). С. 77-89.

Переписка Блока с С.М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. ст., публ. и коммент Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 324–407.

Рычков А.Л. Доклад А. Блока о русском символизме 1910 года как развитие «мысли о Софии» Вл. Соловьева // Шахматовский вестник. Вып. 12. М., 2011. С. 207–231.

Рычков А.Л. Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт? // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 431–451.

Серков А.И. Предисловие // Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцства. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2005. С. 5–78.

Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2: 1875–1877. М.: Наука, 2000. 397 с.

Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: 1878–1882. М.: Наука, 2011. 805 с.

Ханеграф В. Западный эзотеризм: Путеводитель для запутавшихся / Науч. ред. и послесл. А.Л. Рычкова; Пер. с англ. Е. Зоря. М.: ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2016. 256 с.

References

Belyi A. *Nachalo veka* [Turn of the century], ed. and comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 687 p. (In Russ.)

Belyi A. *Nachalo veka. Berlinskaia redaktsiia (1923)* [Turn of the century. Berlin edition (1923)], ed. A.V. Lavrov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 1064 p. (In Russ.)

Belyi A. *Sobranie sochinenii. Vospominaniia o Bloke* [Collected works. Memoirs of Blok], ed. V.M. Piskunov. Moscow, Respublika Publ., 1995. 510 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm: Issledovaniia i materialy* [Russian literature of the early 20th century and occultism: Studies and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 550 p. (In Russ.)

Burmistrov K.Iu. Vladimir Solov'ev i evropeiskii ezoterizm: problema istochnikov [Vladimir Soloviev and European esoterism: the problem of source studies]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2016, iss. 2 (50), pp. 47–65. (In Russ.)

Geller L., Niqueux M. *Utopia v Rossii* [Utopia In Russia], transl. from French. St. Petersburg, Giperion Publ., 2003. 312 p. (In Russ.)

Grechishkin S.S. Arhiv S.A. Poliakova [Archive of S.A. Polyakov]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1978]. Leningrad, Nfuka Publ., 1980, pp. 3–22. (In Russ.)

Hanegraaff W. Zapadnyi ezoterizm: Putevoditel' dlia zaputavshikhsia [Western esoterism: A guide for the perplexed], ed. and afterword A.L. Rychkov, transl. from English E. Zor. Moscow, Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature Publ., 2016. 256 p. (In Russ.)

Kotrelev N.V. “Blagonamerennost' ne spasat ot zabluzhdenii...”: Neizdannye avtografiy Vladimira Solov'eva [“Good intentions are no safeguard against error...”: Unpublished autographs by Vladimir Solovyov]. *Nashe nasledie*, 2000, no. 55, pp. 64–73. (In Russ.)

Kozyrev A.P. Mistika v tsepiakh razuma: Avtomaticheskie zapisi Vl. Solov'eva [Mysticism in chains of mind: Vl. Solovyov's automatic recordings]. *Literatura i religiozno-filosofskaia mysl' kontsa XIX — pervoi treti XX veka*. K 165-letiiu Vl. Solov'eva [Literature and religious-philosophical thought in the late 19th and first third of the 20th centuries. Celebrating Vladimir Solovyov's 165th birthday]. Moscow, Vodolei Publ., 2018, pp. 117–156. (In Russ.)

Kozyrev A.P. Naukouchenie Vladimira Solov'eva: k istorii neudavshegosia zamysla [Vladimir Solovyov's “Science of Knowing”: on the history of a failed plan]. *Issledovaniia po istorii russkoi mysl'i. Ezhegodnik za 1997 god* [Studies In Russian intellectual history. Annual for 1997]. St. Petersburg, 1997, pp. 5–68. (In Russ.)

Kozyrev A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and Gnostics]. Moscow, S.A. Savin Publ., 2007. 544 p. (In Russ.)

Maksimov M.V. Metafizicheskie osnovaniia istoriosofii Vl. Solov'eva [Metaphysical base of Vl. Solovyov's historiosophy]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2001, no 1, pp. 47–75. (In Russ.)

Maksimov M.V., Kotrelev N.V. Interv'iu s Nikolaem Vsevolodovichem Kotrelevym [Interview with Nikolai Vsevolodovich Kotrelev]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2011, iss. 1 (29), pp. 77–89. (In Russ.)

Perepiska Bloka s S.M. Solov'evym (1896–1915) [Correspondence of Blok and S.M. Solovyov (1896–1915)], intro., publ. and comment. N.V. Kotrelev and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 92: *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New materials and studies. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 24–407. (In Russ.)

Rychkov A.L. Doklad A. Bloka o russkom simbolizme 1910 goda kak razvitie “mysli o Sofii” Vl. Solov'eva [A. Blok's report on the Russian Symbolism (1910) as a development of Vl. Solovyov's “Sophian thought”]. *Shakhmatovskii vestnik. Vyp. 12* [Shakhmatovo bulletin. Iss. 12]. Moscow, 2011, pp. 207–231. (In Russ.)

Rychkov A.L. Latinskii konspekt Vl. Solov'eva v “Dnevnikе pisatel'ia” F.M. Dostoevskogo: nauchnyi mif ili literaturnyi fakt? [Vladimir Solovyov's Latin outline in Fedor Dostoevsky's “The Writer's Diary”: a scholarly myth or a literary fact?]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 431–451. (In Russ.)

Serkov A.I. Predislovie [Preface]. Kiselev N.P. *Iz istorii russkogo rozenkreitsertstva* [From the history of Russian Rosicrucianism]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., 2005, pp. 5–78. (In Russ.)

Solov'ev V.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 2: 1875–1877* [Complete works and letters in 20 vols. Vol. 2: 1875–1877]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 397 p. (In Russ.)

Solov'ev V.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 4: 1878–1882* [Complete works and letters in 20 vols. Vol. 4: 1878–1882]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 805 p. (In Russ.)

“God is All. All Becomes God”: Religious and philosophical creed of “early” Vladimir Solovyov and its first readers

© 2019, Alexander Rychkov

Abstract: The article presents an unknown text by VI. Solovyov under the working title “God is All. All Becomes God”, which formulates briefly the religious and philosophical creed of the thinker in the second half of the 1870s and 1880s. The text has been preserved in draft and final versions. The article discusses the reflection and development of final manuscript abstracts in Solovyov’s works of the mid 1870 and 1880s.; necessary comments are given. On its example, the question is posed, whether VI. Solovyov’s ideas were possibly adopted by Younger Symbolists from his unpublished manuscripts which relate to the treatise “La Sophia”. Based on the analysis of memoir sources, it is concluded that Moscow Younger Symbolists were the first readers of a number of these manuscripts. The hypothesis is put forward that “early” Solovyov’s numerous extracts of Sofia’s themes from thinkers of Western esoterism could affect the reading circle of Andrei Bely in the first decade of the 20th century. In order to compare reading circles, the article presents an unknown analytical list compiled by the young philosopher and entitled “Hermetic books. Kabbalah Gnosis”, which particularizes the authors of esoteric schools that attracted Solovyov’s attention (and for the most part quoted by him), as well as the directions of their development. The appendix presents a fragment of the triad schemes of the “La Sophia” period.

Keywords: Vladimir Solovyov, V. Solovyov’s manuscripts, divine Sophia, Younger Symbolism, Andrei Bely, Russian religious philosophy, Western esoterism.

Information about the author: Alexander Rychkov, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: vp102243@list.ru

Citation: Rychkov Alexander. “God is All. All Becomes God”: Religious and philosophical creed of “early” Vladimir Solovyov and its first readers. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 223–249. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-223-249

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-250-269

УДК 821.161.1

«Это была шутка»: об одной скандальной публикации З.Н. Гиппиус в «Северных цветах»*

© 2019, Ю.А. Рыкунина

Аннотация: В статье рассмотрен историко-литературный сюжет, связанный с публикацией рассказа З.Н. Гиппиус «Месса (Переводная картинка)» и общественной реакцией на него. Приводятся рецензии, в том числе малоизвестные, и эпистолярные отклики, восстанавливается историко-культурный контекст. Дается попытка интерпретации рассказа в контексте творчества Гиппиус 1900-х гг. Высказывается предположение о причинах авторской переоценки рассказа в более поздний период.

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, В.Я. Брюсов, альманах «Северные цветы», проза символистов, архивы, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: rykuninay@mail.ru

Цитирование: *Рыкунина Ю.А.* «Это была шутка»: об одной скандальной публикации З.Н. Гиппиус в «Северных цветах» // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 250–269. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-250-269

* Выражаю искреннюю признательность А.Л. Соболеву за ценные замечания и дополнения.

В начале 1900-х гг. Зинаида Гиппиус написала три рассказа на французском языке: два из них опубликованы относительно недавно¹, третий рассказ, «Месса (Переводная картинка²)», в переводе на русский язык появился на страницах альманаха «Северные цветы на 1903 г.» (С. 65–74). В обаятельном и психологически тонком «французском» рассказе, написанном от первого лица, речь шла о 16-летней итальянке³ по имени Саредда, дочери коммерсантов, которая отдается незнакомому мужчине в поезде. Этот понравившийся ей господин, больной чахоткой, принял ее (к особой гордости героини) за «даму легкого поведения». В поезде она была с ним счастлива сорок минут («я вот была блаженна сорок минут»⁴); свои ощущения девушка описывает как «золотые волны». В финале рассказа она решает, что на полученные деньги закажет заупокойную мессу по своему любовнику, когда тот умрет, — будет звучать орган, будут те же «золотые волны», «это ведь почти то же самое». Как кажется, здесь в сниженном виде представлена широко обсуждавшаяся в тот период идея о связи религиозного и полового, «плотского» начал.

О допечатной судьбе рассказа известно следующее. 23 ноября 1902 г. Брюсов писал основателю и владельцу издательства «Скорпион», соредактору «Северных цветов» С.А. Полякову: «Зиночка дала для “Северных] ц[ветов]” рассказ “Месса”, не очень цензурный»⁵. Гранки рассказа

¹ См.: *Гиппиус З.* Три дамы сердца; Ошибка / Пер. с франц. Ф. Перовской; публ. и послесл. М.М. Павловой // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 5–24.

² Очевидная игра слов: перевод с французского языка и переводная картинка, т.е. печатный оттиск (декаль).

³ Италия была важна для Гиппиус и в творческом плане, и в биографическом. Впервые Мережковские побывали в Италии (в Венеции) весной 1891 г. Весной 1896 г. они совершили путешествие «по следам Леонардо да Винчи» (см.: *Халиков А.А.* «Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо // Литературный факт. 2018. № 9. С. 294–313). Весной 1898 г. на Сицилии Гиппиус познакомилась с Елизаветой Овербек (см.: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Заветный вензель: к биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331). В Италии происходит действие нескольких рассказов Гиппиус: «Луна» (1898), частично — «Слишком ранние» (1899) и «Небесные слова» (последний опубликован в альманахе «Северные цветы на 1901 г.»). Недавно совершивший путешествие по Италии Брюсов в том же выпуске альманаха на 1903 г. поместил стихотворение «Италия»; Д.С. Мережковский был автором цикла «Итальянские новеллы». Ср. также важное в нашем контексте стихотворение Мережковского «Addio, Napoli» (1891), где волны сравниваются с музыкой органа. Популяриностью в эти годы пользовались произведения итальянского писателя Г. д’Аннунцио. Можно сказать, что среди символистов Италия на рубеже веков была в моде.

⁴ Северные цветы: Альм. кн-ва «Скорпион». М., 1903. С. 65. Ср. в «Белых ночах» Ф.М. Достоевского в другом контексте: «Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Т. 2. СПб., 2014. С. 221).

⁵ Переписка [В.Я. Брюсова] с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева; публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир //

сохранились в архиве В.Я. Брюсова; в них (очевидно, рукой Брюсова) сделано несколько карандашных вычеркиваний — правке подверглась кульминационная сцена свидания в поезде. Вот этот фрагмент; вычеркнутые места, не попавшие в окончательный текст, выделены курсивом:

Конечно, и он был счастлив, как я (мне даже странно говорить это), потому что я уже не чувствовала себя собой, — а нами вместе. Это очень просто. *Так же как два шарика ртути сливаются в один большой. И если его потом разделить опять на два, это будут всё же не те шарики, а другие, две части одного.* Золотые волны с шумом набегали — и отходили — и вновь набегали, и взяли и били меня, обливая шипучей и ласковой пеной... И вдруг толчок... и оборвалось... остановилось. *Ртутный шарик вздрогнул, растянулся...* Мне сразу стало холодно⁶.

Очевидно, сравнение с ртутными шариками показалось редактору откровенно-физиологичным или неуместным. Вместе с тем нельзя не отметить в нем отсылку к «Войне и миру» Л.Н. Толстого — к знаменитому образу глобуса, который представляется Пьеру состоящим из сливающихся и разливающихся капель (образу «простого и ясного» устройства мира). Кроме того, в вычеркнутом пассаже можно увидеть и отдаленную параллель к естественнонаучной метафоре из стихотворения Гиппиус «Электричество» («Две нити вместе свиты...», 1901).

Так или иначе, в начале апреля 1903 г. «Северные цветы» с рассказом Гиппиус вышли в свет⁷.

2

Этот короткий рассказ ожидаемо вызвал возмущение всех, писавших о нем, причем в оценке сошлись и либералы, и консерваторы, и представители (около)модернистского лагеря: чаще всего писали о «порнографии». Почти все рецензенты, откликнувшиеся на книжку «Северных цветов», отметили рассказ Гиппиус как нечто в этом смысле

Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 65. В комментарии дана ссылка на архивную единицу, в которой хранится рукопись рассказа. О роли Брюсова в книгоиздательстве «Скорпион» и, в частности, о редактировании им альманаха «Северные цветы» см. эту публикацию (с. 5–136). Ниже приводится позднейшая версия Гиппиус о том, как рассказ попал в альманах.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 128. Ед. хр. 14. Л. 5об.–6.

⁷ См. статью Гиппиус о «Северных цветах на 1903 г.» и «Альманахе книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903) под названием «Два зверя» (*Гиппиус З.Н.* Собр. соч. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М., 2003. С. 44–48. Впервые: Новый Путь. 1903. № 6).

беспрецедентное, то же можно сказать и про частные отзывы (см. подборку ниже).

Нарушая хронологию, обратимся к эпистолярному диалогу Гиппиус и С.П. Каблукова 1909 г. Каблуков, познакомившийся с рассказом позже, очевидно, когда началось его интенсивное общение с Мережковскими, высказал в письме к Гиппиус свое мнение о «Мессе», давшей ему повод для размышлений о католической и православной религиозной традиции и православном богослужении. 3 июня 1909 г. он писал ей:

В рассказе «Месса» («Сев[ерные] Цв[еты]» 1903) «девушка» (ставлю кавычки, ибо какое уж тут «девство»), испытывая «золотые волны» мужских ласк в течение 40 минут, говорит, что те же «золотые волны» будут укачивать ее и во время заупокойного богослужения по этом «любовнике на час». Я думаю, что такие мысли — ужасны, несмотря на то, что у римских христиан нет церковной музыки и что женская католическая религиозность имеет в себе ненормальный эротический элемент. Наше богослужение не питает таких настроений ни единым словом, ни единой нотой и в этом также его несомненное достоинство. Оно небесно, оно низводит небо на землю. Я не знаю, как относитесь Вы к тем формам, в какие облечено сейчас наше богослужение, но Ваш рассказ «Подслушанные слова» является для меня плохим предзнаменованием⁸.

Таким образом, «кощунственные» мысли героини всё же в некоторой степени соответствуют, по Каблукову, самой специфике католической религиозной практики. Ниже мы еще вернемся к этим представлениям.

Гиппиус отвечала ему 22 июня 1909 г.:

Пожалуйста, не напоминайте мне о «Мессе». Это была скверная шутка. Мы как-то спорили, что я не сумею написать рассказа в мопассановском духе. Я шутя написала, да еще по-французски, целых два. Один так и остался непереуверенным, а этот выпросил Брюсов, да и то я не давала, — виноват Дм[итрий] Серг[еевич]. Я даже не перепечатала «Мессу» в книжке, а вы ее всё еще помните⁹.

⁸ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год. 1909-й / Публ. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 235. В рассказе «Подслушанные слова», вошедшем в книгу «Лунные муравьи» (1912), критически и иронически описывается православное богослужение.

⁹ Цит. по: Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 198 (приведено в комментарии к письму Э.К. Метнера к А.С. Петровскому от 26 апреля 1903 г.). Ср. в письме Гиппиус А.С. Суворину от 25 марта 1908 г.: «Ну, охота вам было читать эту мерзкую дрянь, мою “Мессу”! Я ее и в книгах не поместила, это была шутка (и скверная), даже не для печати, и я необдуманно отдала ее Брюсову. Очень в ней каюсь. У меня пять книг рассказов,

Это письмо, казалось бы, однозначно отвечает на вопрос о месте рассказа в творческой биографии Гиппиус: о нем стоит забыть как о ничем не значащей безделке. Содержание и тональность новеллы тоже вроде бы соответствуют авторской характеристике. Впрочем, и в этом рассказе достаточно места занимает столь характерная для Гиппиус «теоретическая» составляющая: мысли героини о замужестве (это расчет и потому безнравственно), о блаженстве, которое дается не всем, наблюдения о тождестве религиозного и полового начал и не попавшее в окончательный текст рассуждение о ртутных шариках.

Однако рассказ, его контекст, образность и рецепция, как кажется, заслуживают некоторого внимания (Каблуков, например, отталкиваясь от «ужасных мыслей» героини, сформулировал важные для себя культурно-религиозные постулаты). Возможно, что и отношение Гиппиус к новелле изначально было немного другим. Заметим кстати, что Мопассан, по крайней мере в конце 1890-х гг., воспринимался ею как автор «глубоких» новелл¹⁰.

Вернемся ко времени выхода рассказа. 9 апреля 1903 г. А.С. Петровский писал Э.К. Метнеру: «Вышли “Северные цветы”. Отвратительный, утонченно скабресный рассказ Гиппиус». А 26 апреля Метнер отвечал Петровскому: «Гиппиус необходимо высечь. Какая мерзость. И какая поверхность. Дробненькое трепетание, не идущее вглубь, до крайности форсированное, обоих чувств еще не дает права видеть в них тождественность. Тут умышленно грубая, логически нахальная подтасовка»¹¹.

О том же в схожих выражениях Э.К. Метнер за несколько дней до этого писал Андрею Белому в письме от 13–19 апреля 1903 г.: «Ах да! Надо высечь Зинаиду Николаевну. Я мерзостней никогда ничего не читал ее рассказа в Сев[ерных] Цветах»¹².

одна — статей, том стихов — и вот, вы одну эту дрянь читали! Как это еще вы со мной переписываетесь!» (Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. М., 2018. С. 94).

¹⁰ «Вы рассказываете о Мопассане. Я его страшно люблю. Каждый год я его перечитываю снова, этой весной опять принялась за “Sur l’eau”. Маленькие его рассказы люблю не все, но некоторые так глубоки, что их хочется выучить наизусть. “Main gauche” знаю, но, по-моему, это не из лучших сборников, там есть несколько и бесцветных очерков. Часто я прошу С.А. Андреевского, просто когда он заходит днем, взять книжку и прочитать какой-нибудь коротенький рассказик Мопассана» (Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / Публ. Н.А. Богомолова // In memorem: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 199; письмо от 29 июля 1897 г.).

¹¹ Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 198.

¹² Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 / Вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М., 2017. Т. 1: 1902–1909. С. 242.

Не заставили себя ждать и отклики в печати¹³. Поэт-символист, критик и журналист А.А. Курсинский в рецензии на «Северные цветы на 1903 г.» писал:

Изящная проза представлена г. Мережковским, давшим отрывок из третьей части его исторической трилогии [...] и рассказом г-жи Гиппиус: «Месса», нам безусловно несимпатичным по тому слишком игривому тону, в котором поэтесса говорит о вещах глубокой серьезности¹⁴.

Стоит особо отметить нигде, кажется, не учтенную рецензию на «Северные цветы на 1903 г.» литературного и театрального критика, поэта и журналиста С.В. Яблоновского (Потресова), в которой значительное место уделено Гиппиус и ее злополучному рассказу:

Г-жа Зинаида Гиппиус напечатала такой порнографический рассказ, при чтении которого покраснеют даже будочники. Впрочем, это не рассказ, а, как окрестила его поэтесса, переводная картинка. Ее героиня, шестнадцатилетняя девушка, повествует о том, как она была счастлива сорок минут. [...]

Счастье произошло в купэ, в котором один чахоточный принял ее за кокетку, что ей бесконечно польстило, и она направила всю свою изобретательность на то, чтобы он никоим образом не узнал ее позора, заключающегося в том, что она честная и благородная девушка. Для этого она припомнила все рассказы своих замужних подруг, и вышло так удачно, что через сорок минут чахоточный герой, расставаясь, вручил ей монету в десять лир.

Героиня решает употребить эти деньги на заупокойную мессу, когда чахоточный умрет, а она в церкви «даст себе волю» и будет «вспоминать всё одно за другим, что было в мои сорок минут», и тогда будет то же самое. «Это ведь почти то же самое».

Рассказ изобилует такими подробностями, такими точками над і, перед которыми остановится даже и очень смелое перо¹⁵.

8 июня Варяг (Михаил Михайлович Леонович) писал в «Новом времени»:

¹³ Перечень откликов на «Северные цветы на 1903 г.» см.: *Даниелян Э.С.* Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973. Ереван, 1976. С. 258–250.

¹⁴ *Курьер*. 1903. № 46, 14 апр. С. 3; подпись: Кур-ский.

¹⁵ *Яблоновский С.* Кладезь премудрости // Южный край. 1903. № 7714, 28 апр. С. 2.

Хотите знать, как г-жа Гиппиус, или вернее ее героиня, была счастлива в своей жизни, один раз, всего сорок две минуты, но была счастлива, упоена счастьем? Возьмите последнюю книжку альманаха «Северные Цветы» и прочтите ее рассказ «Месса». Более дикого, нелепого и порнографического я положительно не встречал. Передать содержание этой циничной картинки очень трудно, но идея его не очень сложна. Вот она. Женщина не должна ни выходить замуж, ни продаваться. И то и другое одинаково мерзкий расчет. Она должна быть мотыльком, порхать с цветка на цветок, отдаваясь мимолетному чувству. Героиня г-жи Гиппиус, «невинная» девочка 16 лет, так и поступает. Она отдается первому встречному в вагоне, даже не успев с ним сказать слова, только на 42 минуты... Такую же «философию» проводят и другие участники альманаха¹⁶.

Для Леоновича, таким образом, главным поводом к возмущению становится «призыв» к «мимолетной» любви, в котором он увидел основную идею рассказа, не касаясь, заметим, его более сложного идейного посыла.

В газете «Приднепровский край» Э.К. Метнер разбирал новеллу со всей серьезностью, развивая мысли из своего письма Петровскому:

Всех перещеголяла г-жа Гиппиус.

Она подарила *Северным Цветам* «переводную (?) картинку» под заглавием *Месса*; рассказ написан превосходно; но о нем можно сказать то же, что я в свое время сказал о рассказе Брюсова: *Когда проснулся...* чем лучше, тем хуже.

Г-жа Гиппиус идет дальше всех в панибратстве со святыней. Она не только определяет неопределимое, приближает далекое, но и соединяет несоединимое.

А в результате она раньше всего делает невольную (?) ошибку.

Дело в том, что, когда чувства, в действительности обращенные к различным объектам и покоящиеся на различных основаниях (например, влюбленность и благочестие), в проявлении своем форсируются, то неглубокому оку они кажутся не только сходственными, но даже тождественными, тогда как общее между ними — самая их форсированность, надрыв.

Такое неестественное проявление чувства ведет к распущенности в поступках; распустить себя можно и в религиозном деле: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет.

¹⁶ Варяг [Леонович М.М.]. Мимоходом // Новое время. 1903. № 9790, 8 июня. С. 2.

Г-жа Гиппиус думает, должно быть, что она в лице героини своего рассказа представила наглядный пример наивного синтеза двух полных противоположностей.

Между тем она лишней раз доказала, что поверхностность нередко сочетается с экспансивностью... и только.

К чему ведет такая поверхностная экспансивность, можно видеть по трем стихотворениям: *Божья тварь* г-жи Г, *Когда я в бурном море плывал* — Ф. Сологуба и *Яростные с огненными крыльями* — Аврелия¹⁷.

Критик П.Ф. Якубович, отметившийся анонимной рецензией в «Русском богатстве», увидел в «Мессе» иллюстрацию к идеям Розанова, но сначала, как и все, возмущился невиданной доселе порнографией:

Но «гвоздем» книжки, несомненно, является «переводная картинка» г-жи Зинаиды Гиппиус — «Месса». Это произведение — вещь, в своем роде, замечательная, и аналогичного ей, кажется, ничего нельзя указать в нашей литературе. Довольно упомянуть, что героиня, шестнадцатилетняя итальяночка, отдаваясь первому встречному мужчине, который ей приглянулся и с которым она от начала до конца не обменивается ни одним словом, почитает высшею для себя честью — оставить незнакомца-чужестранца при убеждении, что она не невинная девушка, а проститутка... Если у читателя хватит желания и воображения, пусть он представит себе, какие роскошные узоры циничных признаний и квази-наивных обмолвок могло вышить на этой канве «смелое» перо! Прибавим только, что сладострастие переплетается в «Мессе» с религиозным экстазом, потому что, говоря словами автора, «это ведь то же самое, это почти то же самое»... Таким образом, г-жа Гиппиус преподносит читателю как бы иллюстрацию тех самых «мистических глубин момента пола», в которые, по словам г. Минского¹⁸, «Розанов забрался так далеко, как до него мало кому снилось»...¹⁹

¹⁷ Э. [Метнер Э.К.] Северные Цветы // Приднепровский край. 1903. № 1841, 10 июня. С. 2.

¹⁸ В том же выпуске альманаха напечатана статья Н.М. Минского «Два пути добра» (два доклада на Религиозно-философских собраниях), в которой обсуждались взгляды Розанова на брак и девство.

¹⁹ Русское богатство. 1903. № 6. С. 2 (3-я паг.). Авторство рецензии установлено в: [Эльзон М.Д.] Литературная критика и история литературы в журнале «Русское богатство» (1895–1918): Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства // Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890-е. М., 1977. С. 671.

Рецензент «Русской мысли», отзываясь на книжку «Северных цветов», выделил рассказ Гиппиус как наиболее характерный для новых прозаиков и поэтов, главная черта которых, как ни удивительно, тенденциозность, а главное желание — отнюдь не творить новое искусство, а удивить и рассердить своих противников. Критик писал:

Как мало у них духовной свободы, как скованы они в самой своей разнузданности и дерзости, это хорошо можно видеть на следующем примере. В третьем выпуске «Северных Цветов» напечатан эскиз З.Н. Гиппиус «Месса» (Переводная картинка). Шестнадцатилетняя девушка, Саредда, рассказывает, как она в поезде случайно увидела мужчину, который сразу пленил ее, как она воспользовалась тем, что он, к ее великому счастью и гордости, принял ее, девственницу, за уличную женщину, и как через два часа она в вагоне отдалась ему — и больше уже никогда не видела его. За короткое время своего молниеносного романа героиня не промолвила со своим возлюбленным ни одного слова. «Переводная картинка» г-жи Гиппиус по нескромности замысла и осуществления едва ли имеет себе нечто равное среди произведений, написанных и подписанных рукою женщины. Кроме того, она груба и кощунственна. Но всё это наш автор знает сам, и ему нечего указывать и пенять на то, что его «Месса» в своем отождествлении полового и религиозного чувства, в своем прославлении мимолетной любви далеко переходит обычные границы пристойного: г-жа Гиппиус именно непристойности и хотела, и своей цели она вполне достигла. Нас интересует здесь другая сторона «переводной картинки». Рассказ «Месса» от начала и до конца сочинен; в нем нет почти ни одного звука фактической и психологической правды. Хотя — будем справедливы — он все-таки загорается искорками литературного таланта. Затем, он не вылился непосредственно из души автора, и он глубоко тенденциозен. Г-жа Гиппиус как бы написала на заранее предложенную тему [...] Наша писательница защищает модные тезисы о ничтожестве долга, о верховенстве приятных ощущений, о мистической природе сладострастия». Далее говорится о том, что «глубокомысленные афоризмы» искусственно вложены в уста шестнадцатилетней героини, из-за чего в рассказе мы видим «головной разврат», «холодную рассудочность» и «грубый умысел»²⁰.

Заметим, что об искусственности и тенденциозности рассказов Гиппиус «Русская мысль» уже писала, когда отзывалась на «Третью книгу рассказов» (1902): тогда Гиппиус ставили в упрек ту характерную особенность, что даже герои-дети у нее исполнены «мистических дум»,

²⁰ Русская мысль. 1903. № 8. С. 260.

а большинство ее персонажей представляют собой «музей восковых фигур»²¹. Впрочем, умозрительность и иллюстративность как основная черта ее рассказов быстро стали общим местом в критике, не только традиционно враждебно настроенной к модернистам. Сама же писательница в письме В.Ф. Нувелю сформулировала свое видение писательства так:

[...] в литературе я даю в *чистом* виде то, чего никогда в жизни в чистом виде не бывает, и не бывало, да и не может, вероятно, быть, а потому литература всегда — жизненная *невозможность*... На что мне литература как отражение жизни! Уж лучше тогда одна, сама жизнь, и никакого ее подобия рядом (литературы) не надо. И не мечтания даже о жизни, [...] отнюдь! литература просто сопутствующий указатель, уяснитель, схематизатор того, что часто без схемы трудно видеть, а надо видеть, что оно есть²².

Эхо возмущения рассказом «Месса» продолжало раздаваться и позже. Так, критик Ф.И. Маковский рассуждал в 1905 г. о современной женщине, превращающейся в первобытную самку; процитировав слова героя «Ариадны» А.П. Чехова, Маковский обращается к рассказу «Месса»:

У г-жи Гиппиус есть «переводный» [так!] рассказ «Месса», прекрасно иллюстрирующий это полное «возвращение к первобытному состоянию» буржуазно-капиталистического общества. [Следует пересказ новеллы с акцентом на происхождении героини из семьи «благородных коммерсантов». — *Ю.Р.*] С полной наивностью мерзости половой жизни синонимируются певцами этих «благородных» с любовью. Эпитеты «блаженный, небесный, нездешний» имеют слишком уже земной смысл и прилагаются только к ним²³.

Итак, «Месса» дала очередной (и далеко не последний) повод обвинить новейших писателей в порнографии, цинизме и — в меньшей степени — кощунстве. Почти все рецензенты восприняли мысли шестнадцатилетней дочери благородных коммерсантов как мысли самой Гиппиус; никто не увидел в рассказе «остраняющего» комического эффекта.

²¹ Русская мысль. 1902. № 7. С. 219.

²² Письма З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Богомолова // Диаспора II: Новые материалы. СПб., 2001. С. 335; письмо от 13 ноября 1906 г.

²³ Маковский Ф. Что такое русское декадентство // Образование. 1905. № 9. С. 133.

10 июня 1903 г. Гиппиус писала Брюсову:

«Месса» меня уронила в глазах не только всей Лавры²⁴ и «Миссионерского обозрения» — но и в глазах «Нового времени», где меня вчера, вкупе с вами, предали такой хуле, что мне даже стало жаль... вас²⁵.

Дополнительный оттенок этому сообщению придадут обстоятельства, предшествовавшие появлению рассказа. 5 апреля 1903 г. произошло важное событие в жизни Мережковских — указом Синода были окончательно запрещены учрежденные ими Религиозно-философские собрания, которые проводились в Петербурге с 1901 г.; одной из центральных на этих собраниях была дискуссия о девстве и браке. Взгляды участников собраний постоянно подвергались жесткой критике со стороны представителей Церкви, что уже не раз было описано²⁶. На страницах консервативной печати (особенно пристально следил за собраниями журнал «Миссионерское обозрение», печатавший также отчеты о заседаниях) можно было встретить разнообразные обвинения в адрес представителей «нового религиозного сознания». В таком контексте появление «кошунственного» рассказа могло дать многочисленным критикам повод для новой «антимережковской» кампании.

В письмах к Каблукову и Суворину Гиппиус особо подчеркивала, что не включила рассказ в книги. Однако 22 декабря 1904 г. она писала Брюсову:

Ограничусь до следующего письма реальной просьбой, еще одной: не пришлете ли вы мне все старые «Северные цветы», не имею ни одних, а собираюсь издавать новую книжку рассказов. (По

²⁴ 18 июня П.П. Перцов писал Брюсову: «Неопытные Вы, гг. московские литераторы, пользующиеся свободой печати, доходящей даже до “Мессы”, к[ото]рая произвела здесь в *Лавре* потрясающее впечатление» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 11. Л. 8; указано А.Л. Соболевым). Имеется в виду Александро-Невская лавра в Петербурге, резиденция столичной духовной власти.

²⁵ Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1901–1903) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; вступ. заметка и коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 301.

²⁶ См. об этом: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Paris, 1951. С. 89–113; см. также очерки «Первая встреча» и «Перед запрещением»: *Гиппиус З.Н.* Арифметика любви (1931–1939) / Сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 358–390. См. также: Записки Петербургских Религиозно-философских собраний, 1901–1903 / Общ. ред., послесл. и краткие сведения об участниках дискуссий С.М. Половинкина. М., 2005. Об этом периоде жизни Мережковских см. также: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 320–322.

существо это бы дело Скорпионов, но они, кажется, завяли духом к издательству, а потому их дети ищут себе других приютов). Если бы вы сделали это скоро, прислали бы «Цветы» — очень бы меня обрадовали. Не без «Мессы» же издавать! А у меня еще есть никому не ведомое «Зло», очень под пару «Мессе», хотя и юное, т.е. старое (Т.е. давнишнее)²⁷.

Некоторая заметная здесь ирония по отношению к собственному рассказу — очевидно, намек на его скандальную судьбу. Вместе с тем намерение включить рассказ в книгу было, как кажется, вполне серьезным. Ответ Брюсова нам неизвестен.

3

В альманахе «Северные цветы на 1911 г.» появился еще один «итальянский» рассказ Гиппиус «Шум смерти» (как и «Месса», не включавшийся впоследствии в книги): в нем также присутствуют заупокойная месса, звуки органа, наряду с гулом голосов и колокольным звоном противопоставляемые «совершенной» тишине смерти; упоминается и донна Чиччия, эпизодический персонаж в «Мессе». Это показывает, что «Месса» не была столь уж случайным эпизодом и Гиппиус возвращалась к ее темам и мотивам. Рассмотрим некоторые из них в контексте прозаического творчества Гиппиус 1900-х гг.

Религиозный экстаз, почти не отличный от полового, обычно ассоциируется с именем испанской католической святой XVI в. Терезы Авильской (ей Мережковский посвятит главу в позднейшей книге «Испанские мистики»), привнесшей в мистику непозволительные, с точки зрения православной традиции, «сладострастные» мотивы. Отношение св. Терезы к небесному Жениху казалось православным богословам слишком земным. В этой связи характерно, что героиня «Мессы» во время свидания вспоминает о виденных ею однажды монашенках: «Какое умиление, какая дрожь, какие вздохи!» В отличие от монашенок, которые только поют «Прииди, Жених, прииди!», она уже дождалась своего жениха (который ранее внешне показался ей похожим на Иисуса), он уже к ней пришел; если бы каждая монахиня так же почувствовала себя

²⁷ Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. М.В. Толмачева, коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 208. Речь, очевидно, идет о подготовке книги «Алый меч» (1906).

прижатой к скамье, «можете себе представить, что бы с такой монахиней сделалось!»²⁸.

Мережковский упоминал св. Терезу (наряду с Марией Египетской и Екатериной Сиенской) в трактате «Л. Толстой и Достоевский» в качестве примера влюбленности в небесного Жениха, отринутый историческим православием²⁹. Очевидно, это дало повод иеромонаху Михаилу (Семенову), активному участнику прений на Религиозно-философских собраниях, соотнести религиозные искания Мережковского рубежа веков с идеальным образом св. Терезы:

Концом религиозного настроения, верхом его, Димитрий Сергеевич считает, как мы мельком упоминали, св. Терезу. Ее религиозность — оргийная религиозность будущего, страстная и сладостная. Внимательное исследование этого религиозного типа не оставляет никакого сомнения, что действительно эту религиозность можно соединить с содомом, потому что она и есть вполне «содом» по своему существу. Это религиозно-половая психопатия, от которой всегда с ужасом уклонялось православие³⁰.

Как относилась Гиппиус к данному «религиозному типу» и подобной практике, можно попробовать понять по соответствующим высказываниям, разбросанным по ее прозаическим текстам, правда, в основном написанным несколько позже «Мессы». Один из главных героев рассказа «Алый меч» (вошел в одноименную книгу, 1906), художник Алексей Новиков, вспоминает свою юную римскую любовницу, соблазненную им натурщицу Жанну Дефруа: «Католичка, — когда я ей говорил о Боге, она складывала руки и восклицала: “Mais, j’adore le bon Dieu!””, а потом целовала меня, и помню шепот ее: “Mon cheri, mon adore... tu es mon dieu... mon tout... mon tout... je t’aime...”»³¹.

²⁸ Северные цветы: Альм. кн-ва «Скорпион». М., 1903. С. 71. Здесь сказалось и негативное отношение Гиппиус к монашеству.

²⁹ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М., 2000. С. 342.

³⁰ Иером. Михаил. Новое христианство Мережковского (Публичная лекция) // Миссионерское обозрение. 1903. № 7, апр. С. 969. Отметим отсылку иером. Михаила к знаменитому труду Р. фон Крафт-Эбинга «Половая психопатия» (1886), в котором ученый особо подчеркивал взаимоотношения между религиозным и половым чувством в области психопатологии. Книга была популярна, в том числе в кругу Мережковских, см., например: Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (Из писем Любви Гуревич к Эдгару Мешингу) / Вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича (США); подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 119, 125. См. также: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008 (по указ.).

³¹ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. М., 2001. С. 127.

В рассказе «Suor Maria. *Intermezzo*» (1904) из книги «Алый меч» главный герой Андрей говорит Марии (Мисс Май из одноименного более раннего рассказа), которая оказывается католичкой и становится монахиней: «Тебя, конечно, не нравственность пленяла тут, а экстазы... В католичестве этому особый простор... Ты, конечно, мечтала быть этой святой Терезой, отказывающейся от всего ради небесного жениха»³².

Уместно вспомнить здесь и мимолетное замечание из рассказа-очерка «Светлое озеро», посвященного поездке на озеро Светлояр, где Мережковские общались с представителями народного христианства. Об одном православном священнике она пишет так: «Даже особенно “православия” тут у него не чувствуется, православного рабьего “смирения и отречения”, так же, как и католической хитрости и сентиментального экстаза»³³.

Как кажется, несколько презрительное и ироническое отношение Гиппиус к католической сентиментальности и «экстазам» сочеталось всё же с живым интересом; эта двойственность и нашла отражение в «Мессе». Ключевой образ рассказа «Suor Maria», действие которого происходит в неназванном австрийском городке на берегу Адриатики, — это статуя Девы Марии, стоящая лицом к морю; с ней ассоциируется главная героиня, причем в рассказе католическая монахиня, сестра Мария, воплощает идею новой любви, о которой пока нельзя сказать словами, в которой земное (пол) соединено с небесным³⁴. При этом Мария-Май говорит — в соответствии с «антиаскетическими» установками Мережковских, — что собирается уйти из монастыря с его экстазами и отречением. Таким образом, то, что в «Мессе» разрешалось просто, без поиска новых форм, в «Suor Maria» оставалось тайной.

Новый период интереса к католицизму (главным образом — неокатоличеству) наступит у Мережковских позднее, во время их трехлетнего пребывания в Париже³⁵.

Образ волн для Гиппиус, очевидно, был соотнесен с этим комплексом ее художественно-теоретических построений. Можно вспомнить знаменитое стихотворение 1896 г. «Любовь — одна» («Единый раз вскипает пеной / И рассыпается волна»). А вот описание православной службы в рассказе «Не то. *Ненужная история*» (1906) из книги «Черное по белому. *Пятая книга рассказов*» (1908): «Теплая, пахучая, восковая ду-

³² Там же. С. 381. Впервые: Новый путь. 1904. № 11.

³³ Там же. С. 358. Впервые: Новый путь. 1904. № 1.

³⁴ См. ее позднейшую статью «Влюбленность» (*Гиппиус З.Н. Собрание сочинений*. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. С. 78–89. Впервые: Новый путь. 1904. № 3).

³⁵ См.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 164–168. См. также: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 367.

хота. *Волны* сизого кадыльного дыма. *Волны* набегающего томительного пения. Огни — и золото, мерцающее в огне»³⁶. Здесь также присутствует мотив соединения церковной мистики с мистикой пола: Вика и ее брат Тася по-новому, в преображенном свете видят иподьякона Васюту (лицо его не мужское, не женское, а ангельское); именно служба является кульминацией любви Вики и ее брата к Васюте.

В рассказе «Тварь. Ночная идиллия»³⁷, в котором речь идет о проститутке Саше по прозвищу «баронесса» (как и героиня рассказа «Месса», она носит шляпки с перьями), читаем: «От воспоминаний об офицере теперь осталась в Саше лишь одна смутная *золотая волна*, которая уже незаметно претворялась в такое же смутное, но несомненное предчувствие новой влюбленности, неизвестной»³⁸. Среди волн стоит и статуя Девы Марии в рассказе «Suog Maria». Пристрастие Гиппиус к образу волн, возможно, объясняет следующую обмолвку в книге ее воспоминаний «Дмитрий Мережковский»: «Романов этих я не помню, — даже заглавий, кроме одного, называвшегося — “Мелкие волны”. Что это были за “волны” — не имею никакого понятия, и за них не отвечаю»³⁹. Романа с таким названием Гиппиус, по всей видимости, не писала.

В статье 1903 г. «Последняя беллетристика» Гиппиус (под «критическим» псевдонимом Антон Крайний) резко высказалась о скандальных рассказах Леонида Андреева, причем назвала его эстетом наоборот, чистым художником (для нее — негативная характеристика) без мысли, тенденции и морали. «Ничто в теле человеческом не может быть доведено до большей святости, чем пол, — зато ничего нельзя и превратить в более страшную грязь, чем пол»⁴⁰ (речь шла о рассказах Л. Андреева «В тумане», где герой убивает проститутку, и «Бездна» — оба вызвали резкую критику в прессе). В ряде ее собственных рассказов рецензенты увидели неудачные иллюстрации к постулируемым идеям новой половой любви, а кто-то прямо писал об *идейной* порнографии, что для некоторых критиков было особенно недопустимо (и вместе с тем характерно для

³⁶ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 3: Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. С. 456–457. Впервые: Весы. 1906. № 6. Курсив мой — Ю.Р.

³⁷ Авторское название — «Миленькие» (так героиня называла своих клиентов). В наборном экземпляре рукой Брюсова это название зачеркнуто и сверху написано «Тварь» — так называет героиню один из мужчин (см.: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 56. Ед. хр. 15. Л. 1).

³⁸ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 3: Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. С. 304. Впервые: Северные цветы Ассирийские на 1904–1905 гг. М., 1905. Курсив мой — Ю.Р.

³⁹ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 57. Речь идет о произведениях Гиппиус, опубликованных в журналах для массового читателя («Живописное обозрение» и «Наблюдатель») ради пополнения бюджета.

⁴⁰ Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. С. 40. Впервые: Новый путь. 1903. № 2.

эпохи)⁴¹. Так, например, воспринял некоторые гиппиусовские рассказы критик «Русского вестника» Н.М. Соколов: он напишет развернутую статью о рассказе «Не то. Ненужная история» (в которой перепечатает почти весь рассказ) и отнесет Гиппиус к «мистико-порнографическим» беллетристам — именно такой характер писаний, по его мнению, имеет успех в обществе, которое давно ищет «новых путей»⁴².

Позднейшие пренебрежительные отзывы Гиппиус о собственном рассказе в письмах к Суворину и Каблукову (1908 и 1909 гг.) — «мерзкая дрянь», «скверная шутка» — можно объяснить несколькими факторами. Вероятнее всего, Гиппиус спустя несколько лет действительно пересмотрела свое отношение к рассказу, и воплощение его сложной темы показалось ей слишком грубым и прямолинейным. Не последнюю роль, очевидно, играла репутация уважаемых адресатов (известный консерватизм Суворина и «церковные» взгляды Каблукова). Кроме того, интересы Гиппиус после 1905 г. сдвигаются в сторону общественности и прямого политического действия. Меняется, углубляется и ее отношение к католичеству. Но важнее всего, как кажется, изменившаяся литературная ситуация: в связи с либерализацией закона о печати обращение к теме свободной любви в разных ее вариациях в романах, повестях и рассказах стало общим местом; Гиппиус, несомненно, чувствовала, в каком именно контексте теперь должен был бы восприниматься ее смелый рассказ⁴³.

Литература

Азадовский К.М., Лавров А.В. З.Н. Гиппиус: метафизика, личность, творчество // Гиппиус З. Сочинения: Стихотворения; Проза. Л.: Худож. лит., 1991. С. 3–44.

Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915: В 2 т. / Вступ. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. 1: 1902–1909. 732 с.

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 153–539.

Богомолов Н.А., Соболев А.Л. Заветный вензель: к биографии Е. Овербек // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 311–331

⁴¹ Ср. позднейшие рассуждения К.И. Чуковского об особенностях русской порнографии, которая, в отличие от немецкой и французской, всегда «порнография с идеей» (*Чуковский К.И.* Собрание сочинений. М., 1969. Т. 6. С. 147).

⁴² *Соколов Н.М.* З.Н. Гиппиус. Не то (Ненужная история) // *Русский вестник*. 1906. № 9. С. 347. См. ответ «Весов»: *Весы*. 1906. № 9. С. 82.

⁴³ См. в этой связи особенно статью «Братская могила» с осуждением эротики и «порнографии» в прозе модернистов (*Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 7: Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. С. 270–279. Впервые: *Весы*. 1907. № 7).

Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931–1939) / Сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николожкина. СПб.: Росток, 2002. 592 с.

Гиппиус З. Три дамы сердца; Ошибка / Пер. с франц. Ф. Перовской; публ. и послесл. М.М. Павловой // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 5–24.

Даниелян Э.С. Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973. Ереван: Ереван. гос. ун-т; Ереван. гос. пед. ин-т им. В.Я. Брюсова; Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) АН СССР, 1976. 501 с.

Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год. 1909-й / Публ. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 178–342.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний, 1901–1903 / Общ. ред., послесл. и краткие сведения об участниках дискуссий С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. 543 с.

Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 396 с.

Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. 587 с.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1901–1903) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; вступ. заметка и коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 276–322.

Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1904–1906) / Публ. М.В. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 7. С. 200–226.

Переписка с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева; публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 5–136.

Письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к А.С. Суворину (1891–1911) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. М.: Наука, 2018. С. 17–108.

Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / Публ. Н.А. Богомолова // In memorem: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс; Atheneum, 2000. С. 191–231.

Письма З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб.: Феникс, 2001. С. 303–348.

Русские Modernen — Зинаида Гиппиус и Николай Минский (Из писем Любови Гуревич к Эдгару Мешингу) / Вступ. ст. и коммент. М.М. Павловой и С. Рабиновича (США); подгот. текста М.М. Павловой и К.В. Яковлевой // Русская литература. 2010. № 2. С. 100–128.

Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 319–373.

Холиков А.А. «Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо // Литературный факт. 2018. № 9. С. 294–313.

[*Эльзон М.Д.*] Литературная критика и история литературы в журнале «Русское богатство» (1895–1918): Хронологический указатель анонимных рецензий с раскрытием авторства // Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860–1890-е. М.: Наука, 1977. С. 656–691.

References

Andrei Belyi i Emilii Metner. Perepiska. 1902–1915. V 2 t. T. 1: 1902–1909 [Andrei Bely and Emily Metner. Correspondence. 1902–1915. In 2 vols. Vol. 2: 1902–1909], intro. A.V. Lavrov, comment. A.V. Lavrov, J. Malmstad and T.V. Pavlova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 732 pp. (In Russ.)

Azadovskii K.M., Lavrov A.V. Z.N. Gippius: metafizika, lichnost', tvorchestvo [Z.N. Gippius: metaphysics, personality, works]. *Gippius Z. Sochineniia: Stikhotvoreniia; Proza* [Gippius Z. Works: Poetry; Prose]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991, pp. 3–44. (In Russ.)

Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov [Blok in the unpublished correspondence of his contemporaries]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia. Kn. 3* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 3]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 153–539. (In Russ.)

Bogomolov N.A., Sobolev A.L. Zavetnyi venzel': k biografii E. Overbek [The cherished monogram: On Elizabeth Overbeck's biography]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no. 1–2, pp. 311–331. (In Russ.)

Danielian S., *Bibliografiia V.Ia. Briusova. 1884–1973* [V.Ia. Briusov's bibliography. 1884–1973]. Erevan, Erevan State University Publ., Briusov State Pedagogical Institute in Erevan Publ., Pushkin House Publ., 1976. 501 pp. (In Russ.)

Dnevnik Sergeia Platonovicha Kablukova. God 1909-ii [Sergey Platonovich Kablukov's diary. 1909], publ. E.M. Krivolapova. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2012, no. 31, pp. 178–342. (In Russ.)

El'zon M.D. Literaturnaia kritika i istoriia literatury v zhurnale “Russkoe bogatstvo” (1895–1918): Khronologicheskii ukazatel' anonimnykh retsenzii s raskrytiem avtorstva [Literary criticism and history of literature in the “Russkoe bogatstvo” magazine: Chronological index of anonymous reviews with attribution of their authors]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 87: Iz istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli. 1860–1890-e* [Literary heritage. Vol. 87: From the history of Russian literature and social ideas. 1860–1890s]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 656–691. (In Russ.)

Gippius Z.N. Arifmetika liubvi (1931–1939) [Arithmetic of love (1931–1939)], comp., intro., comment. A.N. Nikol'yukin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2002. 592 p. (In Russ.)

Gippius Z. Tri damy serdtsa; Oshibka [Three Ladyloves; A Mistake], trans. F. Perovskaya, publ. and afterword M.M. Pavlova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 8, pp. 5–24. (In Russ.)

Kholikov A.A. “Selenie Vinchi” D.S. Merezhkovskogo: iz tvorcheskoi istorii romana o Leonardo [“The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 9, pp. 294–313. (In Russ.)

Matich O. *Eroticheskaia utopia: Novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [Erotic utopia: New religious consciousness and fin de siècle in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 396 p. (In Russ.)

Merezhkovskiy D.S. *L. Tolstoy i Dostoevskii* [L. Tolstoy and Dostoevsky], ed. E.A. Andrushchenko. Moscow, Nauka Publ., 2000. 587 p. (In Russ.)

Perepiska s S.A. Poliakovym (1899–1921) [Correspondence with S.A. Polyakov (1899–1921)], intro., comment. N.V. Kotrelev, publ. N.V. Kotrelev, L.K. Kuvanova, I.P.

Yakir. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 98: Valery Briusov and his correspondents. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 5–136. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1901–1903) [Z.N. Gippius', D.S. Merezhkovsky's, D.V. Filosofov's correspondence with V.Ia. Briusov (1901–1903)], publ., ed. M.V. Tolmachev, intro. and comment. T.V. Vorontsova. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1994, no. 5–6, pp. 276–322. (In Russ.)

Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo, D.V. Filosofova s V.Ia. Briusovym (1904–1906) [Z.N. Gippius', D.S. Merezhkovsky's, D.V. Filosofov's correspondence with V.Ia. Briusov (1904–1906)], publ., ed. M.V. Tolmachev, comment. T.V. Vorontsova. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1996, no. 7, pp. 200–226. (In Russ.)

Pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k A.S. Suvorinu (1891–1911) [Z.N. Gippius' and D.S. Merezhkovsky's letters to A.S. Suvorin (1891–1911)], ed., intro. and comment. N.A. Bogomolov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistoliarное nasledie Z.N. Gippius. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 106: Z.N. Gippius' epistolary heritage. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 17–108. (In Russ.)

Pis'ma Z.N. Gippius k V.F. Nuveliu [Z.N. Gippius's letters to V.F. Nuvel], intro., publ., comment. N.A. Bogomolov. *Diaspora: Nove materialy. Vyp. 2* [Diaspora: New materials. Iss. 2]. St. Petersburg, Paris, Feniks Publ., Atheneum Publ., 2001, pp. 303–348. (In Russ.)

Pis'ma Zinaidy Gippius k V.D. Komarovoii [Zinaida Gippius' letters to V.D. Komarova], intro., publ. and comment. N.A. Bogomolov. *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In memoriam: A historical collection in memory of A.I. Dobkin]. St. Petersburg, Paris, Feniks Publ., Atheneum Publ., 2000, pp. 191–231. (In Russ.)

Russkie Modernen — Zinaida Gippius i Nikolai Minskii (Iz pisem Lubovi Gurevich k Edgaru Meshingu) [Russian Modernen — Zinaida Gippius and Nikolay Minsky (From Lubov Gurevich's letters to Edgar Meshing)], intro., comment. M.M. Pavlova and S. Rabinowitz (USA), ed. M.M. Pavlova and K.V. Yakovleva. *Russkaia literatura*, 2010, no. 2, pp. 100–128. (In Russ.)

Sobolev A.L. Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh. 1* [Faces: Biographical almanac. 1]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 319–373. (In Russ.)

Zapiski Peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobranii, 1901–1903 [Proceedings of the Petersburg Religious and philosophical meetings, 1901–1903], ed., afterword and brief notes on participants S.M. Polovinkin. Moscow, Respublika Publ., 2005. 543 p. (In Russ.)

“It was a joke”: On Zinaida Gippius’ scandalous publication in “Severnye tsvety”

© 2019, Yulia Rykunina

Abstract: The paper deals with historic and literary case related to Z.N. Gippius’ short story “Mass (Decal)”, its publication and response in press and epistolary documents. The paper presents reviews to it, among them little-known and gives the literary and cultural context of the publication. The author presents her hypothesis about Gippius’ reevaluation of her short story in later period.

Keywords: Z.N. Gippius, V.Ia. Briusov, “Severnye tsvety” almanac, symbolist prose, archives, epistolary heritage.

Information about the author: Yulia Rykunina, PhD in Philology, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: rykuninay@mail.ru

Citation: Rykunina Yulia. “It was a joke”: On Zinaida Gippius’ scandalous publication in “Severnye tsvety”. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 250–269. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-250-269

**«Золотые головы» в драматургии М. Цветаевой
и ее несостоявшийся перевод
драмы П. Клоделя «Златоглавый»***

© 2019, О.В. Шалыгина

Аннотация: Сообщение о несостоявшемся переводе Мариной Цветаевой драмы Поля Клоделя «Златоглав» появилось в начале января 1921 г. в так называемой полемике «О переделках». В феврале 1921 г. Цветаева написала в редакцию опровержение. На решительный отказ от перевода могли повлиять не только соображения личной безопасности, связанные с объединением Тео Наркомпро-са с Политуправлением Реввоенсовета, но и глубоко внутренние творческие процессы. В цикле драматических произведений, написанных в 1918–1919 гг. (позднее получивших название «Романтика»), Цветаева апеллирует к новатор-ском опыту Клоделя в реформировании европейской драмы. В статье выделя-ется мотивный комплекс «золотой головы», генетически связанный с образом Максимилиана Волошина и его посредничеством в освоении русской культу-рой творчества Поля Клоделя. Ключевыми текстами для выделения комплекса мотивов «золотой головы» в драматических произведениях Цветаевой являют-ся монолог Златоглавого при захвате власти, диалоги Златоглавого и Принцессы на вершине мира из драмы Клоделя «Златоглавый», а также сюжет новогоднего пожара в Коктебеле из очерка Цветаевой «Живое о живом». Рассмотрение нео-мифологических связей позволяет значительно расширить тему несостоявше-го перевода драмы Поля Клоделя “Tête d’or”, заказанного М. Цветаевой для театральной постановки в театре I РСФСР под руководством В.Э. Мейерхоль-да до рассмотрения путей трансформации клоделевской драмы в русской лите-ратуре.

Ключевые слова: Марина Цветаева, Максимилиан Волошин, Поль Клодель, «Златоглавый», образы «золотоголовых» в драмах М. Цветаевой 1918–1919 гг.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Шалыгина, доктор фило-логических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: shalygina@imli.ru

Цитирование: Шалыгина О.В. «Золотые головы» в драматургии М. Цветае-вой и ее несостоявшийся перевод драмы П. Клоделя «Златоглавый» // Литератур-ный факт. 2019. № 3 (13). С. 270–289. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-270-289

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

Известно на первый взгляд экстравагантное заявление Марины Цветаевой из Предисловия к пьесе «Конец Казановы»: «Не чту Театра, не тянусь к Театру и не считаюсь с Театром. Театр (видеть глазами) мне всегда казался подспорьем для нищих духом [...], верящих лишь в то, что видят, еще больше: в то, что осязают. — Некоей азбукой для слепых. А сущность Поэта — верить на слово»¹. П. Антокольский, который был свидетелем «трогательной тяги Марины Ивановны Цветаевой к театру, к молодому актерскому коллективу, к ученикам Евгения Багратионовича Вахтангова, к маленькой сцене в Мансуровском переулке на Остоженке в 1918–1920 годах»², не слишком поверил в это отречение Цветаевой от театра³. Разрозненные свидетельства Цветаевой о влиянии на нее П. Клоделя находятся в самых глубоких тайниках ее творчества. В стихах 1921 г. клоделевский сюжет девицы Виолены угадывается в стихотворении «Роландов рог»: «Одна из всех — за всех — противу всех» и в заключительном стихотворении цикла «Благая весть» — «Возвращение вождя».

О несостоявшемся переводе Мариной Цветаевой драмы Поля Клоделя «Tête d'or» («Златоглав») известно немного. Эта тема возникает в так называемой полемике «О переделках». Речь идет о публикациях в журнале, выпускавшемся Театральным отделом Наркомпроса «Вестник театра», где в начале января 1921 г. появилась заметка о том, что среди ближайших постановок театра «РСФСР-1», который был создан Мейерхольдом осенью 1920 г. в Москве, числится «Златоглав» «в переделке Всеволода Мейерхольда, Валериана Бебутова и Марины Цветаевой»⁴.

В феврале 1921 г. Цветаева написала в редакцию опровержение, что никакой пьесы она не переделывает и переделывать не будет, а ее взаимоотношения с театром РСФСР исчерпываются предложением Мейерхольда перевести «Златоглава»: «На что я, — с вещью не знакомая, не смогла дать утвердительного ответа»⁵. Из ответов Мейерхольда и Бебутова можно выяснить, что для перевода пьесы делились на части, например, решение прозаической стороны «Гамлета» предполагалось делать самим Мейерхольду и Бебутову, диалог могильщиков поручить Маяковскому, а стихотворную часть должна была сделать Цветаева. Мейерхольд в открытом письме пытается дистанцироваться от всякого

¹ Цветаева М. Конец Казановы: Драматический этюд. М., 1922. Цит. по: Антокольский П. Театр Марины Цветаевой // Цветаева М. Театр / Вступ. ст. П. Антокольского; Сост., подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц. М., 1988. С. 5–22.

² Там же. С. 5.

³ Ср. с клоделевским отношением к драме как средоточию языка и ритма речи, а также с мотивом слепоты Златоглава у Клоделя.

⁴ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1995. С. 198; письмо М. Цветаевой в редакцию «Вестника театра».

⁵ Там же. С. 197.

сотрудничества с Цветаевой, предлагая Бебутову взять на себя «обработки тех частей», которые предполагалось дать для перевода Цветаевой. Бебутов также в открытом письме выражает недоумение по поводу той части ответа Цветаевой, которая касается «Златоглава», сообщая, что передал ей текст для перевода три месяца назад⁶. Несмотря на то, что работа была очень нужна (в ноябре 1920 г. ее дочь в письме к матери М. Волошина сообщила: «Марина продает французские книги»⁷), Цветаева категорически отказывается не столько от Клоделя, сколько от всякого сотрудничества с Мейерхольдом. Клоделевского «Златоглава» она прекрасно знала задолго до этой истории. О причинах отказа можно только догадываться.

«Три месяца назад», на которые указывает Бебутов, — это ноябрь 1920 г., время, когда Тео Наркомпроса реформировали, «объединили с Политическим Управлением Революционного Военного Совета Республики и другими организациями»⁸. 16 сентября 1920 г. коллегия Народного комиссариата по просвещению назначила В. Мейерхольда заведующим театральным отделом Наркомпроса⁹. Об атмосфере в ТЕО Наркомпроса осенью 1920 г. свидетельствует письмо Мейерхольда начальнику Главполитотдела т. Зофу с просьбой прикомандировать в ТЕО восемь политработников из числа красных моряков «вследствие того, что в среде служащих ТЕО есть явно саботажнический элемент и лица, мало симпатизирующие проведению коммунистической идеологии во вверенном мне учреждении»¹⁰. Некоторые фразы Мандельштама в открытом письме В.М. Бебутову могли представлять для Цветаевой реальную опасность: «Я готовился предостеречь вас, что не следует иметь дело с Мариной Цветаевой не только в работах над “Гамлетом”, но и над “Златоглавом”. А почему, не трудно догадаться. Вы знаете, как отшатнулся я от этой поэтессы после того, как имел несчастье сообщить

⁶ Там же. С. 198–199; письма Вс. Мейерхольда, В. Бебутова и сообщение «От редакции».

⁷ Там же. С. 78; письмо А. Эфрон к Е.О. Волошиной от 14 ноября 1920 г.

⁸ В соответствии с п. 2. Декрета Совета Народных Комиссаров № 475 от 30 ноября 1920 г. Главполитпросвет организационно объединял «политико-просветительную работу Народного Комиссариата Просвещения, Политического Управления Революционного Военного Совета Республики (Пура), Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Главного Политического Управления железных дорог (Главполитпути), Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Центрального Комитета Союза Молодежи (ЦКСМ)» (Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. № 91 от 30 ноября 1920 г. URL: <http://istmat.info/node/40851>; дата обращения: 17.03.2019).

⁹ См.: Головникова О.В. Документы РГВА о трагической судьбе В.Э. Мейерхольда // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 149.

ей замысел нашего “Григория и Дмитрия”¹¹. Вы помните, какие вопросы задавала нам Марина Цветаева, выдававшие в ней природу, враждебную всему тому, что освящено идеей Великого Октября»¹².

На отказ Цветаевой от перевода «Златоглава», возможно, повлиял близкий ей в ту пору князь С.М. Волконский, с одной стороны, не доверявший Мейерхольду, с другой, представлявший всю сложность воплощения на сцене мистерий Клоделя. В 1913 г. в Хеллерау он видел постановку «Благовестия» и отнесся к ней с большой долей скептицизма, при том что руководил постановкой сам Клодель. «Он был доволен. Великий писатель, философ, поэт и мыслитель, человек редкого богатства в смысле сочетаний, — он при всем том большое наивное дитя. Он тешился постановкой, его даже актеры удовлетворяли», — писал Волконский в рецензии на спектакль¹³.

Отношение С.М. Волконского к атмосфере в Тео Наркомпроса осенью 1920 г. известно по его воспоминаниям, которые редко цитируются без купюр. Приведем этот отрывок полностью: «Я случайно зашел однажды в ТЕО, Театральный отдел, помещавшийся на Неглинной улице против Александровского сада, и попал на неожиданное зрелище. В этот день вновь назначенный заведующим Мейерхольд читал перед составом служащих свою “декларацию”. Я попал на это первостепенной важности событие. Мейерхольд, который в “александринские” времена ходил во фраке и белых перчатках, теперь заменил фрак косовороткой, а белые перчатки черными ногтями. Этот политический фигляр, сатанинской пляской прошедший по русской сцене, теперь завершал свое дело разрушения. Он заявил, что театр есть не что иное, не имеет право быть иным, как органом коммунистической агитации; театр есть коммунистический фронт, всё равно как военный фронт, и в нем должна быть такая же дисциплина; армия театральная должна повиноваться приказаниям, и если ТЕО найдет нужным в целях политической агитации послать актера, а то и целый театр в тот или иной город или даже на военный фронт, не может быть места рассуждениям. Так строил театральное дело новый руководитель его, так развивал свои теории и так на началах твердой дисциплины, к поддержанию которой в качестве наблюдателей

¹¹ Замысел В.Э. Мейерхольда по переделке совместно с В.М. Бобутовым и С.А. Есениным «Бориса Годунова» осуществлен не был. См.: *Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. С. 198. В 1918–1919 гг. Цветаева работала над пьесой «Дмитрий Самозванец», рукопись не сохранилась. Об этом см.: Саакянц А., Эфрон А. Романтика // Цветаева М. Театр. С. 342. Ср. стихотворение М. Волошина «Дмитрий Император» («Убиенный много и восставый...»), опубликованное в журнале «Современные записки» в одном номере со статьей Б. Шлецера о Клоделе (Париж, 1921. Кн. IV. С. 92–94).*

¹² *Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. С. 198.*

¹³ *Волконский С.М. Поль Клодель и Хеллерау // Отклики театра. Пг., 1914. С. 30.*

за служащими приглашались матросы, утверждал заведующий ТЕО свои взгляды на искусство и свою “Тео-критическую” власть... Я имел случай через некоторое время слышать изложение руководящих начал “нового театра” в довольно откровенной форме и, как бы сказать, ближе к делу»¹⁴.

Однако, кроме соображений личной безопасности, основанием для отказа Цветаевой в переводе одной из самых сложных клоделевских драм могли быть собственно эстетические и сугубо творческие причины. Борис Шлецер в IV книге «Современных записок»¹⁵ отмечал, что искусство Клоделя — прежде всего «продукт французской речи, и так крепка и тесна эта связь, что порвать ее невозможно, невозможно искусство Клоделя пересадить на другой ствол, невозможно поэзию его перевести, облечь в иной язык. [...] Потому что французская речь — не одеяние вовсе для нее, не украшение, но самая плоть ее, внутреннее ее существо, сердцевина [...]»¹⁶. По его мнению, Клодель «труден, недоступен, неестествен — по крайней мере, с точки зрения обычного здравого смысла; сложен, запутан и огромен. Его творчество — колоссальный лабиринт, как будто циклопическая постройка из цельных глыб, где действуют и говорят какие-то странные существа, превышающие нас не только ростом своим, но и напряжением своих страстей, силою мысли и воли и чудовищным великолепием своего воображения.

Но в этом удивительном мире есть своя логика, свой порядок и закон; эти гиганты пропорциональны во всех частях своих. Здесь нет монстров; но пред нами — живые, хотя и сверхчеловеческие по масштабу существа. Здесь нет ничего случайного, ничего беспорядочного, дисгармоничного, но всюду царствуют строгая мера и гармония, хотя и несколько странные, смущающие в первую минуту, ибо вовсе необычные. И всё хорошо очень сложено и спаяно весьма крепко; из целого не выбьешь ничего, к нему ничего не прибавишь. Запутанный, огромный лабиринт оказывается при ближайшем осмотре построенным вовсе не безумцем, как уверяли некоторые, и не растрепанным гением романтического типа, но художником, влюбленным в форму, в меру и строй. И так сильно его чувство меры, сознание гармонии и строя, так велик его художественный дар, что ему удается оформить и самый хаос. Самое безобразное и самое смутное, текучее, бесформенное, огромное, таинственное, бессмысленное ему удается явить нам в четких, пластичных, конкретных образах, сделать членами целого, ввести в замкнутую систему»¹⁷.

¹⁴ Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2: Родина. С. 309–310.

¹⁵ Вышла 17 апреля 1921 г. в Париже.

¹⁶ Шлецер Б. Жизнь слова (Поль Клодель) // Современные записки. 1921. Кн. IV. С. 310–311.

¹⁷ Там же. С. 309.

Как отмечает И.А. Некрасова в Предисловии к первому полному переводу “Tête d’or” на русский язык¹⁸, «в “Златоголавом” Клодель применил особенный поэтический метр, который впоследствии признают его вкладом во французскую поэтику, так называемый версет, схожий по строению с библейским абзацем, со свободной длиной строк и сложнейшей системой аллитераций. Управляет им, по утверждению автора, только одно — ритм человеческого дыхания¹⁹. Именно в специфике языка заключена сущность драматургической концепции Клоделя, особая “сценичность” его текстов, подтвержденная в XX веке практикой театра разных стран»²⁰.

Достоинством перевода Елены Гинзбург, на наш взгляд, является стремление не сглаживать разлад речи, заданный автором. Через зияющие грамматические разломы французского и русского языков открывается их корневое индоевропейское родство. Так, например, в сцене захвата власти Златоголавым синтаксическое высказывание «Вот почему я стою перед вами один, как дева»²¹ оказывается правильным, исходя из развернутой в его речи метафорической цепи уподоблений. Причем андрогинные смыслы, как более поздние по отношению к прамифу, тем более современные трансгендерные коннотации, не адекватны данному тексту, апеллирующему к ведическим категориям Пространства и Огня, как способу его захвата. Более поздние наслоения культурных эпох европейской цивилизации, с одной стороны, осложняют ряды символических уподоблений, с другой, проявляют их вневременные сущности²²:

НАРОДНЫЙ ТРИБУН

Златоголавый...

ЗОЛОТОГЛАВЫЙ

Теперь дай мне сказать!

Слушай, пустой звук! Слушай тщета!

И вы тоже слушайте меня, стада, рассыпанные по загонам и пастбищам, и вы,

Псы, возмнившие себя пастухами!

¹⁸ В 1918 г. Андреем Левинсоном была предпринята попытка перевода отрывка части «Златоголавого» под названием «Принцесса и дезертир».

¹⁹ Ср. новаторство М. Цветаевой в области ритма.

²⁰ *Клодель П. Златоголавый; Обмен / Пер. с фр. Е. Гинзбург, В. Мильчиной; вступ. ст., коммент. И. Некрасовой. СПб., 2011. С. 8.*

²¹ Там же. С. 107.

²² Примечательно совмещение в этом отрывке атрибутов различных эпох и цивилизаций, например, противопоставление речи «Народного трибуна», безапелляционно оцененного протагонистом как «тщета» и «пустой звук», и речи Златоголавого, обращенной к «стадам, рассыпанным по загонам и пашням».

*Яростно встряхивает головой. Шлем спадает,
и длинные светлые волосы рассыпаются у него по плечам.
Он заливается краской. Все молчат и смотрят на него
в изумлении.*

КТО-ТО

Смотрите на эту женщину!

ЗОЛОТОГЛАВЫЙ

Кто сказал, что я — женщина?

Да, я — свирепая девственница, к которой нелегко прикоснуться!

Я и вправду женщина, смотрите, какая я женщина! И во мне
живет желание,

Как неодолимый соблазн

Огня. И говорю вам, нет здесь никого, кто бы он ни был, кого бы
я не хотел

Обхватить, как огонь,

Который не выбирает себе пищи для горения!

Мой день не будет отнят у меня!

Феникс

Находит себе гнездо в пламенеющей печи света,

Бесстрашный жаворонок взмывает в небо!

Да, и бескрайние поля лучезарного воздуха

Наполняются голосом неукротимого клубка перьев!

Так поднимаюсь и я, не как птичка,

Но как Сфинкс с громовым криком, крылатый конь с когтями
орла, с женскими грудями!

— Не я буду жить для вас, это вы должны жить для меня.

Вот почему я стою перед вами один, как дева²³.

У Клоделя огонь (включая все коннотации, вплоть до золотых волос властителей) по способу действия — безудержному распространению — сопоставляется с безудержным женским желанием охвата (обнятия, поглощения) и приобретает синтаксический атрибут²⁴ жен-

²³ Клодель П. Золотоглавый; Обмен. С. 106–107.

²⁴ Ср., например, синтаксический параллелизм с характерными чертами структуры «Ригведы», такими как тенденция к параллелизму в построении мифологического текста, причем этот принцип распространяется на многие уровни текста, в том числе на повторы формальной структуры ведийского стиха — синтаксические и звуковые (См.: Gonda J. *Stilistic Repetition in the Veda*. 1959). По мнению Б.Л. Огибенина, «параллелизм заключается в последовательном кодировании различными языковыми сообщениями одних и тех же знаков мифологической системы, благодаря чему на уровне “речи” мифа происходит их полное или частичное отождествление [...]. При этом элементы мифологии распределяются один относительно другого так, что порядок следования оказывается несущественным — в целом образуемый ими текст является некоторой вневременной последовательностью. Такой тип синтаксической связи между элементами мифологии преобладает в “Ригведе” [...]. Полагая, что смысловое содержание

ского рода. Мы полагаем, что для описания неомифологических кодов Клоделя, сложившихся в «Золотоголовом», целесообразно применение подхода Б.Л. Огигенина к описанию космологии «Ригведы». Структура мифологических текстов «Ригведы» представлена в этом исследовании как «опыт такого описания структуры элементов ведийской мифологии, которое строится как последовательный переход от множества признаков одного элемента мифологии к множеству сходных признаков другого. [...] описание такого рода представляет собой некоторую аналогию к лингвистическому описанию фактов языка на синтагматическом уровне с учетом дистрибутивных характеристик текста; аналогией к тексту является названное выше мифологическое пространство». Отдельный элемент мифологии изучается по аналогии с фонемами языка, каждая из которых может быть описана как пучок дифференциальных признаков из данного набора²⁵. Сопоставимы, например, образы царя и жертвы в ведической мифологии и у Клоделя в «Золотоголовом», которые обладают целым рядом космологических характеристик и вне такой интерпретации разрушают грамматическую логику языка, а при актуализации прамифологической основы восстанавливают образ целостности мироздания, его полноту и непротиворечивость. Интерпретация же многих сцен «Золотоголового» вне памяти индоевропейской основы языка и ведической космологии зачастую приводит к значительным искажениям клоделевского текста. Политизация таких сцен клоделевской драмы, как «Дезертир и принцесса», тем более в театральной «переделке» Мейерхольда начала 1920-х гг., призывавшего матросов к наведению порядка в театре, не могла не оттолкнуть Марину Цветаеву от сомнительной подработки по переводу.

Кроме того, Цветаева, несомненно, была знакома с опытом перевода другой клоделевской драмы, «Отдых седьмого дня», выполненного М. Волошиным в 1908 г. и не опубликованного при его жизни, хотя он неоднократно предпринимал попытки включения перевода в различные издательские проекты. В воспоминаниях М. Цветаевой о знакомстве с Волошиным имя Клоделя звучит как одно из первых, названных при первой встрече²⁶. Подводя итоги долгих лет общения с Волошиным, Марина отмечала: «Явным источником его творчества в первые годы нашей

каждого элемента определяется на основе его отношений с прочими элементами текста, т.е. в частном случае через тождественные синтаксические структуры, можно утверждать, что семантическая структура совокупности мифологических текстов «Ригведы» является отображением их синтаксической структуры в плане содержания, содержательной интерпретацией последней» (*Огигенин Б.Л.* Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космология). М., 1968. С. 9).

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ *Цветаева М.* Живое о живом (Волошин) // Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М., 1994. С. 159–220.

встречи, бывшие последними до войны, была бесспорно и явно Франция. Уже хотя бы по тем книгам, которые он давал друзьям, той же мне: Казанова или Клодель, Аксэль или Консуэла — ни одной за годы и годы, ни немецкой, ни русской книги никто из его рук не получал. Ни одного рассказа, кроме как из жизни французов — писателей или исторических лиц — никто из его уст тогда не слышал»²⁷. В библиотеке Волошина в Коктебеле до сих пор хранятся книги Клоделя на французском языке, которые Макс настоятельно рекомендовал читать Марине. Это издание сборника 1901 г. «Дерево» [L'Arbre: Tête d'or], «Искусство поэзии» [Art poétique], «Познание Востока» [Connaissance de l'Est], «Благая весть, данная Марии» [L'annonce faite a Marie] и другие²⁸.

Конец 1910-х гг. прошел для Цветаевой под знаком театра, первых ее проб в драматическом жанре. В драматических этюдах 1918–19 гг. («Червонный валет», «Метель», «Каменный ангел», «Приключение», «Феникс») воспроизводится комплекс мотивов, генетически связанных со «Златоглавом» Клоделя²⁹.

«Огненные кудри» героя или героини выполняют функцию кода, актуализирующего, по выражению Ежи Фарыно, «цветаевский архисюжет» — «поединок Духа и Материи»³⁰. Этот поединок отсылает нас не только к первоисточнику — платоновскому мифу, на который указывают исследователи творчества Цветаевой, но и к мистериям Клоделя. Так, например, в «Червонном валете» разрабатываются мотивы Рока: «трона», «чести», «плаща» и «гибели», в «Метели» — «чести», «новогодней встречи», «огня» («— *Посторонитесь! Обожжете кудри! / Дама. Не беспокойтесь! Я сама огонь.*»³¹), «плаща» («*Так же — головкой к плечу... / Так же над бездной темной / Плащ наклонился к плащу ... / — Юная женщина, вспомни! // Крылья слетались на пир, / И расставались в лазури, / Двое низринутых в мир / Тою же бешеной бурей*»³²), «сна» и «забвения» («*Страннице — сон. / Страннику — путь. / Помни. — Забудь*»³³). В последующих цветаевских драмах этот комплекс будет воспроизводиться, оплотняясь живыми характерами Лозэна и Изабеллы, Казановы и Генриетты.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ См.: Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле. Книги и материалы на иностранных языках: Каталог. М., 2013. С. 136–138.

²⁹ Вариант перевода «Златоглав», зафиксированный в открытых письмах Цветаевой, мы употребляем относительно ее перевода, в остальных случаях — «Золотоголовый», по опубликованному первому русскому переводу Е. Гинсбург.

³⁰ *Faryno J.* Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» — «Царь-Девца» — «Переулочки»). München; Berlin; Washington D.C., 1985. S. 354.

³¹ *Цветаева М.* Театр. С. 51.

³² Там же. С. 53.

³³ Там же. С. 54.

Выделенный комплекс мотивов можно сопоставить с символической сценой смерти Золотоголового и освобождения Принцессы (Души): «*Я та, кому вы отдали свой хлеб, / Сегодня утром, и плащ*»³⁴, а также с мотивами «сна»/«смерти» и «затрудненного видения»: «*Где ваши руки? Говорю вам, я уже плохо вижу. / Скорее, пока я не упал! / Я нацупал ваши волосы. Вот ваши плечи. / Мои руки не понимают! Мои ладони мертвы, / Как у того, кто слишком долго пробыл в холодной воде. / Но в голове моей еще есть силы. Зубы послужат мне клещами. / Вытаскивает гвоздь из ее левой руки / Одна рука. Другую / Вытаскивает другой гвоздь*»³⁵. На следующем этапе духовной трансформации Золотоголового появляются мотивы «прощения, любви, прошедшей через страдания и солнечный восторг»: «*О Благодать с пронзенными руками! / Нежная, как последний луч солнца! / Счастлив, кто сможет заключить в объятья такой восторг и поцеловать эти нежнейшие ланиты! Я восхищен, что вижу тебя, благословение!*»³⁶

Таким восторгом награждает героев своих драм Цветаева: Лозена из «Фортуны», Аврору из «Каменного ангела», Казанову из «Феникса».

Казанова

А если целый полк солдат?

Франциска

За рядом ряд, — без капли крови!

(Срывая шапку).

Раз! Раз! Раз! Раз! Такой огонь открою!

Как зарево по ветру распушу!

Где волк? Где полк?

(Оглядывается на свои волосы).

Как раз вровень плащу?

Или длиннее — нет?

Казанова

Ослеп от блеска!

Я вас...

Франческа (занятая своими волосами)

Ослеп?

Казанова

Я вас люблю, Франческа.

[...] Из тысяч черт — твои черты

³⁴ Клодель П. Золотоглавый; Обмен. С. 168.

³⁵ Там же. С. 171.

³⁶ Там же. С. 174.

В могилу унесу³⁷.

Польский исследователь Ежи Фарыно в известной работе «Мифологизм и теологизм Марины Цветаевой» приходит к выводу, что Цветаева-художник позволяет соотносить ее образность с исходными для культуры мифологическими сюжетами: «Цветаева движется не от мифа к варианту, а от варианта к мифу, но не останавливается на уровне мифа, а поднимается еще выше на уровень мифотворчества (в иных терминах — мифопоэтического мышления). Точно такая же картина наблюдается и в случае теологии. Выход за пределы текста-кода — в область кодообразующих начал — на уровень кодотворчества, позволяет ей, не противореча, строить свою семантику, а одновременно вскрывать их первооснову. Готового, “чужого” слова у Цветаевой нет (отсюда минимальная роль жанра сообщения, нарративности, цитаций или реминисценций), а если есть, то оно либо отвергается, либо отодвигается в пред-обиходные сферы»³⁸.

Такой «пред-обиходной» или до-узуальной сферой, в которую для Цветаевой был отодвинут Клодель, был образ Максимилиана Волошина. Макс также был олицетворением одного из самых близких Клоделю героев — Златоглавого. Для Марины и ее близких (Аси, Али) это был образ не только «земнородной» мощи и духовной силы, но и видимой, и осязаемой родственности Макса стихии огня: «Выскакивал или не выскакивал из него огонь, этот огонь в нем был — так же достоверно, как огонь внутри земли. Это был огромный очаг тепла, физического тепла, такой же достоверный тепловой очаг, как печь, костер, солнце. От него всегда было жарко — как от костра, и волосы его, казалось, так же тихонько, в концах, трещали, как трещит хвоя на огне. Потому, казалось, так и вились, что горели (сrépitement)»³⁹.

Волошину в воспоминаниях Цветаевой приписываются неомифологические черты «золотой головы»: «Так, как эти волосы росли, растет из трав только мята, полынь, ромашка, все густое, сплошное, пружинное, и никогда не растут волосы. Растут, но не у обитателей нашей средней полосы, растут у целых народов, а не у индивидуумов, растут, но черные, никогда — светлые. (Росли светлые, но только у богов.)»⁴⁰. Сопоставление цветаевского образа Волошина-чудотворца с генезисом образа Симона Аньеля у Клоделя позволяет раскрыть пучок дифференциальных признаков «золотой головы»: «Его золотая шевелюра напоминает

³⁷ *Цветаева М.* Театр. С. 225–226.

³⁸ *Фарыно J.* Мифологизм и теологизм Цветаевой... С. 390.

³⁹ *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. С. 193.

⁴⁰ Там же. С. 192. Ср. также образы Савитра в ведийской мифологии, Аполлона в греческой и других солярных божеств.

о библейском Самсоне, сила которого была заключена в его волосах, также о прекрасном Авессаломе (“волоса с головы его весили двести сиклей по весу царскому” — 2-ая кн. Царств, 14.26), любимом сыне царя Давида, восставшем против отца. Сам образ “золотой головы” восходит к видению Новуходоносера [...]. Сам Клодель упоминал также еще один источник образа протогониста: иллюстрацию из популярного журнала «Вокруг света» за 1889 год, на котором был изображен будущий император Абиссинии Менелик II с золочеными волосами»⁴¹.

В качестве источника драматического сюжета ранних пьес и набросков Цветаевой целесообразно рассмотреть пожар в доме Волошина в канун Нового 1914 г., подробно описанный в воспоминаниях «Живое о живом». Пожару предшествует путь на санях с полумифическим возницей в метельную предновогоднюю ночь и остро осознанное в этот момент ощущение бессмертия «голой души», летящей на санях в метели: «Холодно не было, нечему было, ничего не было, ехали голые веселые души, которым не страшно вывалиться, которым ничего не делается. “Ася!” — “Да, Марина, так будем ехать после смерти!”»⁴²

Сюжет пожара и чародейства Макса в цветаевском повествовании сопровождается мотивами обморочного сна и пробуждения к жизни: «Что наши ведра? Только добрая воля тех, кто познает, что он огня не остановит поднятием руки, что ему руки даны — носить. Только выход энергии: когда горит — не сидеть руки сложа.

Пожар был остановлен — словом.

Самое замечательное в этой примечательной новогодней ночи, что мы с Асей, принеся очередное, уже явно ненужное ведро, внезапно и каменно заснули. Каждая, где стояла. Так потихонечку и сползли. И до того заспались, что, увидев над собой широченную во всё лицо улыбку Макса — в эту секунду лицо равнялось улыбке и улыбка — лицу, — невольно зажмурились от него, как от полдневного солнца»⁴³. Такие обморочные сны повторяются у Цветаевой в драматических этюдах. Например, в финале «Метели»:

Странице — сон.
Страннику — путь.
Помни. — Забудь.
(Выходит.)

*В комнате — сон. Звон безвозвратно удаляющихся бубенцов*⁴⁴.

⁴¹ Клодель П. Золотоглавый; Обмен. С. 278.

⁴² Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. С. 200.

⁴³ Там же. С. 203.

⁴⁴ Цветаева М. Театр. С. 53.

В «Фортуне» мотивы Рока — сна/забвения связываются прочными нитями с атрибутами царственности⁴⁵:

Влетает шелковым розовым вихрем Фортуна, во образе маркизы де Помпадур.

Фортуна

Все спят, одна в ночи спешит
Моя крылатая стопа.
Как райские врата — мой взгляд,
А говорят, что я слепа.
(*Наклоняясь над колыбелью.*)
Здравствуй, дитя!
Царствуй, дитя!

Нянька спит, мамка спит,
Мать лежит, не дыша.
Но Фортуна пришла, —
Будешь цел, будешь сыт!⁴⁶

А также с кроплением волос героя «золотой пеной»:

Маркизы д'Эспарбэс: [...]
Все безвозвратно, милый пальчик!
(Окунает розу в бокал шампанского
И кропит ею волосы Лозэна.)
Шампанского златою пеной
Шальную голову кроплю,
Чтобы забыл «убью, люблю»,
Чтобы смеясь склонял колена,
Чтоб вечно вылетал из плена,
Как маленькое божество⁴⁷.

Тем же атрибутом «золотой головы» награждается и сын княгини Чарторийской:

— А про сыночка и не спросишь?
Лозэн (*ударяя себя по голове*)
Какая голова! — Сын! — Твой и мой!
Наш сын с тобой

⁴⁵ Ср. мотивы борьбы за трон в «Червоном валете».

⁴⁶ Цветаева М. Театр. С. 60.

⁴⁷ Там же. С. 65.

Княгиня Чарторийская

Как часто с ним в оконце

Глядели мы...

Лозэн

С курчавой головой?

Хороший? На меня похож?

Княгиня Чарторийская (блаженно)

Как солнце⁴⁸.

В «Каменном ангеле» этими атрибутами награжден уже сынок Венеры — Амур: *«Амуру восемнадцать лет. Золотые кудри. Одет как охотник. Лук и стрелы. Очарование таинваис sujet и красавчика. Несмотря на белокурость, всем — каждым движением — француз. В настоящую минуту он как женщина, которую не пустили на бал, и как ребенок, которому не дали конфеты»*⁴⁹. Сцена соблазнения снабжена эпиграфом из Ламартина: «Белокурое дитя, которое станет женщиной, / Бедный ангел, который утратит небо»⁵⁰. У Цветаевой этот мотив становится основой драматического сюжета: «Дитя стало женщиной, счастливая — несчастной»⁵¹, которая вынуждена совершить выбор между плотской любовью и ангельской, пожертвовав жизнью ребенка:

Венера

Сынок твой князем

Будет в красном весь, в атласном.

Аврора (сложив молитвенно руки)

Ангельская весть!

Венера

Грязь грязью!

Подыхай с щенком!

Аврора

(смотрит на нее, на ребенка — руки расплетаются — и — с бесконечной усталостью)

— Согласна. —

Из-под липы — в синем звездном плаще — Богоматерь. В руках высокая — как лилия — серебряная чаша.

Богоматерь

Как смеешь в мой светлый день,

Тварь, торги заключать?

⁴⁸ Там же. С. 70.

⁴⁹ Там же. С. 101.

⁵⁰ Там же. С. 107.

⁵¹ Там же. С. 122.

При виде ее Венера съезживается на земле, как жаба, Аврора падает на колени.

— В ту гору
Закрываю тебя навеки!
*Венера на четвереньках уползает*⁵².

Гротескный характер этой сцены сопоставим с «чудесами» из «Извещения Марии» П. Клоделя. Счеты с Венерой у Цветаевой также сводит Казанова: «Рожденные в огромном горне — / обратно: из огня в огонь!»⁵³, но последний счет — письмо Генриэтты — остается неоплаченным. Все составные части мотивного комплекса «новогоднего пожара в Коктебеле» сосредоточены в сцене появления Франциска в последней драме цикла «Романтика» «Феникс»⁵⁴:

На пороге — существо в плаще и в сапогах. Высокая меховая шапка, из-под нее медные кудри. Вся в снегу. Стоит неподвижно.

Казанова

Весь небесный сонм!
Вы — Генриэтта или сон?

Франциска

Не сон я и не Генриэтта,
Я — он, верней сказать: одета
Как мальчик — как бы вам сказать?
Я — девочка.
(Отрхивает плащ.)

Казанова

Но дети спать
Должны, а не бродить, как духи!
(Разглядывает.)
Костер в глазах. Сережка в ухе.
(Кладет руку на огонь свечи.)
Нет, жжется. Брежу или сплю?

Франциска

(отчетливо)
Я к вам пришла сказать, что вас люблю.

Казанова

(успокоившись)
Так. Значит, сплю. Должно быть, по дороге
Из Дукса. Добрый Жак укрыл мне ноги

⁵² Там же. С. 128.

⁵³ Там же. С. 209.

⁵⁴ Ср. упоминание Феникса в монологе о захвате власти Золотоголовым с названием пьесы «Феникс» М. Цветаевой.

Плащом. — А все ж польщен! И вот под звон
И стон метельный — сплю. И вижу сон⁵⁵.

В цикле «Романтика» воспроизводится целостный образно-семантический комплекс роковой встречи/разлуки, включающий образы стремительного движения («метель», «бешенная скачка»), атрибутов огня и пылания («любовь», «огонь», «очаг», «золотые волосы»), смерти-сна («разлука», «зелье», «вино») и переходного времени («новый год», «новый век»). Например, в «Метели» в сцену встречи героев включены его элементы:

Господин

Вихрь меня принес,
Вихрь унесет.

Дама с его появлением перешла на низкую скамеечку к огню.

Дама

(не поднимая головы)

Играете в загадки?

Трактирщик

(с бутылкой)

Хоть нет у вас сегодня недостатка

В прекрасных дамах, сударь, — дамы сей

Присутствие вам верно будет сладко⁵⁶.

В сцене прощания Казановы рифмуются составные части комплекса: «век» — «снег» — «стук»; «трон» / «огонь»⁵⁷, а «сон» и «метель» объединяются семантическим сдвигом, вызванным интонационным акцентом. Графическое дробление корня глагола актуализирует метельные ноты «засыпать снегом», двойное ударение в слове «засы-пает» уподобляет корневые значения одной из самых ярких омофонных пар русского языка.

Новый год — Новый век,
Где-то снег... где-то свет...
Кто-то трон уступает,
А Франциска засы-пает.
[...]
Мой огонь низко-низко...

⁵⁵ Цветаева М. Театр. С. 205.

⁵⁶ Там же. С. 51.

⁵⁷ Ср. у Клоделя в монологе захвата власти Золотоголовым атрибут огня как коррелят власти над пространством.

Засы-пает Франциска,
 Засы-пает Франциска...
 (*Приложив палец к губам.*)
 Спит...
 Легкий стук в дверь.
 Кто там?

Камердинер

(*входя*)
 Без шести минут
 Полночь, сударь мой. Кони ждут.

Казанова

(*не глядя*)
 Так. Окажешь еще услугу
 Мне, дружище?

Камердинер

(*прикладывая руку к сердцу*)
 О, сударь!

Казанова

(*как взмахом крыла указывая на Франциску*)
 Вьюгой
 Мне товарища примело⁵⁸.

Тот же мотив окончания века разрабатывался М. Цветаевой в «Фортуне»:

Ну-с, подведем итоги. Пять часов.
 А ровно в шесть за мной придут, и будет
 На Гоэвской площади — всеславно, всенародно,
 Перед лицом Парижа и вселенной⁵⁹
 В лице Лозэна обезглавлен — Век⁶⁰.

Выделенный мотивный комплекс, генетически связанный с образом Максимилиана Волошина (Златоглава) и сюжетом «новогоднего пожара в Коктебеле», позволяет значительно расширить тему несостоявшегося

⁵⁸ Цветаева М. Театр. С. 230–231.

⁵⁹ Ср. расширение пространства и времени до Века и вселенной у Цветаевой с особенностями пространственно-временной организации клоделевской драмы (см.: Полонский В.В. Модернистская мистериальная драма: комментарии к теме «Поль Клодель в России» // Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 271–286; Сабашникова А. Драматургия Поля Клоделя периода 1905–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989; Калошина Г.Е. Черты мистерии в религиозно-философских трагедиях Мийо–Клоделя // Проблемы музыкальной науки. 2010. № 1 (6). С. 137–142).

⁶⁰ Цветаева М. Театр. С. 83.

перевода драмы Поля Клоделя “Tête d’or” М. Цветаевой для театральной постановки в театре I РСФСР под руководством В.Э. Мейерхольда до рассмотрения путей трансформации клоделевской драмы в русской литературе. Цветаева в цикле драматических этюдов и драм «Романтика» апеллирует к новаторскому опыту Клоделя в реформировании европейской драмы. Для нее оказываются важны прежде всего такие его составляющие, как примат драматургии языка, речи, дыхания ритма, характерные для поэзии и поэтической прозы, а также текучий характер пространственно-временного масштаба драматического действия, опосредованный движением души героя, которая подвержена трансформациям вселенной и Века, Рока и чуда Благовещения. В этом смысле ключевым текстами для выделения комплекса мотивов являются монолог Золотоголового при захвате власти, диалоги Золотоголового и Принцессы на вершине мира, а также сюжет новогоднего пожара в Коктебеле из очерка М. Цветаевой «Живое о живом».

Литература

Волконский С.М. Мои воспоминания. Т. 2: Родина / Послесл. Т.И. Бачелис. М.: Искусство, 1992. 382 с.

Головникова О.В. Документы РГВА о трагической судьбе В.Э. Мейерхольда // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 123–149.

Декрет Совета Народных Комиссаров. № 475. О Главном Политико-Просветительном Комитете Республики (Главполитпросвет) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. № 91 от 30 ноября 1920 г. URL: <http://istmat.info/node/40851> (дата обращения: 17.03.2019).

Калошина Г.Е. Черты мистерии в религиозно-философских трагедиях Мийо-Клоделя // Проблемы музыкальной науки. 2010. № 1 (6). С. 137–142.

Клодель П. Золотоглавый; Обмен / Пер. с фр. Е. Гинзбург, В. Мильчиной; вступ. ст., коммент. И. Некрасовой. СПб.: Гиперион, 2011. 286 с.

Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле. Книги и материалы на иностранных языках: Каталог. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 480 с.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космология). М.: Наука, 1968. 116 с.

Полонский В.В. Модернистская мистериальная драма: комментарии к теме «Поль Клодель в России» // Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 271–286.

Сабашишкова А. Драматургия Поля Клоделя периода 1905–1924 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 174 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Цветаева М. Театр / Вступ. ст. П. Антокольского; Сост., подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц. М.: Искусство, 1988. 382 с.

Faryno J. Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» — «Царь-Девница» — «Переулочки»). München; Berlin; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 1985. 415 с. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 18).

References

Claudel P. *Zolotoglavyi; Obmen* [Gold-headed; Exchange], transl. from the French by E. Ginzburg, V. Milchina, intro. and comment. by I. Nekrasova. St. Petersburg, Giperion Publ., 2011. 286 p. (In Russ.)

Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. No. 475. O Glavnom Politiko-Prosvetitel'nom Komitete Respubliki (Glavpolitprosvet) [Decree of the Council Of People's Commissars. No. 475. About the Main Political and Educational Committee of the Republic (Glavpolitprosvet)]. *Sobranie uzakonenii i rasporiazhenii pravitel'stva za 1920 g. No 91 ot 30 noiabria 1920 g.* [Collection of laws and orders of the government for 1920. No. 91 of November 30]. Available at: <http://istmat.info/node/40851> (accessed: 17.03.2019). (In Russ.)

Faryno J. *Mifologizm i teologizm Tsvetaevoi ("Magdalina" — "Tsar'-Devitsa" — "Pereulochki")* [Tsvetaeva's mythologism and theologism ("Magdalene" — "Tsar Maiden" — "Lanes")]. München, Berlin, Washington D.C., Verlag Otto Sagner, 1985. 415 s. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 18). (In Russ.)

Golovnikova O.V. Dokumenty RGVA o tragicheskoi sud'be V.E. Meierkol'da [RGVA documents on V.E. Meyerhold's tragic fate]. *Vestnik arkhivista*, 2010, no. 4, pp. 123–149. (In Russ.)

Kaloshina G.E. Cherty misterii v religiozno-filosofskikh tragediiakh Miiо-Klodelia [Mystery features in the religious and philosophical tragedies of Milhaud-Claudel]. *Problemy muzykal'noi nauki*, 2010, no. 1 (6), pp. 137–142. (In Russ.)

Memorial'naia biblioteka M.A. Voloshina v Koktebele. *Knigi i materialy na inostrannykh iazykakh: Katalog* [M.A. Voloshin's memorial library in Koktebel. Books and materials in foreign languages: Catalogue]. Moscow, Rudomino Book Center Publ., 2013. 480 p. (In Russ.)

Ogibenin B.L. *Struktura mifologicheskikh tekstov "Rigvedy" (Vediiskaia kosmologiia)* [Structure of the Rigveda mythological texts (Vedic cosmology)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 116 p. (In Russ.)

Polonskii V.V. Modernistskaia misterial'naia drama: kommentarii k teme "Pol' Klodel' v Rossii" [Modernist mystery drama: comments on the topic "Paul Claudel in Russia"]. *Mezhdy traditsiei i modernizmom. Russkaia literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriia, poetika, kontekst* [Between tradition and modernism. Russian literature at the turn of the 20th century: history, poetics, context]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2011, pp. 271–286. (In Russ.)

Sabashnikova A. *Dramaturgiia Polia Klodelia perioda 1905–1924 gg.: Dis. ... kand. filol. nauk* [Paul Claudel's dramatic works of 1905–1924: Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 1989. 174 p. (In Russ.)

Tsvetaeva M. *Sobranie sochinenii: V 7 t.* [Collected works: In 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994–1995. (In Russ.)

Tsvetaeva M. *Teatr* [Theater], intro. by P. Antokolsky, ed. and comment. by A. Efron and A. Saakyants. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 382 p. (In Russ.)

Volkonskii S.M. *Moi vospominaniia. T. 2: Rodina* [My memoirs. Vol. 2: Homeland], afterword by T.I. Bachelis. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992. 382 p. (In Russ.)

“Golden heads” in Marina Tsvetaeva’s dramatic works and her unfulfilled translation of Paul Claudel’s “Tête d’or”

© 2019, Olga Shalygina

Abstract: The message about unfulfilled translation of Paul Claudel’s drama “Tête d’or” by Marina Tsvetaeva appeared at the beginning of January 1921 in the so-called debate on “alterations” in the journal “Bulletin of the theatre”, published by the Theatre Department of Narkompros. In February 1921 Tsvetaeva wrote a refutation to the editorial board. A decisive rejection of translation could be affected not only by considerations of personal safety associated with merging the Theatre Department of Narkompros and the Political administration of the Revolutionary Military Council, but also by deeply internal creative processes. In a series of dramatic works written in 1918–19 (later called “Romance”), Tsvetaeva appeals to the innovative experience of Claudel in reforming the European drama. The article highlights the motif complex of “golden head”, genetically related to the image of Maximilian Voloshin and his mediation in the comprehension of Paul Claudel’s works by Russian culture. The key texts to highlight the complex motifs of the “golden head” in Tsvetaeva’s dramatic works are monologue of Gold-headed during the assumption of power, dialogues of Gold-headed and Princess on top of the world from Claudel’s drama “Tête d’or”, and the story of the New Year fire in Koktebel from Tsvetaeva’s essay “The Living about Living”. Consideration of neo-mythological connections allows to expand the subject of Tsvetaeva’s unfulfilled translation of Paul Claudel’s “Tête d’or” for a performance in the Theater I of the RSFSR under the leadership of V.E. Meyerhold to consider ways of transformation of Claudel’s drama in Russian literature.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Maximilian Voloshin, Paul Claudel, “Tête d’or”, images of “golden heads” in M. Tsvetaeva’s dramas of 1918–1919.

Information about the author: Olga Shalygina, Doctor Hab. of Philology, Associate Professor, Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: shalygina@imli.ru

Citation: Shalygina Olga. “Golden heads” in Marina Tsvetaeva’s dramatic works and her unfulfilled translation of Paul Claudel’s “Tête d’or”. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 270–289. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-270-289

Заметки комментатора

10. Из лжебиографий Ахматовой

© 2019, Р.Д. Тименчик

Аннотация: В заметке приводятся примеры текстологических, комментаторских, переводческих ошибок, укоренение которых приводит к засорению биографии Ахматовой фантомными фактами.

Ключевые слова: фальсифицированные мемуары, слухи, домыслы биографов, дилетантское литературоведение, интерпретация поэтических датировок, народное «ахматоведение»

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 10. Из лжебиографий Ахматовой // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 290–302. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-290-302

Небылицы о жизни Ахматовой имели хождение еще во время ее земного существования¹.

Так, — взять один пример из кипы, — в обильно беллетризованных автобиографиях врача, биолога, политического деятеля, эмигранта Бориса Соколова (1889–1979) под развесистыми сучьями клюквы происходит знакомство с одиннадцатилетней Аней Горенко на детском утреннике в Царском Селе (она, очень худенькая, с большими карими глазами, в красном платье, читала свои стихотворения): «она так мне понравилась, что я хлопал ей больше всех»; потом рассказчик зван на Башню Вяч. Иванова, где она читала стихи и пожаловалась, что Гумилев смотрит на ее поэзию как на причуду, не рассматривая ее серьезно; потом лжемемуарист встретил ее после развода с Гумилевым, и она опять жаловалась — Гумилев «любит любовь, но не женщин», а у нее самой был

¹ См.: *Тименчик Р.* К биографии Ахматовой // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 21. М.; СПб., 1997. С. 502–517.

роман с Александром Блоком; потом уже после революции в «Бродячей собаке», где Блок что-то нашептывал Михаилу (!) Шаляпину, Ахматова познакомила его с Ильей Эренбургом, Блок читал «Скифы», и едва Блок закончил, как Шаляпин затянул «Стеньку Разина»².

Естественно, что после исчезновения объекта преклонения фантазии на его счет ширятся³. Ветеран дезинформации, бывший советский собкор в Великобритании (отмеченный в биографии Ахматовой тем, что уговаривал сограждан не посещать оксфордскую торжественную церемонию⁴), предался совсем гомерическим вкрадам:

Поезд с Ахматовой прибыл на Виктория-стейшн. Я бежал вдоль тормозившего поезда в поисках Ахматовой и наконец увидел ее. В оконную раму словно была вставлена гигантская камя. То была Она. Я первым ворвался в ее купе.

Между нами произошел следующий диалог:

— Ты [sic!] наш [sic!]? — спросила меня Ахматова.

— Да, — ответил я.

Следующий вопрос оказался куда более заковыристым.

— Ну как? [sic!] — снова спросила меня Ахматова.

Я растерялся, не ухватив смысла ее «ну как?».

— Это она осведомляется о своем туалете, — подсказала сопро-
вождающая Ахматову дама, кажется, Анна Каминская.

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша! [sic!] — воскликнул я.

Ахматова недовольно поморщилась. Мой лирико-дипломатический ответ явно пришелся ей не по вкусу...⁵

² *Sokoloff B.* On the Banks of the River Neva. Ifracombe, 1973. P. 87–94. До того воспоминания о Гумилеве и Ахматовой были напечатаны в его книге “The White Nights: Pages from a Russian Doctor’s Notebook” (New York, 1956).

³ Здесь я не касаюсь желтой печати, например занимательной истории о том, как А.А. Ахматова (1889–1966) провела ночь у А.А. Блока (1880–1921), из книжки И.В. Свеченовской «Неразгаданная тайна. Смерть Александра Блока» (Олма Медиа Групп, 2010); если этого покажется мало, то на просторах постфольклора для этих целей есть и Н.А. Романов (1868–1918).

⁴ *Райкин А.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 241; *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. 2-е, испр. и расш. М., 2014. Т. 2. С. 573.

⁵ *Стуруа М.* Великие старухи: Как наш журналист встречал Ахматову и Шагинян в Лондоне // Московский комсомолец. 2018, 9 апр. Ср. в письме А.Г. Каминской к нам от 17.09.2019: «Я не помню человека с таким именем, хотя, конечно, журналистов было много и могла не запомнить. Но мне кажется, что в купе к нам никто не входил из встречающих. Мы ехали из Дувра в Лондон в четырехместном купе, с нами были незнакомые пожилой господин с дамой. Когда мы подъехали к Лондону на вокзал Виктория, естественно, мы волновались, Анна Андреевна была напряжена, и я старалась, чтобы ничто постороннее ее [не] волновало еще больше. Конечно, вы знаете фотографию, когда мы выходим уже из вагона, где Анна Андреевна стоит у открытой двери и ее встречает толпа поклонников и журналистов».

К неистребленным принадлежит поверье о тайном от всех и чуть ли не от себя самой посещении Оптиной пустыни, отправляющееся от одного из двух возможных пониманий ее строки «А в Оптиной мне больше не бывать». Можно наблюдать прохождение легенды от предположения⁶ до крепнущей уверенности⁷, а затем до резонных сомнений⁸, сменяемых нежеланием расстаться с ней⁹. Источник сказки — письмо-приглашение 1923 г. от Н.А. Павлович из Оптиной: «Привезите сюда свои книги, Анна Андреевна, и новинки петербургские. Это для нас — чтобы мы не были оторваны от той жизни»¹⁰, написанное в ответ на открытку О.Д. Форш к Н.А. Павлович в Оптину от 28 февраля 1923 г.: «Ответьте немедленно[,] будет ли у Вас или где поблизости место на Пасху или на Фоминой (а м[ожет] б[ыть] на Страстной)[,] чтобы хоть на неделю пристроить меня и Анну Андреевну Ахматову. Хотим ехать вместе к Вам. Анна Андр[еевна] сейчас в больнице[,] ей дел[али] операцию, а потом мы хотим ехать к Вам»¹¹.

⁶ См. ссылку на книгу: *Концевич И.М.* Оптина Пустынь и ее время. Джорданвилль, 1979 (*Stanton L.J.* The Optin Pustyn Monastery in the Russian Literary Imagination. Iconic Vision in Works by Dostoevsky, Gogol, Tolstoy and others. New York, 1995. P. 69).

⁷ *Покровская (Аппо) С.Е.* «А в Оптиной мне больше не бывать» (О некоторых соответствиях символа веры Анны Ахматовой и ее религиозной символики) // Оптина пустынь: монастырь и русская культура. М., 1993. С. 274–275.

⁸ Вроде бы ташкентская поэтесса Нина Ивановна Пушкарская (псевд. Татаринова; 1916–1992) сказала ростовской поэтессе Л.М. Машневой: «Не сомневайтесь, она бывала там, я свидетель ее рассказов. Я смогу подтвердить, я это знала всегда» (*Машнева Л.* А в Оптиной мне больше не бывать... Ростов-на-Дону, 2015. С. 31).

⁹ Анна Ахматова: pro et contra / Сост. Св. Коваленко. СПб., 2001. Т. 1. С. 27–29; Т. 2. С. 746–772. Ср. также рассказы Татьяны Гроян о старце Николае Гурьянове (1909–2002): «В последние годы своей жизни, к Батюшке Николаю обращалась за духовными советами Анна Андреевна Ахматова (1889–1966), ее можно было назвать духовной дочерью Батюшки, как он сам говорил. (У Батюшки долгое время хранились письма Анны Андреевны, он многим показывал их и читал. Кому-то они понадобились: однажды, вернувшись после Всенощной в келию, Старец обнаружил замок сорванным, а многие бумаги и рукописи из его келии исчезли, как был украден из Храма, из Святого Алтаря, Крест — благословение Митрополита Вениамина, который Старец хранил на Престоле.) «Мы с ней много раз встречались, с Анной Андреевной, были друзьями, — говорил Старец. — Она была чудный, верующий человек, много перенесла и страдала сильно, а ушла ко Господу монахиней» (*Симонохиня Николая.* Царский Архиерей. Слово истины. М., 2004. Т. 1. С. 180).

¹⁰ ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом X. № 4; *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века: Материалы конференции, Иерусалим 2003. М., 2008. С. 440. Ср. записанный в 1925 г. Надеждой Чулковой рассказ Надежды Павлович о том, как в Оптиной Пустыни Н.А. Бруни читал старцу Нектарию стихотворение Ахматовой «Клевета» и попросил: «Батюшка, благословите эту поэтессу». Тогда о. Нектарий сказал: «Она достойна... и праведна... приехать в Оптину Пустынь. Тут для нее две комнаты есть свободные» (*Лукьянов Е.* О посещении Анной Ахматовой Оптиной Пустыни // Анна Ахматова: pro et contra. Т. 2. С. 755).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 410. Оп. 1. Ед. хр. 12; *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 8. Симферополь, 2010. С. 71.

Расширяется итинерарий Ахматовой и в угоду аппетитам краеведов. Например, в области постфольклора новейшего времени мы встречаем рассказ В.П. Славинского по прозвищу «человек-магнит» (умел притягивать металлические предметы весом до 25 кг) о том, как летом 1939 г. Ахматова инкогнито побывала в Слободке-Шелеховской на могиле матери и тети, а затем три дня прожила у своей давней подруги, бабушки «человека-магнита», причем «незваная гостя любила по вечерам заводить «крамольные» разговоры о Ленине, Сталине, Кирове и своем репрессированном муже», часто ходила с внуком и бабушкой собирать грибы и целебные травы, «спала она на кровати моей матери, укрывшись простым рядном»¹².

Не приходится уж и говорить о расширении «дон-жуанского списка». В последней книге покойного Ю. Зобнина сварганены подробности интимных отношений Ахматовой с В.В. Голенищевым-Кутузовым¹³, даром что Ахматова рассказывала в 1925 г. П.Н. Лукницкому: «...у сестры АА в Ц.С. собиралась молодежь. Бывал там и тот человек, кому посвящено это (и некоторые другие стихотворения того периода) стихотворение [«На руке его много блестящих колец»]. — Это Голенищев-Кутузов, он был красив, и у него действительно на руке было много колец, строен, высок. А.А.: Будут говорить, что у меня с ним роман был... Никакого романа не было. Я даже ни разу не оставалась с ним [наедине] вдвоем — по моим тогдашним взглядам это было бы неприлично»¹⁴.

Расширяется и раздел несказанного Ахматовой: ей приписываются чужие остроты, часто на редкость ничтожные¹⁵. Не иссякают чаяния ее встречи с В. Высоцким¹⁶ и жажда сделать сказку («Сказку о черном кольце») былью: «А еще вспоминала Анна Андреевна, что ее бабушка горько гневалась на то, что она, вопреки воле [так!], крещена. Возможно, и это сыграло свою роль в том, что Анна Андреевна решила взять псевдоним Ахматова»¹⁷.

¹² Гурман А. Неизвестные страницы из жизни Анны Ахматовой // Зеркало недели (Киев). 2004, 30 июля — 6 авг.

¹³ Зобнин Ю.В. Ахматова: Юные годы царскосельской музы. М.; СПб., 2016.

¹⁴ Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt/M., 2012. P. 274.

¹⁵ Шульман Э. Говорит Ахматова. Коротышки в литературных кругах // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 496–506.

¹⁶ Цибульский М. Жизнь и путешествия В. Высоцкого. Ростов-на-Дону, 2005. С. 8–84; Мешков В. Владимир Высоцкий и Анна Ахматова: Была ли встреча? URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/articles/meshkov-vysockij-ahmatova-vstrecha.htm> (дата обращения: 08.05.2019).

¹⁷ Самедова Л. Восточные мотивы в творчестве А.А. Ахматовой. Баку, 2008. С. 105.

Среди курьезов — сообщенный мемуаристом инскрипт на книге Марциала от 21 июня 1943 г. («А мы? / Не так же ль мы / сошлись на краткий / миг для переключки»)¹⁸; поспешно введенный в ахматовский корпус¹⁹ и прошествовавший по веренице литературоведческих и любительских сочинений, он является отредактированной по памяти цитатой из стихотворения Мариэтты Шагинян «Жалоба»:

Волну окликнула волна, —
И вот она уже далече...
Ах, не на радость им дана
Их кратковременная встреча!
Грустит у ног, грустит прибой
И плещет жалобнее птички...
А мы, не так ли мы с тобой
Сошлись на миг для переключки?
И, растворяясь в широте
Земных забот и недосуга,
Зовем, зовем, как волны те,
Но всё отходим друг от друга...
О, эта боль! О, этих встреч
Незабываемая рана!
О, как мне сердце уберечь
От новой веры и — обмана?²⁰

Другой казус — новое об *ars amandi* Ахматовой в серии «Жизнь замечательных людей», где на полутора страницах описана возня молодых людей в стогах сена. Для этого описания документов не нашлось, пришлось воспользоваться невзрачным рассказом Юрия Слезкина 1908 г.²¹ Эта любовь на скирдах возникла из-за переводческой ошибки. В жизнеописании Бориса Анрепа, написанном его невесткой, в оригинале стояло слово *haystack* — по поводу некоторого приключения Ахматовой с персонажем ее донжуанского списка, очень видным петербуржцем, кузеном Б.В. Анрепа, инженером Владимиром Петровичем Шуберским (1877–1958). Эта идиома означает всего-навсего мимолетный роман.

¹⁸ *Бабаев Э.* Надпись на книге. Неизвестная эпиграмма Анны Ахматовой // Ахматовские чтения. Вып. III. М., 1992. С. 14.

¹⁹ *Ахматова А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1999. С. 43.

²⁰ *Шагинян М.* *Orientalia*: Февраль–октябрь 1912 года. Изд. 2-е. М., 1913. С. 40; Изд. 4-е. М., 1918. С. 38; Изд. 5-е. Пб.–Берлин, 1921. С. 47; см. также авторскую републикацию: *Шагинян М.* Я всегда была поэтом // *День поэзии 1979*. М., 1979. С. 158.

²¹ *Коваленко С.* Анна Ахматова. М., 2009. С. 165–166.

Переводчица книги, к сожалению, оставила это слово в тексте, биограф развернула его в увлекательный, как ей показалось, эпизод²².

Фиктивную дату в биографии Ахматовой устанавливает свежая книжка, в которой, вообще говоря, автор старается к фактографии относиться уважительно. Это дата под стихотворением 1914 г.:

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»

«Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

Каждый день мой — веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.

Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Всё брожу я по комнатам темным,
Всё ищу колыбельку его».
11 апреля 1914, Петербург

В исследовании говорится: «Чувственный роман с Артуром Лурье не прошел для Анны безнаказанно. В апреле обнаружили результаты, и она оказалась в щекотливом и сложном положении. Ахматова не могла не сказать об этом мужу. Что пережили оба, можно установить по их апрельским стихам. Для православной женщины поступок Анны был несомненно преступлением. Она переживала это по-своему. В стихотворении “Где, высокая, твой цыганенок” героиня на заданный в первой строке вопрос отвечает — в первом варианте: “Сердце матери — темная пытка, / Ах, ее я принять не смогла”. Героиня живет по-прежнему весело: “...заблудилась я в длинной весне”. Но во сне слышит плач умершего ребенка, а потом бродит по темным комнатам и ищет его колыбельку. Что нужно было пережить, перечувствовать, чтобы написать такие стихи? У стихотворения есть точная дата: 11 апреля 1914 года, Петербург.

²² Фарджен А. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа / Пер. с англ. Н. Жутовской. СПб., 2003. С. 102.

Очевидно, эта дата важна для Ахматовой, она непременно должна была остаться в памяти. Не тогда ли всё произошло? [...] Видимо, после этого аборта Анна Андреевна не могла иметь детей»²³.

Стихотворение Ахматовой именно так, видимо, могло пониматься «историческим читателем». Напомним разговор с Лидией Чуковской в 1940 г.: «Я сказала, что стихи “Где, высокая, твой цыганенок” меня всегда трогали чуть не до слез.— Это давние дела, — непонятно ответила Анна Андреевна»²⁴.

Прикосновение к шокирующей для лирики теме предвосхищало, а то и служило толчком для последующей поэтики Марии Шкапской, явившейся литературной сенсацией спустя семь лет, когда автор «Занавешенных картинок» размышлял: «...стихи, при однообразии своей, чисто физиологической темы, часто неприятно натуралистически грубы и от неточности выражений местами непристойны, но поэтическое чувство и движение в них безусловно есть»²⁵. Пафос первого сборника М. Шкапской спародирован в эпиграмме Леонида Борисова:

Нерожденная дочь моя Юлька,
Мать твою заели грехи,
Ей бы качать твою люльку,
А она пишет стихи²⁶.

Поэтический дебют Шкапской состоялся под сенью припоминания стихов Ахматовой²⁷ и поздравлений по поводу инаугурации темы: «... пишет стихи не хуже многих других и удачно сочетает стихотворную технику Анны Ахматовой и Блока. [...] Не живое дитя — значит умершее? Не совсем. Зачатое, но не рожденное. Не жившее никогда. Шкапская не боится прямых слов. [...] Есть вещи, страшные именно своим жестоким прозаизмом, своей обнаженностью от всякого покрова иллюзии. Как

²³ Черненкова О. Воин и дева. Мир Николая Гумилева и Анны Ахматовой. М., 2018. С. 199, 202.

²⁴ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М., 1997. С. 108.

²⁵ Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / Вступ. заметка З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящая изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1964. С. 469.

²⁶ Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 474. Здесь автор указан неверно.

²⁷ См.: «Какie суровые и святые стихи. Подчас они терпки, как строки Ахматовой. Но всё же четки Ахматовой — это первые костяные четки; у Марии Шкапской они сделаны из горного хрустала; они прозрачны и переливаются, как первозданные капли росы, как ручей бегущий по песчаному дну. [...] Понятно, техническая зависимость от Блока и — особенно Ахматовой — слишком отчетлива, что отмечено было еще П. Губером (Летопись Дома Литераторов, № 2, ноябрь 1921, Петербург)» (Киперман Я. Мария Шкапская // Око: Литература — Искусство — Сатира — Жизнь (Смоленск). 1922. № 1. С. 25–26).

сделать их предметом поэтического изображения? О них можно писать только так, как писал Зола в своем гинекологическом романе, рассказывая о парижских фабриках ангелов. [...] Как хотите, в этих стихах, несмотря на странность и даже рискованность сюжета, есть настоящая поэзия и вместе с тем большая психологическая правда»²⁸. Внимательные читатели отметили еще одну возможную предшественницу: «На стихотворениях М. Шкапской чувствуется влияние Ахматовой, Блока, может быть, Елены Гуро, но у ее маленького сборника есть свое лицо»²⁹.

Миф Елены Гуро о нерожденном сыне, которому иные современные исследователи подбирают прерывание беременности в качестве биографического источника³⁰, пренебрегаемого другими исследователями³¹, был злободневным литературным феноменом в пору написания ахматовского стихотворения о «давних делах». Давними они были, пожалуй, и в январе 1914 г. Биограф Ахматовой должен помнить о своего рода законе отсроченной стиховой фиксации переживания у нее. Напомню известную автобиографическую заметку в записных книжках: «1 сент[ября] 11 г. я в Киеве в извозчиц[ей] пролетке пропускала царский поезд и киевское дворянство, направляющ[еся] в театр, где через час будет убит Столыпин»³². Как говорила нам покойная Э.Г. Герштейн, в устной, нецензурированной версии ахматовской «пластинки» цитированная фраза выглядела приблизительно так: «1 сентября я, истекая кровью в пролетке после аборта, 40 минут пропускала царский поезд...» Об этом эпизоде лета 1911 г. мне доводилось уже публиковать в справке

²⁸ *Губер П.* [Рец. на:] Шкапская М. *Mater Dolorosa*. Пг., 1921 // *Летопись Дома Литераторов*. 1921. № 2. С. 7; речь о романе Эмиля Золя «Плодовитость».

²⁹ *Б.п.* [Рец. на:] Шкапская М. *Mater Dolorosa*. Пг., 1921 // *Жизнь искусства*. 1921. № 3. С. 14. 14 апреля 1924 г. Иннокентий Оксенов записал в дневнике рассказ М.М. Шкапской о том, как ее вызвали на суд участники группы «Дом на Песочной» (М.В. Матюшин, О.К. Матюшина, Б.В. Эндер, К.С. Малевич и др.), потому что Шкапская много взяла от Е. Гуро «и с известной точки зрения взятое извратила». «Мотивировка — творчество Шкапской есть заряд большой духовной силы, направленной по совершенно ложному пути, — утверждению родового начала в женщине, — уклоняющему от личного самоусовершенствования». «Не должно быть живых детей, только духовные дети» (сообщено Т.Л. Никольской). Ср. также включение ее в ряд имен «подлинных представительниц женского поэтического творчества: Елены Гуро, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой» (*Воинов О.* Рец. на: Шкапская М. *Mater Dolorosa*. Пг., 1921 // *За свободу!* (Варшава). 1922, 28 окт.).

³⁰ *Никольская Т.Л.* О рецепции творчества Елены Гуро в русской поэзии 1910–1920-х годов // *Никольская Т.Л. Авангард и окрестности*. СПб., 2002. С. 178.

³¹ Ср.: «О “реальном” субстрате мифа в его неизбежно “грубоватой” форме говорить нет смысла, как нет и явных оснований» (*Топоров В.Н.* Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // *Серебряный век в России. Избранные страницы* / Сост. Вяч. Вс. Иванов. М., 1993, С. 228).

³² *Ахматова А.* *Записные книжки (1958–1966)* / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino, 1996. С. 445; ср. с. 442, 665.

о Г.И. Чулкове записанный П.Н. Лукницким рассказ Ахматовой о Париже: «Беременна... — потом в Слепнево — потом Крым?»³³

Другая апокрифическая дата приводится в сочинении А. Марченко, вообще недостаточно информированном: эпизод, когда предположительно Ахматова объясняется с Н.В. Недоброво на тему того, что она полюбила другого человека и т.д. Сказано при этом, что можно даже датировать этот разговор-объяснение, потому что у Ахматовой в записных книжках есть многозначительная запись: «Недоброво. 11 февраля 1916 года». И подчеркнуто Ахматовой: «Недоброво». И дата подчеркнута³⁴. Но из записных книжек с очевидностью явствует, что Ахматова стала переписывать стихи Недоброво, обращенные к ней, которые хранились и поныне хранятся в ее архиве. Этот автограф был в свое время разобран и опубликован³⁵. Ахматова переписала дату под этими стихами с ошибкой: вместо 11 февраля 14-го года — 11 февраля 16-го года³⁶, и подчеркивание ее не означает никаких любовных объяснений, амуров и зефинов.

Фантомный факт биографии извлечен из инскрипта на сборнике «Anno Domini», где на авантитуле выписана первая строфа стихотворения «Ты всегда таинственный и новый...» и подписано под ней «А. Ахматова 20/II 1922 года г. Москва». Несмотря на ахматовские уверения, что между 1918 и 1924 гг. она в новой столице не бывала, сделан вывод: «Значит, поездка была тайной». Опять попался злосчастный Артур Лурье: «...к 1922-му Лурье решил эмигрировать и ездил в Москву за подписью Луначарского и за визой. Может быть, Ахматова ездила в феврале с ним в Москву и там подарила этот сборничек?»³⁷ Эти тайны и догадки решительно ни к чему: почерк надписи на книги весьма отличен от ахматовского, а сам документ служит пополнением к известному факту читательской рецепции: кодирование эпизодов своей жизни цитатами из Ахматовой³⁸. Так примерно в это же время мысленно говорила с Есениным Галина Бениславская:

³³ *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. С. 147; П.Н. Лукницкий пишет «Крым» под вопросом вместо «Киев» или недослышав, или не разобрав сокращение в первоначальном конспекте разговора.

³⁴ *Марченко А.* Ахматова: жизнь. М., 2009. С. 346–347.

³⁵ *Крайнева Н.И.* Рукописи Н.В. Недоброво и материалы о нем в отделе рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 118.

³⁶ *Ахматова А.* Записные книжки (1958–1966). С. 583.

³⁷ *Демидова А.* Таинственный и новый // Сноб. № 12 (77). Декабрь 2014 — февраль 2015.

³⁸ Ср.: «Мое поколение выросло на стихах Ахматовой: в пятнадцать лет мы говорили ее словами, и в наших тогдашних дневниках, вместо собственных комментариев к гимназическим романам, мы просто писали: "...искривился мучительно рот [...]", "...о нем гадала я в канун 'Крещения..." и даже "...как непохожи

23 декабря 1921 г. Я не знаю, хорошо или плохо. Сначала стало спадать, проходить, было дорогое нам милое воспоминание и одно из сердеч[ных] свиданий с ним, таким большим. А сейчас опять шквал. И так приятны слова: «Но для меня непоправимо милый, и чем теплей, тем трогательней ты». Теперь он небрежен, но и это неважно. Внутри это ничего не меняет. Надо только внимательнее обдумывать каждый шаг. И надо быть умной. Решить, что шестьдесят лет, а до остального нет дела. Тем спокойнее. А изменить мы ничего не в силах. И приятно, очень приятно почувствовать в себе преданность без конца, и вместе с тем знать, что, если надо, скажу:

А, ты думал — я тоже такая,
 Что можно забыть меня,
 И что брошусь, моля и рыдая,
 Под копыта гнедого коня.

И знать, что вместо нежного, я могу сказать другое, злое и чужое, и не бессознательно, а так, рассчитав, бросать камни! От этого больше любишь.

1/2 [января 1922 г.] Утро. Я бы хотела, чтобы я могла забываться за книгой — не умею. А нужно, нужно не помнить...

Забвенье боли и забвенье нег —
 За это жизнь отдать не мало.

А все-таки невольно опять возвращаюсь. Что же желать, если «мир лишь луч от лика друга, все иное — тень его». Но я справлюсь с этим. Любить Е[сенина], всегда быть готовой откликнуться на его зов — и всё, и больше ничего. [...] Как странно определять и измерять его отношение по отдельным движениям не его, а окружающих. И так грустно, грустно.

О, жизнь без завтрашнего дня!
 Ловлю измену в каждом слове,
 И убывающей любви
 Звезда восходит для меня³⁹.

Впрочем, и все вышеприведенные фантазии и очитки представляют ценный материал для изучения «школы читателей» Ахматовой.

на объятья прикосновенья этих рук...» (*Райт-Ковалева Р.* Встречи с Ахматовой // Литературная Армения. 1966. № 10. С. 58).

³⁹ *Бениславская Г.* Дневник. (О С. Есенине) / Публ. Д. Дэвис // Глагол. 1981. № 3. С. 260–261, 264–265; эпиграф из гумилевского «Пьяного дервиша» заимствован тоже из этого ахматовского сборника.

Литература

Анна Ахматова: pro et contra: В 2 т. / Сост. Св. Коваленко. СПб.: РХГИ, 2001. 964, 992 с.

Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 850 с.

Бабаев Э. Надпись на книге. Неизвестная эпиграмма Анны Ахматовой // Ахматовские чтения. Вып. III. М.: Наследие, 1992. С. 12–17.

Зобнин Ю.В. Ахматова: Юные годы царскосельской музы. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2016. 542 с.

Коваленко С.А. Анна Ахматова. М.: Молодая гвардия, 2009. 347 с.

Крайнева Н.И. Рукописи Н.В. Недоброво и материалы о нем в отделе рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне; М.: Импринт, 1992. С. 114–124.

Марченко А. Ахматова: жизнь. М.: АСТ; Астрель; Редакция Елены Шубиной, 2009. 672 с.

Никольская Т.Л. Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 319 с.

Павлович Н.А. Воспоминания об Александре Блоке / Вступ. заметка З.Г. Минц, коммент. З.Г. Минц и И. Чернова // Блоковский сборник: Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1964. С. 446–506.

Самедова Л. Восточные мотивы в творчестве А.А. Ахматовой. Баку: Элм, 2008. 241 с.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века: Материалы конференции, Иерусалим 2003. М.: Водолей, 2008. С. 393–451.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 8. Симферополь: Крымский Архив, 2010. С. 34–71.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt/M: Peter Lang, 2012. P. 265–313.

Тименчик Р. К биографии Ахматовой // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 21. М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1997. С. 502–517.

Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. 2-е. М.: Мосты культуры, 2014. Т. 2. 632 с.

Топоров В.Н. Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро // Серебряный век в России. Избранные страницы / Сост. Вяч.Вс. Иванов. М.: Радикс, 1993. С. 221–260.

Черненкова О. Воин и дева. Мир Николая Гумилева и Анны Ахматовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 348 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. 5-е изд., испр. и доп. М.: Согласие, 1997. 541 с.

Шульман Э. Говорит Ахматова. Коротышки в литературных кругах // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 496–506.

References

Akhmatova A. *Zapisnye knizhki (1958–1966)* [Notebooks (1958–1966)], comp. and ed. K.N. Suvorova, intro. E.G. Gershtein, consult., notes and indexes V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 850 p.

Anna Akhmatova: pro et contra, in 2 vols., comp. Sv. Kovalenko. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2001. 964, 992 p. (In Russ.)

Babaev E. Nadpis' na knige. Neizvestnaia epigrama Anny Akhmatovoi [An inscription on book. Unknown epigram by Anna Akhmatova]. *Akhmatovskie chteniia. Vyp. III* [Akhmatova proceedings. Iss. 3]. Moscow, Nasledie Publ., 1992, pp. 12–17. (In Russ.)

Chernen'kova O. *Voin i deva. Mir Nikolaia Gumileva i Anny Akhmatovoi* [Warrior and maid. The world of Nikolai Gumilyov and Anna Akhmatova]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 348 p. (In Russ.)

Chukovskaia L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. T. 1: 1938–1941* [Notes on Anna Akhmatova. Vol. 1: 1938–1941], 5th ed. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 541 p. (In Russ.)

Kovalenko S.A. *Anna Akhmatova*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 347 p. (In Russ.)

Kraiveva N.I. Rukopisi N.V. Nedobrovo i materialy o nem v otdel rukopisei GPB im. M.E. Saltykova-Shchedrina [Nikolay Nedobrovo's manuscripts and related materials in the Saltykov-Shchedrin State Public Library manuscript department]. *Shestyte Tynianovskie chteniia. Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [6th Tynyanov proceedings. Abstracts and discussion materials]. Riga, Zinatne Publ., Moscow, Imprint Publ., 1992, pp. 114–124. (In Russ.)

Marchenko A. *Akhmatova: zhizn'* [Akhmatova: life]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., Elena Shubina Publ., 2009. 672 p. (In Russ.)

Nikol'skaia T.L. *Avangard i okrestnosti* [Avant-garde and surroundings]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2002. 319 p. (In Russ.)

Pavlovich N.A. Vospominaniia ob Aleksandre Bloke [Memoirs of Alexander Blok], intro Z.G. Mints, comment. Z.G. Mints and I. Chernov. *Blokovskii sbornik: Trudy nauch. konf., posviashch. izucheniiu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka, mai 1962 goda* [Blok collection: Proc. sci. conf., dedicated to studying of A.A. Blok's life and work, May 1962]. Tartu, 1964, pp. 446–506. (In Russ.)

Samedova L. *Vostochnye motivy v tvorchestve A.A. Akhmatovoi* [Oriental motives in A.A. Akhmatova's works]. Baku, Elm Publ., 2008. 241 p. (In Russ.)

Shul'man E. Govorit Akhmatova. Korotyshki v literaturnykh krugakh [Akhmatova speaks. Shorties in literary circles]. *Voprosy literatury*, 2009, no. 4, pp. 496–506. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's "Notebooks"]. *Puti iskusstva: Simvolizm i evropeiskaia kul'tura XX veka: Materialy konferentsii, Ierusalim 2003* [Ways of art: Symbolism and European culture of the 20th century: Conference proceedings, Jerusalem 2003]. Moscow, Vodolei Publ., 2008, pp. 393–451. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelia k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova’s “Notebooks”]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorcestvo: Krymskii Akhmatovskii nauch. sb. Vyp. 8* [Anna Akhmatova: era, destiny, works: Crimean Akhmatova scientific collection. Iss. 8]. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 2010, pp. 34–71. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelia k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova’s “Notebooks”]. *From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon*. Frankfurt/M, Peter Lang, 2012, pp. 265–313. (In Russ.)

Timenchik R. K biografii Akhmatovoi [On Akhmatova’s biography]. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 21* [The past: Historical almanac. 21]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Fenuks Publ., 1997, pp. 502–517. (In Russ.)

Timenchik R. *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody* [The last poet. Anna Akhmatova in 1960s], 2nd ed. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2014. Vol. 2. 632 p. (In Russ.)

Toporov V.N. Mif o voploshchenii iunoshi-syna, ego smerti i voskresenii v tvorcestve Eleny Guro [The myth of young son’s incarnation, death and resurrection in Elena Guro’s works]. *Serebrianyi vek v Rossii. Izbrannye stranitsy* [Silver Age in Russia. Selected pages], comp. Viach.Vs. Ivanov. Moscow, Radiks Publ., 1993, pp. 221–260. (In Russ.)

Zobnin Iu.V. *Akhmatova: Iunye gody tsarskosel'skoi muzy* [Akhmatova: Early years of the Tsarskoye Selo muse]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., St. Petersburg, Russkaia troika-SPb Publ., 2016. 542 p. (In Russ.)

Notes of a commentator

10. From false biographies of Akhmatova

© 2019, Roman Timenchik

Abstract: The article gives examples of textual, commentary and translation errors, the rooting of which leads to clogging of Akhmatova’s biography with phantom facts.

Keywords: falsified memoirs, rumors, speculations of biographers, amateurish literary criticism, interpretation of poetic dating, popular Akhmatova studies

Information about the author: Roman Timenchik, Prof., Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Notes of a commentator. 10. From false biographies of Akhmatova. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 290–302. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-290-302

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340

УДК 821.161.1

«Но строк постыдных не смываю...»: 1949 год в жизни И.Н. Розанова

© 2019, Н.А. Богомолов

Аннотация: Статья посвящена событиям февраля-апреля 1949 г. на филологическом факультете МГУ и в ИМЛИ. Основной источник — дневниковые записи И.Н. Розанова, принимавшего участие в событиях, основательно изученных на примере ленинградских институций (филологический факультет ЛГУ и ИРЛИ), в то время как о московских событиях того времени до сих пор было известно сравнительно немного.

Ключевые слова: И.Н. Розанов, МГУ, ИМЛИ.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Цитирование: *Богомолов Н.А.* «Но строк постыдных не смываю...»: 1949 год в жизни И.Н. Розанова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 303–340. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340

Историки русской культуры советского периода хорошо знают двух-томник «Идеология и филология»¹, почти исчерпывающе освещающий события 1949 г. в филологической среде Ленинграда. Однако ситуация в Москве была, пожалуй, важнее для всей советской культуры, чем ленинградская. Тем не менее о ней написано несравненно меньше, да

¹ *Дружинин П.А.* Идеология и филология: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2. Этой работе предшествовали две фундаментальные статьи: *Азадовский К., Егоров Б.* О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176; *Они же.* «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135.

и материалов осталось не слишком много (см. об этом далее)². Но эти события достаточно подробно отразились в дневнике Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959), поскольку он был связан одновременно с филологическим факультетом МГУ, Институтом мировой литературы и Союзом писателей, а так как соответствующие беседы, заседания, собрания и пр. проходили всюду, то его записи обладают очень важным качеством — возможностью панорамного охвата происходящего. Конечно, он знал и видел далеко не всё, но контекст поддается восстановлению, что мы и постарались сделать в сопроводительных словах.

Первая запись о начинающемся погроме обнаруживается в самые первые дни февраля 1949 г., но нет сомнения, что почва была уже до некоторой степени возделана. Случайно или нет, но первая из обнаруженных нами записей такого рода относится к ноябрю 1946 г., то есть сделана вскорости после августовского ждановского постановления, статей и заседаний после него. В нем не было никакого открытого антисемитизма, но воцарившаяся после «указа», как его именовал Розанов, общая атмосфера в культуре и особенно в литературе была угнетающей, и на этом фоне самые малоправдоподобные истории выглядели убедительными³.

9 ноября 1946 г. Розанов заносит в дневник впечатления от вечера у давней приятельницы В.А. Любимовой-Маркус, где был вместе с женой:

Вечером с Кс[енией] у Вали, где застали старую сценаристку Вал. Ал. Бессонову, которая рассказала о положении кино в наст[оя-

² Отметим следующие работы: *Дружинин П.А.* Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452 (далее: Дружинин, с указанием страниц); *Панов С., Панова О.* «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 194–242; То же. Статья вторая // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 252–372 (далее ссылки на вторую статью: Пановы, с указанием страниц). В первой опубликованы материалы обсуждения работы филологического факультета в Министерстве высшего образования СССР (далее мы используем и общеупотребительное сокращение «Минвуз»), во второй на обширном материале показано в основном начало проработок в ИМЛИ, о которых у нас пойдет речь далее. Несколько существенных источников по московским событиям названо в рецензии на двухтомник Дружинина: *Кацис Л.* Ошибки в идеологической работе // Лехаим. 2012. № 12. С. 98–102 (следует отметить, что к итоговым выводам автора мы не присоединяемся). В данном случае мы не указываем на различные мемуарные материалы о том времени, а также на сборники документов и материалы, связанных с общей проблемой советского антисемитизма и его внешних проявлений.

³ Литература о постановлении обширна. Позволим себе назвать лишь одну статью: *Дружинин П.* Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 455–469. В ней не только опубликована подлинная стенограмма доклада Жданова, но и точно сформулировано: «Август 1946 года поставил литературу на новые рельсы. Особенность момента в том, что это не был поворот литературы — это был поворот истории. Началась новая эпоха».

щее] время. Рекомендовано 5 тем: 1) Лен (она и пишет сценарий на эту тему) 2) Уголь 3) Нефть 4) Железо 5) Транспорт. Более всего меня поразили нравы в области этого искусства. Образовался какой-то синдикат из 10–12 киношников (Ромм, Габрилович и др.), к[отор]ые никого стараются не пропускать иных. Габрилович зарабатывает тысяч по 100 ежемесячно. Виноградская должна уплачивать 75% своего заработка, чтобы ее пропускали. Обычно берут 50%. Если картина и не поставлена, но принята, авторы получают большие деньги (до 150 т.). Габрилович с Роммом каждый месяц пишут вместе по сценарию, к[отор]ые не идут. Говорили и о вульгарности жены Габриловича⁴.

Однако через два с небольшим года началось не с кино, а с театра, даже с театральной критики. Громыхнуло почти одновременно в нескольких местах — в «Правде», в «Литературке», в «Культуре и жизни»⁵. Конечно, акция готовилась уже некоторое время⁶, но началась именно в эти последние дни января. Однако Розанов в своих записях обращает внимание совсем на другие, вроде бы менее значимые события. 3 февраля он записывает:

Я в институте. В секторе Благое мало народа [...] Когда выходил с Цейтлиным и Фридманом, узнал от них, что в МГУ Поспелова сняли с завед[ования] аспирантурой и лишили курса теории лит[ерату]ры. Цейтлин говорил, что Л.И. Тимофеев усвоил себе “arg kajaniка”⁷.

Участники этого разговора широко известны, поэтому не станем комментировать их имена. Отметим только, что Н.В. Фридман вскоре и сам подвергся заушательской критике, а о причинах резкой критики и «оргвыводов» в отношении Г.Н. Поспелова существует специальная

⁴ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 5. Ед. хр. 7. Л. 181об.–182.

⁵ См. неподписанные статьи: Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. № 28, 28 янв. С. 3; До конца разоблачить антипатриотическую группу театральных критиков // Литературная газета. 1949. № 9, 29 янв. С. 1; На чуждых позициях: О происках антипатриотической группы театральных критиков // Культура и жизнь. 1949. № 3, 30 янв. С. 2–3. Остальные газеты оригинальных статей на эту тему не публиковали. Все они перепечатаны: Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953. М., 2005. С. 232–259. Вдобавок к этому «Литературка» напечатала в том же номере на третьей полосе еще одну статью: *Мотылевская В.* Космополиты из журнала «Театр».

⁶ Ныне эта подготовка основательно документирована. См.: Сталин и космополитизм. С. 195–232.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 5. Ед. хр. 10. Л. 47 об., 51. В дальнейшем при ссылках на данную единицу хранения указываются только номера листов.

работа⁸, к которой и отсылаем читателя. Мы вполне верим, что деятельность аспирантуры филфака имела немало недостатков⁹, но очевидно, что снятие Г.Н. Поспелова с этого поста, который вскоре должен был превратиться в должность заместителя декана по аспирантуре (т.е. значительно более высокую в номенклатуре), было связано с резкой критикой его научной и педагогической деятельности.

Вторая запись также относится к деятельности филологического факультета:

12 февр[аля]

Веч[ером] был Василенок. Рассказал, что было бурное партийное заседание в МГУ. Резко критиковали многих преподавателей, в том числе каф[едры] Ковальчик. Говорили о кафедре фольклора. Еголин был против слияния литературы с фольклором. Резко нападали на Богатырева как руководителя каф[едры] фольклора (Л. 67).

Сергей Иванович Василенок (1902–1982) только недавно, в 1947 г. был принят на кафедру фольклора, но уже успел отметиться в роли гонителя. В.Е. Хализев вспоминал: «Имело место гонение и на фольклористику, здесь кампанию возглавлял С.И. Василенок, в ту пору заместитель декана. 15 ноября 1947 года на страницах “Литературной газеты” он “прорабатывал” П.Г. Богатырева за включение в лекционный курс темы “Мифологическая школа в России”. Проработчик сетовал, что в программе соответствующего курса нет раздела “Классики марксизма-ленинизма о народном творчестве”. Василенок возмущался и тем, что фольклористы филологического факультета до сих пор не обсудили решений партии по идеологическим вопросам и доклада Жданова 1946 года. Тот же Василенок на страницах факультетской газеты “Комсомолия” грубо шельмовал Э.В. Померанцеву, замечательного фольклориста и вузовского педагога»¹⁰. Всё это дает основания для реконструкции той информации, которую от него получил Розанов.

⁸ См.: Хализев В.Е. Г.Н. Поспелов в пору борьбы с «буржуазным либерализмом» и «космополитизмом» А.Н. Веселовского (1947–1949) // Русское литературоведение XX века: Имена, школы, концепции. М.: СПб., 2012. С. 21–30.

⁹ В апреле 1949 г. на уровне коллегии Минвуза было принято решение, в котором специально говорилось об аспирантуре. См.: Дружинин. С. 390–393. Ср. также в обзоре факультетской стенгазеты «Комсомолия»: «Правильно был поднят газетой и вопрос о положении в аспирантуре. Царящие на факультете спокойствие и самоудовлетворенность никак не базируются на действительном положении дел» ([Б.н.]. В борьбе за партийность науки // Московский университет. 1949. № 6–7, 4 февр. С. 2).

¹⁰ Хализев В.Е. Цит. соч. С. 22. Имеется в виду статья: Василенок С. Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. 1947. № 55, 15 нояб. С. 3. Примечательно, что редакция, в отличие от некоторых других случаев,

Евгения Ивановна Ковальчик (1907–1953) заведовала в ту пору кафедрой советской литературы, до того была заведующей отделом литературы и искусства газеты «Известия», секретарем «Литературной газеты», работала в аппарате ЦК ВКП(б). Еще в 1947 г. после доноса бывшей коллеги А. Бегичевой¹¹ была уволена с этой работы и отправлена в распоряжение Союза писателей. На посту заведующего ее со временем сменил неудобозабываемый А.И. Метченко, о котором ниже¹². В самый день розановской записи она отметилась погромной статьей на интересующую нас тему¹³.

Следует отметить, что, судя по всему, речь идет о партийном собрании на филфаке, прошедшем 27 января, т.е. достаточно давно. Отождествить события помогает статья в университетской многотиражке¹⁴. Если это так, то оно является лишь преддверием к интересующим нас событиям, поскольку прошло под знаком решений знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Это и не удивительно, поскольку не вышла даже самая первая статья о театральных критиках — она появилась днем позже. Но две кампании плавно перетекали одна в другую.

20 февраля умер В.И. Лебедев-Кумач, которого Розанов ценил очень высоко. Его очень обидело, что в газетных некрологах поэта не было его подписи¹⁵. Казалось бы, событие не слишком значимое, но, как мы увидим позже, сильно повлиявшее на его позицию и тактику.

не дала возможности ответить обвиняемым. Уже после завершения интересующей нас кампании он опубликовал вторую статью: *Василенок С., Серегин И.* Против крохоборчества и лежачакадемизма // Литературная газета. 1949. № 95, 26 нояб. С. 3. В засекреченной стенограмме заседания коллегии Министерства высшего образования СССР от 23 марта 1949 г. приводится его вполне доносительская речь (см.: Дружинин. С. 416–419).

¹¹ См.: Сталин и космополитизм. С. 155–157.

¹² О деятельности Ковальчик в МГУ сохранились разные свидетельства. Некоторые (в том числе В.Е. Хализев) говорят о ней как о злобном догматике, другие, не приукрашивая достоинств ее статей и лекций, вспоминают о ней как о добром и расположенном к студентам человеке. Автору пришлось услышать от неожиданно разоткровенничавшегося в домашней обстановке А.И. Метченко (дело было ранней осенью 1979 г. у него на даче), что его перевели из Куйбышева в Москву на заведование кафедрой, чтобы исправить положение с засоренностью кадров (т.е., грубо говоря, слишком большим количеством евреев), возникшее за время руководства Ковальчик. Между прочим, из трех аспирантов, участников войны, членов партии, ведущих активную общественную работу, ему было позволено оставить на кафедре только одного. Имена этих аспирантов хорошо известны: А.Г. Бочаров, Л.И. Шиндель (Л. Лазарев), Л.Г. Якименко. Некоторые интересные документы и свидетельства о Ковальчик см.: *Огрызко В.* Создатели литературных репутаций. Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М., 2017. С. 685–689.

¹³ *Ковальчик Е.* Безродные космополиты // Литературная газета. 1949. № 13, 12 февр. С. 3.

¹⁴ См.: [Б.н.]. К новому подъему // Московский университет. 1949. № 6–7. 4 февр. С. 2.

¹⁵ См. хотя бы следующие некрологи: Правда. 1949. № 53, 22 февр. С. 4; Труд. 1949. № 43, 22 февр. С. 4; Комсомольская правда. 1949. № 43, 22 февр.

Впервые он зафиксировал свои намерения в подробной и важной записи от 25 февраля. Приводим ее:

Дома обдумывал, не выступить ли в прениях и поделиться мыслями о врагах Лебедева-Кумача. Но заседания так были перегружены, что я отложил до другого раза.

1) Заседание в Инст[итуте] Уч[еного] совета. Доклад Головенченко о театральных критиках. Очень удачный. После доклада выступали 2) Михайловск[ий] (о Юзовском), 3) Бялик, 4) Храпченко (о Бялике и проч.). После меня говорили А[нна] Аркад[ьевна] Елистратова и Бродский. (Головенч[енко] упомянул о буржуазной колыбельной песенке в фольклоре еврейском).

II) От 7 до 9 засед[ание] в МГУ, в новом здании, аудитория 66. Доклад Ковальчик (Л. 87–87об.)¹⁶.

Здесь важны все три пункта.

Заседание Ученого совета ИМЛИ, затянувшееся на три дня с большими перерывами, было подробнейшим образом стенографировано, потом стенограммы вычитаны, перепечатаны, переплетены и сданы в архив Академии наук. Федор Михайлович Головенченко (1899–1963), делавший установочный доклад, так понравившийся Розанову, был его давним знакомым по Гослитиздату, где Головенченко директорствовал, а Розанов нередко печатался. В 1948 г. он был назначен заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и сразу же окунулся в кипучую деятельность¹⁷, приобретшую особый размах с февраля 1949 г.

Журнал «Большевик» еще 30 января, т.е. в одном ряду с антикосмополитическими статьями газет, печатает статью И.Г. Эренбурга с выразительным названием «В защиту культуры»¹⁸, но уже в следующем номере, через две недели, публикует статью Головенченко, которую имеет смысл процитировать хотя бы в некоторых наиболее выразительных фрагментах:

Безродные космополиты орудовали не только в театральной критике: они нанесли большой вред и в литературе. В свое время

С. 4. Действительно, подписи Розанова нет ни в одном из них. «Литературная газета» некролога не поместила: в номере от 22 января были материалы памяти А.С. Серафимовича и М. Голодного.

¹⁶ Далее идет запись о вечере памяти Э.Г. Багрицкого в ЦДЛ, любопытная сама по себе, но несущественная для нашей темы.

¹⁷ Данная ему при назначении Д.Т. Шепиловым характеристика опубликована: Сталин и космополитизм. С. 181–182.

¹⁸ Эренбург И. В защиту культуры // Большевик. 1949. № 2, 30 янв. С. 59–67.

жестокой критике подверглись статьи Л. Субоцкого. Но автор не сделал для себя нужных выводов. Этот критик приписывал советским писателям «квасной патриотизм», обвиняя их в идеализации русского народа. Он охаял патриотическую «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. [...]

В стороне от жизни, в стороне от борьбы за передовую русскую литературу стоят Институт мировой литературы имени Горького (Москва) и Институт литературы (Ленинград). Профессора института русской литературы в Ленинграде В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Б. Томашевский и другие продолжают стоять на позициях формализма и эстетства, руководствуются буржуазной теорией Веселовского, являющейся оплотом буржуазного космополитизма в историко-литературной науке, теорией, глубоко враждебной научному, марксистско-ленинскому литературоведению. [...]

С космополитических позиций написаны книги об английской, американской литературах, выпущенные Институтом мировой литературы имени Горького. Составители истории американской литературы (Старцев, Аникст, Сильман, Шишмарев и другие) и истории английской литературы проповедуют преклонение перед буржуазной американской литературой, перед буржуазными английскими авторами¹⁹.

3–4 марта он, как сообщает Википедия, выступает на партсобрании Академии общественных наук с докладом «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте», 17–21 марта участвует в заседании совета Военно-политической академии и делает доклад «Борьба большевистской партии против буржуазного космополитизма в идеологии»²⁰, 25 марта, как видим, выступает на Ученом совете ИМЛИ. Вряд ли имеет смысл цитировать его речь по архивному тексту, поскольку смысл ее адекватно передан в газетной статье²¹. Время торжества Головенченко, однако, продолжалось недолго. Автор надежной по части сообщаемых фактов книги писал: «Весной 1949 года, во время кампании

¹⁹ Головенченко Ф. Высоко держать знамя советского патриотизма в искусстве и литературе // *Большевик*. 1949. № 3. 15 февр. С. 39–48. Расправа над «Историей американской литературы» выразительно описана в статье О. и С. Пановых, названной в примеч. 2.

²⁰ Сталин и космополитизм. С. 334–337.

²¹ [Б.н.]. Против буржуазного космополитизма в литературоведении // *Литературная газета*. 1949. № 23, 19 марта. С. 3. Статья начиналась: «Три дня продолжалось заседание ученого совета Института мировой литературы имени А.М. Горького Академии наук СССР, посвященное вопросам борьбы против космополитов-антипатриотов в критике и литературоведении. В своем докладе проф. Ф. Головенченко указал на огромное значение статей газет “Правда” и “Культура и жизнь”, разоблачивших деятельность антипатриотической группы театральных критиков».

борьбы против космополитизма, назначенный тогда специально для руководства ею на пост заместителя заведующего Отделом Пропаганды ЦК КПСС профессор Головенченко — недалекий, но услужливый круглолицый украинец, заведовавший до того кафедрой русской литературы в Институте, где я был аспирантом, — разъярился на партактиве в подмосковном городе Подольске: ”Вот мы говорим — космополитизм. А что это такое, если сказать по-простому, по-рабочему? Это значит, что всякие мойши и абрамы захотели занять наши места!” Было это сказано в конце кампании и использовано Сталиным, чтобы прогнать назад в Институт сделавшего свое дело мавра»²².

Процитируем избранные места из выступлений других ораторов, упомянутых Розановым. Б.В. Михайловский говорил, в частности, следующее: «В стенах нашего института работал один из наиболее видных членов этой антипатриотической группы Юзовский, который во многих своих работах извращал драматургическое горьковское наследие. Юзовский работал в институте сотрудником Горьковского сектора, которым руковожу я. Поэтому, мне кажется, нам особенно необходимо разоблачить эти вредоносные, антипатриотические писания Юзовского о Горьком, для того, чтобы пресечь то тлетворное влияние, которое они могли оказывать на работу»²³.

Б.А. Бялик пытался объяснить логику своих работ, но его доклад не был принят во внимание, его имя многократно упоминалось в выступлениях с уничижительными оценками, несколько смягченными лишь вследствие его фронтовой биографии²⁴. Известный номенклатурный деятель М.Б. Храпченко говорил, в частности:

Я хочу напомнить товарищам весьма важный факт: еще до войны и театральные критики — буржуазные космополиты, и литературные критики объединялись в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение». Именно в этом журнале, кроме других, появился Юзовский и Левин, появился Лифшиц, бывший одним из

²² *Восленский М.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. London, 1990. С. 443–444. Головенченко был освобожден от обязанностей в Агитпропе в апреле 1949 г. Следует отметить, что до призыва в руководящие органы партии он заведовал кафедрой русского языка в Высшей партийной школе, а после отставки стал работать в МГПИ (зав. кафедрой русской литературы, в 1957–1962 гг. — декан историко-филологического факультета). В МПГУ к его памяти относятся с уважением. Вполне выразительные и дополняющие друг друга очерки его номенклатурной карьеры см.: *Огрызко В.* А судьи кто?! Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М., 2016. С. 706–712; *Он же.* Советский литературный генералитет: Судьбы и книги. М., 2018. С. 540–547.

²³ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 25.

²⁴ См. выдержки из наградного листа: <http://www.podvignaroda.mil.ru/?#id=19685501&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 8.06.2019).

идеологов буржуазного космополитизма. Не случайно, что левины восхваляли юзовских, буржуазные космополиты восхваляли друг друга. Не случайно и то, что ряд буржуазных космополитов пропагандировали [!] те же приемы, и литературные критики боролись против партийности искусства. [...]

Сегодня выступал тов. Бялик и очень подробно говорил о своих ошибках. Мне кажется, что тов. Бялик совершенно недостаточно раскритиковал свои грубые ошибки, ошибки, на которых нельзя не остановиться. [...]

Он ставил Мейерхольда наряду с такими художниками, как Брюсов и Блок, которые порвали с символизмом, которые были шире символизма и, заключая в себе новые черты и новые начала — вошли в революцию. Само сопоставление Брюсова, Блока и Мейерхольда представляется чудовищным, если иметь в виду, что эта книга написана в 1937 г., когда театр Мейерхольда был ликвидирован как театр, чуждый народу...²⁵ и т.д.

Слова «после меня» означают не то, что Розанов выступал, а то, что он ушел и следующих выступлений не слышал. Стенограмма выступления А.А. Елистратовой частично опубликована²⁶, поэтому нет смысла цитировать ее в большем объеме. Давний друг Розанова Н.Л. Бродский говорил вполне примирительно²⁷. Но замечание Головенченко Розанова задело. Тот говорил: «Была напечатана книжка — “Фольклор еврейского народа”. Русское издательство считало необходимым лучшие традиции всех народов доводить до народа и сделать их достоянием народа. А. Нусинов [так!], Лейтес и группа других рецензентов настояли на том, чтобы в этом сборнике первой напечатать колыбельную песню еврейского народа: “Спи, баюшки-баю! Спи, отец твой в Америке, приедет оттуда и привезет бубликов и самых белых булок, потому что Америка — страна самого белого хлеба”. Мы спрашиваем у этих космополитов: зачем печатать это произведение? Нет, они настаивают: это, мол, самое популярное произведение еврейского народа. Мы говорим: неверно, вычеркните это»²⁸. Такой книжки не было, обличитель имел в виду следующую, к которой Розанов приложил руку: Еврейские народные песни / Сост. И.М. Добрушин и А.Д. Юдицкий; предисл. И.Н. Розанова; под общ. ред. Ю.М. Соколова. М.: Гослитиздат, 1947 (см. также запись от 1 марта). Самое примечательное в этом эпизоде, что книга была издана в Госли-

²⁵ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 46–47, 50.

²⁶ Пановы. С. 293–294. См. также характерную публикацию: *Елистратова А. Предатели народов // Литературная газета. 1949. № 18, 2 марта. С. 4.*

²⁷ 1 марта Розанов записал в дневнике: «Зашел и в Инст[итут], где мне рассказали, как в пяти[ицу] выступал Бродский (Он бранил Чаадаева)» (Л. 96).

²⁸ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 19.

тиздате, директором которого был Головенченко, о чем он, естественно, не упомянул даже в порядке большевистской самокритики.

Второе событие, упомянутое Розановым, документировано гораздо хуже²⁹. Однако некоторые сведения имеются и о нем. В.Е. Хализев вспоминал: «Высшей точкой антипоспеловской кампании был 1949 г., в начале которого на секции критиков в Союзе писателей с погромной речью об идеологической крамоле на филологическом факультете выступила Е.К. Ковальчик, работавшая на кафедре советской литературы и являвшаяся членом редколлегии “Литературной газеты” [...] На основе своего доклада Ковальчик написала статью “Псевдоученые записки” (Литературная газета. 1949. 28 сентября). [...] В выражениях она не стеснялась: “Всё выдает формализм, аполитичность автора статьи и глубочайшую антинаучность взглядов... Читателя статьи не может не удивить предельная сбивчивость понятий Г. Пospelова, пустопорожность всего хода рассуждения, внешне прикрываемая учеными ссылками”. Доклад Ковальчик, предшествовавший появлению ее статьи, обсуждался на заседании кафедры русской литературы 25 февраля 1949 г. Как протекало и чем завершилось это заседание, мне неизвестно»³⁰. И далее он публикует сохранившийся в его архиве текст Г.Н. Пospelова, озаглавленный: «Выступление на заседании кафедры 25/II–49 года»³¹.

Нам кажется, что мемуарист за давностью лет несколько трансформировал обстоятельства. «Новое здание» университета — то, которое расположено по адресу Моховая, 9 (ныне здесь размещен факультет журналистики). Аудитория 66 (ныне 232) — одна из самых больших в здании, здесь читались поточные лекции для филологов. Проводить там заседание кафедры истории русской литературы было бы странным. Здесь явно идет речь о собрании какого-то более высокого статуса, а заглавие поспеловского текста не должно вводить в заблуждение. Рискуем предположить, что он был написан уже после собрания для оглашения на каком-то аналогичном заседании (возможно, 4 марта, о котором см. ниже, или для неизвестного нам заседания кафедры перед планировавшимся 30 марта общефакультетским собранием³²). А об утрате текста выступления Ковальчик вряд ли стоит печалиться, тем более если его смысл восстанавливается по газетной публикации, указанной Хализевым.

²⁹ У автора имеется не без труда полученная справка архива МГУ, подписанная начальником архива О.В. Золототрубовой и документоведом 2 категории Н.П. Каргиной, в которой говорится: «...протоколы “общих собраний”, протоколы заседаний ученого совета [филологического] факультета, приказы декана факультета, личное дело профессора Розанова И.Н. [...] на хранение в архив МГУ не поступали».

³⁰ Хализев В.Е. Цит. соч. С. 24.

³¹ Там же. С. 26–30.

³² Вероятно, заглавие можно понимать и так: «Выступление на заседании кафедры [после собрания] 25/II–49 года».

Только с этого времени тема космополитизма на страницах дневника становится постоянной. 27 февраля Розанов с женой отправляются на именины давней приятельницы В.А. Любимовой-Маркус: «Разговор всё время касался заседаний и статей о космополитах, хотя Вл. Ал. и порывался несколько раз предложить отвлечься от современности» (Л. 90об.). 28 февраля: «Была А.Я. Дембо. [...] Она интересуется, что говорят на заседаниях о космополитах» (Л. 91). И далее в той же записи он рассказывает о недоразумении, которое задело его в связи со смертью В.И. Лебедева-Кумача: «Веч[ером] на Кудр[инской] площади встретил Евгенова, к[отор]ый рассказал, что для некролога Лебедева-Кумача дал дополнительно две подписи — Михалкова и мою. Первую приняли, а вторую нет: Михалкова знаем, а м[ожет] б[ыть], Розанов космополит?» (Л. 91–91об.). 3 марта: «Проснулся с неприятной мыслью об еврейской антологии 1947 г., и это отразилось на настроении всего дня» (Л. 98; запись сделана на полях тетради). Здесь можно обойтись небольшим комментарием: Валентина Александровна Любимова-Маркус (1895–1968) входила в организованный Розановым еще в 1916 г. кружок «Девичье Поле» для интересующихся поэзией девиц и молодых дам³³. Владимир Александрович Маркус (1893–1993) — ее муж, известный книговед. Анна Яковлевна Дембо — лечащий врач Розанова. Семен Владимирович Евгенов (1897–1973) — писатель, сотрудник Союза писателей. Ранее в дневнике Розанов выражал разочарование, что его подписи под некрологами В.И. Лебедева-Кумача не было. О «еврейской антологии» см. выше.

А затем следует большая и подробная запись, заслуживающая самого пристального внимания.

Два памятных дня, очень перегруженных.

4 марта пятница.

Два заседания — от 2 до 5 в Институте прения по докладу Головенченко 1) Покаянная речь Кирпотина и 2) обвинительная (против Кирпотина и Бялика) Пруцкова 3) Ломунова (о толстовских делах) 4) Цейтлина (самокритическая). Потом перерыв, во время которого перекинулся двумя словами с Успенским. В перерыв я и ушел. Без меня Успенский говорил против Мотылевой. [...]

От 7 до 12 второе заседание в МГУ. Та же тема. Прения по докладу Ковальчик. Выступали Ухалов (против Поспелова и Фридмана), Пустовойт, Абрамов, Белкина, Алпатов (за А. Толстого, против романов Тынянова «Вазир-Мухтар»), Коган, Ухов, Кергин [?] (2 последних о фольклоре), Еголин и Ковальчик (Л. 98об.).

³³ Подробнее см.: *Богомолов Н.А. Девичье Поле // Звезда. 2019. № 6. С. 109–139.*

Второе заседание ученого совета ИМЛИ было занято исключительно прениями. Мы не будем воспроизводить в подробностях однообразно-отвратительную риторику большинства этих выступлений, отметив лишь несколько примечательных моментов. Так, В.Я. Кирпотин не только каялся, он попытался переложить вину на журнал «Литературный критик», давно объявленный враждебным и в этом качестве помянутый ранее говорившим Храпченко. В частности, он сказал: «В “Литературном критике” были выступления В. Александрова, в которых доказывалось, что Иннокентий Анненский, т.е. один из самых гнилых декадентов предреволюционной литературы, является одним из родоначальников нашей советской литературы и что иное отношение к Иннокентию Анненскому может явиться декадентским» (Л. 68).

Суть выступления Н.И. Прутцова Розанов изложил вполне адекватно. Вот лишь небольшой образец его речи: «В прошлый раз выступил Борис Аронович Бялик, сегодня Валерий Яковлевич Кирпотин. И эти два выступления свидетельствуют о том, что наши товарищи не совсем ясно понимают, что борьба с космополитизмом должна быть доведена до конца. И тов. Бялик, и тов. Кирпотин не находят [так!] в себе мужества по-настоящему, как это положено научным работникам советской страны, вскрыть сущность своих не отдельных ошибок, не отдельных фраз, не отдельных формулировок, а именно сущность системы ошибок» (Л. 81). К.Н. Ломунов и А.Г. Цейтлин (а также не упомянутый Розановым А.И. Шифман) либо совсем ушли от прямых обвинений, либо свели их к минимуму.

Но собеседник Розанова в перерыве, произнесший пламенную речь уже после его ухода, заслуживает всяческого внимания. К сожалению, сведений о нем не слишком много, они объединены в статье О. и С. Пановых, поскольку он успел отметиться и в разгроме «Истории американской литературы». Вот характеристика партийного активиста и парторга ИМЛИ Игоря Николаевича Успенского: «В начале 1950-х гг. он отметил несколькими статьями о Л. Толстом и Горьком, был активен как рецензент журнала “Литература в школе”, выступал и на страницах той же “Культуры и жизни”, с публичными лекциями “Торький об Америке” (1949), “Маяковский о буржуазной “культуре” Запада и Америки” (1950), “Л.Н. Толстой как критик буржуазного строя” (1951) и др. В 1956 г., после доклада Н.С. Хрущева “О культе личности и его последствиях”, Успенский стал единственной “жертвой” работавшей в ИМЛИ “комиссии по ликвидации последствий культа личности” — из института ему пришлось уйти. Позже он преподавал во ВГИКе»³⁴.

³⁴ Пановы. С. 274.

Вот лишь малая часть его инвектив: «Прежде всего, напомним вам, что по печальному недоразумению и по ошибке бывшего руководства Академии Наук во главе нашего Института стоял последователь Веселовского В.Ф. Шишмарев. [...] Но дело не только в Шишмареве. У нас в ученом совете сидел враг народа Нусинов. У нас в институте подвизался другой враг народа, полная бездарность, полный графоман в науке Гринберг. Институт — лакомый кусочек. Сюда пытался пробраться не один безродный космополит, и, к сожалению, пробирался. С легкой руки Кирпотина орудовал безродный космополит Хольцман. Пробовал орудовать в институте и безродный космополит Юзовский. И больше того, когда началась борьба с такими людьми, как, предположим, Юзовский, когда делались попытки очистить институт от юзовских и тому подобных аникстов, старцевых, находились люди в лице того же Кирпотина, Мотылевой, Новича, Хом.....³⁵, Бялика, которые выступали яростно в защиту Юзовского. [...] Что бы мы ни взяли из работ Тамары Лазаревны Мотылевой, всё носит отпечаток идей космополитизма. Я не могу привести примеров и по сотой доле того космополитического груза, которым наполнены работы Тамары Лазаревны Мотылевой³⁶» (Л. 132–133, 137).

Особую пикантность его выступлению придавало то, что многие из сидевших на собрании помнили обсуждение «Истории американской литературы» в 1947 г., где «безродный космополит Хольцман» был его яростным сторонником³⁷.

³⁵ Фамилия не разобрана машинисткой.

³⁶ Некоторые примеры поношений Т.Л. Мотылевой приведены в не раз цитированной статье О. и С. Пановых (с. 275–276).

³⁷ См. выразительное описание его карьеры: «На стороне И. Успенского активно выступил на заседании Борис Владимирович Яковлев (Борух Вольфович Хольцман; 1913–1994), пришедший в ИМЛИ из газеты “Московский большевик” (впоследствии: “Московская правда”), ставший одновременно завотделом критики “Нового мира” при К.М. Симонове. В трудах ИМЛИ принять участия ему не довелось, в 1940-е его литературоведческий багаж составлял труд “Классики марксизма-ленинизма о языке и стиле” (М.: Центр. кабинет редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), 1942, 32 с.); он был сыном проф. Вольфа Хольцмана, главного советского специалиста по туберкулезу, лечившего М. Горького и расстрелянного в 1941 г. В 1949 г. Б. Яковлев как “космополит” был исключен из партии, уволен из ИМЛИ. [...] С наступлением “оттепели” Б. Яковлев вернулся к “ленинской теме” [...] К обвинениям “Истории американской литературы” в фактографизме и компаративизме он поспешил добавить “буржуазный объективизм”, “идеализацию” и “апологетическое отношение” к истории и культуре США. В обсуждаемой книге ему “не хватало партийности”, в ней он видел отступление от ленинских идей. [...] Завершил свое яркое выступление Яковлев эффектно: “Многие страницы книги следовало бы озаглавить ‘Американофильская история литературы, или Молоко для политических младенцев, извлеченное из грудей англо-американского буржуазного литературоведения’. Мне лично кажется, что не приходится доказывать, что такое ‘кушанье’ советским людям совсем не по вкусу”» (Пановы. С. 274–275).

Значительно более криптична фиксация событий на собрании филфака. Однако мы всё же можем прояснить (иногда, конечно, гадательно) личности выступавших, а также предположить, о чем они говорили.

Ефим Степанович Ухалов (1895–1976) был в ту пору секретарем партбюро филфака, через полтора месяца, 23 апреля 1949 г. назначен заведующим созданной кафедрой истории русской журналистики; с началом работы факультета журналистики стал заведующим кафедрой истории русской журналистики и литературы. Выразительную его характеристику давал В.Е. Хализев в не раз упомянутых своих воспоминаниях. Краткая запись Розанова подозрительно напоминает о статье в газете «Московский университет», которую мы разбираем ниже. Опубликовано его выступление на коллегии Минвуза 23 марта 1949 г.³⁸

Петр Григорьевич Пустовойт (1918–2006) был тогда рядовым преподавателем (защитил кандидатскую диссертацию в 1951 г.), впоследствии — профессор филологического факультета. О занятой им позиции можно судить по изложению его выступления на общемосковском собрании драматургов и критиков³⁹. Абрамов — судя по всему, Анатолий Михайлович (1917–2005), в 1949 г. защитивший на филфаке диссертацию о Маяковском; впоследствии — профессор Воронежского университета. Абрам Александрович Белкин (1907–1970) — доцент кафедры истории русской литературы, любимый многими студентами, изгнанный с факультета во время второй антикосмополитической кампании в 1952 г. Арсений Владимирович Алпатов (1905–1975) в 1920-е гг. был аспирантом ГАХН, делал интересные доклады, но постепенно его интересы сместились в сторону соцреализма и особенно творчества А.Н. Толстого, о котором он в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию и написал несколько книг. Эта эволюция хорошо отразилась в краткой записи Розанова.

О каком (или какой?) Коган идет речь, сказать трудно. Вряд ли это Галина Владимировна (1921–2009), тогда аспирантка ИМЛИ, а впоследствии автор работ о Достоевском. Скорее можно предположить, что это известный впоследствии критик, а тогда студент (окончил филологический факультет в 1949 г.) Александр Григорьевич (1921–2000). Петр Дмитриевич Ухов (1914–1962) в те годы был аспирантом кафедры фоль-

³⁸ Дружинин. С. 420–423. Впрочем, следует отметить, что это выступление было лишено доносительства. По воспоминаниям, в 1956 г. он заступался за И. Дедкова и вообще вел себя достойно (*Бернаскони Е.Б.* Журналистика не профессия: это — образ жизни // Идеи и новации. 2017. № 2. С. 15).

³⁹ См.: [*Б.н.*] До конца разоблачить космополитов-антипатриотов! С собрания московских драматургов и критиков // Правда. 1949. № 57, 26 февр. С. 3; [*Б.н.*] К дальнейшему расцвету советской драматургии и театрального искусства: На общемосковском собрании драматургов и критиков // Культура и жизнь. 1949. № 7. 27 февр. С. 4.

клора, впоследствии стал известным фольклористом, доцентом филфака⁴⁰. Неуверенно читающаяся фамилия может быть понята как Кирдан, то есть Борис Петрович Кирдан (1920 или 1922 — 2006), в то время студент филфака, после окончания — видный фольклорист, занимался как русским, так и украинским народным творчеством. А.М. Еголин, напомним, был в это время заведующим кафедрой русской литературы филфака и директором ИМЛИ, а до того занимал ряд крупных постов в партийной иерархии, после ждановского постановления был главным редактором журнала «Звезда». Ни одного доброго слова о нем нам найти не удалось. Е.И. Ковальчик, судя по всему, продолжала агитацию против Пospelова. Косвенно об этом свидетельствует то, что на коллегии Минвуза 23 апреля единственным, против кого она высказалась персонально, был именно он: «Третий вопрос — вопрос преподавания теории литературы. Это курс, который вел Пospelов и, на мой взгляд, он не имеет права быть повторен, пока он не перестроится. Здесь нужна глубокая политическая перестройка. Деканату нужно найти хороших, глубоко подготовленных преподавателей по вопросам теории литературы. Я ставлю этот вопрос очень серьезно потому, что от него зависит подготовка по конкретным курсам. Нельзя строить этот курс отвлеченно, раскрывая академически отвлеченные эстетические категории, должна быть боевая, партийная направленность, передавая опыт развития советской литературы, нужно положить в основу теоретическое обобщение. От того, как будет читаться этот курс, будет зависеть направленность воспитательной работы на факультете. Нужно не забывать, что готовя будущих деятелей в этой области, нужно заботиться о их мировоззрении на действительность, нужно, чтобы они получили глубокое изучение курса по литературе»⁴¹. Прямо Катон Старший!

8 марта следует вроде бы невинная, но на деле очень знаменательная запись: «Я был на засед[ании] [отдела] совет[ской] лит[ературы] в Инст[итуте]. Доклад Перцова о Маяковском. Познакомился с Метченко из Куйбышева. Пишет доктор[скую] диссе[ртацию] о Маяковском» (Л. 100об.). С В.О. Перцовым Розанов дружил, они ходили друг другу в гости. А вот появление будущего заведующего кафедрой советской литературы А.И. Метченко как будто нарочно совпадает с высшим накалом страстей. Выше мы уже говорили, что всего через три года он был переведен из Куйбышева в Москву со специальным партийным поручением.

9 марта новые сигналы: «Получил № газеты “Моск[овский] Унив[ерситет]” с разносом Пospelова, Фридмана, Гудзия и т.д. [...] Кс[ения]

⁴⁰ Его развернутый некролог, написанный А.М. Астаховой, см.: Литературное наследство. Т. 79. М., 1968. С. 639–642.

⁴¹ Дружинин. С. 408–409.

рассказала, что Нейман уволен из Пединститута. В библиотеке мне рассказали, что жестоко проработали Пинского и Металлова, и у Ивашевой дома сердечный припадок. Увезли в больницу. Наступали на них Самарин и особенно молодой Виппер» (Л. 101). Сперва речь идет о статье С. Галина «Против космополитизма в науке и искусстве»⁴². Мы уже упоминали выше, что своим предметом она избрала тех же, кто подвергся критике в выступлении Е.С. Ухалова. Чисто арифметические подсчеты показывают: критике Поспелова посвящен целый столбец газеты из трех, занимаемых статьей, 17 строк посвящены Н.К. Гудзию, 20 — Н.В. Фридману, одной фразы удостоен П.Г. Богатырев. Попутно автор лягнул Б.И. Пуришева, М.Н. Петерсона, чуть подробнее выговорил автору программы по истории персидской литературы доценту А.А. Старикову за паниранизм. Формулы и аргументы те же, что и в других работах, поэтому-то сами по себе они не важны, а важно, кто задет очередным залпом. А среди них были хорошо знакомые Розанову профессор МГПИ Борис Владимирович Нейман (1888–1969)⁴³, доцент кафедры зарубежной литературы⁴⁴ Леонид Ефимович Пинский (1906–1981), преследования которого завершились в конце концов лагерным сроком, заведовавший еще в МИФЛИ, а потом до 1947 г. той же кафедрой Яков Михайлович Металлов (Левин; 1900–1976)⁴⁵, относительно благополучно далее существовавшая Валентина Васильевна Ивашева (1908–1991). Среди их гонителей названы хорошо известный, но обладавший дурной репутацией профессор Р.М. Самарин и будущий академик Юрий Борисович Виппер. Он назван «молодым» не только из-за возраста (в 1949 г. ему было 33 года), но и потому что был внуком известного историка и сыном не менее известного искусствоведа.

Об этой проработке у нас нет сведений. Судя по тому, что речь шла исключительно о сотрудниках кафедры зарубежной литературы, это было какое-то кафедральное собрание.

На следующий день — крошечный перерыв. «Утром у меня дипломицы мои и один бывший мой — Хмельницкая, Меркулова и Синявский. Последний пришел посоветоваться о теме “Эстетика Маяковского”» (Л. 101об.). В альбомах Розанова, хранящихся в составе его библиотеки в Гос. музее А.С. Пушкина, есть фотографии его студентов, среди

⁴² Московский университет. 1949. № 13–14, 4 марта. С. 2.

⁴³ Судя по всему, известие о Неймане, к счастью, оказалось неверным. 20 марта Розанов записал: «Были у Нейманов и у Дуси [Е.Ф. Никитиной]. Нейману в мае предстоит операция и он боится остаться без работы» (Л. 119).

⁴⁴ Она меняла названия, что для нас не принципиально.

⁴⁵ Разносу его научных трудов была посвящена пламенная речь А.Ф. Иващенко на много раз упоминавшейся коллегии Минвуза.

которых особое внимание привлекают А.Д. Синявский, В.Н. Топоров и В.Н. Турбин.

Наконец, 11 марта состоялось выдающееся событие.

Мое выступление в Институте в прениях по докладу Ф.М. Головенченко. Нач. 2 ч. 15 м.

До меня говорили: Степанов, Благой, Мартынов, после меня Самарин. В конце выступления Самарина я ушел, т.к. у меня поликлиника.

Заседание происходило в большом зале. За столом Еголин, Петров, Шагинян — слева от Еголина, а справа Благой, я, Бродский и Шамориков. Пока говорили Благой и Мартынов, я приводил в порядок свои бумажки. Приятно было стать на кафедре и видеть, что тебя будут слушать так много квалифицированных людей. Я говорил уверенно и громко. Вероятно, 15 или 20 минут (Л. 106).

Степанов здесь — Николай Леонидович (1902–1972), профессор МГПИ и сотрудник ИМЛИ. Печально это констатировать, но он явно решил свести счеты со своими оппонентами, которые до того не упоминались в числе опасных врагов: «Не только Пушкина, но и Маяковского космополиты пытались превратить в ученика французских декадентов. Так в клеветнических статья Хардушева и Трекина [так!] Маяковский был представлен учеником декадентов Лафарга [так!] и Корбьера. В статье “Маяковский” Федорова, изд. Ак. Наук [так!] развивалась весьма “академическая” бредовая мысль о “зависимости” Маяковского от буржуазного декадентства (Бодлера, Рембо и пр. писателей 90-х годов)»⁴⁶. Правда, в конце концов он не пожалел и себя: «Следует сказать со всей искренностью и о той тяжелой политической ошибке, которую я раньше допускал, рекламируя Хлебникова, этого “столпа” формализма»⁴⁷.

О выступлении Д.Д. Благого первопроходцы изучения этого периода филологической жизни писали с явным неодобрением: «...на погромном заседании Ученого совета 11 марта 1949 г. Д.Д. Благой откровенничал: “Мы, старые работники института, прекрасно знаем и помним то недавнее время, когда Институт Мировой Литературы был в состоянии почти полного паралича, почти полного омертвения. В сущности говоря, только этой обстановке можно приписать появление в нашей среде Яковлева,

⁴⁶ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 154. Хардушев и Трекин — это, конечно, Н.И. Харджиев и погибший на войне В.В. Тренин. Некий Федоров — известный литературовед и лингвист Андрей Венедиктович (1906–1997), автор статьи «Маяковский и литература Запада» (Владимир Маяковский. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940. Сб. 1).

⁴⁷ Там же.

который не имел никакого отношения ни к литературоведению, ни к науке. [...] Я и покойный [М.А.] Цявловский и [Б.П.] Козьмин разводили руками по поводу этой кандидатуры и указывали, что нет данных к тому, чтобы привлекать Яковлева на работу в наш Институт. Этот вопрос был снят, а через 2–3 недели Яковлев не только был принят в Институт, но начал ходить в “метрах”, в идеологах, делая вид, что он владеет ключом марксистско-ленинского литературоведения”⁴⁸. Кажется, этот фрагмент текста может быть прочитан иначе. Во-первых, Благой не раскрывает псевдоним. Во-вторых, он дает вполне объективное описание научной ценности работы Б. Яковлева. Наконец, следует отметить, что он, кажется, единственный из выступавших вступился за компаративистику, свалив вину за негодные методы на покойного Д.П. Якубовича. Он говорил: «Приведу еще один пример из практики академического издания Пушкина. На одном из заседаний редколлегии один из членов редколлегии, кажется, покойный Якубович, настаивал на включении не обычного текста Андре Шенье, считая, что надо отсечь конец, и аргументировал тем, что мадам де-Зульер (в первый и в последний раз я слышал это имя из уст Якубовича) явилась основоположником этого жанра исторической элегии. Конец выпадал из этой структуры. Пушкин не мог наследовать в этом смысле правилам, установленным мадам де-Зульер. [...] нельзя изучать, как мне представляется, развитие русской литературы и в совершенном отрыве от других литератур, как нельзя, как это было указано в Сталиным, Ждановым и Калининим — по учебнику о русской истории — изучать русскую историю в отрыве от истории мировой. Нам нет дела до изучения Пушкиным мадам де-Зульер, но нельзя, говоря о творческом развитии Пушкина как поэта, не говорить в этой связи о Байроне, о Шекспире. А мне рассказывали, что в очередном томе русской литературы, посвященном Пушкину, уже в верстке была сделана радикальная перестройка и изъято все то, что говорилось об этих вопросах. Это впадение в уродливую и противоположную крайность»⁴⁹.

Несколько слов о других людях, упомянутых в записи.

⁴⁸ Пановы. Цит. соч. С. 274.

⁴⁹ Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 162. При ссылке на работу корифея всех наук то ли сам Благой, то ли скорее стенографистка сделала ошибку: речь шла о работе Сталина, Жданова и Кирова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» (1934), завершавшейся фразой: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых». Мадам Антуанетта Дезульер (1638–1694) — французская поэтесса, над последователями которой издевался еще Ф.М. Достоевский. Нынешнюю оценку ее творчества и его влияния на русскую литературу см.: *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005 (по указателю).

Сведений о И.А. Мартынове нам собрать не удалось. Сергей Митрофанович Петров (1905–1988) был известным литературоведом, специалистом по историческому роману и теории соцреализма, в то время — заместитель директора ИМЛИ. Иван Васильевич Шамориков (1899 — после 1966) — ученый секретарь ИМЛИ, некрасовед. Возможно, следует отметить, что после ареста М. Кольцова до осени 1940 г. он был исполняющим обязанности редактора журнала «Огонек»⁵⁰. М.С. Шагинян была ученицей Розанова, о чем он всегда помнил.

До сих пор о его докладе можно было узнать только из неподписанной статьи в «Литературной газете», где говорилось: «Проф. И.Н. Розанов говорил о той вредоносной деятельности, которую вели космополиты в области изучения советской песни и фольклора. Характерно, что когда И. Розанов выступил со статьей о народном характере поэзии Исаковского, он вызвал тем самым “неудовольствие” Субоцкого, который, по своему обыкновению, начал обвинять его в “казенном [так!] патриотизме” и даже собирался “проработать”»⁵¹.

А вот какова была его речь, если судить по записи стенографистки. Кажется, в особых комментариях она не нуждается.

⁵⁰ См.: Максименков Л. «Оживить “Огонек”»: Как Евгений Петров стал редактором «Огонька» // Огонек. 2016. № 50. С. 34.

⁵¹ [Б.н.]. Против буржуазного космополитизма в литературоведении // Литературная газета. 1949. № 23, 19 марта. С. 3. О Лье Матвеевиче Субоцком (1900–1959) можно было бы написать увлекательную книгу. Член партии эсеров, затем большевиков. В 1930-е гг. военный юрист (одна из должностей — начальник 4-го отдела Главной военной прокуратуры по войскам НКВД и погранохраны) и параллельно литературный деятель, был даже редактором «Литературной газеты». В 1937 арестован, в 1939 приговорен к 6 годам лагеря. 31 декабря того же года уголовное дело было прекращено со снятием судимости. В годы войны — снова военный прокурор, полковник (о его службе см.: <http://www.xp--80adc3aa2ah.xp--plai/assets/-subocky-l.m110818.pdf>). В 1946–1948 гг. рабочий секретарь Союза писателей. 9–10 февраля 1949 г. на партсобрании в Союзе писателей подвергся жесткой критике, его было предложено исключить из ВКП(б) (подробное изложение событий см. в докладной записке Агитпропа за подписью Д.Т. Шепилова на имя Г.М. Маленкова: Сталин и космополитизм. С. 282–289), что отразилось в ряде статей: [Б.н.] Об одной антипатриотической группе театральных критиков (на партийном собрании Союза советских писателей) // Правда. 1949. № 42, 11 февр. С. 3; Паперный З. Существо бездушное... // Литературная газета. 1949. № 14, 16 февр. С. 3 (несмотря на почти полное совпадение его статьи с более авторитетными публикациями, Паперный был подвергнут жестокой критике: «Под видом разоблачения космополита Л. Субоцкого З. Паперный весьма беззастенчиво рекламирует сам себя и свою газету. Цель З. Паперного ясна: доказать, что «Литературная газета» якобы всегда решительно боролась с гнилыми тенденциями Л. Субоцкого. Так ли это на самом деле? Разумеется, не так. [...] ...не помогут все эти беспринципные выкрутасы тов. Паперному и его единомышленникам» (Лосев П., Директор областного гос. издательства. Г. Ярославль. Сомнительные выкрутасы работников «Литературной газеты»: Письмо в редакцию // Правда. 1949. № 56. 25 февр. С. 3); [Б.н.] На партийном собрании Союза советских писателей // Культура и жизнь 1949. № 4, 11 февр. С. 3. Однако он все-таки уцелел. На его могиле (Новодевичье кладбище) значится: «Писатель».

Я не буду говорить о юзовских, борщакотских [так!] и малютиных [так!], ставших нарицательными именами. Юзовского я знаю, слышал, но никогда не читал. Простите мое невежество. Я также никогда не читал также и Борщакотского и Малютина. Почему? Потому что это меня не интересовало. Театроведение — не та область, с которой я кровно сливался за годы моей долгой работы. Буду говорить только о том, что мне особенно близко и особенно дорого. Мне дорого и советское литературоведение, мне дорога и советская поэзия, мне дорога в особенности советская песня, и на советской песне я и остановлюсь главным образом. Но предварительно скажу несколько слов о типе писателя, который подлелжит сейчас совершенно правильному резкому осуждению.

Есть люди без почвы, без крепкой связи с жизнью народа и потому — без серьезного содержания. Понятно, почему они становятся формалистами, эстетам, подражателями, космополитами. Это для меня почти одно и то же.

Подражательность — явление довольно обычное и в некоторых случаях полезное; часто поэты не сразу находят себя. Подражателями бывают и большие поэты в начале своей деятельности. И Пушкин был подражателем, и Лермонтов, и Некрасов, и Маяковский, но все они, возмужав, отреклись от своих ранних подражательных вещей, и резко отреклись. Но если у автора нет собственного осмысленного отношения к жизни, а следовательно — нет и содержания, он всю жизнь может остаться подражателем или, что то же самое, — формалистом, эстетом и космополитом.

Эстетство — это злейший враг подлинного искусства потому, что похоже на него с внешности. Настоящее подлинное искусство всегда требует огромного труда и отчасти самопожертвования. Достаточно вспомнить жизнь наших великих поэтов — Пушкина и Лермонтова. Разве тут мало было страданий, мало было гонений и т.д.? Гений — есть труд прежде всего. Достаточно посмотреть на черновики Пушкина, черновики Льва Толстого, величайших наших писателей и в то же время величайших тружеников! А вот подражатели, формалисты, эстеты, космополиты — это люди, которые, по моему мнению, хотя бы поменьше работать и получше устраивать свое существование.

Баратынский сказал об истинных поэтах и подражателях следующие замечательные строки. Сначала об истинных поэтах:

Борьбу с тяжелою судьбою
Купил он мерой выше сил,
Сердца судорог ценою,
Он в выражениях купил.

Потом, обращаясь к подражателям, он говорит:

А ваша муза площадная
Тоской.....

.....
С чужим ребенком на руках.

Конечно, судороги не обязательны, но по существу верно. И вот что сказал Некрасов:

А я, когда начну писать,
Перестаю и есть и спать.

Я думаю, что формалисты и эстеты, когда пишут, никогда не забывают поеть.

Отрывки эстетства и формализма мешают многим нашим фольклористам обратить должное внимание на поэтическое творчество, на народный фольклор, в котором отразилась революционная борьба рабочего класса. В этом существенный недостаток современной фольклористики. Этот недостаток только еще начинает изживаться, и то с трудом. Уже есть исследователи, вплотную занявшиеся этим вопросом.

Вчера я председательствовал на секции народного творчества Союза Писателей, был доклад Алексея Петровича Пруссакова о московском рабочем фольклоре наших дней, потом были выступления поэтов-рабочих и песни рабочих бригад. Было представлено пять крупных заводов: автозавод имени Сталина, завод Красный Пролетарий, завод Серп и Молот, фабрика «Парижская коммуна» и комбинат Трехгорной мануфактуры.

И я с полной ответственностью говорю, что некоторые стихи, прочитанные рабочими, были ничуть не хуже стихов, которые печатаются в журналах, и невольно приходило в голову, что очень снижают нашу народную талантливость, когда думают, что наша поэзия — это только поэзия членов Союза Советских Писателей.

Эстетство, формализм и космополитизм сказались и в недопустимом отношении к советской песенной лирике. Наша книжная советская поэзия может гордиться рядом прекрасных поэм, но книжная лирика, несомненно, уступает сейчас песенной лирике. И вот, такого расцвета песенной лирики, какой мы видим, у нас никогда не было и вряд ли есть у какого другого народа. Этим мы можем гордиться в первую очередь.

Наши песни, скажем, «Катюша» Исаковского в новейшее время прошла по всему миру, имела отзвуки и в Америке, и в Японии, имена Лебедева-Кумача и Исаковского занимают тоже первое почетное место. А поэты-эстеты, для которых родина — только тема для литературных упражнений, а вовсе не для серьезных глубоких переживаний, поэты-эстеты пренебрежительно относятся ко всякого рода песне. Почему? А потому, что, по их мнению, это примитив. Им

никакого дела нет до того, что весь народ любит и поет эти песни, им важно мнение небольшой кучки своих друзей-эстетов. Говорят, что песня обязана композитору, что важна музыка, а текст совершенно не важен. Я был свидетелем блестящего опровержения этого положения. На днях я присутствовал на вечере поэта-песенника Фатьянова и убедился, что высокомерие эстетов не имеет никаких оснований. Фатьянов не пел, а только читал свои песни. Можно было судить только о тексте, а не о музыке, и тем не менее почти каждое прочитанное им стихотворение вызывало гром аплодисментов. Очевидно, среди присутствующих не было заядлых эстетов и снобов. И когда присутствующие делились впечатлениями, то именно говорили не про то, что это песни, а какие хорошие стихи, т.е., значит, текст ценен и нельзя сказать, что всё делает только музыка. Текст Лебедева-Кумача сам по себе ценен; текст Исаковского — сам по себе ценен.

Скажу несколько слов о недавно умершем Лебедеве-Кумаче. На панихиде его очень взволнованно, очень горячо выступал поэт С. Васильев. Он, между прочим, подчеркнул, что у Лебедева-Кумача была тяжелая жизнь. Не потому, что он нуждался — это было в ранней юности, потом это прошло; к нему очень хорошо относились правительство, и партия; а дело в том, что его не признавали, игнорировали товарищи поэты. И опять — из каких соображений? Это — песни, это — примитив.

По-моему, явление совершенно печальное и скандальное, когда было отклонено заявление Лебедева-Кумача с просьбой принять его в члены Союза, а через некоторое время, когда он был награжден правительством, сейчас же постарались принять его задним числом. Я хорошо помню то недоброжелательство, которое проявлялось тогда к нему. В частности, и это награждение правительства вызвало к нему необычайную зависть. Досталось и мне за него именно потому, что я первый выступил со статьей о Лебедеве-Кумаче, и очень много мне за это выговаривали, как это я мог, и т.д., и т.д. Я сначала гордился тем, что я первый выступил о нем, а потом перестал гордиться, и вот почему: я думал, что я прошибу это недоверие, что после меня начнут и другие писать о Лебедеве-Кумаче и наших песнях, но я этого не дождался. Литература о Лебедеве-Кумаче тоже недостаточна. Существует недооценка той поэзии, которой мы можем гордиться, и в первую очередь нашей советской песней, что до сих пор не проникло еще в сознание так, как это должно было быть.

Помню я также и другую неприятность, связанную с аттестованием песни. Когда я написал статью об Исаковском, я узнал, что это вызвало большое неудовольствие Субоцкого, он начал обвинять меня в квасном патриотизме, хотел меня «обработать», но кто-то отговорил.

Субоцкого сотрудники нашего Института знают, потому что он у нас был членом Ученого Совета, собственно говоря, не был, а числился, потому что ни разу не изволил пожаловать на заседание Ученого Совета, и только тогда, когда перестал играть какую-нибудь роль в Союзе Писателей, только тогда пожаловал, причем сидел и не произнес ни одного слова.

Вот какое участие было в Ученом Совете этого члена Ученого Совета.

Субоцкого я знаю не только по Институту, где я видел его, но не слышал, но знаю по работе в Союзе Писателей. И здесь у меня составилось самое неблагоприятное впечатление о нем, именно по рассказу целого ряда фольклористов. Например, Пруссаков, который серьезно лет десять занимается рабочим фольклором, жалуется на то, что пятнадцать раз добивался свидания с Субоцким, чтобы поговорить о рабочем фольклоре, и каждый раз ему отказывали.

Другой фольклорист Каменская говорит, что несколько раз пыталась говорить с Субоцким о русском фольклоре, и ее поразило его отрицательное отношение.

Поразительно, как можно не ценить автора таких песен, как «Широка страна моя родная», которая стала вторым гимном, и надо сказать, что это произведение прекрасно не только с точки зрения музыки Дунаевского. Дело не только в Дунаевском, а дело прежде всего в Лебедеве-Кумаче. Это произведение несомненно имеет колоссальное воспитательное значение, а сейчас мы должны на это обращать внимание в первую очередь.

Если разобраться, то о чем здесь говорится «старикам везде у нас почет», и Лебедев-Кумач мне лично говорил, что когда по поводу этой строчки ему говорили: «Хорошо, но ведь не везде это так», — я на это отвечал: «Если нет, то должно быть». «Представьте, говорил Лебедев-Кумач, если человек поет мою песню, мои слова, он невольно задумается, как же так, я пою, что почет должен быть старикам, а сам не уважаю стариков». Это совершенно верно. Воспитательная роль наших песен, песен и покойного Лебедева-Кумача, и Исаковского, и Фатянова важна, учитывая влияние, которое они оказывают.

Я считаю, что против тех положений, о которых я говорю, формалисты, подражатели, эстеты, космополиты, я их смешиваю в одну кучу, все они между собой очень близки, не могут возразить. Они не могут возразить против начальных строк этой песни: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек», — против этого ничего не скажешь. А вот по поводу этих строчек: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать», — по-моему, этих слов они не могут сказать искренно⁵².

⁵² Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 171–177. Черновик выступления (в разорванном виде) сохранился среди бумаг Розанова в Гос. музее А.С. Пушкина.

Выступавший после него Р.М. Самарин наряду с критикой коллег и собственной деятельности⁵³ прямо сослался на речь Розанова: «Пару слов надо сказать о проблеме борьбы против космополитизма в применении к изучению западной литературы. Совершенно правильно выступавший передо мной Иван Никанорович Розанов говорил, что он валит в одну кучу буржуазных эстетов, формалистов и космополитов. Я не говорю о выражении “валить в одну кучу”, это вопрос образа, он мне в данном случае нравится, он эмоционален, остр, — он передает ощущения Ивана Никаноровича в целом»⁵⁴.

Еще некоторое время после выступления Розанов продолжает собирать мнения других о нем и о собрании вообще. Так, 12 марта он записывает: «Перцов мне сказал, что я выступал вчера правильно, но “камерно”» (Л. 108об.). 16 марта: «Мер..... [нрзб] сообщила Кс[ени], что один знакомый ей партиец был в Инс[титу]т[е] в пятницу на заседании и нашел, что мое выступление было самым “страшным”, потому что самым искренним» (Л. 112об.). 19 марта, прочитав упоминавшийся отчет о заседании в ИМЛИ: «19 марта: «Веч[ером] прочел “Лит[ературную] Газ[ету]” с упоминанием обо мне по поводу *Суббоцкого*» (Л. 118об.). 21 марта: «Заходил в Инст[итут] дать для переписки тезисы моего доклада. Беседа с Шамориковым и с Баклановой. Нат. Ан. вспомнила, что на первом заседании Мотылева была и держалась очень самоуверенно» (Л. 119об.). Наконец, 24 марта: «Кс[ения] сообщила, что Кома Иванов⁵⁵ со слов кого-то, бывшего на моем выступлении в Инст[итуте] 11 марта,

Стихотворные цитаты искажены стенографистками. Боршаковский — А.М. Борщаговский, Малютин — драматург Л. Малюгин. А.П. Прусаков (1902–1970) — московский фольклорист и краевед. 23 февраля он выступал на секции народного творчества Союза писателей с докладом «Современный фольклор московских рабочих» (пригласительный билет вклеен в дневник Розанова, л. 84). Имеющийся в виду «Вечер современного рабочего фольклора Москвы» с его вступительным словом состоялся в ЦДЛ 10 марта. Розанов записал о нем: «Замечательное заседание секции народного творчества. Впервые в Союзе, в Клубе, в Доме литераторов выступление представителей не крестьянского, а *рабочего* фольклора» (Л. 101 об.) и вклеил пригласительный билет и вырезку из «Вечерней Москвы» от 10 марта: «Фольклор Москвы. Вечер в Доме литераторов». Вечер А. Фатьянова «Новые стихи и песни» состоялся в ЦДЛ 5 марта. Розанов записал в дневнике: «Веч[ером] я в Клубе. Вечер Фатьянова. Большой успех» (Л. 99об). Судьбу песни М. Блантера — М. Исаковского «Катюша» Розанов изучал много лет, но его работа была опубликована только посмертно: Песни о Катюше как новый тип народного творчества // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 310–325. Его статьи, которые упомянуты в выступлении: В.И. Лебедев-Кумач // Литературная учеба. 1938. № 11. С. 54–67 (или рецензия на «Книгу песен»: Новый мир. 1938. № 5. С. 283–284); Михаил Исаковский // Октябрь. 1945. № 7. С. 142–145. О С. Васильеве см. ниже.

⁵³ Фрагмент — Пановы. С. 294

⁵⁴ Л. 181.

⁵⁵ С Вяч. Вс. Ивановым Розанов был хорошо знаком по встречам во время отдыха.

распространяет слух, что мое выступление было самым замечательным» (Л. 124).

А как мы с дистанции в 70 лет можем охарактеризовать доступное теперь в полноте выступление И.Н. Розанова? На примере ленинградской кампании К.М. Азадовский и Б.Ф. Егоров продемонстрировали несколько типов выступлений тех, кто не был вынужден защищаться: 1) агрессивно наступательный, 2) вяло вторичный, 3) самокритический, 4) посвященный научным проблемам и лишь внешне привязанный к событиям, наконец — самый редкий — 5) речь в защиту обвиняемых. Понятно, что двух первых типов было более всего; третий продемонстрировал А.В. Западов⁵⁶, четвертый — Г.П. Макогоненко, последний — лишь Н.И. Мордовченко (Б.Ф. Егорова отговорил от резкого выступления его научный руководитель Г.А. Бялый). Москва добавила сюда еще несколько. Мы уже говорили о выступлении Д.Д. Благого, который, не отказавшись от дежурной риторики, в то же время говорил вполне резонные вещи. Любопытный тип представляет собой и выступление Розанова. Во-первых, насколько мы можем судить, оно не было вызвано никакими уговорами и предложениями — это было исключительно его собственное решение, основанное на довольно длительных размышлениях. Во-вторых, он отказался критиковать главных обвиняемых, дав нелестную характеристику лишь Л.М. Субоцкому, причем она была практически полностью заимствована из статьи Паперного в «Литературной газете», а у того — из решений партсобрания Союза писателей⁵⁷. Единственное собственное обвинение — прогул заседаний Ученого совета — выглядит смешным. Вдобавок заметим, что на судьбу Субоцкого выступление Розанова повлиять не могло: из Литературного института он уже был уволен, партийная его судьба должна была решаться в Союзе писателей. В «сухом остатке» — рассуждение о роли песни в сегодняшней поэзии, о современном фольклоре и о собственной роли в пропаганде творчества Исаковского и Лебедева-Кумача. Вряд ли

⁵⁶ Материалы, опубликованные П.А. Дружининым, представляют его позицию более неоднозначной.

⁵⁷ Ср. в его выступлении: «...он начал обвинять меня в квасном патриотизме, хотел меня “обработать”, но кто-то отговорил». — «Л. Субоцкий обвинил ряд писателей (Б. Полевого, А. Твардовского, А. Калинина и др.) в том, что они якобы возрождают “квасной патриотизм”» (Сталин и космополитизм. С. 283); «Все статьи Субоцкого заполнены этими клеветническими рассуждениями о “квасном патриотизме” советских писателей...» (Литературная газета. 1949, 16 февр.); «...Каменская говорит, что несколько раз пыталась говорить с Субоцким о русском фольклоре, и ее поразило его отрицательное отношение». — «Ему ненавистно всё то, что связано с проблемами национального своеобразия, национального характера. С презрительной издевкой он третирует эти проблемы» (Литературная газета. 1949, 16 февр.).

это заслуживает интереса в начале XXI в., но и порицание оратору тоже вряд ли следует выносить, особенно учитывая обстоятельства.

И все-таки нельзя не отметить, что после этого выступления Розанов на протяжении некоторого времени как будто находится под влиянием спровоцировавших его настроений. Так, 12 марта он заносит в дневник: «Поднялся, в библиотеке [ЦДЛ] прочел газету “Комс[омольская] Правда” (№, где статья против Исбаха), и “Труд”, едкое порицание “горе-музыковеду” Н. Брюсовой и Е. Гиппиусу. Они пренебрежительно относятся к песне» (Л. 108об.). Обе эти статьи относятся к разряду погромных. В «Комсомольской правде» написал только что защитивший кандидатскую диссертацию (и гордо подписавшийся «Кандидат филологических наук») Сергей Дмитриевич Артамонов (1915–1989), впоследствии работавший в МОПИ и Литературном институте. Статья начинается с беглых, но резко критических замечаний в адрес преподавателей МГПИ им. В.П. Потемкина — Н.И. Балашова (впоследствии академика), С.В. Тураева, Л. Гедымин и двух аспирантов, а затем переходит к характеристике заведующего кафедрой: «Это профессор А. Исбах. Он — член Союза советских писателей, автор статей в журналах, штатный лектор многих организаций. Трескучие фразы, широковещательные декларации, пустословие — таков ораторский стиль Исбаха». Честно говоря, с такой характеристикой можно было бы согласиться: Исбах не относится к числу выдающихся литературоведов. Но дальше начинается вакханалия: «Как бы ни рядился Исбах, а высказывают наружу его космополитические уши. [...] Так глумится космополит Исбах над дорогим советским людям именем Маяковского. [...] Исбах [...] нагло оклеветал прогрессивных деятелей Франции...» и т.д.⁵⁸ Впоследствии за Исбаха специально вступился К.М. Симонов, сказав на совещании редакторов центральных газет и журналов в Агитпропе 21 марта: «В “Комсомольской правде” была статья о педагогическом Московском институте и о работе там писателя Александра Исбаха. Там разбирается, в частности, его статья “Маяковский и Запад”. В “Комсомольской правде” не было ссылки на то, где печаталась эта статья, но я печатал ее в “Новом мире”, знаю ее хорошо, считаю верной и подписываюсь под каждым ее словом. А в “Комсомольской правде” она была процитирована издательски: были взяты начала фраз и обрублены концы или, наоборот, обрублены начала фраз и взяты только концы. Я уже не говорю о том, что в статье “Комсомольской правды” были к тому же перевернаны цитаты

⁵⁸ Артамонов С. Буржуазный эстет в роли профессора // Комсомольская правда. 1949. № 55, 8 марта. С. 4. На основании материалов газеты «За педагогические кадры» некоторые подробности о судьбе А. Исбаха добавляет Л. Кацис в рецензии, названной в примеч. 2 (с. 101–102).

из Ленина...»⁵⁹ Правда, заступничество не помогло: Исбах в том же году был арестован, получил 10 лет, отбыл 5 и только после реабилитации смог вернуться к литературной деятельности.

Вторая упомянутая Розановым статья, точнее отчет о собрании в Доме народного творчества, проецировала его выступление еще на одну сферу — самодеятельность. Особенно привлекло его в связи с этим выступление безвестного хормейстера Любимова: «Горе-музыковед Брюсова [...] в своей статье “Песни Владимира Захарова” двурушнически восхваляет творчество Захарова лишь для того, чтобы противопоставить его народной русской песне. [...] Барски-пренебрежительное отношение Брюсовой к богатству песенного русского фольклора сквозит в каждой строчке ее антипатриотической стряпни. [...] Другой лже-ученый Гиппиус, преподававший в консерватории и готовивший кадры хормейстеров, усиленно пропагандировал ту же реакционную идею о космополитическом происхождении русской народной песни»⁶⁰. Тон записи, как кажется, намекает на то, что Розанов прочел обе статьи не без удовольствия.

Дальше — больше. 14 и 15 марта секция поэтов Союза писателей провела вроде бы камерное заседание с докладом М. Луконина «Советская поэзия в 1948 году»⁶¹. Розанов оставил подробную запись, которую следовало бы специально расшифровать, но это не входит в задачу данной статьи. Приведем из нее лишь несколько фраз: «Совершенно не ожидал, что такое стечение народу. Уже перестали пускать» (Л. 109об.). То, что завсегдатай Дома литераторов⁶² с трудом нашел себе место, свидетельствует о некоторой сенсационности мероприятия. Можно предположить, что ждали обсуждения под знаком борьбы с космополитизмом. И еще одна фраза: «Васильев (жаловался на Гельфанда, заступился за песни, прочел с огромным успехом у слушателей “Без кого на Руси жить хорошо”» (Л. 110). Здесь речь скорее всего идет о Марке Савельевиче Гельфанде (1899–1950), подвизавшемся в роли литературного критика, исключенном в 1949 г. из ВКП(б) и покончившего с собой через год после описываемых событий⁶³. Но важнее сообщение Розанова о том, что

⁵⁹ Сталин и космополитизм. С. 341.

⁶⁰ [Б.л.] Пресечь влияние космополитов на художественную самодеятельность // Труд. 1949. № 56, 9 марта. С. 3.

⁶¹ Опул.: Литературная газета. 1949. № 23, 19 марта. С. 2–3. Отчет: [Б.л.] Советская поэзия в 1948 году // Литературная газета. № 24, 23 марта. С. 3.

⁶² Речь идет именно о нынешнем писательском центре — ул. Воровского (Поварская), д. 50, а не о Доме Герцена на Тверском бульваре, как сказано в статье К. Азадовского и Б. Егорова.

⁶³ О его бурной и таинственной биографии см.: *Овсянников Н.* Марк Савельевич Гельфанд // Заметки по еврейской истории. 2014. № 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (дата обращения: 12.06.2019)., а также многочисленные комментарии к этой статье.

Сергей Васильев читал свою знаменитую антисемитскую поэму «Без кого на Руси жить хорошо» не просто компании подвыпивших слушателей в ресторане ЦДЛ, а на вполне официальном собрании, и прочел с огромным успехом. Понятно, что А. Софронову, Н. Грибачеву, Вас. Федорову, В. Солоухину, С.В. Смирнову она должна была понравиться, но вместе с тем на заседании были такие люди (они, конечно, могли отсутствовать во время чтения), как Вл. Луговской, В. Инбер, В. Звягинцева, С. Кирсанов, С. Наровчатов, П. Антокольский, Ю. Друнина, М. Алигер, К. Симонов. Стало быть, накал «праведного гнева» был таков, что, как сказал в схожей ситуации А.В. Западов: «Я водил роту в атаку. Страшно. Но здесь страшней!»⁶⁴

Видимо, следует отметить, что эта поэма на долгое время так и осталась ненапечатанной, и лишь в 1990-е гг. ее стало можно цитировать и даже полностью опубликовать⁶⁵. Но в качестве своеобразного приза от Союза писателей можно рассматривать рецензию на книгу стихов Васильева «Подмосковный уголек», напечатанную в том же номере «Литературной газеты», что и отчет о заседании с его неназванным в тексте триумфом⁶⁶. И чуть позже появилась публикация в «Правде»⁶⁷ — первая за послевоенное время.

И вдруг ситуация резко переменилась. Сперва Розанов столкнулся с тем, что его близкий друг Н.К. Гудзий, оказывается, не разделяет его взглядов и интересов. 26 марта он записал в дневнике: «Веч[ером] с Кс[енией] у Гудзиев. Он защищать начал Суббоцкого и Антокольского и бранить Исаковского и Недогонова. Кат. Ив. очень агрессивно переживает нападки на космополитов. Гудзий занят окончанием книги о Пушкине для Украины. В общем, оба они произвели тяжелое впечатление» (Л. 128). Вряд ли можно заподозрить Н.К. Гудзиев в том, что он следовал каким-то новым указаниям. Но комментаторы сборника «Сталин и космополитизм» предполагают, что именно в промежутке между 23 и 26 марта было принято решение о приостановке кампании в том виде, какой она приняла. 26 марта состоялось упоминавшееся выше совещание главных редакторов, которое вел М.А. Суслов, и на нем уже вполне отчетливо звучали примирительные ноты. 23 марта появилась последняя погромная

⁶⁴ Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты». С. 105.

⁶⁵ Со ссылкой на роман Г. Свирского «Заложники», к тому времени в России не опубликованный, ее цитировали Азадовский и Егоров. Публикации см.: *Ваксберг А.* Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 261–265; Подцензурная поэма // Наш современник. 1999. № 3. С. 251–253 (с пометой: «Печатается по оригиналу из архива Сергея Васильева»); *Вдовин А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 285—290.

⁶⁶ *Никулин Л.* Гордый шахтерский труд // Литературная газета. 1949. № 24, 23 марта, С. 3.

⁶⁷ *Васильев С.* Так решили большевики // Правда. 1949. № 96, 6 апр. С. 3.

статья в «Литературной газете»⁶⁸, и с тех пор ничего похожего в ней не печаталось. Даже статьи с резко критическим запалом избегали подобной риторики, еще недавно использовавшейся безо всякого стеснения⁶⁹. Еще решительнее была «Правда»: в феврале и до 4 марта она регулярно отмечалась на космополитической ниве, однако затем была напечатана только одна статья такого рода, посвященная архитектуре⁷⁰, и именно «Правда» окончательно поставила точку в открытой кампании⁷¹. Но Розанов еще довольно долго, по меркам стремительно летевшего тогда времени, не мог этого осознать, хотя сигналы и поступали. И тут мы снова переносимся на филологический факультет.

30 марта среди многих дел Розанов фиксирует:

4) Т.к. Балакин, к[оторо]го я увидел в МГУ, предложил прочесть доклад о космополитизме в фольклористике, я зашел в клуб к Вал. Ник. Фирсановой и поговорил по телефону с Нат. Ив. Рождественской.

5) В аудитории № 66 должен был быть доклад Чемоданова. Результаты проработок. Масса народу. Борис Миллер. 40 мин. ждали. Чемоданов сообщил, что засед[ание] отложено (Л. 130).

Как человек, вынужденно посещавший лекции Александра Михайловича Балакина (1908–1984) по югославской литературе, автор может засвидетельствовать, что худших за всё время обучения на филфаке ему слышать не довелось. Похоже, что эта репутация была у него с давних пор, но Розанов, тем не менее, за него ходатайствовал. И уж совсем странно, что его не насторожила отмена доклада декана факультета Н.С. Чемоданова. В дневнике профессора С.Б. Бернштейна это событие получило точное истолкование: «Неожиданно было отменено заседание Совета факультета, на котором должен был стоять доклад Чемоданова

⁶⁸ Речь идет о статье, направленной против Б.А. Бялика: *Озеров В.* Космополит-«теоретик» // Литературная газета. 1949. № 24, 23 марта. С. 3. На день раньше закончила кампанию другая газета. См.: [Б.н.] Буржуазные космополиты в архитектурной теории и критике // Культура и жизнь. 1949. № 8, 22 марта. С. 4. Там же было напечатано покаянное письмо Б.М. Кедрова.

⁶⁹ См., напр.: *Галсанов Ц.* [и др.] Идеализация реакционного эпоса // Литературная газета. 1949. № 25, 26 марта. С. 3–4; *Степанов Н.* Великий русский писатель-патриот: К 140-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литературная газета. 1949. № 27, 2 апр. С. 3 (вспомним его речь на заседании Ученого Совета ИМЛИ!); [Б.н.] Насущные вопросы советского литературоведения: На заседании Ученого совета Института востоковедения АН СССР // Там же. С. 4; *Сердюченко Г.* Против идеализма и формализма в науке о языке // Литературная газета. 1949. № 28, 6 апр. С. 3, и т.д.

⁷⁰ *Крисько Г.* На ложных позициях // Правда. 1949. № 80, 21 марта. С. 3.

⁷¹ *Павлов Ю.* [Францев Ю.П.] Космополитизм — идеологическое оружие американской реакции // Правда. 1949. № 97, 7 апр. С. 3. Перепеч.: Сталин и космополитизм. С. 370–376; там же — о значении этой статьи.

о борьбе с космополитизмом. Состоится в будущую среду, но уже при “закрытых дверях”. Кажется, подул ветер с другой стороны!»⁷²

Даже вполне определенное известие через день, первого апреля, не заставило Розанова сразу переменить в общем одобрительное отношение к уже завершавшейся в своей острой стадии кампании: «[Н.Л.] Бродский сообщил, что Штейна вернули в Лит[ературный] музей и что *нападения на космополитов приостановлено* [так!]» (Л. 131об.). На следующий день он, сетуя на давних коллег, ищет возможности осмысления новой реальности⁷³. Первые две приведенные ниже фразы о реакции на представленную на кафедре программу «Поэты пушкинской плеяды» фиксируют, что он фактически остался в одиночестве, а реакция на разговоры на дне рождения В.А. Дынник-Соколовой (вдовы Ю.М. Соколова, которого Розанов очень любил) в присутствии двух ее братьев, один из которых — очень известный, крупный по тем временам историк философии, а другой, Сергей Александрович (1902–1974), был доктором технических наук, явно определены духом всех предшествовавших событий.

2 апреля. Настроение тоже было неважным (под впечатлением вчерашнего обсуждения моей программы. Мне кажется, что “они” (Бродский, Гудзий, Пospelов) стоят на старых позициях). [...]

⁷² *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. С. 136.

⁷³ В этот день историк С.С. Дмитриев записал в дневнике: «Говорят, что в понедельник на этой неделе собирали в ответственном учреждении редакторов центральных газет и предложили несколько “приглушить” ставшие нестерпимо грубыми приемы печати по выявлению космополитов. Говорилось будто бы и о том, чтобы поосторожнее были с оргвыводами и наклеиванием ярлыков — диверсант, подпольщик, двурушник и пр. “всё такое”. В печати действительно заметна сдержанность. В предпоследнем номере “Литературной газеты” [Е.В.] Тарле в статье о Лермонтове даже нарочито похвалил авторов с еврейскими фамилиями и покритиковал авторов с русскими фамилиями. Последний, четверговой номер “Культуры и жизни” хранит гробовое молчание о космополитах. Все трепетные ожидания историков газета пока еще не оправдала. Нет даже хроникальной заметки о прошедших в Академии наук, в Академии общественных наук, в МГУ и пр. учреждениях собраниях о космополитах. Конечно, это не значит, что борьба с космополитами прекращена, но будет вестись она более серьезно, более осмотрительно и менее криливо. [...] Субботний номер “Литературной газеты” благообразный, весь на мотив “Всё хорошо, прекрасная маркиза...” Только на 4-й странице между прочим, тихо, скромно сказано, что академик Крачковский не понимает своих ошибок. Однако же не только он от сего непонимания не наименован космополитом, но последнего слова вообще в газете не содержится. Режиссер свистнул, а может быть, только мигнул, и декорации мгновенно сменили. Вот так во всем поэту и получается: то команда “тащи!”, то “не пушай!”, в итоге Мырценов не знает удержу в исполнении как той, так и другой. Слух вполне заменяет ему движение собственного мозга» (Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. С. 150).

Вечером втроем: я, Кс[ения], Лида были у Вали Дынник (рожд[ение] Вали — 51 г.). [...]

За ужином Мих[аил] Ал[ександрович] рассказывал, как 7 философов работают над ист[орией] филос[офии] (в 2 т[омах]) в Узком. О преклонении перед Западом и о затириании всего нового говорил Сережа. Его изобретению не доверяли: “Ведь этого нет еще и в Америке”. Вспомнили и Можайского. Все, и оба Дынника, и обе их сестры, и Лара [?] говорили, что проработка космополитов была нужна и принесла пользу, но хорошо и то, что сейчас прекратились [?] те формы, как она выражалась (Л. 132, 132об.).

В этом контексте интересно сообщение о работе над «Историей философии», связанное с забытой ныне книгой. После обсуждения «Истории западноевропейской философии» Г.Ф. Александрова (1947), когда в нее была выпущена масса критических стрел, причем завершающий удар нанес тов. Жданов, в марте 1949 г. Агитпроп доносил Г.М. Маленкову: «Предложить Институту философии (т. Александрову Г.Ф.) сосредоточить свои силы на выполнении задания ЦК ВКП(б) — ускорить написание марксистского учебника по истории философии и тем самым практически помочь партии в ее борьбе с низкопоклонством и раболепием перед растленной буржуазной культурой Запада, помочь делу воспитания советского народа в духе патриотизма, в духе коммунизма»⁷⁴. Однако 20 сентября тот же Агитпроп (за подписью Ю. Жданова) извещал М.А. Суслова: «Задачи, поставленные перед нашими философами-профессионалами в ходе дискуссии, остаются невыполненными. Новая, переработанная на основе дискуссии книга по истории философии не написана, и, судя по тому, как организовано дело, вряд ли она будет удачной»⁷⁵. В 1950 г. массивная рукопись планировавшегося двухтомника была доведена до макета, распечатана в некотором количестве экземпляров, и на нее стали собирать отзывы. Судя по всему, они были отрицательными, потому что массового тиража этот двухтомник (среди авторов которого был и М.А. Дынник) не получил⁷⁶. Впоследствии замы-

⁷⁴ Сталин и космополитизм. С. 319. Эта задача была сформулирована именно Ждановым.

⁷⁵ Там же. С. 499–500.

⁷⁶ С некоторыми заметными неточностями история передана в интервью А.Г. Мысливченко журналу «Вопросы философии»: «Первая попытка создания всемирной истории философии, которая была бы достойна великой державы, была предпринята в 1951 году, то есть еще при жизни Сталина. Был опубликован макет “Истории философии”, целиком посвященный истории марксистско-ленинской философии. У меня сохранился один экземпляр под номером 78. Его мало кто видел вообще, макет был только, даже не выпуск, а макет. Там жуткая картина представляла, когда видишь: на каждой странице “Сталин”, да еще по нескольку раз его фамилия вместе с инициалами пестрит. По любому философскому вопросу авторы спешили

сел трансформировался в шеститомную «Историю философии», но это уже совсем иная история.

Борьба с космополитами для Розанова закончилась 6 апреля, когда он оставил следующую развернутую запись в дневнике:

6 апреля. С 7 час., в МГУ, в ауд. 66, а после перерыва в Коммунистической — Ученый совет. Вход по билетам. Доклад Чемоданова о результатах обсуждений космополитизма на филологич[еском] факультете (то, что должно было быть в прошлую среду, но, очевидно, в сильно измененном виде). Чемоданов говорил 1 ч. 10 м. Я сидел в 1-ой между Борисом Миллером и Коваленской, за ней Виппер читал резолюции разных обсуждений. Ч[емоданов] употреблял много жалких слов: «Проходимцы» (в их число попал Аникст), упомянул неодобрительно ряд имен (неожиданно в том числе оказался Бродский, Ахманова, про Ожегова было сказано, что его лекции «бессодержательные» и т.д.), но лично от себя Чемоданов подверг сомнению правильность некоторых квалификаций. После перерыва (в Ком[мунистической] ауд[итории]) с меньшим числом слушателей (не всех студентов пускали) выступили.

1) Балакин (об ошибках в фольклористике. Азадовский, Гиппиус, Эрнст Вас. Гофман. Похвальн[ый] отзыв ее о работе про [?] ист[орию] франц[узской] фольклористики, низко оценивающую рус[ский] фольклор и т.д.).

2) Ивашева — зап[адная] лит[ература]. Каялась и нападала на Самарина.

3) Виноградов В. — каялся.

4) Куканов -- напал на Белкина, отчасти на Поляк.

5) Белкин — каялся и защищался от обвинений Куканова бытового характера: «Комиссия Отеч[ественной] войны» под нач[алом] Минца.

6) Глаголев — борьба с космополитизмом должна продолжаться, но без шумихи. Напал на Самарина как завед[ующего] кафедрой. А где же он был раньше.

Поведением и речью Чемоданова некоторые ([1–2 нрзб]⁷⁷) недовольны (Л. 135об.–136).

показать, а что Сталин говорил и думал об этом. В общем, целиком культово-догматическая работа. А кто там был в редколлегии? Александров, Дынник, Йовчук, Кедров, Леонов, Митин, Трахтенберг. Причем все они там фигурировали как просто авторский коллектив без указания, кто из них ответственный редактор, никто не хотел выдвигаться, потому что во времена культа Сталина “высовываться” было небезопасно» (Вопросы философии. 2015. № 3. С. 36).

⁷⁷ Здесь явно была названа фамилия, которую мы не смогли прочитать.

Насколько мы знаем, это единственное свидетельство о собрании, долженствовавшем подвести итоги более чем двухмесячной встряски. Большинство персонажей, упомянутых Розановым, хорошо известны в науке, поэтому приведем справки лишь о некоторых. Борис Всеволодович Миллер — заведующий кафедрой иранской филологии филфака. Э.В. Гофман более известна под фамилией Померанцева. Александр Михайлович Куканов (1912–1991) учился в МИФЛИ, участник войны. Был аспирантом Д.Д. Благого, который отказался от руководства его работой «Пушкин и Радищев», однако она всё же была защищена. Преподавал в Уральском университете, в 1956 был исключен из партии и уволен. После многочисленных ходатайств, в том числе филологов МГУ, был восстановлен в КПСС и получил работу в Мордовском университете, входил в саранское окружение М.М. Бахтина⁷⁸. Николай Александрович Глаголев (1896–1984) — зав. кафедрой русской литературы МОПИ и по совместительству профессор МГУ.

Как хорошо известно, уйдя со страниц печати, кампания не прекратилась. Но Розанов, насколько нам известно, уже никак на нее не реагировал. В каком-то смысле легко отделался и филологический факультет МГУ. В 1949 г. его миновали, насколько мы знаем, прямые репрессии, собрания не носили такого острого характера, как Ученый совет ИМЛИ⁷⁹. Характерно, что в «Служебной записке сектора вузов Агитпропа ЦК Д.Т. Шепилову об итогах закрытых партийных собраний в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом» (5 апреля 1949) филфак отсутствует. В результирующей части читаем: «Партийные собрания философского факультета, кафедры марксизма-ленинизма и исторического факультета приняли постановления, в которых просят ректорат университета освободить от работы в Московском государственном университете академика Минца, профессоров Юдовского, Белецкого, Разгона, Рубинштейна, Зубока, Звавича, Асмуса, доцентов Городецкого, Комми и Ярошевского. Приказом ректора университета т. Несмеянова уже освобождены от работы в университете академик Минц, профессора Юдовский, Разгон, Рубинштейн, Звавич и Зубок»⁸⁰. Нет информации о заседаниях на филфаке и в университетской многотиражке.

⁷⁸ См.: *Куканова Н.Г.* Бахтины в нашей жизни. URL: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html

⁷⁹ Возможно, это было вызвано хронологией. Резко критически говорили многие о деятельности факультета на партийном собрании 27 января, но оно состоялось еще до первой статьи в «Правде» (см. об этом выше), а завершающее собрание — уже тогда, когда вслух говорить о подобных предметах становилось опять непристойным.

⁸⁰ Сталин и космополитизм. С. 369.

Деятельность факультета, повторимся, обсуждалась на коллегии Минвуза 22–23 апреля, но и там всё обошлось малой кровью. В проекте решения было записано: «Освободить от работы на факультете профессора Мотылеву, профессора Бернштейн С.И., доцента Аникст и доцента Исбах»⁸¹. Здесь следует заметить, что местом основной работы Т.Л. Мотылевой был ИМЛИ⁸², А.А. Аникст был начальником кафедры в ВИИЯ, А.И. Исбах заведовал кафедрой в МОПИ. То есть главным местом работы МГУ был только у С.И. Бернштейна⁸³, и можно предполагать, что такой ход был защитительной мерой, чтобы сохранить своих преподавателей.

Послесловие

Из дневника И.Н. Розанова 1953 г.

(Л. 23об) 13 января. Вторник.

Утром в газетах о 9 врачах-вредителях, из них 8 профессора, состояли на службе у американцев или в английской разведке.

Вторник 27. День Эренбурга

(Л. 31об) Веч[ером], как сообщила Нат. Ив. [Рождественская], должно быть заседание бюро секции Нар[одного] тв[орчества] с обсуждением статьи в «Правде», где разоблачается Мирер⁸⁴. Я сообщил, что должен быть в Кремле на Эренбурге, не знаю, когда кончится, не ручаюсь, что смогу быть.

(Л. 33)

Уважаемый тов. Розанов И.Н.

Секретариат ССП СССР приглашает Вас 27 января в 2 ч. 30 мин. получить пропуск в Бюро пропусков Спасских ворот Кремля и в 3 часа дня присутствовать в Большом Кремлевском дворце на вручении Сталинской премии мира *И.Г. Эренбургу*.

Предъявление паспорта обязательно.

Секретарь Правления

ССП СССР

/А. Софронов/

⁸¹ Там же. С. 441.

⁸² В ее письме и материалах Агитпропа относительно возможного ее восстановления в ВКП(б) и на работе филологический факультет не упоминается (Там же. С. 385–387).

⁸³ К тому времени он уже был уволен. См. приказ от 16 апреля (*Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М., [2019]. С. 150–151*). Поводом были «выступления против советского материалистического языкознания — учения академика Н.Я. Марра». В 1950 г., после разгрома марризма, он был восстановлен на службе.

⁸⁴ См. в книге дочери фольклориста С.И. Мирера: «11 января 1953 года за два дня до публикации клеветнических материалов о пресловутом “Деле врачей-вредителей”, в “Правде” был напечатан фельетон под названием “За спиной у ведущих”. Кроме папы, автор раскритиковал там В. Ардова, А. Филатова и “прошелся” по десятку других писателей. Лейтмотив фельетона был такой: пока ведущие писатели сотворяют монументальные произведения, воспевающие нашу потрясающую реальность, всякая мелкая шушера халтурит и гребет деньги чуть ли не лопатами» (*Беленькая А. Поездка в Ляды. М., 2011. С. 254*).

(Л. 92-93) 2 апреля. Суббота.

Исторический день

[вклеена вырезка из газеты] СООБЩЕНИЕ

в «Правде» об освобождении врачей, неправильно обвиненных во вредительстве и о лишении врача Тимошук ордена (на 4 стр[анице] извещение о смерти М.Д. Эйхенгольца).

(Л. 94об) 6 апреля. Понед.

В «Правде» статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна», где названы как ротозей бывший министр госуд[арственной] безопасности Игнатьев и как враг народа его заместитель Рюмин.

(Л. 95) 7 апреля. Вторник.

Утром в «Литературке» перепечатаны статья из «Правды» 6-го, в предыд[ущем] номере ст[атья] об «Извещении» 4-го апр[еля] и о Тимошук⁸⁵.

Нетрудно заметить, как изменилась вся тональность дневника. Видимо, уроки 1949 года не прошли даром.

Литература

Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83–135.

Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157–176.

Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М.: Институт славяноведения, 2002. 374 с.

Богатырева С. Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ; Ред. Елены Шубиной, 2019. 510 с.

Богомолов Н.А. Девичье Поле // Звезда. 2019. № 6. С. 109–139.

Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд., испр. и доп. London: Overseas publ. interchange, 1990. 671 с.

Дружинин П. Годовщина Победы или начало новой войны? // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 455–469.

Дружинин П.А. Идеология и филология: Документальное исследование: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 588, 703 с.

Дружинин П.А. Филологический факультет Московского университета в 1949 году: Избранные материалы // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452.

Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / Публ. Р.Г. Эймонтовой // Отечественная история. 1999. № 3. С. 142–169.

⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 653. Карт. 6. Ед. хр. 3. Листы указаны в тексте.

- Кацис Л.* Ошибки в идеологической работе // *Лехаим*. 2012. № 12. С. 98–102.
- Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.
- Куканова Н.Г.* Бахтины в нашей жизни. URL: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html (дата обращения: 12.06.2019).
- Максименков Л.* «Оживить “Огонек”»: Как Евгений Петров стал редактором «Огонька» // *Огонек*. 2016. № 50. С. 34–35.
- Овсянников Н.* Марк Савельевич Гельфанд // *Заметки по еврейской истории*. 2014. № 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (дата обращения: 12.06.2019).
- Огрызко В.* А судьбы кто?! Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2016. 719 с.
- Огрызко В.* Советский литературный генералитет: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2018. 902 с.
- Огрызко В.* Создатели литературных репутаций. Русские критики и литературоведы XX века: Судьбы и книги. М.: Литературная Россия, 2017. 703 с.
- Панов С., Панова О.* «История американской литературы» в советской Академии наук. Статья вторая // *Литература двух Америк*. 2017. № 2. С. 252–372.
- Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС 1945–1953 / Сост. Д.Г. Наджафова, З. С. Белоусовой; отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Материк, 2005. 765 с.
- Хализев В.Е.* Г.Н. Поспелов в пору борьбы с «буржуазным либерализмом» и «космополитизмом» А.Н. Веселовского (1947–1949) // *Русское литературоведение XX века: Имена, школы, концепции*. М.; СПб., 2012. С. 21–30.

References

- Azadovskii K., Egorov B. “Kosmopolity” [“Cosmopolitans”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 36, pp. 83–135. (In Russ.)
- Azadovskii K., Egorov B. O nizkopoklonstve i kosmopolitizme: 1948–1949 [On kotowing and cosmopolitanism]. *Zvezda*, 1989, no. 6, pp. 157–176. (In Russ.)
- Bernshtein S.B. *Zigzaghi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovyie zapisi* [Zigzags of memory: Memoirs. Diary notes]. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2002. 374 p. (In Russ.)
- Bogatyreva S. *Serebrianyi vek v nashem dome* [Silver Age in our house]. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2019. 510 p. (In Russ.)
- Bogomolov N.A. Devich'e Pole. *Zvezda*, 2019, no. 6, pp. 109–139. (In Russ.)
- Druzhinin P. Godovshchina Pobedy ili nachalo novoi voiny? [The anniversary of the Victory or the beginning of a new war?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 116, pp. 455–469. (In Russ.)
- Druzhinin P.A. Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta v 1949 godu: Izbrannnye materialy [Faculty of Philology, Moscow University in 1949: Selected materials]. *Literaturnyi fakt*, 2016, no. 1–2, pp. 380–452. (In Russ.)

Druzhinin P.A. *Ideologiya i filologiya: Dokumental'noe issledovanie: V 2 t.* [Ideology and philology: Documentary research: In 2 vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 588, 703 p. (In Russ.)

Iz dnevnikov Sergeia Sergeevicha Dmitrieva [From Sergey Dmitriev's diaries], publ. R.G. Eimontova. *Otechestvennaia istoriya*, 1999, no. 3, pp. 142–169. (In Russ.)

Katsis L. Oshibki v ideologicheskoi rabote [Errors in ideological work]. *Lekhaim*, 2012, no. 12, pp. 98–102. (In Russ.)

Khalizev V.E. G.N. Pospelov v poru bor'by s "burzhuaznym liberalizmom" i "kosmopolitizmom" A.N. Veselovskogo (1947–1949) [G.N. Pospelov at the time of struggle against A.N. Veselovsky's "bourgeois liberalism" and "cosmopolitanism" (1947–1949)]. *Russkoe literaturovedenie XX veka: Imena, shkoly, kontseptsii* [Russian literary criticism of the 20th century: Names, schools, concepts]. Moscow, St. Petersburg, 2012, pp. 21–30. (In Russ.)

Klein I. *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka* [Ways of cultural import: Proceedings on Russian literature of the 18th century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 576 p. (In Russ.)

Kukanova N.G. *Bakhtiny v nashei zhizni* [The Bakhtin family in our life]. Available at: http://www.strannik-lit.ru/96656_17817_03_7_2015.html (accessed 12.06.2019). (In Russ.)

Maksimenkov L. "Ozhivit' 'Ogonek'": Kak Evgenii Petrov stal redaktorom "Ogon'ka" ["To relive 'Ogonek'": How Yevgeny Petrov became the editor of "Ogonek"]. *Ogonek*, 2016, no. 50, pp. 34–35. (In Russ.)

Ogryzko V. *A sud'i kto?! Russkie kritiki i literaturovedy XX veka: Sud'by i knigi* [And who are the judges?! Russian critics and literary scholars of the 20th century: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2016. 719 p. (In Russ.)

Ogryzko V. *Sovetskii literaturnyi generalitet: Sud'by i knigi* [Soviet literary generals: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2018. 902 p. (In Russ.)

Ogryzko V. *Sozdateli literaturnykh reputatsii. Russkie kritiki i literaturovedy XX veka: Sud'by i knigi* [Creators of literary reputations. Russian critics and literary scholars of the 20th century: Fates and books]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2017. 703 p. (In Russ.)

Ovsiannikov N. Mark Savel'evich Gel'fand. *Zametki po evreiskoi istorii*, 2014, no. 2. Available at: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer2/Ovsjannikov1.php> (accessed 12.06.2019). (In Russ.)

Panov S., Panova O. "Istoriia amerikanskoi literatury" v sovetskoi Akademii nauk. Stat'ia vtoraiia ["History of American Literature" at the Soviet Academy of Sciences. Part 2]. *Literatura dvukh Amerik*, 2017, no. 2, pp. 252–372. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm: Dokumenty Agitpropa TsK KPSS 1945–1953 [Stalin and cosmopolitanism: Documents of the CPSU Central Committee Agitprop 1945–1953], comp. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova, ed. D.G. Nadzhafov. Moscow, Materik Publ., 2005. 765 p. (In Russ.)

Voslenskii M. *Nomenklatura: Gospodstvuushchii klass Sovetskogo Soiuza* [Nomenclature: The ruling class of the Soviet Union], 2nd ed. London, Overseas publ. interchange, 1990. 671 p. (In Russ.)

**“But I don’t wash away the shameful lines ...”:
1949 in Ivan Rozanov’s life**

© 2019, Nikolay Bogomolov

Abstract: The article is devoted to the events of February-April 1949 at the Faculty of Philology of Moscow State University and at the Institute of World Literature. The main source of information is the diary of Ivan Rozanov, who took part in events thoroughly studied on the example of Leningrad institutions (Faculty of Philology of Leningrad State University and the Institute of Russian Literature), while comparatively little has been known about Moscow events of that time.

Keywords: Ivan Rozanov, Moscow State University, Institute of World Literature.

Information about the author: Nikolay Bogomolov, Doctor Hab. of Philology, professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Citation: Bogomolov Nikolay. “But I don’t wash away the shameful lines...”: 1949 in Ivan Rozanov’s life. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 303–340. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-303-340

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-341-378
УДК 821.161.1

Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927)*

© 2019, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева

Аннотация: Представленная аннотированная «Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927)» является результатом многолетней работы над фундаментальным научным проектом «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» в 5 т. (7 кн., 2003–2018). В этом труде впервые были введены в научный оборот и датированы прижизненные и посмертные переводы произведений Есенина, которые ранее не упоминались в отечественных и зарубежных исследованиях о поэте, в т. ч. на иностранных языках. Большинство труднодоступных изданий при сотрудничестве с зарубежными коллегами было просмотрено *de visu*. В результате удалось составить максимально полную на данный момент библиографию переводов произведений Есенина: от первых, не выявленных ранее переводов В. Гартмана на немецкий язык («Осень» и «Певущий зов») до многочисленных посмертных переводов 1926–1927 гг. Библиографический перечень сопровождается указателями: произведений поэта, языков их переводов и имен переводчиков. При жизни Есенина его произведения переводились на 17 языков: немецкий, английский, шведский, французский, итальянский, польский, чешский, болгарский, сербский, словенский, украинский, белорусский, латышский, армянский, грузинский, японский и идиш. Всего за обозначенный период выявлено 194 публикации 90 есенинских произведений (или их фрагментов) на 21 языке.

Ключевые слова: Есенин, библиография, произведения, переводы (1920–1927), иностранные языки, Европа, Азия, Америка

Информация об авторах:

Сергей Иванович Субботин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Наталья Игоревна Шубникова-Гусева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E mail: shubnikova-gus@mail.ru

Цитирование: *Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И.* Библиография переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927) // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 341–378. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-341-378

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-04-00166 «С.А. Есенин в культуре и литературе России и зарубежья: Новые материалы».

Динамика вхождения Сергея Есенина с начала 1920-х гг. в мировой литературный процесс относится к наименее исследованным проблемам есениноведения. Речь идет об изучении жизни и творчества поэта как объекта восприятия и интерпретации в словесности и культуре (философии, музыке, живописи, театре и кино) Европы, Азии и Америки. Одной из первостепенных задач является создание соответствующих баз данных, поиск и освоение нового библиографического материала и неизученных источников. Ее актуальность определяется широким интересом к творчеству Есенина в разных странах, созвучным общему интересу к русской культуре. Поэтический дар Есенина, его яркая личность, легендарная биография, литературная карьера и популярность на родине — всё это играло и продолжает играть здесь решающую роль. Однако детальное исследование разнообразных аспектов глобального освоения и усвоения есенинского творчества, по существу, только начинается.

При подготовке фундаментального научного издания «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» (5 т. в 7 кн., 2003–2018) впервые систематически введены в научный оборот и датированы прижизненные и посмертные переводы произведений Есенина и критические работы о его творчестве, выявлены факты, события, публикации, которые раньше не учитывались в отечественных и зарубежных работах о поэте и в наиболее полных библиографиях его произведений и литературы о нем, в т.ч. на иностранных языках. Сотрудничество с исследователями разных стран позволило изучить начальный этап восприятия творчества Есенина в этих странах намного подробнее. В результате оказалось возможным составить максимально полную на сегодняшний день аннотированную «Библиографию переводов произведений Сергея Есенина (1920–1927)», значительная часть материалов которой системно демонстрируется впервые.

Первой страной, познакомившейся со стихами великого русского поэта на родном языке, стала Германия: в 1920 г. Вальдемар Гартман (Waldemar Hartmann) приложил к своей статье «Новейшая русская революционная поэзия» (“*Die jüngste russische Revolutionsdichtung*”) полные переводы стихотворения Есенина «Осень» (1914) и его поэмы «Певущий зов» (1917). Эта страна и ныне является одной из ведущих в процессе мировой рецепции творчества поэта.

Первая зарубежная книга переводов произведений Есенина — “*Confession d'un voyou*” — вышла в 1922 г. на французском языке (2-е изд. — 1923). В дальнейшем она сыграла посредническую роль при обращении переводчиков других стран к творчеству поэта. Стоит также отметить, что издания переводов произведений Есенина за рубежом проектировались еще с 1921 г. Из его писем известно, например, что в Варшаве печат-

талась книга с есенинской «Исповедью хулигана» и «Разочарованием» А. Мариенгофа в переводе на идиш (упоминаются типографские оттиски переводов); в Вене готовился сборник на немецком языке, который тоже не увидел свет (письмо от 19 ноября 1921 г.; ПСС¹, 6, 127–128, 506–507). Книги “Inonion” (на немецком языке, Berlin, 1921) и “Inonion” (на французском языке, Paris, 1921), которые поэт обозначил как вышедшие (ПСС, 7 (2), 164) в рекламном перечне «Книги Есенина», содержащемся в его «Третьякнице» (1921), неизвестны. Не выявлены в европейской печати начала 1920-х гг. и какие-либо сведения об их реальном выпуске.

В данной библиографии переводов произведений Есенина (1920–1927) учтены их публикации в периодической печати (в т.ч. в виде фрагментов, цитируемых в статьях иноязычных авторов) и в переводных антологиях и сборниках русской или мировой поэзии. Кроме того, даются росписи семи книг переводов из Есенина, вышедших в указанный период.

При жизни поэта его произведения переводились на 17 языков: немецкий, английский, шведский, французский, итальянский, польский, чешский, болгарский, сербский, словенский, украинский, белорусский, латышский, армянский, грузинский, японский и идиш. Из них в то время не вышли из печати только переводы на идиш (отдельная книга Есенина на идише увидит свет в 1931 г.). Всего насчитывается 132 публикации прижизненных переводов 47-ми произведений Есенина (и/или их фрагментов). Некоторые из них печатались неоднократно; безусловными лидерами среди отдельных текстов по количеству выполненных переводов являются поэмы «Преображение» и «Товарищ». В 1926–1927 гг. добавились переводы на испанский, литовский, словацкий, венгерский и эстонский языки. Здесь описаны 194 публикации переводов (среди них — одна литературная (59а) и две повторные, идущие под одним номером с первичными; см. позиции 29 и 156), выполненных 89-ю переводчиками, не считая анонимных. На 21 язык были переведены и опубликованы 90 произведений Есенина, из них 8 на тот момент вышли из печати (на том или ином языке) лишь фрагментарно.

Материал разделен по годам выхода переводов из печати. Внутри каждого из разделов он располагается в алфавитном порядке названий произведений Есенина, открывающих ту или иную библиографическую запись. После заголовка или первой строки произведения (либо группы произведений) указываются имена переводчиков. Переводы фрагментов описываются построчно, слова «строка» и «строки» сокращаются до

¹ *Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / ИМЛИ РАН / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука — Голос, 1995–2001. После аббревиатуры указываются номера тома и страниц.

«ст.». Упомянутые выше росписи содержания книг переводов из Есенина следуют за перечнем отдельных публикаций в каждом из соответствующих разделов («1922», «1926», «1927»). Библиографические описания источников даются на языках переводов, кроме описаний переводов на армянский, грузинский и японский языки, выполненных кириллицей. Если перевод имеет заголовок, он воспроизводится после библиографической записи (в скобках). Звездочка перед описанием означает, что приводимые сведения взяты из вторичного источника.

Нумерация позиций сквозная по всему материалу. Он сопровождается тремя указателями: произведений поэта, языков их переводов и имен переводчиков.

Авторы признательны Павлу Лавринцу (Вильнюс), Василию Молодякову (Токио), Мишелю Никё (Кан, Франция), Хатуне Табатадзе (Тбилиси) и Наталии Шром (Рига) за деятельную помощь в работе.

1920

1. Певущий зов; Осень / В. Гартман // Der neue Merkur. München, 1920. Jg. 4. Hf. 2/3 (Mai-Juni). S. 117–119. — (Singenden Ruf; Herbst <Повующий зов; Осень>).

Приложено к статье: *Hartmann W.* Die jüngste russische Revolutionsdichtung <Новейшая русская революционная поэзия>. «Певущий зов» переведен по тексту 2-го сб. «Скифы» ([Пг.], 1918, с. 22–24), «Осень» — по тексту 1-го сб. того же названия ([Пг.], 1917, с. 116).

Есенин С. Маленькая поэма «Певущий зов» и стихотворение «Осень». Перевод на немецкий язык Вальдемара Гартмана (Der neue Merkur. 1920. Hf. 2/3). С.м. № 1.

1921

2. ***Декларация** [имажинистов, в соавт.; отр.] / Аноним (Л. Мицич?) // *Zenit*. Zagreb, 1921. [God. 1]. Br. 5 (jun.). S. 12. — (Imažinisti).

3. **Инония** (гл. 1, ст. 9–12, 17–20; гл. 4, ст. 29–30, 33–40; гл. 2, ст. 69–80, 45–49 [1-я ред.]) / Аноним // *The Living Age*. N.Y., 1921. Vol. 309, № 4014 (June 11). P. 641.

В составе материала: *Bolshevist Poet-Mystics* / By Hélène Isvolsky / From *La Revue de France, April 15* (Political and Literary Fortnightly). Переведено с франц. текста (см. № 4).

4. **Инония** (гл. 1, ст. 9–12, 17–20; гл. 4, ст. 29–30, 33–40; гл. 2, ст. 69–80, 45–49 [1-я ред.]) / Е. Извольская // *La Revue de France*. Paris, 1921. T. 1 (15 avr.). P. 642–646.

В составе статьи: *Isvolsky H. La littérature mystique au pays du bolshewisme* <Мистическая литература в стране большевизма>. Перевод выполнен по тексту сб. «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920).

5. **Преображение** (гл. 1 и 3) / Е. Извольская // *Promenoir*. Lyon, 1921. № 4 (août). P. 54, 56. — (*La Transfiguration*).

На с. 55 — рисунок Ф. Леже².

6. **Преображение** (гл. 1 и 3); **Инония** (гл. 2) / И. Голль // *Menschen: Zeitschrift neuer Kunst*. Dresden, 1921. Jg. 5. Hf. 3 (№ 113, Juli). S. 44–46. — (*Verwandlung; Aus dem Zyklus: Russland und Inonie*).

7. **Преображение** (гл. 3) / Я. Райнис // *Produkts*. Rīga, 1921. № 2 (15 aug.). L. 26–27. — (*Pārvērtība*).

8. **Преображение** (гл. 3) / Я. Райнис // *Rainis J. Nemierīgā sirds. Dziesmas no visas pasaules* [Беспокойное сердце. Песни со всего мира: <Сб. переводов>]. Rīga: Daile un darbs, 1921. L. 109. — (*Pārvērtība*).

9. **Сорокоуст** (гл. 2) / Я. Судрабкалн // *Latvijas Vēstnesis*. Rīga, 1921. 10. Sept. (№ 205). L. 2. — (*No jaunākās krievu dzejas* <Из новейшей русской поэзии>).

² Сообщено М. Никё.

10. Сорокоуст (гл. 3) / Я. Судрабкалн // *Latvijas Vēstnesis*. Rīga, 1921. 12. Sept. (№ 206). L. 2. — (No jaunākās krievu dzejas <Из новейшей русской поэзии>).

11. Табун (ст. 1–8); **Голубень** (ст. 9–16); **Голубень** (ст. 1–8); **Преображение** (гл. 3) / Б. Дейч // *Modern Russian Poetry: an Anthology* / Chos. & transl. by B. Deutsch and A. Yarmolinsky. New York: Harcourt, Brace & Co, 1921. P. 165–168. — (Upon green hills; Hopes painted by the autumn cold; In the clear cold; Transfiguration: III).

12. *Товарищ / Апседелс [А. Аписитис] // *Produkts*. Rīga, 1921. № 4.

13. Хулиган / И. Эренбург, Ф. Элленс // *L'Humanité*. Paris, 1921. 23 oct. (№ 6421). — (Un Poème de Russie: Fragment).

Стихотворение переведено полностью.

1922

14. Волчья гибель <«Мир таинственный, мир мой древний...»> / Л. Милич // *Zenit = Zenit*. Beograd–Zagreb, 1922. God. 2. Br. 17/18 (sept.-oct.). S. 54. — (Vučja propast).

На обл.: “ruska <так!> nova umetnost” <«русское новое искусство»>.

Переводчик не указан.

15. Инония (гл. 1 и 2, обе без ст. 7–8) / Б. Жираник // *Nowa sztuka*. Warszawa, 1922. № 2 (lut. <февр.>). S. 24–26. — (Innońia: fragmenty poematu).

Перевод выполнен по сб. «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920). Цензурные купюры в тексте обозначены строками точек.

16. Инония (гл. 2, ст. 17–37, 38–80) / Е. Извольская // *Les cinq continents: anthologie mondiale de poésie contemporaine* par I. Goll. Paris: La Renaissance du livre, 1922. P. 207–210. — (Russie et Inonie: Fragment).

Перевод выполнен по сб. «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920). В целом текст, автором оригинала которого в сб. “Les cinq continents...” назван Есенин, на деле представляет собой контаминацию: ст. 37 и 38 перевода фрагмента «Инонии» перемежаются здесь (в подбор и без оговорок) переводом ст. 14–41 стихотворения А. Блока «Скифы»³.

³ Идентифицировано М. Никё.

17. Исповедь хулигана (ст. 22–27, 32–39, 14–19, 6–9, 40–48, 62–73, 78–83); **Хулиган** (ст. 13–16); **Сорокоуст** (гл. 3); **Песнь о собаке** / Ф. Элленс // *Le Disque vert. Paris–Bruxelles*, 1922. Ann. 1. № 4 (août).

В составе статьи: *Hellens F. Un grand poète russe contemporain: Serge Essenine* <Великий современный русский поэт: Сергей Есенин>. P. 87–93.

18. Кобыльи корабли / Ф. Элленс // *Le Disque vert. Paris–Bruxelles*, 1922. Ann. 1. № 4 (août). P. 94–96. — (*Les Navires des cavales* <Корабли кобыл>).

19. Кобыльи корабли (гл. 5) / Ф. Элленс // *Lumière. Anvers*, 1922. Ann. 3. № 9/10 (15 juin–juillet). P. [2]. — (*Le navire des Cavales: Extrait* <Корабль кобыл: Отр.>).

20. Певущий зов; Товарищ / П. Паскаль // *Clarté. Paris*, 1922. Nouv. sér.: Ann. 1. № 9 (15 mars). P. 199–200. — (*L'appel qui chante; Le camarade* <Поющий зов; Товарищ>).

Приложено к статье: *Pascal P. Une âme russe et deux poèmes* <Одна русская душа и две поэмы>.

21. Песнь о хлебе / Ф. Тихий // *Most. Praha*, 1922. Roč. 1. № 5/6 (20. února <февр.>). S. 65. — (*Píseň o obilí* <Песня о хлебе>).

22. Преображение (гл. 1 и 3) / Л. Мицич // *Zenit. Zagreb*, 1922. God. 2. Br. 14 (maj). S. 25–26. — (*Преображење*).

Подпись переводчика: Л.М.

23. Преображение (гл. 1), **Табун** / В. Денгоф-Чарноцкий; **«Нивы сжаты, рощи голы...»**, **«Отвори мне, страж заоблачный...»** / Л. Подгорский-Околув // *Nowa poezja rosyjska. Warszawa: Watra*, 1923 <факт. 1922>. S. 73–77. — (*Fragment z roematu Przeobrażenia; Tabun*).

О времени выхода сборника см.: *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т.Т. 3. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 240.*

24. «Сторона ль ты моя, сторона...»; **«Разбуди меня завтра рано...»** / М. Милославская, Ф. Элленс // *Clarté. Paris*, 1922. Nouv. sér.: Ann. 1. № 23 (15 oct.). P. 539. — (*Confession d'un voyou* <общ. загл.>).

Из-за ошибки в верстке тексты переводов оказались смешаны (подробнее см.: *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т.Т. 3. Кн. 2. С. 207*).

25. *Табун / В. Давид // Vards. Rīga, 1922. № 3.

26. Товарищ (без ст. 90, 91, 93, 94) / К. Винавер // Lucifer. Lublin, 1922. № 2/4 (marz.). S. 8–9. — (Towarzysz).

Цензурные купюры в тексте обозначены строками точек.

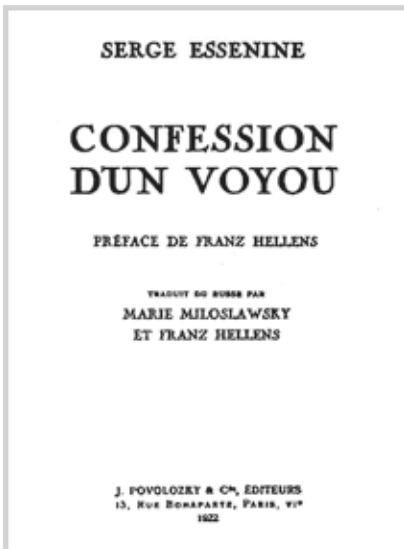
27. Товарищ / Н. Хрелков // Везни. София, 1922. Г. 3. № 14 (14 ян.). С. 245–248. — (Другар).

28. «Устал я жить в родном краю...» / Ф. Элленс, М. Милославская // La Bataille littéraire. Bruxelles, 1922. Ann. 4. № 7/8 (jul.–août). P. 149–150. — (Poème).

29. *Confession d'un voyou* / Pref. de F. Hellens; Trad. par M. Miloslavsky et F. Hellens. — Paris: J. Povolozky et Cie, 1922. — 82 p. — 2-е изд.: 1923.

Содержание: Исповедь хулигана; Песнь о собаке; «Всё живое особой метой...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Закружилась листва золотая...»; Песнь о хлебе; «Дождик мокрыми метлами чистит...» <Хулиган>; Кобыльи корабли; Пугачев.

С предисл. Ф. Элленса.

Есенин С. Исповедь хулигана. Перевод на французский язык (Confession d'un voyou. Paris, 1922). Титульный лист. См. № 29.

Есенин С. Пугачев. Начало поэмы в переводе на французский язык (Confession d'un voyou. Paris, 1922). См. № 29.

1923

30. Волчья гибель <«Мир таинственный, мир мой древний...»> / О. Бабий // Литературно-науковий вістник. Львів, 1923. Річ. XXII. Т. LXXIX. Кн. 2 (лют. <февр.>). С. 113. — (Загин вовка).

31. Исповедь хулигана / Б. Ясенский // Zwrotnica. Kraków, 1923. № 4 (lut. <февр.>). S. 103. — (Spowiedź chuligana).

32. Лисица / Л. Подгорский-Околув // Skamander. Warszawa, 1923. Т. 4. Zesz. 28 (kwiec. <апр.>). S. 41. — (Lis).

33. Песнь о собаке / А. Панов // Селяньска правда. Харків, 1923. 11 лист. <нояб.> (№ 131). — (Пісня про собаку: з Сергія Єсеніна).

34. Преображение / Б. Ясенский // Zwrotnica. Kraków, 1923. № 5. S. 144. — (Przemienienie).

35. Преображение; Голубень (ст. 9–16) / С. Тартаковер // Das russische Revolutionsgesicht: Eine Anthologie zeitgenössischer russischer Dichtungen ins Deutsche... / [Hrsg.] von S. Tartakower. Wien; Berlin; Leipzig; New York: Renaissance, [1923]. S. 51–54, 81. — (Verklärung; Unterm blauen Himmel (Aus gleichnamigen Zyklus) <Преображение; Под голубым небом (Из одноименного цикла)>).

Обл.: Savielly Tartakower. Russland lacht und klagt...

36.*Преображение (гл. 1, 2 и 5; отр.); **Октоих** (гл. 1 и 2; отр.) / Н. Доул // New York Times. 1923. Febr. 25.

В составе статьи: *Dole N. Some Bolshevistic Troubadours* <Некоторые трубадуры большевизма>.

37. «Разбуди меня завтра рано...» / М. Милославская // Tentatives. Grenoble, 1923. № 1 (1 juin). P. 3–4.

38. Табун (ст. 1–8); **Голубень** (ст. 9–16); **Голубень** (ст. 1–8); **Преображение** (гл. 3) / Б. Дейч // Modern Russian Poetry: an Anthology / Chos. & transl. by B. Deutsch and A. Yarmolinsky. London: John Lane the Bodley Head, Ltd, 1923. P. 165–168. — (Upon green hills; Hopes painted by the autumn cold; In the clear cold; Transfiguration: III).

Журнал "Tentatives" (Гренобль. 1923. № 1). Титульный лист и стихотворение С. Есенина «Разбуди меня завтра рано...» в переводе на французский язык М. Милославской. Оформление и гравюры Жоржа Жимеля. См. № 37.

39. «Там, где вечно дремлет тайна...»; «Нивы сжаты, роши голы...»; Инония (гл. 1, ст. 5–11, гл. 2, ст. 7–20); **Преображение** / К. Осэ // Роню Росия сию [Собрание стихотворений рабоче-крестьянской России]. Токио: Кайдзося, 1923. С. 109 и сл.⁴

Загл. на переплете по-русски: Поэзия большевистских дней.

40. *Товарищ / Е. Чаренц // Патком [Юнком = Юный коммунист]. Ереван, 1923. № 1. — (Друзья).

С ред. примеч., что тема взята у Есенина. Сокращенное вольное переложение оригинала. Включено Чаренцем в сб. его стихов (1932) с пометой: «По Сергею Есенину».

41. «Я снова здесь, в семье родной...» / Е. Тодоров [Теодоров] // Модерно изкуство. Варна, 1923. Г. 1. № 4. С. 59.

1924

42. «В том краю, где желтая крапива...» / Б. Матезиус // Rudé právo. Praha, 1924. 21. prosin. <дек.> (№ 298): Ned. příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Cesta na Sibiř <Дорога в Сибирь>).

⁴ Идентифицировано В.Э. Молодяковым.

43. Инония (гл. 1 и 4, ст. 1–20) / Р. Олькеницкая-Нальди // *Antologia dei poeti russi del XX secolo*. Milano: Fratelli Treves, 1924. P. 221–223. — (Dal poema “Inonia” (1920) <Из поэмы «Инония» (1920)>).

44. Инония (гл. 1, ст. 1–24 и гл. 4) / Ф. Кубка; **Сорокоуст** (гл. 3), «**Запели тесаные дроги...**» / М. Марчанова; «**Пой же, пой. На проклятой гитаре...**», **Исповедь хулигана** (ст. 22–39) / Я. Выплел // *Cesta*. Praha, 1924. Roč. 6. № 29/30 (22. února <февр.>). S. 425–427. — (Z “Inonie”; *Zas vozu zazpívaly*; *Zpověď darebáka: úryvek* <Из «Инонии»; Опять повозки запели; Исповедь негодяя: отр.>).

45. «Не ветры осыпают пуши...»; «Нивы сжаты, роши голы...»; «Устал я жить в родном краю...» / Б. Матезиус // *Národní osvobození*. Praha, 1924. 28. prosin. <дек.> (№ 325): Lit. příl. Hodina. S. 1. — (Tři básničky <Три стихотворения (общ. загл.)>).

46. Осень / Б. Матезиус // *Rudé právo*. Praha, 1924. 23. list. <нояб.> (№ 275): Ned. příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Jeseň <Осень>).

47. Пантократор / В. Броневский // *Blok*. Warszawa, 1924. № 3/4. S. [13]. — (Pantokrator).

48. Пугачев (гл. 8, ст. 1–24, монолог Пугачева); **Пришествие** (гл. 1, 4 и 6) / Ф. Кубка // *Host*. Praha, 1924. Roč. 4. № 2 (list. <нояб.>). S. 59–60. — (Fragment z “Pugačeva”; Z “Příchodu” <Фрагмент из «Пугачева»; Из «Пришествия»>).

49. Сорокоуст / Б. Ясенский // *Gazeta Lwowska*. 1924. 10 sierp. <авг.> (№ 184). — (Czterdzieścisty).

50. Товарищ / К. Винавер // *Nova Kultura*. Warszawa, 1924. Rok 2. № 14 (5 kwiet. <апр.>). S. 323–325. — (Towarzysz).

Подпись переводчика: K. Win.

51. Товарищ / Р. Линдквист // *Sånger i rött och svart: ett urval ryska dikter från bolsjevismens dagar* [Песни в красном и черном: Избранные русские стихотворения большевистских дней] / Svensk tolk. av Rafael Lindqvist. Helsingfors: Schildt, 1924. S. 62–66. — (Tavaristsj).

52. Товарищ / Б. Матезиус // *Rudé právo*. Praha, 1924. 7. prosin. <дек.> (№ 287): Ned. příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Soudruh: Ze sbírky “Únor” <Товарищ: Из подборки «Февраль»>).

Имеется в виду раздел «Февраль» в кн.: *Есенин С.А.* Собрание стихов и поэм. Т. 1. Берлин; Пб.; М.: З.И. Гржебин, 1922.

53. Товарищ / К. Чичинадзе // Мнатоби. Тифлис, 1924. № 6. С. 112–115. — (Амханаги).

1925

54. Возвращение на родину / О. Бабий // Литературно-науковий вістник. Львів, 1925. Річ. XXIV. Т. LXXXVII. Кн. 7/8 (лип.-серп. <июль-авг.>). С. 244–245. — (У рідному селі <В родном селе>).

55. Возвращение на родину / В. Ленский // Československá republika. Praha, 1925. 24. květ. <мая> (№ 141): Příl. Nedelní čtení. S. 3. — (Doma <Дома>).

Подпись переводчика: Vladimír-lenský.

56. «Гляну в поле, гляну в небо...»; **Табун** / В. Давид // Neděľa. Rīga, 1925. № 24 (12. jūn.). L. 1. — (Dzejoļi; Zirgu bars <Стихи; Стадо лошадей>)

57. «Да! Теперь решено. Без возврата...» / Б. Матезиус // Národní osvobození. Praha, 1925. 1. břez. <марта> (№ 59): Lit. příl. Hodina. S. 1. — (Z cyklu “Kořaleční Moskva”).

58. «Да! Теперь решено. Без возврата...» / Б. Матезиус // Národní osvobození. Praha, 1925. 30. prosin. <дек.> (№ 356). S. 1. — (Báseň z cyklu “Kořaleční Moskva”).

59. *«Запели тесаные дроги...» / Ж. Шюзвиль // Les Chroniques du Jour. Paris, 1925. № 1.

59а. «Запели тесаные дроги...» (ст. 5–9) / Ж. Шюзвиль // L'Intransigeant. Paris, 1925. 7 mai (№ 16346). P. 2⁵.

В рубрике “Les lettres” редактора газеты Ф. Дивуара (подпись: Les Treize), где сообщается о выходе № 1 “Chroniques du Jour” (см. № 59) и его содержании.

⁵ Идентифицировано М. Никё.

60. Исповедь хулигана (ст. 1–21) / Я. Выплел // Host. Praha, 1925. Roč. 4. № 9/10. S. 305. (Z cyklu “Zpověď darebáka” <Из цикла «Исповедь негодяя»>).

61. *Кобыльи корабли [фрагменты] / К. Осэ // Синтёся. Токио, 1925. № 7.

62. «Мы теперь уходим понемногу...» / В. Ленский // Rudé právo. Praha, 1925. 24. květ. <мая> (№ 141): Ned. příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Památce Širjajevově <Памяти Ширяева (так!)>).

Перевод выполнен по журнальной публикации стихотворения (Красная новь. М., 1924. № 4), имевшей загл. «Памяти Ширяевца».

63. *«Не жалею, не зову, не плачу...» / К. Яворский // Nowe życie. Lublin, 1925. Rok 1. № 2/3 (15 czerw. <июня>).

64. «Ночь и поле, и крик петухов...» / М. Марчанова // Cesta. Praha, 1925. Roč. 7. № 51/52. S. 803. — (V polích <В полях>).

65. «О красном вечере задумалась дорога...» / О. Бургардт; «Закружилась листва золотая...» / М. Бажан; **Товарищ; Пантократор** / Ю. Яновский; «Устал я жить в родном краю...», **А. Мариенгофу** <«Я последний поэт деревни...»> / М. Щербак // Антологія російської поезії в українських перекладах / Ред. Б. Якубського. Харків: Державне видавництво України, 1925. С. 169–180.

66. «Отчего луна так светит тускло...» / В. Дубовка // Савецкая Беларусь. Мінск, 1925. 24 кастр. <окт.> (№ 243). — (Фарсі матыў).

67. Преображение (гл. 3) / Й. Кальмер // Der Querschnitt. Berlin, 1925. Jg. 5. Hf. 5. S. 419. — (Verklärung).

68. Преображение (гл. 3) / А. Каун, Р. Холлоуэй // Poetry: A Magazine of Verse. Chicago, 1925. Vol. 27. № 2 (nov.). P. 76. — (Fragment from *Transfiguration*).

69. Преображение (гл. 3) / Я. Райнис // Rainis J. Dzīve un darbi. Biogrāfija un kopoti raksti [Жизнь и труды. Биография и собрание сочинений]. 3. Sēj. Rīga: A. Gulbjis, 1925. L. 480. — (Pārvertība).

70. Преображение (гл. 4) / Ф. Коварна // *Mláde proudy*. Praha, 1925. Roč. 20. № 6/7 (18. února <февр.>): Májak. Lit. a kult. příl. S. 3. — (Báseň <Стихотворение>).

71. Преображение (гл. 4) / Ф. Коварна // *Právo lidu*. Praha, 1925. 12. února <февр.> (№ 36). S. 2. — (Báseň <Стихотворение>).

72. Пугачев (гл. 8) / В. Броневский // *Skamander*. Warszawa, 1925. № 37 (stycz. <январь>). S. 60–64. — (Pugaczow: Poematu dramatycznego część VII i ostatnia “Koniec Pugaczowa” <Пугачев: драматической поэмы часть VII и последняя «Конец Пугачева»>).

Вместо VII (опечатка) должно быть VIII.

73. Русь советская / Й. Гора // *Host*. Praha, 1925. Roč. 4. № 8. S. 250–251. — (Sovětská Rus).

74. Русь советская / Э. Ло Гатто // *Russia: Rivista de letteratura — arte — storia*. Roma, 1925. Anno 4. № 1 (30 apr.). P. 25–28. — (La Russia sovietica).

75. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922] / Аноним [В. Грëгер?]; «**О красном вечере задумалась дорога...**» / В. Грëгер // *Europa-Almanach: Malerei. Literatur. Musik. Architektur. Plastik. Bühne. Film. Mode* / Hrsg. C. Einstein u. P. Westheim. Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1925. S. 158–159. — (Mein Leben; Herbst <Моя жизнь; Осень>).

76. Сорокоуст (гл. 3) / Н.Ф. Преображенский // *Gruda: Mesečnik za ljudsko prosveto*. Ljubljana, 1925. № 4. S. 118. — (Iz cykla “Zadušnice”: Sorokoúst).

Перевод на словенский язык.

77. «Сохнет стаявшая глина...» / Б. Матезиус // *Národní osvobození*. Praha, 1925. 15. břez. <марта> (№ 73): Lit. příl. Hodina. S. 1.

78. «То не тучи бродят за овином...»; «Я покинул родимый дом...»; «Отвори мне, страж заоблачный...» / В. Броневский // *Skamander*. Warszawa, 1925. № 42 (grudz. <декабрь>). S. 382–384.

79. «Я иду долиной. На затылке кепи...» / Й. Гора // *Reflektor*. Praha, 1925. Roč. 1. № 18. S. 12.

80. «Я последний поэт деревни...» / В. Давид // Nedeļa. Rīga, 1925. № 41 (9. okt.). L. 8. — (Dzejolis <Стихотворение>).

1926

81. *[Автобиография] / Аноним // Маладняк. Мінск, 1926. № 1 (2).

82. Автобиография, 1923 / Д. Полянов // Наковалня. София, 1926. Г. 1. Бр. 8 (28 ян.). С. 11.

83. Автобиография, 1923 / М. Черный // Panorama: Kulturní zpravodaj. Praha, 1926. Roč. 3. № 2 (1. dub. <апр.>). S. 12–14. — (Můj vlastní životopis <Мое собственное жизнеописание>).

84. Автобиография, 1923 / П. Эттингер // Wiadomości Literackie. Warszawa, 1926. 25 kwiet. <апр.> (№ 17). — (Autobiografija Sergiusza Jesienina).

85. Баллада о двадцати шести / [Б. Матезиус] // Rudé právo. Praha, 1926. 18. červ. <июля> (№ 168): Příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Balada o dvacetišesti).

86. «Всё живое особой метой...» / Я. Линденберг-Дегаль // Das neue Russland. Berlin, 1926. № 1/2. S. 29. — (Hooligan).

87. «Всё живое особой метой...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 28 lut. <февр.> (№ 59).

88. «Всё живое особой метой...»; «Не жалею, не зову, не плачу...» / В. Атаманюк; «До свиданья, друг мой, до свиданья...» / М. Рудницкий // Світ. Львів, 1926. № 4 (15 лют. <февр.>). С. 9–11. — (Передсмертний вірш <загл. 3-го перевода>).

89. «Где ты, где ты, отчий дом...» (ст. 1–15); **Осень** / Д. Кишш // Literatura. Budapest, 1926. Sz. 6. L. 11. — (A “Kék versek” sorozatából <Из раздела «Голубые стихи» [так переведен заголовок «Голубень»]>; Ősz).

Приложено к статье: *Kiss D. Jeszenyin: Egy orosz költő élete és halála* <Есенин: Жизнь и смерть одного русского поэта>. В есенинском «Собрании стихов и поэм. Т. 1» (Берлин; СПб.; М.: З.И. Гржебин, 1922) 1-е ст-ние входит не в «Голубень», а в раздел «Преображение».

90. «Голубая кофта. Синие глаза...» / Й. Гора // Rudé právo. Praha, 1926. № 3 (3. led. <январь>); Příl. Dělnická besídka. S. 1.

91. «Голубая кофта. Синие глаза...» / Й. Гора // Rovnost. Brno, 1926. 4. led. <январь> (№ 4). S. 2.

92. «Голубая кофта. Синие глаза...», «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...», «Сочинитель бедный, это ты ли...» / Я. Грот // Sociáldemokrát. Rīga, 1926. № 1 (1. jan.) L. 4. — (Seržeja Jesečina dzejoļi <Стихи Сергея Есенина (общ. загл.)>).

93. *Голубень; «О Русь, взмахни крылами...» (в сокр.) / Г. Ярхо // Der Querschnitt. Berlin, 1926. Jg. 6. Hf. 9 (Sept.). S. 683.

94. «Да! Теперь решено. Без возврата...» / Б. Матезиус // Rovnost. Brno, 1926. 1. ledna <январь> (№ 1). S. 5.

95. «Да! Теперь решено. Без возврата...»; «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»; «Сыпь, гармоника. Скука. Скука...»; «Пой же пой. На проклятой гитаре...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 26 marz. (№ 85). — (W moskiewskiej szynkowni <В московской пивной>).

Перевод выполнен по кн.: *Есенин С.* Стихи скандалиста (Берлин: И.Т. Благов, 1923), где эти стихотворения опубликованы как единый текст (с. 54–57) под общ. загл. «Москва кабацкая».

96. «До свиданья, друг мой, до свиданья...» / Аноним // Päevaleht. Tallinn, 1926. 3. jaan. (№ 2).

Приложено к статье без подписи: Lauliku surm. Enese verega kirjutatud salm. Sergei Jessenini viimased sõnad <Смерть песнопевца. Стихотворение, написанное собственной кровью: Последние слова Сергея Есенина>.

97. «До свиданья, друг мой, до свиданья...» / В. Грëрер // Berliner Tageblatt. 1926. 10. Jan. (Morgen-Ausgabe, № 16). S. 3.

Приложено к статье без подписи: Das letzte Gedicht <Последнее стихотворение>. Авторство перевода обозначено в др. публ. (статья “Jessenin”; см. № 100).

98. *«До свиданья, друг мой, до свиданья...» / В. Грëрер // Pester Lloyd. Budapest, 1926. 29. Jan.

Перепечатка из “Berliner Tageblatt” (см. № 97).

99. «До свиданья, друг мой, до свиданья...» / Б. Ле Клер де ла Эрвери // *Le Siècle*. Paris, 1926. 17 jan. (№ 4151). — (Au revoir...).

В составе статьи: *Le Clerc de la Herverie B. Les destinées tragiques. Isadora Duncan et Serge Essenin* <Трагические судьбы: Айседора Дункан и Сергей Есенин>.

100. «До свиданья, друг мой, до свиданья...»; «Мне осталась одна забава...» (ст. 25–28); «Проплясал, проплакал дождь весенний...» / В. Грёпер // *Rigasche Rundschau*. 1926. 16. Jan. (№ 12). S. 9. — (Sergej Jessenin <загл. последнего ст-ния>)

В составе статьи без подписи: Jessenin (автор — В. Грёпер; о ее варианте, авторизованном переводчиком, см. аннотацию к № 124).

101. «Закружилась листва золотая...» / К. Яворский // *Robotnik*. Warszawa, 1926. 3 marz. (№ 62).

102. «Зеленая прическа...» / К. Яворский // *Robotnik*. Warszawa, 1926. 9 marz. (№ 68).

103. «Мелколесье. Степь и дали...» / Аноним // *Sakala*. Viljandi (Eesti), 1926. Jaan. 16 (№ 7). Lk. 4.

Приложено к заметке без подписи: *Sergei Jessenini loomingust* <Из творений Сергея Есенина>.

104. «Мы теперь уходим понемногу...» / Я. Грот // *Literatūra un Dzīve*. Rīga, 1926. № 22 (6. jūn.). L. 89. — (Uz jaunu, tālu vietu <В новые, далекие места>).

105. «Не гляди на меня с упреком...» / Й. Гора // *Kmen*. Praha, 1926. Roč. 1. № 2 [list. <нояб.>]. S. 38. — (Z posledních veršů <Из последних стихов>).

106. «Не жалею, не зову, не плачу...» / В. Атаманюк // *Глобус*. Київ, 1926. № 1 (52/53). С. 1.

107. «Не жалею, не зову, не плачу...» / Я. Грот // *Literatūra un Dzīve*. Rīga, 1926. № 13 (28. marts). L. 49. — (No jaunas krievu lirikas <Из новой русской лирики>).

108. «Не жалею, не зову, не плачу...» / Б. Матезиус // *Tvorba*. Praha, 1926. Roč. 1. № 9 (15. února <февр.>). S. 176.

109. «Не жалею, не зову, не плачу...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 30 stycz. <январь> (№ 30).

110. «О красном вечере задумалась дорога...» / А. Лаутербах // Kurier Literacko-Naukowy. Kraków, 1926. Rok 3. № 7 (15 lut.<февр.>).

Приложение к газ. "Illustrowany Kurier Codzienny" (Kraków, 1926, № 46).

111. О себе: [Автобиография, 1925] / [Б. Матезиус]; **Осень; «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»** / Б. Матезиус // Rosprawy Aventina. Praha, 1926. Roč. 2. № 1 [září <сентябрь>]. S. 5–6. — (Autobiografijae Sergeje Jesenina; Jeseň <Автобиография Сергея Есенина; Осень>).

112. Октоих (гл. 3 и 4) / Ф. Коварна // Topičův sborník. Praha, 1926. Roč. 13. № 4 (únor <февр.>). S. 178–179. — (Dvě básně <Два стихотворения>).

113. Пантократор (гл. 1 и 4); **«Всё живое особой метой...»**; **«Песни, песни, о чем вы кричите...»**; **«Нивы сжаты, рощи голы...»** / В. Броневский // Wiadomości Literackie. Warszawa, 1926. 17 stycz. <январь> (№ 3). — (Pantokrator: Fragmenty poematu; Z wierszy <загл. подборки стихов>).

114. *Песнь о великом походе // Б. Матезиус // Trn: satirický časopis studentů. Praha, 1926. Roč. 2. № 11/12. — (Píseň o velkém pochodu).

См. также № 178.

115. *Песнь о великом походе: [Отр.] / Б. Матезиус // Rudé právo. Praha, 1926. 10. října <окт.> (№ 240): Příl. Dělnická besídka. S. 1–2. — (Píseň o velkém pochodu. Výňatek <Отр.>)

116. Песнь о собаке / В. Атаманюк // Зоря. Катеринослав, 1926. № 13 (січ. <январь>). С. 2. — (Пісня про собаку).

117. *Песнь о собаке / Э. Диес-Канедо // *Álvarez del Vayo J.* La Nueva Rusia. Madrid: Espasa-Calpe S.A., 1926. — (La canción del perro).

118. Песнь о собаке / В. Слободник // Robotnik. Warszawa, 1926. 25 sierp. <авг.> (№ 233). — (Pieśń o psie).

119. Песнь о хлебе / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 22 wrzes. <сентябрь> (№ 262). — (Pieśń o zbożu).

120. Письмо к женщине / Б. Матезиус // *Nové Rusko* = Новая Россия. Praha, 1926. Roč. 2. № 3 (15. červ. <июня>). S. 65–67. — (Dopis ženě).

121. Письмо матери / И. Юркович // Плужанин. Харків, 1926. № 3 (берез. <март>). С. 19. — (Лист до матери: 3 Єсеніна).

Подпись переводчика: I. Ю-ч.

122. «По-осеннему кычет сова...» / К. Яворский // *Robotnik*. Warszawa, 1926. 11 lut. <февр.> (№ 42).

123. Пришествие (ст. 1–12); **Октоих** (ст. 1–8, 17–28); **Преображение** (гл. 1, 3 и 5); **Инония** (ст. 1–40, 45–48, 173–196) / А. Левинсон // *Comœdia*. Paris, 1926. 25 avt. (№ 4870).

В составе статьи: *Levinson A.* La Cité Inonie <Град Инония>.

124. «Проплясал, проплакал дождь весенний...»; «Мне осталась одна забава...» (ст. 25–28) / В. Грёгер // *Kunstblatt*. Wildpark-Potsdam, 1926. Jg. 10. Hf. 2 (Febr.). S. 91. — (Sergej Jessehnin <загл. перевода; так!>).

Цитата из 2-го ст-ния — в составе статьи переводчика “Jessehnin” <так!>.

125. «Прощай, родная пуца...» / К. Яворский // *Robotnik*. Warszawa, 1926. 29 paźd. <окт.> (№ 298).

126. Пугачев (гл. 1–4) / В. Броневский // *Skamander*. Warszawa, 1926. T. 6. Zesz. 43 (stycz. <январь>). S. 48–49. — (Pugaczow: Poemat dramatyczny).

127. Пугачев (гл. 5–7) / В. Броневский // *Skamander*. Warszawa, 1926. T. 6. Zesz. 44/46 (kwiec. <апр.>). S. 116–128. — (Pugaczow: Poemat dramatyczny, dokończenie).

128. Русь бесприютная / Б. Матезиус // *Reflektor*. Praha, 1926. Roč. 2. № 13. S. 4–5. — (Bezprístřešná Rus <Бесприютная Русь>).

129. Русь бесприютная; Исповедь хулигана / Ф. Коварна // *Pramen*. Plzeň, 1926. Roč. 6. № 4/5 (25. led. <январь>). S. 121–124. — (Rus bez dohledu; Zpověď darebáka <Русь безпризорная; Исповедь негодяя>).

Подпись переводчика: Fr. K.

130. Русь бесприютная; Исповедь хулигана / Ф. Коварна // *Mláde proudy*. Praha, 1926. Roč. 21. № 8 (18. února <февр.>). S. 15. — (Rus bez dohledu; Zpověď darebáka <Русь беспризорная; Исповедь негодя>).

Подпись переводчика: Fr. Ko.

131. Русь советская / Й. Гора // *Rudé právo*. Praha, 1926. № 1 (1. led. <январь>): Příl. Dělnická besídka. S. 1. — (Sovětská Rus).

132. *Русь советская / С. Шимич // Буктиња. Београд, 1926. Књ. VI. Св. 2/3. Бр. 25/26. С. 95–97. — (Совјетска Рус).

Переводчик не указан. Об авторстве перевода см.: *Kostuh V.M.* Сергеј Јесењин у српској књижевности. Ниш: Просвета, 1993. С. 22 (примеч. 9).

133. Русь уходящая / Б. Матезиус // *Reflektor*. Praha, 1926. Roč. 2. № 14. S. 4–5. — (Mizející Rus <Исчезающая Русь>).

134. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922, фрагменты] / Аноним // *Národní listy*. Praha, 1926. 8. led. <январь> (№ 8). — (*Životopisné zápisky Sergěje Jesenina* <Биографические записи Сергея Есенина>).

135. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922, фрагменты] / Аноним // *Reforma*. Praha, 1926. 8. led. <январь> (№ 7). — (S. Jesenin ze svého života <С. Есенин о своей жизни>).

136. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922, фрагменты] / Аноним // *Tvorba*. Praha, 1926. Roč. 1. № 6/7 (15. ledna <январь>). S. 101–102. — (*Sergěj Jessenin: Můj život* <Сергей Есенин: Моя жизнь>).

137. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922, фрагменты] / Аноним // *Vaba* Maa. Tallinn, 1926. 2. jaan. (№ 1).

В составе статьи без подписи: Luuletaja ja tantsijanna: Kadunud Jessenin ja paljasjalgue tantsijanna Duncan <Поэт и танцовщица: Погибший Есенин и босоногая танцовщица Дункан>.

138. Сергей Есенин: [Автобиограф. 1922] / Аноним; **Кобыльи корабли** (гл. 5); **Отрывок** [из неуст. произв.]; **Исповедь хулигана** (ст. 22–39) / К. Осэ; **Возвращение на родину** / Т. Носэ // *Нитиро гэйдзюцу* = Японо-русское искусство. Токио, 1926. № 8 (март). С. 33–36, 45–49⁶.

В составе раздела: Фуруку. Сисэру Эсэнин но тамэ ни <Приложение. Памяти Есенина>.

⁶ Идентифицировано В.Э. Молодяковым.

139. Сергей Есенин: [Автобиогр. 1922, фрагменты]; **Преображение** (гл. 1) / А. Лютер // Osteuropa. Königsberg.Pr.–Berlin, 1926. Jg. 1. Hf. 4/5. S. 283–284, 285–286.

В составе статьи: *Luther A. Sergej Jesenin* (рубрика “Geistliges Leben”).

140. «Серебристая дорога...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 2 marz. (№ 61).

141. «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» / Й. Гора; **«Да! Теперь решено. Без возврата...»** / Б. Матезиус // Q. Praha, 1926. № 1 (20. února <февр.>). S. 6. — (Vlastní epitaf <Собственная эпитафия; загл. 2-го перевода>).

142. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (ст. 1–12, 17–20, 25–32) / Аноним // Pravda. Praha, 1926. 14. febr. S. 4. — (Pijú zas, bijú sa...)

Перевод на словацкий язык, выполненный, вероятнее всего, по тексту сб. «Москва кабацкая» (Л., 1924), где стихотворение опубликовано именно в таком виде.

143. Сорокоуст / М. Милославская, Ф. Элленс // La Revue Européenne. Paris, 1926. Ann. 4. T. VII. № 40 (1 juin). P. 23–25. — (Requiem).

С пометой после текста: Traduit sur le manuscrit inédit <Переведено с неопубликованной рукописи>.

144. *Сорокоуст / Е. Чаренц // Норк. Ереван, 1926. № 1. С. 70.

145. Сорокоуст (гл. 3, ст. 1–18; гл. 4, ст. 13–16); **«Да! Теперь решено. Без возврата...»** / Л. Хохорст // Die literarische Welt. Berlin, 1926. Jg. 2. № 3 (15 Jan.). S. 2.

146. Табун / С. фон Радецки // Vossische Zeitung. Berlin, 1926. 5. Jan. (Morgen-Ausgabe; № 6/A4): Das Unterhaltungsblatt der Voss. Ztg. vom 5. Jan., № 3. — (Die Pferde <Лошади>).

147. «Там, где вечно дремлет тайна...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 17 lut. <февр.> (№ 48).

148. Товарищ / Д. Полянов // Наковалня. София, 1926. Г. 1. Бр. 7 (21 ян.) С. 5. — (Другарят).

149. «Ты меня не любишь, не жалеешь...» / Я. Грот // Literatūra un Dzīve. Rīga, 1926. № 12 (21. marts). L. 45. — (No jaunākās krievu lirikas <Из новейшей русской лирики>).

150. «Устал я жить в родном краю...» / Д. Усов // Памяти Есенина / Всероссийский союз поэтов. М., 1926. С. 223.

Перевод на немецкий язык. С эпиграфом: «Устал я жить в родном краю... / С. Есенин».

151. **Черный человек** / Ф. Кубка // Národní osvobození. Praha, 1926. 14. února <февр.> (№ 45). S. 1–2. — (Černý člověk. Z pozůstalosti <Черный человек: Из наследия>).

152. **Черный человек** / В. Слободник // Robotnik. Warszawa, 1926. 12 marz. (№ 71). — (Czarny człowiek. Poemat pośmertny <Черный человек: Посмертная поэма>).

Подпись: Wolny przekład Włodzimierza Słobodnika <Вольный перевод Влодзимежа Слободника>.

153. «Цветы мне говорят — прощай...» / Ю. Палецкис // Naujas žodis. Ryga, 1926. № 3 (vasario 15 d. <февр.>) P. 10. — (Iš Sergejaus Jesenino eilėraščių <Из стихов Сергея Есенина>)⁷.

154. «Шел Господь пытать людей в любви...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 31 stycz. <январь> (№ 31).

155. «Эта улица мне знакома...» / Г. Люфт // Zur neuen Schule: Deutsche Lehrerzeitschrift. M., 1926. Hf. 1 (Jan.) S. 59. — (Schankstuben-Moskau).

Подпись переводчика: G.L.

156. «Я по первому снегу бреду...» / К. Яворский // Robotnik. Warszawa, 1926. 2 lut. <февр.> (№ 33); *Ibid.* 7 lut. <февр.> (№ 38).

Во второй публикации текст перевода уточнен.

157. «Я снова здесь, в семье родной...» / М. Марчанова // Nové Rusko = Новая Россия. Praha, 1926. Roč. 2. № 1 (15. dub. <апр.>). S. 15.

⁷ Сообщено П.М. Лавринцом.

158. ლექსები <Стихи> / М. Патаридзе. — Тифлис, 1926 — 31 с.

Содержание: «Всё живое особой метой...»; «Устал я жить в родном краю...»; Песнь о собаке; Корова; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Нивы сжаты, рощи голы...»; Русь; «Песни, песни, о чем вы кричите...»; «Я последний поэт деревни...»; «Мир таинственный, мир мой древний...»; Русь советская; Письмо от матери⁸.

159. O Rusku a revoluci. Výbor z básní <О России и революции: Избранные стихи>. — Praha: Aventinum, 1926. — 61, [3] s.

Содержание: Осень / Б. Матезиус; «Голубая кофта. Синие глаза...» [= Zator pod plotnou...> / Й. Гора; «Не ветры осыпают пуши...» / Б. Матезиус; «Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» [= Javor> / Й. Гора; «Нивы сжаты, рощи голы...»; «В том краю, где желтая крапива...»; «Сохнет стаявшая глина...»; «Устал я жить в родном краю...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Да! Теперь решено. Без возврата...»; Товарищ; «Снова пьют здесь, дерутся и плачут ...»; Письмо к женщине; Русь неприютная; «Сочинитель бедный, это ты ли...»; Русь уходящая; Баллада о двадцати шести / Б. Матезиус; Русь советская / Й. Гора; О себе: [Автобиография, 1925] / Б. Матезиус.

С послесл. (Б. Матезиус) и примеч.

160. Pugaczow. Poemat dramatyczny / przeł. Władysław Broniewski. — Warszawa: nakładem “Skamandra”, 1926. — 43, [2] s.

161. Requiem, suivi d'autres poèmes traduits du russe par Marie Miloslawsky et Franz Hellens <Сорокоуст, вместе с другими произведениями в пер. с рус. М. Милославской и Ф. Элленса>. — Paris: Ed. des Cahiers Libres, 1926. — 63 p. — 310 экз.

Содержание: Сорокоуст; «Разбуди меня завтра рано...»; Корова; «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (без ст. 17–20); «Я последний поэт деревни...» (без ст. 17–20); «Зеленая прическа...»; Преображение (без ст. 21–24 гл. 2); «Сторона ль ты моя, сторона!...»; «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Я покинул родимый дом...»⁹.

С предисл. Ф. Элленса и с портретом Есенина на фронтисписе (художник М. Узелац).

⁸ Идентифицировано Г. Ломидзе.

⁹ Идентифицировано М. Никё.

1927

162. *Анна Снегина (Отр.) / Й Гора // Trn: satirický časopis studentů. Praha, 1927. Roč. 3. № 3 (3. března <марта>). S. 10.

163. *Баллада о двадцати шести (Отр.) / [Б. Матезиус] // Rozsevačka. Praha, 1927. Roč. 2. № 44 (3. list. <нояб.>). S. 7. — (Z balady o 26).
Переводчик не указан.

164. «Да! Теперь решено. Без возврата...» / В. Аболтинь // Domas. Rīga, 1927. № 2 (febr.). L. 82. — (Москва кабацкая <загл. на рус. яз.>).
Подпись переводчика: V.A.

165. «Да! Теперь решено. Без возврата...» (ст. 13–20) / Х. Туммель-тау // Edasi. L., 1927. 4 veebr. № 10. Lk. 4.
В составе статьи: *Tummeltau H. Jessenini vastu* <Против Есенина>.

166. *«До свиданья, друг мой, до свиданья...» / К. Тарановский // *Тарановски К.* Из руске лирике. Земун — Београд, 1927. (Омладинска магица; 4). С. 139.

167. «За темной прядью перелесиц...» / М. Марчанова // Právo lidu. Praha, 1927. 25. prosin. <дек.> (№ 305): Obr. příl. PL. S. 3.

168. «Запели тесаные дроги...» (ст. 5–12, 17–20) / А. Урета; **Песнь о собаке** / Э. Диес-Канедо; **Сорокоуст** (гл. 3, ст. 11–14) / А. Урета // Mercurio Peruano. Lima, 1927. Año X. Vol. XVI. № 113/114 (Nov.–Dic.). P. 440. — (La canción del perro).

В составе статьи: *Ureta A. La poesia rusa contemporánea* <Современная русская поэзия>.

169. «Зеленая прическа...» / Ф. Швиферт // Vossische Zeitung. Berlin, 1927. 6. Nov. (Sonntags-Ausgabe; № 526/A266): Das Unterhaltungsblatt der Voss. Ztg. vom 6. Nov., № 261. — (Die Birke <Береза>).

170. *Инония (гл. 2, ст. 19–20, гл. 1, ст. 1–4, 25–26 и др.) / Х.К. Мариатеги // Variedades. Lima, 1927. 19 de oct. (№ 1022).
В составе статьи: *Mariátegui J.C. Sergio Esenin*.

171. Исповедь хулигана (ст. 22–39) / Я. Грот // Literatūra un Dzīve. Rīga, 1927. № 16 (24. apr.). L. 65. — (Fragments no “Huļiģāna atzīšanās” <Фрагмент из «Исповеди хулигана»>).

172. Исповедь хулигана (ст. 22–39); **Преображение** (гл. 1, 3 и 4); **Октоих** (гл. 1–3) / Р. фон Гершельман // *Berliner Tageblatt*. 1927. 22 Sept. (Abend-Ausgabe; № 449). S. 2–3. — (Gedichte <общ. загл.>).

173. Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») (ст. 65–96); **«Да! Теперь решено. Без возврата...»** / Д. Шелленберг; **«Эта улица мне знакома...»** / Г. Люфт; **Русь уходящая** / Д. Шелленберг; **Письмо матери** / М. Висс // *Lieder der Tat: Russische proletarische und andere revolutionäre Poesie / Ausgewählt von D. Schellenberg; Redigiert von G. Luft*. M.: Zentralverlag der Volker der Sowjetunion, 1927. S. 26–27, 33–38, 66–67. — (Lenin (Aus dem Poem: Gul'aj Pole); Ja, nun ist es bestimmt; Schankstuben-Moskau; Das entschwindende Rußland; Brief an die Mutter).

Автором «Письма матери» ошибочно обозначен В. Казин (с. 66 и 85).

174. «Не бродить, не мять в кустах багряных...»; «Вот оно, глупое счастье...» / М. Марчанова // *Právo lidu*. Praha, 1927. 13. list. <нояб.> (№ 269): Obr. příl. PL. S. 3.

175. «Не жалею, не зову, не плачу...»; «Цветы мне говорят — прощай...» / [К. Валге?] // *Edasi*. L., 1927. 14. jaan. № 4. Lk. 6.

Подпись переводчика: K.V.

176. «Никогда я не был на Босфоре...»; «Отчего луна так светит тускло...» / Я. Грот // *Literatūra un Dzīve*. Rīga, 1927. № 9 (27. febr.). L. 33. — (Sergeja Jeseņina dzejoļi: Persijas motīvi <Стихотворения Сергея Есенина. Персидские мотивы>).

177. «О красном вечере задумалась дорога...» / В. Слободник // *Robotnik*. Warszawa, 1927. 4 lut. <февр.> (№ 34).

178. *Певущий зов (фрагмент) / К. Яворский // *Robotnik*. Warszawa, 1927. № 16. — (Dzwonny zew (fragment)).

179. *Песнь о великом походе // Б. Матезиус // *Trn: satirický časopis studentů*. Praha, 1927. Roč. 3. № 1. S. 6–7. — (Píseň o velkém pochodu).

См. также № 114.

180. Песнь о хлебе / Х. Виснапу // *Looming*. Tartu-Tallinn, 1927. № 2 (veebr.). Lk. 183. — (Laul leivast).

Приложено к очерку: *Visnapuu H. Mälestusi Sergei Jesseninist*. Tema surma esimese aastapäeva puhul <Воспоминания о Сергее Есенине. По случаю первой годовщины его смерти>.

181. Письмо матери / Я. Грот // *Literatūra un Dzīve. Rīga*, 1927. № 25 (19. jūn.). L. 97. — (*Vēstule mātei* <Письмо матери>).

182. Письмо от матери / М. Марчанова // *Tvorba. Praha*, 1927. Roč. 2. № 9/10. S. 266–268. — (*Dopis od matky*).

183. *Преображение (гл. 3) / Э. Тихани // 100%. Budapest, 1927.

184. Пришествие (гл. 1); **Преображение** (гл. 1 и 3) / Й. Кальмер // *Europäische Lyrik der Gegenwart: 1900–1925 / In Nachdichtungen von J. Kalmer*. Wien; Leipzig: Verlagsanstalt Dr. Zahn und Dr. Diamant, 1927. (*Weltanthologie des XX Jh. Bd. 1*). S. 134–136. — (*Aus dem “Triptychon”* <Из «Триптиха»; общ. загл.>).

185. «Прощай, родная пуца...» / К. Яворский // *Pobudka. Warszawa*, 1927. Rok 1. № 7 (13 lut. <февр.>). S. 7.

186. Русь советская / [Й. Гора] // *Mláde proudy. Praha*, 1927. Roč. 22. № 22. S. 4. — (*Sovětská Rus*).

Переводчик не указан.

187. *Сорокоуст (гл. 3) // Л. Стоянов // *Глобус. София*, 1927. Бр. 18 (30 ян.).

188. «Там, где капустные грядки...»; Осень; Табун (ст. 1–8); **Голубень** (ст. 9–16); **Голубень** (ст. 1–8); **Преображение** (гл. 3) / Б. Дейч // *Russian Poetry: an anthology / Chos. & transl. by B. Deutsch and A. Yarmolinsky*. New York: International Publishers Co, 1927. P. 166–171. (*Where dawn; Autumn; Upon green hills; Hopes painted by the autumn cold; In the clear cold; Transfiguration: III*).

189. «Устал я жить в родном краю...» / В. Слободник // *Robotnik. Warszawa*, 1927. 1 marz. (№ 59).

190. აზბზ ბბჯობზ <Анна Снегина> / Г. Цецхладзе. — Тбилиси: Сахелгами, 1927. — 40 с.

Содержание: О себе; Анна Снегина¹⁰.

¹⁰ Идентифицировано Х. Табагадзе.

191. Iná země: Inonia. Píseň o velkém pochodu. Anna Sněgina / Uzpořádal a přel. J. Gora a B. Mathesius. — Praha: A. Srdce, 1927. — 102, [1] s.

Содержание: Инония / Й. Гора; Песнь о великом походе / Б. Матезиус; Анна Снегина / Й. Гора.

Послесл.: Hora J. Jesenin, básník a člověk <Есенин, поэт и человек>.

Указатель произведений С. Есенина

- [Автобиография] 81
Автобиография (1923) 82, 83, 84
Анна Снегина 162, 190, 191
Баллада о двадцати шести 85, 159, 163
«В том краю, где желтая крапива...» 42, 159
Возвращение на родину 54, 55, 138
Волчья гибель *см.* «Мир таинственный, мир мой древний...»
«Вот оно, глупое счастье...» 174
«Всё живое особой метой...» 29, 86, 87, 88, 113, 158
«Где ты, где ты, отчий дом...» 89
«Гляну в поле, гляну в небо...» 56
«Голубая кофта. Синие глаза...» 90, 91, 92, 159
Голубень 11, 35, 38, 93, 188
«Да! Теперь решено. Без возврата...» 57, 58, 94, 95, 141, 145, 159, 160, 163, 173
Декларация [имажинистов; в соавт.] 2
«До свиданья, друг мой, до свиданья...» 88, 96, 97, 98, 99, 100, 166
«За темной прядью перелесиц...» 167
«Закружилась листва золотая...» 29, 65, 101
«Запели тесаные дроги...» 44, 59, 59а, 168
«Зеленая прическа...» 102, 161, 169
Инония 3, 4, 6, 15, 16, 39, 43, 44, 123, 180, 191
Исповедь хулигана 17, 29, 31, 44, 60, 129, 130, 138, 171, 172
Кобыльи корабли 18, 19, 29, 61, 138
Корова 158, 161
Ленин (Отрывок из поэмы «Гуляй-поле») 173
Лисица 32
«Мелколесье. Степь и дали...» 103
«Мир таинственный, мир мой древний...» 14, 30, 159
«Мне осталась одна забава...» 100, 124
«Мы теперь уходим понемногу...» 62, 104
«Не бродить, не мять в кустах багряных...» 174

- «Не ветры осыпают пуши...» 45, 159
«Не гляди на меня с упреком...» 105
«Не жалею, не зову, не плачу...» 63, 88, 106, 107, 108, 109, 158, 159, 161, 175
«Нивы сжаты, рощи голы...» 23, 39, 45, 113, 158, 159
«Никогда я не был на Босфоре...» 176
«Ночь и поле, и крик петухов...» 64
«О красном вечере задумалась дорога...» 65, 75, 110, 177
«О Русь, взмахни крылами...» 93
О себе: [Автобиография, 1925] 111, 159, 190
Октоих 36, 112, 123, 172
Осень 1, 46, 89, 111, 159, 188
«Отвори мне, страж заоблачный...» 23, 78
Отрывок [из неустановл. пр-ния] 138
«Отчего луна так светит тускло...» 66, 176
Пантократор 47, 65, 113
Певущий зов 1, 20, 178
«Песни, песни, о чем вы кричите...» 113, 158
Песнь о великом походе 114, 115, 178, 191
Песнь о собаке 17, 29, 33, 116, 117, 118, 158, 168
Песнь о хлебе 21, 29, 119, 180
Письмо к женщине 120, 159
Письмо матери 120, 172, 182
Письмо от матери 158, 183
«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» 44, 95
«Пойду в скуфье смиренным иноком...» 161
«По-осеннему кычет сова...» 122
Преображение 5, 6, 7, 8, 11, 22, 23, 34, 35, 36, 38, 39, 67, 68, 69, 70, 71, 123, 139, 161, 172, 183, 184, 188
Пришествие 48, 123, 184
«Проплясал, проплакал дождь весенний...» 100, 124
«Прощай, родная пуша...» 125, 185
Пугачев 29, 48, 72, 126, 127, 160
«Разбуди меня завтра рано...» 24, 37, 161
Русь 158
Русь бесприютная 128, 129, 130, 159
Русь советская 73, 74, 131, 132, 158, 159, 186
Русь уходящая 133, 159, 173
Сергей Есенин: [Автобиогр. 1922] 75, 134, 135, 136, 137, 138, 139
«Серебристая дорога...» 140
«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» 92, 141, 159
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» 95, 111, 142, 159

Сорокоуст 9, 10, 17, 44, 49, 76, 143, 144, 145, 161, 168, 187
 «Сохнет стаявшая глина...» 77, 159
 «Сочинитель бедный, это ты ли...» 92, 159
 «Сторона ль ты моя, сторона...» 24, 161
 «Сыпь, гармоника. Скука. Скука...» 95
 Табун 11, 23, 25, 38, 56, 146, 188
 «Там, где вечно дремлет тайна...» 39, 147
 «Там, где капустные грядки...» 188
 «То не тучи бродят за овином...» 78
 Товарищ 12, 20, 26, 27, 40, 50, 51, 52, 53, 65, 148, 159
 «Ты меня не любишь, не жалеешь...» 149
 «Устал я жить в родном краю...» 28, 29, 45, 65, 150, 158, 159, 189
 Хулиган 13, 17, 29
 «Цветы мне говорят — прощай...» 153, 175
 Черный человек 151, 152
 «Шел Господь пытатъ людей в любви...» 154
 «Эта улица мне знакома...» 155, 173
 «Я иду долиной. На затылке кепи...» 79
 «Я по первому снегу бреду...» 156
 «Я покинул родимый дом...» 78, 161
 «Я последний поэт деревни...» 65, 80, 158, 161
 «Я снова здесь, в семье родной...» 41, 157

Языки переводов произведений С. Есенина

Английский 3, 11, 36, 68, 188
 Армянский 40, 144
 Белорусский 66, 81
 Болгарский 27, 41, 82, 148, 186
 Венгерский 89, 183
 Грузинский 53, 158, 190
 Испанский 117, 168, 170
 Итальянский 43, 74
 Латышский 7, 8, 9, 10, 12, 25, 56, 69, 80, 104, 107, 149, 164, 171, 176,
 181
 Литовский 153
 Немецкий 1, 6, 35, 67, 75, 86, 93, 97, 98, 100, 124, 139, 145, 146, 150,
 155, 169, 172, 173, 184
 Польский 15, 23, 26, 31, 32, 34, 47, 49, 50, 63, 72, 78, 84, 87, 95, 101,
 102, 109, 110, 113, 118, 119, 122, 125, 126, 127, 140, 147, 152, 154, 156,
 160, 177, 178, 185, 189

Сербский / Сербохорватский 2, 14, 22, 132, 166
 Словацкий 142
 Словенский 76
 Украинский 30, 33, 54, 65, 88, 106, 116, 121
 Французский 4, 5, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 28, 29, 37, 59, 59а, 99, 123, 143, 161
 Чешский 21, 42, 44, 45, 46, 48, 52, 55, 57, 58, 60, 62, 64, 70, 71, 73, 77, 79, 83, 85, 90, 91, 94, 105, 106, 111, 112, 114, 115, 120, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 135, 136, 141, 151, 157, 159, 162, 163, 167, 174, 179, 182, 186, 191
 Шведский 51
 Эстонский 96, 103, 137, 165, 175, 180
 Японский 39, 61, 138

Указатель имен переводчиков

Аболтинь В. (Vilis Āboltiņš) 164
 Апседелс см. Аpsитис А.
 Аpsитис А. (Augusts Apsītis) 12
 Атаманюк В. (Василь Атаманюк) 88, 106, 116
 Бабий О. (Олесь Бабій) 30, 54
 Бажан М. (Микола Бажан) 65
 Броневский В. (Władysław Broniewski) 47, 72, 78, 113, 126, 127, 160
 Бургардт О. (Освальд Бургардт) 65
 Валге К. (Karl Valge) 175
 Винавер К. (Karol Winawer) 26, 50
 Виснапуу Х. (Henrik Visnapuu) 180
 Выплел Я. (Jaroslav Vypel) 44, 60
 Высс М. (Maria Wyß) 173
 Гартман В. (Waldemar Hartmann) 1
 Гершельман Р. фон (Rudolf von Hörschelmann) 172
 Голль И. (Iwan/Ivan Goll; собств. Isaac Lang) 6
 Гора Й (Josef Gora) 73, 79, 90, 91, 105, 131, 141, 159, 162, 186, 191
 Грёгер В. (Wolfgang Groeger) 75, 97, 98, 100, 124
 Грот Я. (Jānis Grots) 92, 104, 107, 149, 171, 176, 181
 Давид В. (Valts Dāvids; собств. Dāvids Vecaukums) 25, 56, 80
 Дейч Б. (Babette Deutsch) 11, 38, 188
 Денгоф-Чарноцкий В. (Wacław Denhoff-Czarnocki) 23
 Диес-Канедо Э. (Enrique Díez-Canedo) 117, 168
 Доул Н. (Nathan Dole) 36
 Дубовка В. (Уладзімір Дубоўка) 66
 Жираник Б. (Bogdan Żyranik) 15

- Извольская Е. (Hélène Iswolsky / Isvolsky) 4, 5, 16
 Кальмер Й. (Josef Kalmer; собств. Josef Kalmus) 67, 184
 Каун А. (Alexander Kaun) 68
 Кишш Д. (Deszö Kiss) 89
 Коварна Ф. (František Kovárna) 70, 71, 112, 129, 130
 Кубка Ф. (František Kubka) 44, 48, 151
 Лаутербах А. (Artur Lauterbach) 110
 Ле Клер де ла Эрвери Б. (Bernard Le Clerc de la Herverie) 99
 Левинсон А. (André Levinson) 123
 Ленский В. (Vladimír Lenský) 55, 62
 Линденберг-Дегаль Я. см. Челищева-Линденберг Я.
 Линдквист Р. (Rafael Lindqvist) 51
 Ло Гатто Э. (Ettore Lo Gatto) 74
 Лютер А. (Arthur Luther) 139
 Люфт Г. (Georg Luft) 155, 173
 Мариатеги Х.К. (José Carlos Mariátegui) 170
 Марчанова М. (Marie Marčánová) 44, 64, 157, 167, 174, 182
 Матезиус Б. (Bohumil Mathesius) 42, 45, 46, 52, 57, 58, 77, 85, 94, 106,
 111, 114, 115, 120, 128, 133, 141, 159, 163, 179, 191
 Милославская М. (Marie Miloslavsky / Miloslawsky) 24, 28, 29, 37,
 143, 161
 Мицич Л. (Љубомир Мицић / Ljubomir Micić) 2, 14, 22
 Носэ Торадзо (能勢, 登羅) 138
 Олькеницкая-Нальди Р. (Raisa Ol'kienickaja-Naldi) 43
 Осэ Кэйси (尾瀬, 敬止) 39, 61, 138
 Палецкис Ю. (Justas Paleckis) 153
 Панов А. (Андрій Панів) 33
 Паскаль П. (Pierre Pascal) 20
 Патаридзе М. (მიკელ ჰატარაძე) 158
 Подгорский-Околув Л. (Leonard Podhorski-Okołów) 23, 32
 Полянов Д. (Димитър Полянов; собств. Димитър Иванов Попов) 82,
 148
 Преображенский Н.Ф. 76
 Радеcki С. фон (Sigismund von Radecki) 146
 Райнис Я. (Jānis Rainis; собств. Jānis Pliekšāns) 7, 8, 69
 Рудницкий М. (Михайло Рудницький) 88
 Слободник В. (Włodzimierz Słobodnik) 118, 152, 177, 189
 Стоянов Л. (Людмил Стоянов; собств. Георги Стоянов Златарев) 186
 Судрабкалн Я. (Jānis Sudrabkalns; собств. Arvīds Peine) 9, 10
 Тарановский К. (Кирил Тарановски) 166
 Тартаковер С. (Savielly Tartakower / Xavier Tartacover) 35

- Тихани Э. (Ernö Tihanyi) 183
Тихий Ф. (František Tichý) 21
Тодоров [Теодоров] Е. (Евгений Константинов Теодоров) 41
Туммельтау Х. (Harald Tummeltau) 165
Урета А. (Alberto Ureta) 168
Усов Д.С. 150
Холлоуэй Р. (Roberta Holloway) 68
Хохорст Л. (Luise Hohorst) 145
Хрелков Н. (Николай Радев Хрелков) 27
Цецхладзе Г. (გრიგოლ ცეცხლაძე) 190
Чаренц Е. (Եղիշե Չարենց; собств. Եղիշե Սողոմոնյան) 40, 144
Челищева-Линденберг Я. (Jadwiga Tschelistschewa-Lindenberg) 86
Черный М. (M. VI. Černý) 83
Чичинадзе К. (კონსტანტინე ჭიჭინაძე) 53
Швиферт Ф. (Fritz Schwiefert) 169
Шелленберг Д. (David Schellenberg) 173
Шимич С. (Станислав Шимић / Stanislav Šimić) 132
Шюзвиль Ж. (Jean Chuzeville) 59, 59a
Щербак М. (Михайло Щербак) 65
Эллэнс Ф. (Franz Hellens; собств. Frédéric van Ermengem) 13, 17, 18, 19, 24, 28, 29, 143, 161
Эренбург И.Г. 13
Эттингер П.Д. 84
Юркович И. (Иван Юркович) 121
Яворский К. (Kazimierz Andrzej Jaworski) 63, 87, 95, 101, 102, 109, 119, 122, 125, 140, 147, 154, 156, 178, 185
Яновский Ю. (Юрій Яновський) 65
Ярхо Г. (Gregor Jarcho) 93
Ясенский Б. (Bruno Jasiński; собств. Wiktor Zysman) 31, 34, 49
Анонимы 2 (сербохорв.), 3 (англ.), 75 (нем.), 81 (белорус.), 96 (эст.), 103 (эст.), 134 (чеш.), 135 (чеш.), 136 (чеш.), 137 (эст.), 138 (япон.), 142 (словац.)

Литература

Амелина А.В. Восприятие Есенина чешской критикой 1920-х годов в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; Ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2016. С. 516–526.

Границ И. Есенин по-венгерски (Библиография) // Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания. Есенинский сб. / Ред.-сост. Ю.Л. Прокушев, М.В. Скороходов. М.: Наследие, 1995. С. 261–267.

Костић В.М. Сергеј Јесењин у српској книжевности. Ниш: Просвета, 1993. 239 с.

Маквей Г. С.А. Есенин в культурной жизни англоязычных стран: Обзор // О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сб. / Отв. ред. Ю.Л. Прокушев; Ред.-сост. М.В. Стахова. М.: Наследие, 1994. С. 193–217.

Машкова А.Г. Сергей Есенин в Словакии (1920–1930-е годы) // Есенин и мировая культура. Материалы Междунар. науч. конф, посвящ. 112-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 101–117.

Меки Э.Б., Прејис К.Ф. Сергей Есенин на латышском языке (20-е — 30-е годы): Методич. материалы по спецкурсу. Даугавпилс: Даугавпилс. пед. ин-т, 1983. 76 с.

Надьярных М.Ф. Личность и творчество Есенина в латиноамериканских текстах, контекстах, интертекстах (контуры) // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов. Ч. II / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; Ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2017. С. 83–103.

Никё М. С. Есенин в бельгийских журналах 1921–1922 гг.: Новые материалы // Есенин и мировая культура. Материалы Междунар. науч. конф, посвящ. 112-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 88–100.

Пашко О.В. К истории переводов произведений Есенина на украинский язык (1923–1930-е годы) // Сергей Есенин: диалог с XXI веком. Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. симпозиума, посвящ. 115-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; Ред.-сост. Т.К. Савченко, М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань, 2011. С. 231–249.

Петухов В.К. Есенин в Болгарии: Материалы к библиографии // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: В 2 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 374–378.

Саакян Р.С., Савченко Т.К. Есенин в Армении: двадцатые годы // Есенин и мировая культура. Материалы Междунар. науч. конф, посвящ. 112-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 137–151.

Салум А. Ранняя рецепция Сергея Есенина в Эстонии / Пер. с эст. И.З. Белобровцевой; публ. И.З. Белобровцевой и С.И. Субботина // Современное есениноведение. 2015. № 3 (34). С. 24–38.

Субботин С.И. Эстонские историки литературы и мемуаристы о Сергее Есенине и о его окружении. К публикации статьи А. Салума // Современное есениноведение. 2015. № 3 (34). С. 39–54.

Субботин С.И. “Freund, auf Wiederseh'n, auf Wiedersehen!..” (О забытом переводе стихотворения Есенина) // Русская литература. 2015. № 4. С. 145–148.

Табатадзе Х. Поэма Сергея Есенина «Товарищ» в восприятии грузинского поэта-переводчика К. Чичинадзе // Современное есениноведение. 2018. № 1 (44). С. 18–25.

Хило Е.С. Эдиционная история переводов поэзии Есенина в Германии // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов / Отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; Ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2016. С. 497–515.

Хило Е.С., Никонова Н.Е. Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии (1920–2010-е гг.): переводы, издания, критика, литературоведение. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2015. 230 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Есенин в Польше (1918–1939): рецепция и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.

Шубникова-Гусева Н.И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 528 с.

Шубникова-Гусева Н.И. С.А. Есенин в Германии: проблемы рецепции // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 296–315.

Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин в мировом литературном процессе (1920-е гг.) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М.Ф. Надъярных, В.В. Полонский; Отв. ред. акад. РАН А.Б. Куделин. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 620–660.

Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин и польский поэт и переводчик Владислав Броневский (материалы к персональной статье в Есенинской энциклопедии) // Современное есениноведение. 2017. № 1 (40). С. 46–50.

Шубникова-Гусева Н.И. Цикл переводов стихотворений Есенина польского поэта К.А. Яворского (1926) // Современное есениноведение. 2018. № 3 (46). С. 15–21.

Florianová B. Sergej Jesenin v české literatuře: Bibliografie do roku 1972. Praha: SK ČSR–Slovanská knihovna, 1974. 118 s.

Kossuth L. Bibliographie deutscher Nachdichtungen und Übersetzungen von Jessenins Werken // Sergej Jessenin: Gesammelte Werke. In 3 Bd. Hrsg. von L. Kossuth. Berlin: Volk und Welt, 1995. Bd. 3. S. 330–349.

Niqueux M. Comment Essénine “passa” en France // Le chemin des livres. Évian-les-Bains: Alidades, 2008. № 16: Essénine / Сергей Есенин. P. 10–19.

Piotrowski W. Sergiusz Jesenin w polskiej literaturze międzywojennej. Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967. 184 s.

Salum A. Sergei Jessenini varasem retseptsooon Eestis // Keel ja Kirjandus. Tallinn, 1977. № 7. Lk. 392–405.

References

Amelina A.V. *Vospriatie Esenina cheshskoi kritikoi 1920-kh godov v kontekste mnogoobraziia ee politicheskikh vzgliadov* [Perception of Yesenin's works by Czech critics of the 1920s in the context of diversity of its political views]. *Sergei Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: Sb. nauch. trudov* [Sergey Yesenin. Personality. Works. Era: A collection of studies], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva, comp. M.V. Skorokhodov. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Yesenin State Museum Preserve Publ., 2016, pp. 516–526. (In Russ.)

Florjanová B. *Sergej Jesenin v české literatuře: Bibliografie do roku 1972*. Praha, SK ČSR–Slovanská knihovna, 1974. 118 s.

Granits I. *Esenin po-vengerski (Bibliografija) [Yesenin in Hungarian (Bibliography)]. Esenin akademicheskii: Aktual'nye problemy nauch. izdaniia. Eseninskii sb.* [Academic Yesenin: Actual issues of scientific edition. Yesenin collection], comp. Iu.L. Prokushev, M.V. Skorokhodov. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 261–267. (In Russ.)

Khilo E.S. *Editsionnaia istoriia perevodov poezii Esenina v Germanii* [The editorial history of translations of Yesenin's poetry in Germany]. *Sergei Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: Sb. nauch. trudov* [Sergey Yesenin. Personality. Works. Era: A collection of studies], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva, comp. M.V. Skorokhodov. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Yesenin State Museum Preserve Publ., 2016, pp. 497–515. (In Russ.)

Khilo E.S., Nikonova N.E. *Vospriatie poezii S.A. Esenina v Germanii (1920–2010-e gg.): perevody, izdaniia, kritika, literaturovedenie* [Perception of S.A. Yesenin's poetry in Germany (1920–2010): translations, publications, criticism, literary criticism]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2015. 230 p. (In Russ.)

Kossuth L. *Bibliographie deutscher Nachdichtungen und Übersetzungen von Jessenins Werken. Sergej Jessenin: Gesammelte Werke. In 3 Bd.* Hrsg. von L. Kossuth. Berlin: Volk und Welt, 1995. Bd. 3, s. 330–349.

Kostić V.M. *Sergej Jesenin u srpskoj kniževnosti*. Niš, Prosveta, 1993. 239 s.

Mashkova A.G. *Sergei Esenin v Slovakii (1920–1930-e gody) [Sergey Yesenin in Slovakia (1920–1930s)]. Esenin i mirovaia kul'tura. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. posviashch. 112-i godovshchine so dnia rozhdeniia S.A.Esenina* [Yesenin and world culture. Proc. Intern. sci. conf. to the 112th anniversary of S.A. Yesenin's birth], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Pressa Publ., 2008, pp. 101–117. (In Russ.)

McVay G. *S.A. Esenin v kul'turnoi zhizni angloiazychnykh stran: Obzor* [Yesenin in cultural life of English-speaking countries: Overview]. *O, Rus', vmakhni krylami: Eseninskii sb.* [O, Russia, flap your wings: Yesenin collection], ed. Iu.L. Prokushev, comp. M.V. Stakhova. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 193–217. (In Russ.)

Meksh E.B., Preis K.F. *Sergei Esenin na latyshskom iazyke (20-e — 30-e gody): Metodich. materialy po spetskursu* [Sergey Yesenin in Latvian (1920–1930s): Guidance materials for a special course]. Daugavpils, Daugavpils Pedagogical Institute Publ., 1983. 76 p. (In Russ.)

Nad"iarnykh M.F. Lichnost' i tvorchestvo Esenina v latinoamerikanskikh tekstakh, kontekstakh, intertekstakh (kontury) [Yesenin's personality and work in Latin American texts, contexts, intertexts (contours)]. *Sergei Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: Sb. nauch. trudov. Ch. II* [Sergey Yesenin. Personality. Works. Era: A collection of studies. Part 2], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva, comp. M.V. Skorokhodov. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Yesenin State Museum Preserve Publ., 2017, pp. 83–103. (In Russ.)

Niqueux M. Comment Essénine "passa" en France. *Le chemin des livres. Évian-les-Bains: Alidades*, 2008, no. 16, Essénine / Сергей Есенин, pp. 10–19.

Niqueux M. S. Esenin v bel'giiskikh zhurnalakh 1921–1922 gg.: Novye materialy [Yesenin in Belgian magazines of 1921–1922: New materials]. *Esenin i mirovaia kul'tura. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. posviashch. 112-i godovshchine so dnia rozhdeniia S.A.Esenina* [Yesenin and world culture. Proc. Intern. sci. conf. to the 112th anniversary of S.A. Yesenin's birth], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Pressa Publ., 2008, pp. 88–100. (In Russ.)

Pashko O.V. K istorii perevodov proizvedenii Esenina na ukrainskii iazyk (1923–1930-e gody) [On the history of translations of Yesenin's works into Ukrainian (1923–1930s)]. *Sergei Esenin: dialog s XXI vekom. Sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunar. nauch. simpoziuma, posviashch. 115-i godovshchine so dnia rozhdeniia S.A. Esenina* [Sergey Yesenin: dialogue with the 21st century. A collection of studies based on materials of the Intern. sci. symposium to the 115th anniversary of S.A. Yesenin's birth], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva, comp. T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, 2011, pp. 231–249. (In Russ.)

Petukhov V.K. Esenin v Bolgarii: Materialy k bibliografii [Yesenin in Bulgaria: Materials for a bibliography]. *Russko-bolgarskie fol'klornye i literaturnye svyazi: V 2 t. T. 2* [Russian-Bulgarian folklore and literary relations: In 2 vols. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 374–378. (In Russ.)

Piotrowski W. *Sergiusz Jesienin w polskiej literaturze międzywojennej*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967. 184 s.

Saakian R.S., Savchenko T.K. Esenin v Armenii: dvadtsatye gody [Yesenin in Armenia: 1920s]. *Esenin i mirovaia kul'tura. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. posviashch. 112-i godovshchine so dnia rozhdeniia S.A.Esenina* [Yesenin and world culture. Proc. Intern. sci. conf. to the 112th anniversary of S.A. Yesenin's birth], ed. O.E. Voronova, N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Pressa Publ., 2008, pp. 137–151. (In Russ.)

Salum A. Ranniaia retseptsiia Sergeia Esenina v Estonii [Early reception of Sergei Yesenin in Estonia], transl. from Estonian I.Z. Belobrov'tseva, publ. I.Z. Belobrov'tseva and S.I. Subbotin. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2015, no. 3 (34), pp. 24–38. (In Russ.)

Salum A. Sergei Jessenini varasem retseptsoon Eestis. *Keel ja Kirjandus*. Tallinn, 1977, no. 7, lk. 392–405.

Shubnikova-Guseva N.I. *Esenin v Pol'she (1918–1939): retseptsiia i interpretatsiia* [Yesenin in Poland (1918–1939): reception and interpretation]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. “*Ob’ediniat zvukom russkoi pesni...*”: *Esenin i mirovaia literatura* [“Uniting by the sound of Russian song ...”: Yesenin and world literature]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2012. 528 p. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. S.A. Esenin v Germanii: problemy retseptsii [S.A. Yesenin in Germany: reception issues]. *Rossiiia — Germaniia: literaturnye vstrechi (1880–1945)* [Russia — Germany: literary meetings (1880–1945)]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017, pp. 296–315. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. Sergei Esenin i pol'skii poet i perevodchik Vladislav Bronevskii (materialy k personal'noi stat'e v Esenin'skoi entsiklopedii) [Sergei Yesenin and the Polish poet and translator Władysław Broniewski (materials for a personal article in the Yesenin Encyclopedia)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2017, no. 1 (40), pp. 46–50. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. Sergei Esenin v mirovom literaturnom protsesse (1920-e gg.) [Sergey Yesenin in the world literary process (1920s)]. *Russkaia literatura v zerkalakh mirovoi kul'tury: retseptsiia, perevody, interpretatsii* [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, interpretations], comp. M.F. Nadyarnykh, V.V. Polonsky, ed. A.B. Kudelin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2015, pp. 620–660. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. Tsikl perevodov stikhotvorenii Esenina pol'skogo poeta K.A. Iavorskogo (1926) [A series of translations of Yesenin's poems by the Polish poet K.A. Jaworski (1926)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2018, no. 3 (46), pp. 15–21. (In Russ.)

Subbotin S.I. Estonskie istoriki literatury i memuaristy o Sergee Esenine i o ego okruzhenii. K publikatsii stat'i A. Saluma [Estonian literary historians and memoirists on Sergei Yesenin and his entourage. Introducing the publication of an article by A. Salum]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2015, no. 3 (34), pp. 39–54. (In Russ.)

Subbotin S.I. “Freund, auf Wiederseh'n, auf Wiedersehen!...” (O zabytom perevode stikhotvorenii Esenina) [“Freund, auf Wiederseh'n, auf Wiedersehen!...” (On the forgotten translation of Yesenin's poem)]. *Russkaia literatura*, 2015, no. 4, pp. 145–148. (In Russ.)

Tabatadze Kh. Poema Sergeia Esenina “Tovarishch” v vospriatii gruzinskogo poeta-perevodchika K. Chichinadze [Sergey Yesenin's poem “Comrade” interpreted by the Georgian poet and translator K. Chichinadze]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2018, no. 1 (44), pp. 18–25. (In Russ.)

Bibliography of translations of works by Sergey Yesenin (1920–1927)

© 2019, Sergei Subbotin, Natalia Shubnikova-Guseva

Abstract: The presented annotated “Bibliography of Translations of Works by Sergey Yesenin (1920–1927)” is the result of many years of work on the fundamental scientific project “The Chronicle of S.A. Yesenin’s Life and Work” in 5 Volumes (7 books, 2003–2018). In this work for the first time previously unknown lifetime and posthumous translations of works by Yesenin were introduced into scientific circulation and dated. Most of the hard-to-access publications were reviewed *de visu* in cooperation with foreign colleagues. The result of this research is the presented, most comprehensive to date bibliography of the translations of Yesenin’s works: from the first, not revealed V. Hartmann’s translations into German (“Autumn” and “Singing Call”) to the numerous posthumous translation of 1926–1927. The Bibliography is accompanied by indexes: the poet’s works, the languages of translations and the names of translators. During Yesenin’s lifetime his works were translated into 17 languages: German, English, Swedish, French, Italian, Polish, Czech, Bulgarian, Serbian, Slovenian, Ukrainian, Belarusian, Latvian, Armenian, Georgian, Japanese and Yiddish. In total, for the indicated period, 194 publications of 90 Yesenin’s poems (or their fragments) in 21 languages were revealed.

Keywords: Yesenin, bibliography, poems, translations (1920–1927), foreign languages, Europe, Asia, America

Information about the authors:

Sergei Subbotin, PhD, Leading Research Associate, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Natalia Shubnikova-Guseva, Doctor Hab. in Philology, Chief Researcher, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

Citation: Subbotin Sergei, Shubnikova-Guseva Natalia. Bibliography of translations of works by Sergey Yesenin (1920–1927). *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 341–378. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-341-378

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

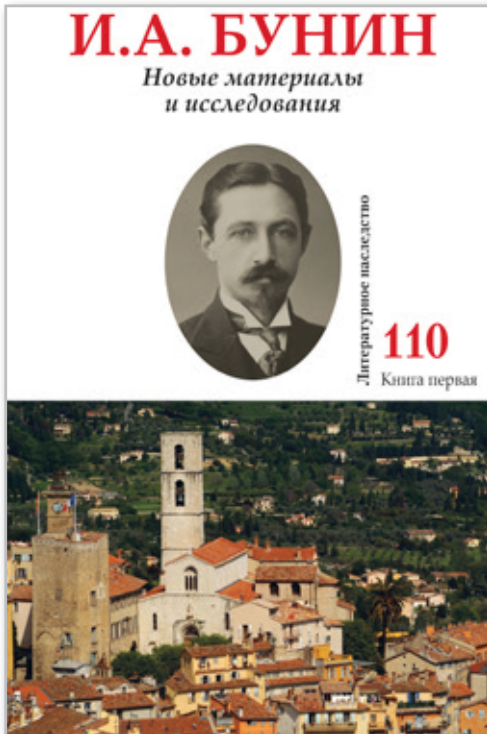

Вышли в свет

Том 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн.

Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с., ил. — ISBN 978-5-9208-0565-2

Книга первая.

Том 110 «Литературного наследия» посвящен И.А. Бунину и начинает выходить в преддверии его 150-летнего юбилея.

В первой книге публикуются неизвестные ранние стихотворения и проза писателя, его неоконченные литературно-критические статьи и большой блок переписки. С выходом данной книги практически все неизвестные ранее художественные тексты И.А. Бунина вводятся в научный оборот: ранние стихотворения (в том числе неоконченные и наброски), впервые появляющаяся в печати повесть «Увлечение», рассказы круга «Темных аллей», наброски

и неоконченные рассказы, наброски и планы второго тома романа «Жизнь Арсеньева». Больше половины книги занимает уникальная переписка И.А. и В.Н. Буниных, в которой зафиксирована почти вся их совместная жизнь. Книга снабжена научным аппаратом и содержит большое количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

**Т. 111. Андрей Белый. Жезл Аарона.
Работы по теории слова 1916–1927 гг.**

Сост., подгот., вступит. статья, текстологич. справки и коммент.

Е.В. Глухой, Д.О. Торшилова. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 960 с.

+ цв. вклейка 32 п. — ISBN 978–5–9208–0580–5

В книге впервые собраны вместе и снабжены научным комментарием филологические труды Андрея Белого периода революции и гражданской войны — материалы статей и лекций, относящиеся к «теории слова». Несомненную ценность представляет реконструкция утраченной книги «О ритмическом жесте»; последовательно восстановлены этапы работы над книгой «Глоссолалия», которые показывают, что Белый опирался не только на антропософскую гносеологию, но и на достижения современной лингвистики. В книге воспроизведен уникальный визуальный материал — схемы и акварельные рисунки

Белого, сопровождавшие черновики его статьей и лекционных курсов. Материалы дают комплексное представление о состоянии «теории слова» Белого между «Символизмом», опубликованным в 1910 г., и книгами конца 1920-х — начала 1930-х гг. («Ритм как диалектика» и «Мастерство Гоголя»). Издание впервые представляет Андрея Белого как оригинального филолога-исследователя и, без сомнения, станет новым словом в литературоведении последних десятилетий.

Готовятся к печати

Т. 108. Журнал «Русское богатство»

Н.К. Михайловского и В.Г. Короленко. 1890–1919.

Из переписки членов редакции и современников. В 3 кн.

Научн. ред., подгот. текста, коммент., вступит. ст. М.Г. Петровой,
М.А. Фролова, М.В. Строганова. – М.: ИМЛИ РАН, 2020.

Материалы тома восстанавливают историю деятельности одной из заметных журнальных редакций рубежа XIX–XX веков. Научное издание архива редакции журнала «Русское богатство» за 1890-е – 1910-е годы позволяет не только во всей полноте представить судьбу знаменитого журнала в изменяющихся исторических условиях, уточнить факты литературной и общественно-политической истории этого периода, авторский коллектив журнала, взаимоотношения между редакцией и авторами, редакцией и цензурой, авторами и цензурой и т.п., но и представить значительный корпус эпистолярных документов, охватывающих период с 1890 по 1921 гг., в сопровождении научного комментария, восстанавливающего историко-литературный и общественно-политический контекст описываемых в этих документах фактов. В состав тома включены не только переписка Н.К. Михайловского и В.Г. Короленко с членами редакции, авторами журнала, родными и друзьями, но и перекрестный обмен писем членов редакции между собой и авторами (А.Г. Горнфельд, Н.Ф. Анненский, П.Ф. Якубович, А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, П.П. Перцов, А.И. Богданович, Ф.Д. Батюшков, В.Д. Бонч-Бруевич, К.М. Станюкович, А.В. Пешехонов, С.Я. Елпатьевский, Ф.Д. Крюков и др.), а также неопубликованные фрагменты дневников, воспоминаний, публицистических текстов, рецензий, открытые письма разных авторов.

Том 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн.

Ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. – М.: ИМЛИ РАН, 2020.

Книга вторая.

Том 110 «Литературного наследства» посвящен И.А. Бунину и начинает выходить в преддверии его 150-летнего юбилея.

Центральной частью второй книги станут впервые осуществляемые полные публикации дневников и записных книжек И.А. Бунина. Кроме того, в книгу войдут подборки затерянных в региональной периодике рубежа XIX–XX вв. и никогда не перепечатававшихся переводов, а также ранних газетных статей и корреспонденций И.А. Бунина. Основу эпистолярного раздела составят корпусы переписки эмигрантского периода – сохранившаяся переписка И.А. и В.Н. Бу-

ниных с Н.В. и И.В. Кодрянскими (1948–1961), а также переписка И.А. Бунина с П.А. Нилусом (1922–1936), с А. Беличем и В.Д. Брянским (1928–1941), с издательством «Петрополис» (1933–1945), с Б.Г. Пантелеймоновым (1946–1950) и др. В публикуемых письмах отразились сложные перипетии жизни русской эмиграции, нюансы литературного быта, полемики, заключаемые союзы и возникающие конфликты, а также нравы литературной среды. Книга снабжена научным аппаратом и содержит большое количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

Т. 112. Андрей Белый. История становления самосознающей души.

Подгот. текста, сост., коммент. и статьи Х. Шталь, М.П. Одесского, М.Л. Спивак. – М.: ИМЛИ РАН, 2020.

В томе впервые публикуется полный текст ранее неизвестного философского и историсофского трактата Андрея Белого «История становления самосознающей души». Он является самым важным из философских произведений Белого и самым значительным из его неопубликованных текстов. Написанный в 1926–1931 гг. трактат не планировался к публикации в СССР, но распространялся в так называемом антропософском самиздате (в машинописных и рукописных копиях большей или меньшей авторитетности и достоверности). Автограф долгое время считался утраченным, однако был обнаружен в неописанной части фонда Белого в НИОР РГБ. Публикуется автограф трактата, но привлекаются также авторитетные списки, сделанные вдовой писателя К.Н. Бугаевой и содержащие важные пояснения биографического и текстологического плана (хранятся в собрании Центра русской культуры Амхерст-колледжа и в фонде Мемориальной квартиры Андрея Белого). Трактат раскрывает взгляды Белого на историю человеческой мысли, культуры, цивилизации, религиозного импульса, начиная от явления Христа (1 в. н.э.) и деятельности его учеников, до первой трети XX столетия (символизм, антропософия). Он подводит итог исканиям Белого-символиста, Белого-философа и антропософа, последователя философа и мистика Р. Штейнера. Его введение в научный оборот даст практическую возможность пересмотреть концепцию творчества Белого, его вклад в историю отечественной философской мысли, скорректирует существующее сегодня представление о литературе и культуре начала XX в.

Философский трактат Андрея Белого совершенно в новом свете представляет и его известное творчество (завершает идеи, развитые в теоретических работах 1900-х и более поздних), проясняет намеки, сделанные в художественной прозе и мемуарах. Трактат является ключом к пониманию мировоззрения ведущего писателя XX века, позволяет по-новому понять литературу, философские искания, мистику первой трети XX в.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2019 № 3 (13)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 18.09.2019
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 24,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №